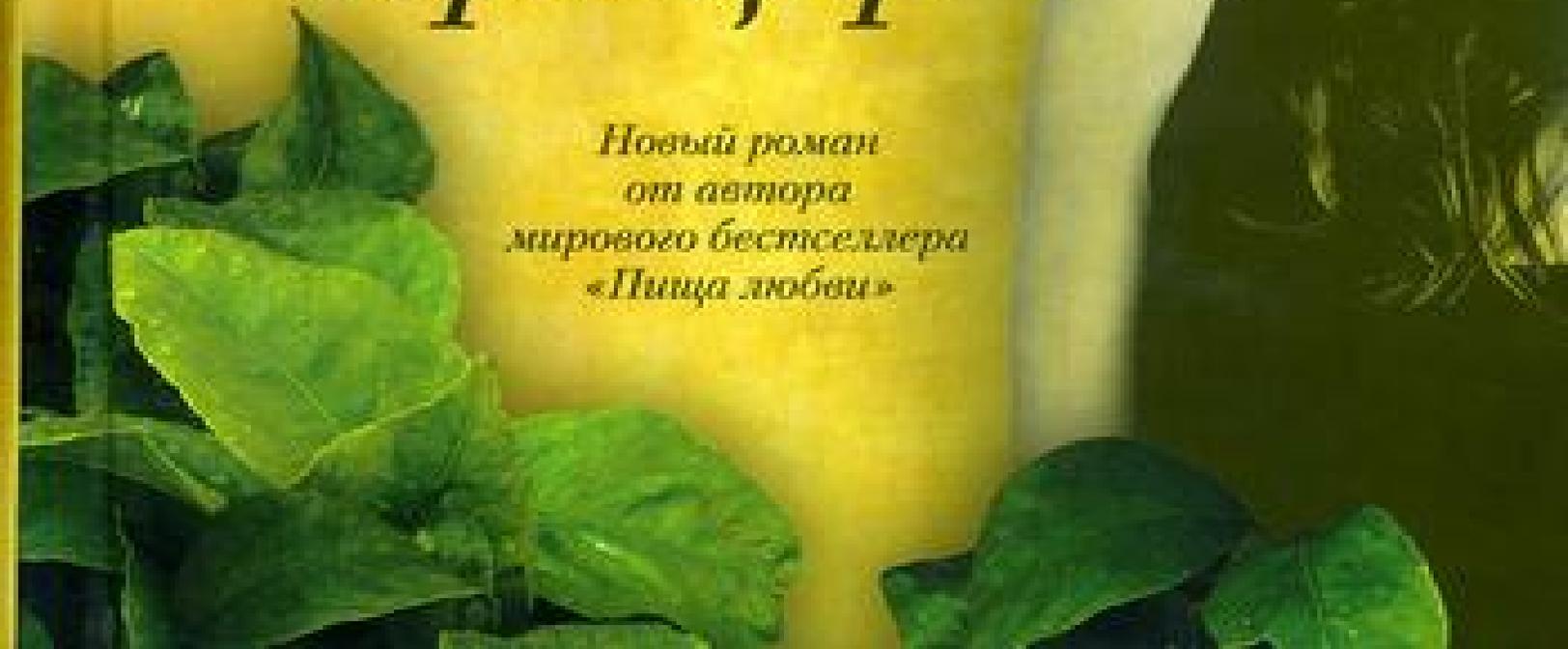

• ЭНТОНИ КАПЕЛЛА •

Брачный офицер

*Новый роман
от автора
мирового бестселлера
«Пицца любви»*

Annotation

Новый роман от автора мирового бестселлера «Пища любви».

Весна 1944 года. Полуразрушенный, голодный и нищий Неаполь, на побережье только что высадились англо-американские союзные войска. С уходом немецкой армии и приходом союзников мало что изменилось в порушенной жизни итальянцев. Мужчины на войне, многие убиты, работы нет. Молодые итальянки вынуждены зарабатывать на кусок хлеба проституцией и стремятся в поисках лучшей жизни выскочить замуж за английского или американского военного. Военные власти, опасаясь распространения венерических болезней, пытаются выставить на пути подобных браков заслон. Капитан британской армии Джеймс Гулд, принявший обязанности «брачного офицера», проводит жесточайший отбор среди претенденток на брак...

- [Энтони Капелла](#)
 - [ЧАСТЬ I](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [ЧАСТЬ II](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)

- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [ЧАСТЬ III](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)
 - [Глава 27](#)
 - [Глава 28](#)
 - [Глава 29](#)
 - [Глава 30](#)
 - [Глава 31](#)
 - [Глава 32](#)
 - [Глава 33](#)
 - [Глава 34](#)
 - [Глава 35](#)
 - [Глава 36](#)
 - [Глава 37](#)
 - [Глава 38](#)
 - [Глава 39](#)
 - [Глава 40](#)
- [ЧАСТЬ IV](#)
 - [Глава 41](#)
 - [Глава 42](#)
 - [Глава 43](#)
 - [Глава 44](#)
 - [Глава 45](#)
- [Эпилог](#)
- [Выражение благодарности](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)

- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)

- [40](#)
 - [41](#)
 - [42](#)
 - [43](#)
 - [44](#)
 - [45](#)
 - [46](#)
 - [47](#)
 - [48](#)
 - [49](#)
 - [50](#)
 - [51](#)
 - [52](#)
 - [53](#)
 - [54](#)
 - [55](#)
 - [56](#)
 - [57](#)
 - [58](#)
 - [59](#)
 - [60](#)
 - [61](#)
 - [62](#)
 - [63](#)
 - [64](#)
 - [65](#)
 - [66](#)
 - [67](#)
 - [68](#)
 - [69](#)
 - [70](#)
 - [71](#)
 - [72](#)
-

Энтони Капелла
Брачный офицер

ЧАСТЬ I

Вызывает
беспокойство рост
заявлений со
стороны
офицерского и
низшего состава о
желании вступить в
брак с
итальянками.
Командирам
строжайше
надлежит
предпринять
необходимые меры
для
предотвращения
подобных браков.

*Бюллетень
Главного военного
управления, № 3,
Неаполь, 5
сентября 1944.*

Глава 1

В первый раз в жизни Ливия Пертини влюбилась в тот самый день, когда ее любимица, буйволица Пупетта, победила на конкурсе красоты.

С незапамятных времен жители деревни Фишино в праздник урожая абрикосов устраивали не только состязание на самый вкусный абрикос, из тех, что зрели в многочисленных садиках, тянувшихся по склонам горы Везувия, но еще и конкурс на самую красивую девушку здешней округи. Соревнование по абрикосам бесценно проводил отец Ливии Нино, так как, казалось, именно у него, хозяина деревенской остерии, самый изысканный гастрономический вкус; главным же судьей конкурса красавиц был священник Дон Бернардо, потому что, считали все, мужчина, принявший обряд безбрачия, как раз и может внести должную объективность в подобное мероприятие.

В сравнении с абрикосовым соревнованием конкурс красавиц обычно проводился с меньшим азартом. Отчасти, возможно, потому, что тут обходилось без подкупа, взяток или кражи из чужого сада, постоянно случавшихся при абрикосовом конкурсе. Но еще и потому, что почти все деревенские девушки были сплошь темноволосые, с оливковой кожей и округлыми формами, что немудрено при здешней жизни на свежем воздухе и постоянном употреблении пасты. Потому определить, в которой из девиц означенные черты слились в наиболее привлекательном виде, особого труда не составляло. С абрикосами же дело обстояло совсем иначе. При каждом извержении Везувий покрывал свои склоны плотным слоем превосходного натурального удобрения — поташа. Выходило, будто сама гора способствует возникновению многих плодов и овощей, каких больше нигде во всей Италии не найдешь, а значит и расцвету кулинарного искусства, что с лихвой окупало ущерб от бедствий, случавшихся время от времени в этой местности. Появились новые разновидности абрикосов — тугощекие «Cafona», сочные «Palummella», сладкие с горчинкой «Vossuccia liscia», похожие на персик «Pellecchiella» и — с колючей кожицей, притом необыкновенно сочные — «Spinosa». Каждый сорт имел своих горячих поборников, и суждения вокруг достойнейшего

вызывали, пожалуй, ничуть не меньше горячих дебатов, чем случалось при выборе крестьянина, взрастившего самый лучший плод.

Ливия ушла с головой в работу, ей было вовсе не до этих состязаний. Любой праздник для маленькой остерии означал, что приготовление обеда в этот день требует времени много больше, чем обычно. Поднявшись до рассвета, Ливия и ее сестра Мариза готовили посуду, чтобы потом выставить на столики, тянувшиеся по всей длине террасы, укрытой от нещадного полуденного солнца оплетавшим ее виноградом. Да и вообще Ливия косо смотрела на эти конкурсы: в смысле абрикосов — тут, как говорится, на вкус, на цвет... Что до отбора красавиц — девчонки в деревне всем известны. Уже заранее все знали, что победу присудят кому-нибудь из сестер Фарелли, и ей, Ливии, незачем выставляться и позориться на радость победительнице. Словом, в то время как односельчане, сойдясь на площади, спорили, подбадривали участвующих, шикали, били в ладоши, Ливия, сосредоточившись на приготовлении закусок, проворно уворачивала *burgata* в свежие листья асфоделя. [1]

— Эй! — выкрикнул юношеский голос из помещения, служившего одновременно и баром, и залом. — Есть кто-нибудь?

Руки Ливии были облеплены влажной бурратой вперемешку с обрезками листьев.

— Нету! — выкрикнула она.

После короткой паузы голос произнес:

— Ты, верно, ангел или святой дух? Раз никого нет, кто ж отвечает?

Ливия скорчила гримасу. Шельма, остряк!

— Обслуживать некому. Я занята.

— Так сильно занята, что не подашь и стакана *limoncello* изнывающему жаждой солдату?

— Именно, — отрезала Ливия. — Сам себе налей, а деньги положи на стойку. Все кладут.

Снова пауза.

— А если обману, оставлю меньше?

— Нашлю на тебя порчу, мало не покажется. На твоём месте рисковать бы не стала.

Послышался звук откупориваемой бутылки, затем бульканье щедро наполнявшей стакан крепкой отцовской лимонной наливки. В

кухню заглянул парень в солдатской форме. В одной руке наполненный стакан, в другой монеты.

— Решил, положу я денежки на стойку, как вдруг заявится какой-нибудь мерзавец и стянет, а ты подумаешь, будто это я тебя надул, тогда уж мне впрямь не поздоровится, страшно представить. Уж лучше, думаю, сам отдам.

— Вон туда клади! — Ливия ткнула локтем в сторону комода.

Но заметила, что парень очень даже хорош собой. Недавно введенная Муссолини ладная черная форма красиво подчеркивала стройный торс и широкие плечи. Карие глаза насмешливо сверкали из-под солдатской пилотки, щеголевато заломленной на густых кудрях.

Оливковая кожа, белоснежные зубы и лукаво-самоуверенный прищур дополняли общее впечатление. Pappagallo, презрительно окрестила его про себя Ливия. Попугай. Так у них называли молодых парней, вечно мнивших себя красавцами и выставлявшихся перед девчонками.

— Что ж ты тут делаешь? — спросил парень, опершись о комод и не сводя с нее глаз. — Я думал, все должны быть на площади.

— Святая Чечилия, помоги ему!

— С чего это? — удивился он.

— С того, что ты, видно, слаб на глаза. Или умом не вышел. Не видишь, чем я занята?

Такой резкий отпор мог бы в момент отвадить нежелательного посетителя, но юный солдат, как видно, был не слабого десятка.

— Ну, как же, вижу, стряпаешь.

— Глядите-ка! — презрительно бросила она. — Святая все же сотворила чудо. Теперь убирайся, ты исцелен.

— Знаешь что, — сказал парень, переступив с ноги на ногу и отхлебнув из стакана, — а ты гораздо красивей, чем девчонки на конкурсе.

Ливия пропустила комплимент мимо ушей.

— Вот зачем пожаловал. Ясное дело! Потянуло на красивых девчонок поглазеть.

— Если честно, это мой приятель Альдо сюда рвался. Да у вас и смотреть-то больше не на что. Наш гарнизон стоит в Торре Эль Греко.

— Значит, ты фашист? — холодно спросила Ливия.

Парень замотал головой:

— Обыкновенный солдат. Охота на мир посмотреть. А то жить всю жизнь в Неаполе — скука смертная.

— Ну и вали, смотри себе, только дверь с той стороны закрой. Недосуг мне с тобой болтать. — Ливия заворачивала шарики бурраты в листья асфоделя, сплетая листья так, чтобы получалось подобие корзиночки для сыра.

Красавец не сдавался.

— А ты грубая, — добродушно сказал он.

— Грубая — не грубая, дел полно.

— Тебе дела для разговора не помеха, — заметил он. — Вон, ты уж, смотри, целую дюжину навертела. Я, например, мог бы относить заполненные тарелки и приносить чистые. — В подтверждение парень потянулся к тарелкам. — Заметь, стараюсь тебе помочь!

— Пока только мешаешь. Эти тарелки надо отнести на другой столик.

— Ладно, давай договоримся, — сказал он. — Я уйду, если ты меня поцелуешь.

Ливия возмущенно вскинулась:

— *Quanne piscia 'a gallina, cazzo!*^[2] Уж этого не дождешься, придурок! Убирайся сию же минуту!

— Я же от чистого сердца, — не унимался парень. — Понимаешь, я в тебя влюбился. Как же не поцеловать девушку, если влюбился?

Ливия с трудом смогла сдержать улыбку. Но тотчас вновь ее лицо сделалось строгим.

— Нечего зря языком молоть! Мы друг друга и знать-то не знаем.

— Легко поправимо. Меня звать Энцо. А тебя...

— Занята я! — выпалила она.

— Очень рад познакомиться, Занятая! Теперь поцелуешь меня?

— Нет!

Уже покончив с закусками, Ливия принялась нарезать лимоны для *friarelli*, горьковатой разновидности брокколи.

— Тогда я это себе вообразу. — Парень откинул голову назад и прикрыл глаза. На губах заиграла улыбка. — У-у-у-м-м, — мечтательно протянул он. — Знаешь, Занятая, а ты отлично целуешься. У-м-м-м... Давай-ка еще разок!

— А не больно? — ехидно заметила Ливия.

— Больно? Почему?

— Да я себе вообразила, будто двинула тебе коленкой по coglioni...^[3]

Схватившись руками между ног, Энцо повалился на пол.

— Ой-ой-ой! Что наделала! Теперь нам с тобой уже ни за что не сотворить пару дюжин красивых bambini,^[4] а я так об этом мечтал.

— Поднимайся! — со смехом сказала Ливия. — И выметайся вон. Мне воду из пасты сливать надо.

Парень вскочил на ноги:

— Ты скажи, Занятая, есть у тебя парень? Может, я время зря теряю?

— На один вопрос отвечу «нет», — отозвалась она, — на другой «да».

Он слегка насупился, осмысливая ответ, потом, тряхнув головой, сказал:

— Сомнительно. Ну да ладно: мне и одного «да» хватит. — И тут, внезапно вскрикнув, парень отпрянул от окна. — Что за дьявольщина, кто это?

Заслышав в кухне незнакомый голос, Пупетта просунула морду в окно, чтобы разобраться что да как. Голова у нее была, прямо скажем, прегромадная. Голову венчали два массивных рога, закрученные назад, как ручки велосипедного руля. Рога были расставлены широко, в окно не пролезали, но Пупетта уже давно исхитрилась просовываться сначала одним рогом, потом другим. И этот-то рог как раз и подцепил пилотку Энцо. Солдат в ужасе уставился через плечо на чудовище.

— Это Пупетта, — сказала Ливия и протянула руку, чтобы ласково потрепать по массивному лбу буйволицы и одновременно вызволить пилотку. — Что, буйволы никогда не видел?

Энцо замотал головой:

— Только издалека... Говорю же, я из Неаполя! В больших городах буйволы не бывает.

Забрав пилотку, он приладил ее Пупетте на лоб, на котором пилотка казалась уморительно крошечной, и шутливо отдал буйволице честь.

— Вот и выходит, никак нам с тобой не пожениться и не заиметь желанных тебе бамбини. Пупетту я ни за что не брошу.

— Гм! — Энцо почесал в затылке. — Раз так, — сказал он, обращаясь к Пупетте, — придется тебе стать первой буйволицей в

городе Неаполе.

Внезапно согнав с лица улыбку, Ливия отрезала:

— Ну все, кончай болтовню. Ты — солдат, вот и валяй, глазами на мир.

— Так это ж не надолго. Возвращусь, и будут у нас бамбини. Ну и, конечно, bufale,^[5] — поспешно добавил он.

— А если придется воевать?

— Да разве мы воюем! — небрежно бросил парень. — Маршируем с грозным видом и только.

Раздался бой часов, Ливия кинулась к плите.

— Гляди, что ты натворил! Скоро обед, а у меня ничего не готово! Отец меня убьет.

— Ты же меня не поцеловала! — запротестовал парень.

— Обойдешься, — отрезала Ливия, вытаскивая из шкафа кастрюли. — Но если хочешь, можешь попозже зайти, угощу кофе.

В восторге он щелкнул пальцами:

— Я знал, я знал!

— Только без глупостей, — предупредила она, — не то я и в самом деле засвечу тебе промеж ног коленкой. У меня богатый опыт.

— Что ты! За кого ты меня принимаешь! — Допив стакан, парень поставил его в раковину. — Кстати, лимончелло у вас отличный.

— А то! У нас все отличное.

— Я так и понял.

Чмокнув кончики пальцев, солдат послал Ливии воздушный поцелуй и, пятясь, вышел из кухни. Обернувшись на Пупетту, Ливия увидела, что пилотка по-прежнему торчит у нее на лбу.

Вскоре после полудня Дон Бернардо и отец Ливии покончили каждый со своим мероприятием, и громадная толпа хлынула с площади прямо в остерию. В момент все места были заняты, и Ливия принялась обслуживать посетителей.

Блюда готовились в основном из того, что давала маленькая ферма позади ресторанчика. Совсем крохотная, можно было перекликаться с одного конца участка на другой. Но здешняя плодородная почва дарила богатый урожай и помидоров, и кабачков, и капуста, и баклажан, и даже кое-чего еще, редкого для здешних мест, например горьковатого фриарелли и пахучего асфодело. Был у них еще

черный кабанчик по кличке Гарибальди. Несмотря на внешнюю неказистость, кабанчик с завидным усердием брюхатил свой гарем из четырех дородных хрюшек. Была древняя олива, оплетенная парой виноградных лоз; было немного кур и еще были — слава и гордость всего семейства — Пришилла с Пупеттой, две домашних буйволицы, которые паслись на огороженном пастбище величиной с небольшую спортивную площадку. Из белого, как фарфор, молока каждый день усилиями кропотливого труда выходило две-три, по килограмму каждая, моццареллы. Но какой! Мягчайшей, чуть влажной, подобной нежному парному дыханию самих bufale.

Кроме моццареллы из молока буйволиц искусно приготавливались и иные изысканные блюда. Чиллиджини представляли собой сырные шарики для салатов размером с вишню, боккончини в форме капли заворачивались в ломтики нежной ветчины прошюто. Треччья, или «пряди», заплетаемые в косы, подавались с лимонами амальфи и юной, нежной брокколи. Слегка подкопченная моццарелла афумиката приобретала коричневатый оттенок, а скаморца коптилась над дымом тлеющей скорлупы орехов пекан, пока не становилась темной и густой, как чашечка крепкого эспresso. Из оставшегося молока готовился твердый сыр рикотта салата ди буфала, подсоленный, со слегка фруктовым привкусом; в тертом виде это отличная присыпка поверх запеченных овощей. Но больше всего семейство Пертини славилось своим сыром буррата — нежнейшей, свежайшей моццареллой в виде мешочка, заполненного буйволиными сливками и завернутого в листья асфоделя. Из самого Неаполя приезжали люди, чтоб насладиться необыкновенным вкусом этого сыра. Иногда даже покупали по несколько штук, чтобы увезти с собой, но, как постоянно твердил Нино, делать это вовсе не стоит: через пару часов листья asfodelo буреют, и сыр начинает терять свой аромат.

Дела у Пертини шли неизменно в гору, в немалой степени благодаря немереным аппетитам соседей. Приезжие — приезжими, но основной костяк посетителей остерии составляли местные жители. В полдень все до единого, начиная со священника Дона Бернардо и кончая деревенской проституткой вдовицей Эсмерельдой, прерывали свои дела и устремлялись к увитой виноградом террасе Пертини, где часа два вкушали королевскую пищу и пили вино из того самого винограда, что зрел прямо у них над головой.

Порой про живущих на склонах Везувия говорили, что они живут и трудятся под постоянной угрозой, — ведь каждый день может стать последним, — и потому безудержны в своих страстях, будь то вино, пища или любовь. Они и суеверны были больше, чем прочие неаполитанцы, которые, надо заметить, необычайно суеверны. Обед неизменно начинался с двойного моления: священник возносил молитвы небесам, потом Эрнесто, старейший в деревне крестьянин, слегка орошал вином землю, без лишних слов свидетельствуя, что здесь, у подножия Везувия, земля под ногами куда грозней и ближе чаяниям людей, нежели небеса. Как всякая деревня вблизи вулкана, Фишино защищалось, плотным кольцом окружая себя святыми часовенками, то со статуями Пресвятой Девы, то с изображениями святого Себастьяна, хранившего здешний народ с тех давних пор, как на склонах горы появились первые поселенцы. Иные неаполитанцы могли бы возразить, что Себастьян не слишком усердствует в своих стараниях, ведь совсем недавно, в 1923 году, тут случилось страшное землетрясение. Но для живущих при Везувии уже то, что землетрясения случаются не так часто, было свидетельством чудесного вспоможения святого. Хотя при этом они были не прочь на всякий случай подстраховаться, потому на многих защитных часовнях висел небольшой оберег в виде рога, древнейшего символа, существовавшего задолго до появления здесь первых христиан.

Одновременно бытовало мнение: пусть доктора и хороши для определенных случаев, скажем, чтобы зашить рану, но при недугах более мудреных требуется мага, или целительница. Мага во многом исполняла обязанности аптекаря, раздавала травы и составы снадобий для излечения таких повседневных напастей, как зубная боль или простуда, а также зелья, возбуждавшие в женщине любовную страсть или превращавшие мужчину в верного супруга. Под Везувием чудодейственное искусство магии распространилось гораздо шире, чем где бы то ни было, и если одно семейство владело секретом выведения бородавок, другое знало, как излечить больное ухо, третье же обладало средством от дурного глаза. В каждом семействе зорко следили, в ком именно из детей проявится наследственный дар. В семействе Пертини это определилось довольно рано. И Ливия, и Мариза помогали матери на кухне. Но вскоре стало ясно, что Ливия унаследовала кулинарные пристрастия матери. Мариза же стряпала

иные яства: туда входили кровь молодого петушка, роса, собранная на рассвете в праздник Святого Джованни, или диковинные травы, росшие в глубине сосновых рощ на горных склонах.

Ливия и сама не помнила, как научилась готовить. Агата стала приобщать ее, совсем малышку, приставляя деревянную скамеечку, чтобы девочка могла дотянуться до плиты. К двенадцати годам закончились ее университеты: Ливия брала дело в свои руки, когда ресторанчик был полон народу, а мать хворала, что случалось все чаще и чаще. И Ливия уже не раздумывала долго, что и как делать, ни по одному рецепту в точности она не готовила никогда. Как математик может представлять сложные уравнения в виде моделей, а музыкант транспонировать мелодию из тональности в тональность, так и Ливия инстинктивно чувствовала, как лучше всего использовать то, что под рукой. Если Ливию спрашивали, как она готовит то или иное блюдо или как оно называется, она просто пожимала плечами и отвечала: «Sfiziosa!» — это неаполитанское выражение не имеет точного аналога в английском языке, да и в итальянском тоже, и означает что-то вроде: «шут его знает» или «само выходит». Скоро посетители ресторанчика выучились вопросов не задавать и просто благодарить судьбу, за то, что у них появился такой бесценный талант, даже если этот талант выпал scassaralle, обладательнице крутого нрава и острого язычка.

Во время обеда Ливия увидела Энцо в группе солдат, отметив, что он, бесспорно, самый видный из них. Отметила также, что разряженные участницы конкурса красавиц пристроились поблизости, то и дело кокетливо стреляя в солдат глазками. Ловя эти взгляды, парни отвечали на них взрывами шуток, при этом красавицы притворно надували губки. Понятно, все трое Фрателли кокетничали пуще остальных. Ливия вздохнула. Теперь Энцо уж явно не заглянет к ней на кофе. Старшая, Коломба, буквально из кожи лезла перед Энцо — верней, из шляпки, дурацкой, аляповатой, украшенной стеклянными фруктами и перьями. Ну и пусть! Эта самая Коломба прилепила Ливии за ее худобу прозвище stecchetto, зубочистка. Правда, Ливия после шестнадцати немного округлилась, но до пышнотелой Коломбы ей было далеко.

Внезапно Энцо поднялся из-за стола и направился к Ливии. Она отвернулась. Энцо не остановился, но, проходя мимо, тихо сказал:

— Я ведь не ошибся тогда насчет ангела. Ведь только ангел может готовить, как ты!

— Прибереги свои комплименты для той, кто победит на конкурсе красавиц, — бросила Ливия.

Однако вопреки самой себе радостно вспыхнула, и, заметив, что взгляды Коломбы Фарелли мечут в нее молнии, не без удовольствия улынулась.

Как раз когда Ливия обносила гостей блюдом с ломтиками абрикосов в вине, непременно *dolce*^[6] в завершение праздничного обеда, не обошлось без неожиданности. Между Коломбой и ее двумя сестрами, Мими и Габриелой, вспыхнула ссора. И не просто ссора: к вящему ликованию наблюдавших за ними солдат в считанные минуты она переросла в ругань, визг, таскание за волосы и царапанье. Потребовалось вмешательство самого Дона Бернардо, чтобы утихомирить воюющих. Тот встал, стукнул по столу пустой винной бутылкой, призывая к тишине, и возмущенно сказал:

— Что за бесчинство! В назидание за ваше недостойное поведение, ни одной из вас премии не присужу.

— Кому же тогда достанется премия? — послышался голос из толпы.

— Никому не достанется.

— Но если никому, выходит, ничья? Значит, все, кто участвовал, выиграли? — заметил тот же голос.

Безупречная логика вызвала гул одобрения.

— Тогда я вручу премию... — взгляд Дона Бернардо обвел всю террасу и остановился на Ливии. — Я присужу премию той, кто действительно этого заслуживает, благодаря кому у нас сегодня такой восхитительный обед.

Этого еще не хватало. Участвовать и не выиграть было бы куда как скверно, но не участвовать и выиграть, потому что священник разозлился на сестер Фарелли, крайне унижительно. Да и Коломба такое никогда Ливии не простит.

Видно, та же мысль, хоть и с опозданием, пришла на ум и Дону Бернардо, и он слегка дрогнул, увидев, как сердито сдвинула брови Ливия.

— М-гм... Э-э-э...

Тут поднялся Энцо.

— Это он про Пупетту, — выкрикнул он, — она же просто чудо природы. Из ее ведь молока этот замечательный сыр бурата!

— Вот именно! — облегченно подхватил Дон Бернардо. — Да, я имею в виду Пупетту. Где же она?

Заслышав свое имя, Пупетта выглянула из-за угла террасы, за которым, стоя, как раз соображала, не уподобиться ли ей козе и не сжевать ли солдатскую пилотку.

Кто-то выкрикнул:

— Viva^[7] Пупетта!

Выкрик был подхвачен общим гулом одобрения, все захлопали в ладоши. Сестры Фарелли поправили на головах шляпки и снова принялись кокетничать с солдатами. В конце-то концов проиграть буйволице совсем не зазорно.

Глава 2

После обеда пошли в ход и кастаньеты, и аккордеон, как бывало всегда в праздничный день. На таммурро, похожем на громадный тамбурин барабане из натянутой козьей кожи, кто-то, точно поддразнивая, принялся негромко выстукивать, зажигательно, ритмично, и все от мала до велика пустились в пляс. Дети плясали с дедушками и бабушками; маленькие девочки учились движениям, примостившись ножками поверх дедовских ботинок; матери кружились, придерживая у груди младенцев. Ну а солдаты, как и участницы конкурса, то и дело выставлялись друг перед дружкой, девушки грациозно извивались, юноши щеголяли всякими акробатическими вывертами.

— Занятая, станцуешь со мной тарантеллу? — спросил Энцо, когда Ливия с кучей грязных тарелок проходила мимо.

— Еще чего! Сплетен не оберешься. Кстати, хватит обзывать. Меня Ливия зовут.

— Значит, Занятая уже не Занятая?

— Как видишь.

— Ага, — рассудительно заметил Энцо, — если Занятая не Занятая, значит, у тебя есть время присесть и выпить со мной кофе.

Ливия улыбнулась — и вернулась, и присела.

— Спасибо тебе за Пупетту.

— Не за что. Она и впрямь лучшая корова на этом конкурсе.

Младшая сестра Ливии Мариза, многозначительно улыбаясь, принесла им две чашечки эспresso. Едва она отошла, Энцо взглянул на Ливию своими огромными черными глазами и уже без смеха спросил:

— Скажи, Ливия, что ты думаешь о своем будущем?

Никто и никогда прежде не задавал ей такого вопроса. Застигнутая врасплох, — она-то решила, что они будут болтать о всяких пустяках, — Ливия ответила вопросом на вопрос:

— А разве у меня есть выбор?

— У каждой девушки есть, — сказал Энцо. — Особенно у такой красивой, как ты. Должно быть, найдется немало охотников всерьез за тобой приударить.

Слышать такое было приятно, но Ливия виду не подала. Ей всегда были ненавистны ужимки и взвизгивания Коломбы всякий раз, если кто из мужчин выказывал ей знаки внимания.

— Охотников хватает, — бросила она. — Только все не в моем вкусе. Да и выбрать мужчину в мужья это одно, а определиться в жизни это совсем другое. С кем ни сведет судьба, я должна быть ему в доме хозяйкой и ему готовить.

— Тогда тебе непременно надо выйти за того, кто тебя любит, — сказал Энцо.

— Наверное... — бросила Ливия рассеянно. Не об этом она вела речь. Попыталась объяснить: — Здесь-то в ресторане я уж привыкла готовить сразу для многих. А выйду замуж, верно, будет не так.

— Ага, — сказал он. — Теперь понятно, почему ты так и норовила меня отшить. Ты не хочешь замуж, потому что тогда придется отсюда уехать.

— Может, и так, — повела плечами Ливия.

Удивительно, как быстро он ухватил.

— Вот и я не собираюсь жениться, — сказал парень, подсев к ней поближе. — Только причина другая, я как раз хочу уехать, а если женюсь, придется из армии уйти и жить дома с женой, как мой старший брат Риккардо.

— Ну, надо же! — прыснула Ливия. — Познакомиться не успели, и уже уверяем друг дружку, что жениться — это не про нас!

— И мне тоже удивительно, — сказал Энцо, тряхнув головой. — Даже в мыслях не было присматривать себе кого-нибудь. Правда, если встретишь верного человека, никак нельзя упустить случай. — Он потянулся, взял ее за руку. — А такой чудесной девушки, как ты, Ливия, я еще не встречал.

Услышь она такое от кого-либо из парней, которых обслуживала в остерии, Ливия бы непременно подняла его на смех. Но сейчас жаркая волна от шеи обожгла ей щеки.

— Ага, покраснела! — воскликнул он радостно. — Добрый знак. Как говорится: заставишь девушку краснеть, смеяться или плакать, значит, сможешь и...

— Знаю, знаю, — прервала она его. — Обойдемся без скабрезностей.

Но, сказав это, вдруг представила себя с ним вдвоем в постели и снова залилась краской.

— Постой! — Он вскочил с места. — Я хочу у Альберто Спенцы ленту тебе купить.

И поспешил к молодому толстяку, прохаживавшемуся среди солдат. Ливия видела, как Энцо протянул толстяку монету. Тот бросил косо́й взгляд на Ливию, потом распахнул пиджак, выставив дюжину желтых и красных лент. Господи, думала Ливия, пусть Энцо выберет красную, красное так идет к моим волосам. И была как дурочка счастлива, увидев, что парень идет к ней через площадь с длинной, свисающей меж пальцев красной лентой.

— Это тебе, — сказал он, протянув ей ленту с поклоном, одновременно щелкнув каблуками и козырнув.

Тут с пастбища за домом послышалось скорбное мычание Пупетты.

— Спасибо, — сказала Ливия, принимая ленту и подвязывая волосы. — А теперь — все, занята я.

Энцо сдвинул брови, заглянул ей в глаза, потом внимательно оглядел Ливию со всех сторон.

— Не может быть, Занятая. С виду ты ведь пока еще Ливия.

— Пора доить Пупетту с Пришиллой, — сказала Ливия.

— Я вызываюсь помочь!

— Только не воображай себе ничего такого! — пригрозила она. — Подарил ленту, это вовсе не значит, что я захочу с тобой целоваться.

— Слово солдата, обещаю ничего такого себе не позволять!

— Гм! — отозвалась Ливия.

Ее нисколько не удивило, что едва они оказались вдвоем в сарае, Энцо попытался-таки ее поцеловать. Но так как Ливия втайне надеялась, что это случится, она позволила ему на мгновение себя обнять и даже коснуться языком ее языка, при этом чуть не задохнулась от наслаждения, но все же оттолкнула его с силой, бросив:

— Доить коров пора!

— Всю жизнь мечтал доить коров, — сказал Энцо, пододвигая доильную скамеечку. — Показывай, что надо делать.

Оба прерывисто дышали.

Ливия взяла ведро и еще одну скамеечку и присела рядом с Пришиллой. Та была менее покладистой, чем Пупетта, и рвалась, чтоб

ее подоили первой.

— Тебе, похоже, доить не приходилось?

— Не приходилось, — признался Энцо, пододвигаясь ближе. Прильнув щекой к коровьему боку, можно было в непосредственной близости рассмотреть Ливию в профиль. — Но у меня золотые руки.

Она прыснула:

— Вперед, ловкач! Посмотрим, как ты справишься.

Энцо осторожно взялся за соски Пришиллы, сжал пальцами.

— Не так, — сказала Ливия. — Ее доить, не ласкать надо.

Он улыбнулся:

— В этом я тоже новичок!

— Приятно слышать, но верится с трудом и есть на то причины. Все знают, у солдата девушек не счесть.

— Неправда! — запротестовал Энцо, но, заметив, что Ливия вовсе не сердится, поправился: — Ну, только... отчасти...

Она взялась руками поверх его пальцев, направляя:

— Вот так. Нажми, потяни, поверни... потом отпусти.

Плям! Тонкая струйка молока ударила в дно ведра. В ноздри грянул густой, чистый аромат.

— Выходит, совсем не как женскую грудь? — с невинным видом воскликнул он, потягивая коровьи соски.

— На глупые шутки не отвечаю, — отрезала Ливия. — Ты бы смотрел повнимательней, не то ведро опрокинешь!

Их головы почти касались; было так приятно мягкое, сжимающее и отпускающее, давление ее пальцев поверх его руки. Энцо слегка повернул голову, чтобы лучше рассмотреть Ливию в профиль. Теперь подвязанные красной лентой волосы обнажили место за ухом, где более мягкая, шелковистая кожа у корней волос переходила в опушенную, как абрикос, нежность шеи. Не удержавшись, он подался вперед и коснулся губами ее щеки. Ливия повернулась к нему: губы слегка приоткрыты, глаза блестят.

В тот день доение Пришиллы не увенчалось привычным обилием молока, хотя так долго прежде буйволицу никто и никогда не доил.

Глава 3

Случилось нечто из ряда вон: у Ливии подгорел лук. И не просто лук, а для ее знаменитого *sugo genovese*,^[8] вкуснейшего соуса из мелко нарезанного лука, приправленного крепким мясным бульоном с нашинкованными сельдереем и петрушкой. Этот соус вместе с *rimmagola*^[9] и рагу образует божественную троицу неаполитанских соусов к пасте. Чтобы приготовить истинный дженовезе, лук около пяти часов надо томить на самом крохотном огне, время от времени помешивая, чтобы не приставал ко дну кастрюли, и спрыскивая водой, если покажется, что подсыхает. Лук — удивительный продукт, ибо приготовленный таким образом он почти полностью утрачивает свой луковый вкус, превращаясь в исключительно сладкое и ароматное варенье. Но если случится, что хоть чуточка подгорит, горьковатый привкус грозит испортить все блюдо.

С самого раннего детства у Ливии ни разу в дженовезе лук не подгорал, но сегодня все посетители ресторанчика, наматывая на вилку и запуская в рот пасту, уловили в соусе легкую горчинку. Переглядывались, но молча, без слов.

— Ну, как мясо? — спросила Ливия, выходя, чтобы забрать грязные тарелки. Не дожидаясь ответа, она уже на изгиб локтя составляла их в стопку.

— Ливия, — тихо сказал старый крестьянин Джузеппе, — а ведь мяса-то еще и не было.

— Как не было? — удивленно переспросила та. — Ой, правда! Сейчас несу!

И скрылась в кухне.

Минут через десять, когда отец Ливии принес еще вина, его удержали рукой на ходу.

— Что это с Ливией, Нино? Она какая-то странная. И паста совсем не та, что всегда. И жаркое все никак не подаст...

— Пойду, взгляну, — со вздохом сказал Нино.

Войдя в кухню, он увидел, что Ливия стоит у окна и, не глядя, мешает ложкой в кастрюльке.

— Ливия, ты здорова?

— Что? — встрепенулась она. — Конечно, здорова...

Отец взглянул в кастрюльку.

— В первый раз вижу, чтоб ты мешала пустой кипяток.

— Пустой? Ах, да! Думала, яйцо варится. Просто положить забыла.

— Я скажу, — Нино постучал пальцем по лбу, — в голове у тебя что-то не то варится. Там люди жаркое ждут.

Тут отец увидел в волосах у дочери неизвестно откуда появившуюся красную ленту, уловил запах розмарина и еще заметил за ухом у нее цветок рододендрона.

— Ждешь, когда тот парень снова явится? — строго спросил он.

Ливия вспыхнула:

— Никого я не жду!

— Вот что, Ливия, — сказал Нино мягче. — Он солдат. Скорей всего больше не придет. А если придет, сама прикинь, что если его часть ушлиют куда-нибудь далеко?

— Куда бы ни услали, — сказала Ливия, — он сюда все равно непременно вернется.

Нино изумлено поднял брови:

— Выходит, у тебя это всерьез?

— Может, и всерьез.

Мгновение отец пристально смотрел на дочь. Потом сказал:

— Значит так, если этот парень объявится, уж лучше сперва я с ним побеседую.

Когда на другой день, обливаясь потом под жарким солнцем, Энцо снова пришагал в Фишино из своего Торре Эль Греко, он был слегка ошарашен. Во-первых, прежде чем увидеть Ливию, ему пришлось иметь разговор с ее отцом, и, во-вторых, допрос происходил на лугу, где Нино занимался спариванием Пришиллы с соседским быком.

— Пойдем-ка, парень, мне как раз помощь нужна, — сказал Нино, выступая вперед и наматывая на руку веревку, на которой вел быка. Энцо на безопасном, как он сам решил, расстоянии двинулся следом. Пупетта с Пришиллой, прежде казавшиеся ему огромными, выглядели стройными газелями рядом с исполином буйволом. Его широченный монолитный загривок порос косматой, как у льва, шерстью, а лоб, увенчанный двумя грозными рогами, был точно высечен из громадной скалы.

Нино одобрительно похлопал рукой выпуклый кряж на шее быка.
— Динамитом его звать, — сказал он. — У этого стервеца самая ядреная сперма из всех буйволов с этого края Касерты.

Энцо с умным видом кивнул, стараясь изобразить из себя знатока в этом деле. Пробираться среди оставляемых буйволом огромных лепешек, чтобы не забрызгать военную форму, было не слишком легко.

Нино вывел быка на поле и крикнул Энцо, чтоб прикрыл калитку. Динамит до нелепости грациозными копытцами засеменял вперед, разинул пасть и замычал; громовое мычание эхом разнеслось по лесистой округе, заставив Энцо испуганно оглянуться.

— Почуял коров, — удовлетворенно сказал Нино. — Это хорошо.

— Часто вы их спариваете? — спросил Энцо, надеясь своим вопросом произвести благоприятное впечатление.

Нино взглянул удивленно:

— Ну, как же, каждый год! Нетельная корова молока не дает.

То, что производство молока напрямую связано с отелом, никогда прежде не приходило Энцо в голову.

— А с телятами что потом? — осведомился он.

— На еду, — невозмутимо сказал Нино. — Прежде чем траву начнут щипать. Я сам в сарае перерезаю им горло и спускаю кровь. Пока молодые, мясо нежное. Молодец бычок, интерес проявляет.

Энцо, затаив дыхание, наблюдал, как интерес Динамита со всей очевидностью восстает из-под мохнатого живота. Издав очередное зычное мычание, буйвол взгромоздился на Пришиллу, с силой тычась ей сзади гигантским членом в бока, пока не удалось, скорее по случаю, чем по здравомыслию, всадить его внутрь. Пришила всхрапнула, опустила голову и принялась щипать траву.

Пока бык делал свое дело, Нино переключил внимание на Энцо.

— Выходит, ты тот самый парень, который Ливии голову вскружил? — заметил он.

— Да, синьор, — ответил Энцо, со восторженным сердцем навстречу известию, что Ливии он и в самом деле не безразличен.

— Жениться собираешься?

— Правда, мы только познакомились. Но почему бы и не жениться. Если она сама захочет, конечно, и с вашего благословения.

Нино испытующе взглянул на парня.

— Ты, верно, думаешь, что вон в этом, — тут он указал большим пальцем на старательно орудовавшего боками Динамита, — супружество и состоит?

— Нет, что вы, синьор!

— Думаешь, думаешь... Каждый в твои годы так думает. А теперь гляди, что дальше будет!

Динамит забил передними копытами о бока Пришиллы. Затем издал очередное громоподобное мычание, от которого птиц с соседних деревьев точно ветром сдуло, зад его с силой содрогнулся, после чего он слез с коровы. Через минуту оба буйвола преспокойно щипали сочную, влажную траву. Член Динамита опал, опустившись к траве.

— Быстро проходит, верно? — прокомментировал Нино. — Если поразмыслить, ради одного этого жениться не стоит. Если это тебе надо, лучше отправляйся к вдове Эсмерельде.

— Нет, синьор, я вовсе не за этим, — сказал Энцо, который вдовушку Эсмерельду уже неоднократно с приятелями посещал. — Я люблю Ливию.

— И насчет приданого забудь. Я ведь бедный крестьянин, у меня всего-навсего и есть что местная закусочная.

Энцо почесал в затылке:

— Что, совсем никакого приданого?

— Ну, только так, для блезира. Скажем, тысчонка лир.

— Может парочку? — спросил Энцо, отчаянно пытаюсь хоть что-то выторговать.

— Ты вроде сказал, что любишь ее? — заметил Нино.

— Ну да, люблю! Это я так...

— А если любишь, то деньги при чем? — с некоторой угрозой спросил Нино.

— Ни при чем, — заверил его Энцо. — Ну ладно... хватит и тысячи.

Нино оценивающе посмотрел на юношу. Видный малый, ничего не скажешь, а торговаться не умеет. Здесь, в деревне, где только ради жалкого цыпленка можно торговаться хоть целый день, это качество весьма ценилось. Похоже, что Ливии в конце концов придется при таком замужестве сменить юбку на штаны. И все же дочь свою Нино знал слишком хорошо и понимал: если та что решила, с пути ее не свернешь.

— Мне надо подумать, — проворчал Нино. — А если тебе взбредет обесчестить ее до свадьбы, — глядя парню прямо в глаза, добавил он, — вспомни тогда, что я тебе про телят говорил.

Этот день Энцо с Ливией провели вдвоем, а вечером первые посетители остерии с удовольствием наслаждались пением, доносившимся из кухни.

Ливия была так счастлива, что почти не замечала, что сами собой стряпают ее руки. Но всеми было отмечено, что нынче ее лимонная паста оказалась даже слаще, чем прежде; что же касается печеной моццареллы с жареным перцем — то это было что-то необыкновенное. А Ливия на кухне в мечтах об Энцо, видно, и сама не заметила, как скушала целиком сырный торт, который предназначался на сладкое. Правда, посетители после сошлись во мнении, что все же куда приятней видеть Ливию такой вот счастливой и уж тем более не довольствоваться по случаю подгорелым луком.

Глава 4

Правила приличия в Фишино отличались одновременно и либеральностью, и строгостью. Поскольку Ливия с Энцо были официально помолвлены, им в общем-то не возбранялось, украдкой ускользнув на сеновал, валяться в сене, целоваться и миловаться до умопомрачения. Но при этом считалось, что оба должны хранить целомудрие до самой брачной ночи. А уж как там у них в промежутке случится — дело темное.

Одним из множества плюсов этих проверенных и испытанных обычаев было то, что они вынуждали мужчину проявлять куда большую изобретательность, чем при привычном сношении с женщиной, лишенном особых затей, после чего следует сон. Вскоре Энцо обнаружил, что, несмотря на внешнюю сдержанность, темперамент у Ливии неистовый.

— Вот что, — сказала она в первый же раз, когда они оказались на сеновале, — хочу, чтоб ты себе уяснил. Я с тобой в сарае потому, что мне противно, как моя сестрица пялится и хихикает каждый раз, когда видит нас вместе, а вовсе не потому, что мне хочется, чтоб ты щекотал меня своим языком. Позаботься, пожалуйста, не распускать руки.

— Ясно, никакого языка, никаких рук, — кивнул он. — А от каких еще частей тела прикажешь отказаться? Может, от ног?

— Ноги оставь, только не вздумай лезть на меня с ногами!

— Ну, такое вряд ли, — заметил он, — можно и кувырнуться.

— Вот и ладно. Договорились.

Энцо вздохнул. При всей его жгучей любви к Ливии, жизнь у Пертини представлялась ему нескончаемым потоком препирательств, из которых, пожалуй, он никогда победителем не выйдет.

— Сейчас тебя поцеловать можно?

— Пожалуйста.

Она позволила себя обнять, он прильнул губами к ее губам. Ливия чуть не задохнулась. И уже он почувствовал, как ее язык пробивается между его губ. Энцо рискнул прижать ее крепче, руки скользнули ниже, к талии. Ливия выгнула спину, и ему показалось, что от удовольствия, не чтобы увернуться. Он стал целовать ей шею, она сладко застонала, и он понял, что можно двинуться вниз, к груди. К его

удивлению, груди явно ждали его ласк. Он целовал и гладил их поверх платья, вот она уже с нетерпением рвалась высвободиться из одежды, и он, почти не отрывая губ, стянул ей через голову платье.

— Сама же говорила «никаких рук», — бормотал он, жадно оглядывая восхитительные маленькие соски.

— Это раньше... еще не понимала, как приятно... — лепетала она, подрагивая; стало непередаваемо сладко, он покусывал ей соски.

— У Пупетты вид, будто ей это в тягость. Как это может быть в тягость...

Воистину Ливия не теряла времени даром на сеновале, и к моменту свадьбы уже была глубоко убеждена, что эти утехы всегда будут ей в удовольствие. Между тем при людях им с Энцо целоваться не разрешалось, и когда они во время festa^[10] плясали тарантеллу, то должны были держаться за платок с обеих сторон, так, чтобы их руки не соприкасались. Ливии было смешно: тот самый большой голубой носовой платок Энцо служил им и в часы более жарких свиданий на сеновале.

За две недели до свадьбы Энцо повез Ливию в Неаполь, знакомить со своей родней. Из его рассказов она не поняла, до какой степени они бедны, в каких крайне стесненных условиях живут: спали по трое-четверо в одной кровати в крошечной трехкомнатной квартирке, располагавшейся в трущобах старого квартала. Но Ливия была влюблена и потому в своей новой жизни хотела видеть только лучшее.

Мать Энцо, Квартилла, была типичная неаполитанка, цепкая и практичная. Едва они познакомились, она тотчас, слово за слово, попросила Ливию помочь приготовить ей *sugo*, томатный соус. Особой помощи ей, конечно, не требовалось, просто мать уже была наслышана, что эта деревенская — неплохаястряпуха, и решила убедиться, так ли это на самом деле.

— Сама бери все, что тебе нужно, — сказала Квартилла и принялась чистить *fagirole*.^[11]

Словом, Ливия готовила, а Квартилла за ней посматривала, как ящерица за мухой.

Sugo Ливия могла приготовить и с закрытыми глазами, уже не один год она готовила его чуть не каждый день. Единственная сложность состояла в том, что разновидностей *sugo* было не меньше,

чем дней у месяца. Был повседневный вариант, для которого требовалось измельчить кончиком ножа не более двух-трех спелых помидоров, чтобы вытек сок, затем быстро обжарить их в масле. Была классическая версия, когда помидоры тушились на медленном огне с чесноком и луком, пока все это не превращалось в густую сочную массу. Еще был более сытный рецепт, для чего несколько часов тушилось нарезанное кусками мясо для выпаривания запаха, словом, чтоб получить ragu di guardiaporte, «соус привратника», названный так потому, что приготовление требовало постоянного присутствия при тушении в течение целого дня, понемногу подливая воду, не давая этим мясу, начиненному рубленой петрушкой, чесноком и сыром, пересохнуть.

Ливия понимала: по тому, какой именно рецепт она выберет, мать Энцо будет судить о достоинствах невестки. И с ходу отмела самый сложный вариант, он мог показаться слишком вычурным. В то же время, классический соус мог бы создать впечатление, что ей неохота долго голову ломать, ну а самый простой мог означать, что у нее просто нет желания долго возиться. Тогда Ливия решила положиться на интуицию.

— У вас анчоусы есть? — спросила она.

Мать Энцо в изумлении уставилась на нее:

— Анчоусы?

Анчоусы в Неаполе добавлялись к помидорам только для puttanesca, соуса, который обычно готовят проститутки.

— Дайте, пожалуйста, если есть, анчоусы, — намеренно вежливо попросила Ливия.

Квартилла хотела было что-то возразить, но, передумав, пожала плечами и вынула из буфета небольшую банку анчоусов.

Соус, который теперь готовила Ливия, не был puttanesca, но подобно ему, обладал жгучестью и крепостью. К тому же был на удивление прост, и в нем заиграл весь букет составлявших его ароматов. Опрокинув анчоусы из банки в кастрюлю вместе с маслом, в котором они плавали, Ливия добавила три измельченных зубчика чеснока и ложку с верхом сушеного чили. Едва анчоусы с чесноком смешались как следует, Ливия добавила в смесь много протертых сквозь сито, сбрызнутых уксусом помидоров. Все это неспешно лениво закипало, высоко выплевывая красные пузырьки соуса, будто в

кастрюле бурлила лава. Минуты через три Ливия побросала в соус порванные листки свежего базилика.

— Все. Готово.

Квартилла немедленно подскочила к кастрюльке, жадно запустила туда ложку. Ее глаза изумленно вспыхнули. Но она тотчас взяла себя в руки, намеренно долго облизывала губы, медля с вынесением приговора.

— Значит, так... — проворчала она наконец. — Резковато немного, и уж больно горячо — надо, чтоб слегка остыло. Мужчинам-то явно понравится, на то они и мужчины, в нормальной еде мало что смыслят, им главное покрепче да поядреней подавай, особенно если красиво разложено на тарелке. А так — неплохо.

Ах ты, старая ведьма, подумала Ливия. Должно быть, Квартилла угадала ее мысли, потому что добавила:

— Но если с тобой, девушка, Энцо счастлив не будет, я самолично отлуплю тебя по заднице деревянной ложкой.

Словом, Ливия поняла, что Неаполь — это совсем не то, что деревня. Еще она заметила, что каждый раз, когда они вместе с Энцо выходили на *passeggiata*, вечернюю прогулку по Виа Рома, прогулки по которой стали ритуалом для обрученных пар, Энцо, с большим удовольствием ловивший обращенные к нему в его военной форме восхищенные взгляды, каждый раз был недоволен, если взгляд или улыбка доставались Ливии и поспешно увлекал ее вперед.

Вечером накануне венчания Ливия надела зеленое платье, а в церковь вошла, прикрыв лицо фатой, чтобы хранила ее счастье от злых духов. А Энцо положил в карман кусок железа, оберег от черного сглаза. Их сопровождали оба семейства, вдоль процессии бежали дети, ловя засахаренный миндаль, которым осыпали новобрачных. После венчания было шумное застолье, для которого Ливия приготовила все традиционные кушанья. Каждое несло в себе особый скрытый смысл или примету. Миндаль в сахаре — к тому, что в их жизни будут, как горькие, так и сладкие дни. Поданный в начале пиршества цикориевый суп с фрикадельками знаменовал соединение двух начал в одно. Даже подаваемые на сладкое обжаренные и обсахаренные плетенки из теста, и те несли в себе символ плодородия. Родственники пили за здоровье новобрачных, выкрикивая «Per cent'anni!»,^[12] а Энцо полагалось

громогласно объявить, что отныне Ливия уже не дочь своего отца, а его, Энцо, законная жена. Потом посыпались громкие выкрики «Bari! Bari! Bari!», призывающие молодых впервые при всех поцеловаться, что и было проделано под шумные рукоплескания.

Теперь, думала про себя Ливия, я синьора Пертини — ведь в Италии женщина после брака сохраняет девичью фамилию, а то, что она замужем, отмечено уже новым обращением: «синьора», не «*синьорина*».

По обычаю, когда молодые супруги отправляются в спальню, свадебные гости следуют туда за ними и оставляют в спальне подарки — в основном деньги, но еще и белье, и фарфоровую посуду, и сласти, — а потом, когда гости со скабресными шуточками удалятся и молодые наконец останутся одни, они прежде всего должны убрать с постели монеты и засахаренный миндаль. Признаться, скабресности гостей Ливию немного смутили; все же то, что они с Энцо успели порезвиться на сеновале, несомненно, ее несколько закалило. Хорошо еще, что дальше скабресностей дело не пошло: утром, следуя обычаю неаполитанцев, Ливия должна была отдать свекрови в стирку простыню, чтобы Квартилла могла удостовериться, что Ливия — девица. Но свекровь лишь легонько ткнула ее кулаком в бок, лукаво бросив:

— Теперь, надеюсь, стирки у нас прибавится! Внука мне рожай!

Ливия вспыхнула:

— Куда спешить, время есть.

— В этом месяце уж не так много дней осталось. На будущей неделе Энцо отзывают в гарнизон.

— Как на будущей неделе?

Ливия не подозревала, что ее медовый месяц окажется таким коротким. Правда, Энцо успокоил ее, сказал, что через пару недель вернется домой, а пара недель — срок не такой уж большой.

Однако из гарнизона Энцо возвратился чем-то явно озабоченный. И накинулся на Ливию с расспросами, с кем встречалась, что поддельвала, кого видала из его приятелей, когда ходила за покупками на рынок.

На следующий день Квартилла заявила, что отныне на рынок будет ходить одна из ее дочерей.

— Это еще почему? — изумленно спросила Ливия.

Теперь, когда ей не приходилось готовить еду на многочисленных посетителей остерии, единственной ее радостью в отсутствие Энцо были походы на рынок.

— Поговаривать начали. Похоже, улыбаешься ты всем слишком много.

Ливия стала вспоминать. Понятно, она была вежлива со всеми, а так как ее распирало от счастья, возможно, что улыбалась и торговцам на рынке. Но ведь ни с кем она не кокетничала, уж это Ливия могла сказать наверняка.

На протесты Ливии Квартилла скупно бросила:

— Это город, не деревня. Притом, Энцо муж твой, его должна слушаться.

Ливия приняла такое решение как неизбежность, подождала еще неделю, пока Энцо снова не вернулся на побывку. Но и на этот раз все повторилось — те же строгие расспросы: с кем встречалась, что делала, выходила ли куда, и, если выходила, как была одета.

— Энцо! — воскликнула Ливия. — Что за глупости! Я вышла за тебя, потому что мне нужен ты и только ты! С чего ты взял, будто я заглядываюсь на других?

Он долго темнил, но ответ она все-таки из него вытянула.

— Если тебя сумел соблазнить я, — буркнул Энцо угрюмо, — выходит, смог бы кто-то другой.

Ливия расхохоталась, хотя ей и было немного досадно: ведь именно ему из них двоих сильно не терпелось, чтоб они были вместе.

— Не мели ерунды! Ведь я же в тебя влюбилась, для меня ты во всем Неаполе самый желанный.

Он улыбнулся, явно довольный:

— Это правда, скажи, правда?

И вдруг снова насупился:

— Но ведь меня подолгу не бывает дома.

— Вот что, — сказала Ливия, — если ты и в самом деле тревожишься, что я скучаю, пока тебя нет, то, мне кажется, выход можно найти. Давай я пойду работать поварихой в какой-нибудь ресторан?

Энцо опешил:

— Ты что? В ресторан? Да Боже сохрани!

— Но почему? Многие из твоих сестер работают.

— Да, но они работают на фабрике. Конвейеры разделены — мужчины по одну сторону, женщины по другую, и там все друг за дружкой следят, как бы чего не вышло. Если ты будешь работать в ресторане, всякое может случиться.

Ливия уже готова была вспылить, но поняла, чтобы добиться чего-нибудь, надо подобрать нужные слова.

— Поверь, — сказала она, — постоять за свою честь я вполне сумею. Я ведь не вертихвостка и не кокетка, я мужчин не увлекаю, им глазки не строю.

Энцо молча выслушал, кивнул:

— Потому ты и приглянулась мне с первого же раза. Я бы ни за что не женился ни на одной из тех, кто выставляется на конкурсе красавиц.

И снова Ливию неприятно кольнуло — не потому, что она была слишком высокого мнения об участницах, а потому, что уловила в словах мужа какое-то двуличие. Но, подавив раздражение, она сказала:

— Послушай, что если я все-таки буду ходить на рынок, но вместе с одной из твоих сестер? Мне кажется, такое устроит всех.

Энцо эта мысль тоже пришлась по вкусу, и Ливия решила оставить вопрос о работе в ресторане для другого случая. Это была их первая размолвка, и ей хотелось, прежде чем выработать план действий, все хорошенько обдумать.

Поразмыслив, однако, она сочла, что все это не так уж и важно. В своем отношении к женщине Энцо, конечно же, никакого не исключение среди местных мужчин, и Ливия чувствовала, что от ее способности с этим справиться, возможно, зависит их благополучное супружеское будущее. Все изменится к лучшему, когда Энцо перестанет служить в армии, а это, он обещал, случится к концу года.

Словом, во всем дела постепенно складывались вполне удачно, и даже Квартилла при более тесном общении, как выяснилось, не такое чудовище, хотя то и дело докучает требованиями родить внука. Что так или иначе скоро случится, если Ливия и Энцо будут так же усердствовать в любви, как прежде. Правда, порой Ливии не доставало радости готовить много еды, чтобы сразу накормить много народу. Но она была счастлива, и ее жизнь могла бы потечь по тому же руслу, что и жизнь Квартиллы или ее собственной матери, если бы не произошли

некоторые события, которые повлекли за собой последствия куда
сокрушительней, чем извержение вулкана.

ЧАСТЬ II

Февраль 1944

«...Главные

усилия, однако, должны быть направлены на конфискацию скота у фермеров и на дельцов черного рынка. Эта проблема обсуждается уже давно, но, за исключением отдельных мер, имевших место в различных провинциях, никаких активных и позитивных действий в этом направлении предпринято не было. Положение вещей таково, что решение данной проблемы является делом в высшей степени безотлагательным».

*Докладная записка
Штаба союзной
военной
администрации*

*оккупированных
территорий, 15
октября, 1943 г.*

Глава 5

— Дальше ехать нельзя, — сказал водитель, выруливая на обочину. — Ривьера — это там, — он указал пальцем, — внизу. Если вам удастся пробраться через развалины.

Он проследил, как Джеймс неуклюже спускается со своего насеста поверх груды ящиков с патронами, после чего весело козырнул:

— Удачи, сэр!

И запустил двигатель мощного грузовика «К-60».

Джеймс Гулд подхватил свой вещевой мешок и ранцы, приладив их на себе крайне неуклюже: тяжелый вещевой мешок оттягивал одно плечо, ранцы свисали с другого.

— Пока! — крикнул он в ответ, попытавшись и сам козырнуть водителю поверх мешка. — Огромное спасибо.

Едва грузовик отъехал, в ближайшем окне показалась старушечья физиономия, вся, как у мопса, в складках; старуха со страхом уставилась на Джеймса.

Он вежливо ей кивнул:

— Buona sera, signora. ^[13]

Физиономия мгновенно скрылась.

Насчет воня его предупредили. Отступая из Неаполя, немцы взорвали коллекторы — те, что уцелели после британской и американской бомбежки. Чтобы заглушить мерзкую вонь, перед некоторыми домами дымили жаровни с углем, но это мало помогало. Прикопченные языки пламени среди руин полуразрушенных по обеим сторонам домов лишь усугубляли во мраке узких улочек общую апокалипсическую атмосферу. Осторожно пробираясь сквозь развалины, Джеймс набрел на здание, превратившееся в груду камней, но еще продолжавшее дымиться. И, лишь подойдя ближе, понял, что это вовсе не дым, а тучи мух, с зудением носившихся между камней. Самая страшная вонь исходила как раз оттуда.

Джеймс продолжал кивать встречавшимся на пути итальянцам. Пожилому господину, который, несмотря на учтивое «Buona sera» Джеймса, отвернулся и заспешил мимо. Парочке scugnizzi, уличных мальчишек, которые остановились и, обнявшись за плечи, нахально

установились на него. Древней старухе, точь-в-точь такой же, как та прежде, в окне, — тот же морщинистый лик, та же ссохшаяся фигурка, то же бесформенное черное платье. Джеймс остановил старуху, попытавшись узнать дорогу.

— Scusi, signora. Dov'è il Palazzo Satriano, per cortesia?^[14]

Он оттачивал свой итальянский, возвращаясь на военном судне из Африки, но плавные согласные по-прежнему выговаривались у него с трудом. Женщина бросила на него взгляд, в котором соединились ужас и непонимание. Джеймс попытался снова:

— Как пройти к Палаццо Сатриано? Это на Ривьера ди Кьяйя.

Не помогло. Как будто он говорил на языке суахили.

— Grazie mille,^[15] — смиренно произнес Джеймс и продолжал свой путь.

Зная, что место, куда ему нужно попасть, находится на берегу моря, и резонно рассудив, что не будет ошибкой, если он будет спускаться вниз, Джеймс с намеченного пути не сворачивал. На каждом шагу попадались свидетельства недавнего прошлого. На одной из стен гигантское изображение *facio*,^[16] символа Муссолини — топор и связка прутьев, покрашенное поверх гитлеровской свастики, а еще поверх — наспех выбеленный прямоугольник с грубо намалеванным звездно-полосатым флагом и надписью: *Vivono gli Alleati* — «Добро пожаловать, Союзники!»

Настенная живопись была украшена россыпью пулевых пробоин, хотя к какому именно периоду художественной эволюции стены они служили дополнением, сказать было невозможно.

Две молодые женщины подошли к Джеймсу. Обе темноволосые, смуглые, темноглазые; такие же красавицы улыбались с итальянских довоенных открыток. Правда, эти одеты были в нечто, напоминавшее американские военные кители, слегка оживленные тесемочками из ярких лоскутков. У обеих цветки в волосах. Обе уставились на Джеймса. Та, что поближе, с робкой улыбкой. Он обратился к ним с тем же вопросом:

— Scusate, signorine. Dov'è il Palazzo Satriano?

Девушки среагировали совсем иначе, нежели старуха. Та, которая улыбалась, тотчас шагнула к нему и, встав почти вплотную, игриво прошлась пальцами по пуговицам его кителя. Сказала тихо-тихо, так что ему пришлось наклониться к ней, чтобы расслышать:

— Три панки душонки. Чисти, ми чисти.

Слишком поздно он сообразил, что это проститутки. Нежные пальцы гладили его по руке, и, даже когда Джеймс отпрянул, маленькая ножка продолжала прижиматься к его ботинку.

— Хочи? — ласково мурлыкала она, указывая на себя и свою спутницу. — Ми две — три панки душонки.

Три банки тушенки: ничтожная малость, меньше пяти шиллингов.

— Простите, — сказал Джеймс, отступая. — Sono un ufficiale inglese. — Он осекся: что это у него получилось — «английский офицер» или «официальный англичанин»? — Mi sono perso. И точка.

Девушка виновато улыбнулась, как бы давая понять, что не прочь повстречаться с ним вечерком, когда он уже и не официальный англичанин, и не perso — заблудился. Конечно же, Джеймс сталкивался с проститутками и прежде — с угрюмого вида соотечественницами, выставлявшими в окошки картонки с надписью: «Обстирываю солдат»; с ярко, карикатурно покрашенными девицами, фланирующими по Пикадилли и по Риджент-стрит, с горделиво прогуливавшимися *luciole*^[17] последнего места своего назначения, — но никогда еще не приходилось ему видеть, чтобы такая красота продавалась так дешево, как и подобную до тошноты унижительную реакцию на свой отказ.

Повернув за угол, Джеймс внезапно оказался на улице, усеянной барами и ресторанами. Это было удивительно: в инструкциях говорилось, что подобные заведения по-прежнему официально запрещены. «Неаполь — первый крупный город, освобожденный союзными войсками. За нашим поведением будет следить весь свободный мир», — постоянно твердилось в этих инструкциях. Если бы свободный мир, подумал Джеймс, увидел то, что теперь открылось его глазам, он был бы несколько обескуражен. Чем дальше, тем больше улица становилась все уже, под конец сделавшись не шире стола. От многочисленных жаровен здесь было душно и жарко. Но, несмотря на жару и духоту, эта крохотная артерия была запружена народом. Мимо Джеймса проталкивались мундиры всех мастей и стран — наряду с британскими хаки и американскими оливково-зелеными оказалось еще и немало мундиров польских, канадских, новозеландских, французского Сопrotивления, шотландских, мелькнула даже пара мундиров индийских стрелков-гуркхов; толпа бодро преодолевала

завалы камней. И девушки: куда ни глянь, повсюду их видимо-невидимо, темноволосых, темноглазых, прогуливаются парочками, виснут на каком-нибудь солдате, стоят, с томным видом прислонившись к дверям бара, ждут клиентов. Скроенные из армейских одеял или перешитые из военной формы платья, казалось, здесь в порядке вещей, и это придавало маленькой улочке облик странноватого военного лагеря.

Пробиваться сквозь толпу с вещевым мешком за спиной было нелегко: стоило повернуться, как мешок охаживал кого-нибудь по голове: выходило, как у Чарли Чаплина с его лестницей. Приходилось то и дело сыпать налево-направо извинения пострадавшим. Похоже, на воинские звания тут почти внимания не обращали, что Джеймсу было на руку, с мешком отдавать честь не так-то легко. Ему вдруг показалось, будто кто-то легонько потянул за ранец у него на боку. Джеймс обернулся, но *scugnizzo* уже прорывался сквозь толпу, кинув на Джеймса через плечо укоризненный взгляд в досаде, что застежка на ранце стянута слишком туго.

На перекрестке мимо прогромыхал уличный трамвай, сверх предела забитый народом, трое монашек висели на подножке; его трезвон поутих, едва трамваю удалось пробиться сквозь людское столпотворение. Движение колонны грузовиков регулировал американский военный полицейский в белой жестяной каске, а также итальянский *carabiniere*^[18] в причудливой униформе, делающей его похожим на руководителя джаз-бэнда. У американца во рту был свисток, сопровождавший его нетерпеливые и яростные движения оглушительным свистом. Итальянец, напротив, регулируя, разводил, как бы извиняясь, руками. Будто сошедшие с египетских акварелей длиннорогие, попарно запряженные в деревянные тележки быки летаргически испражнялись, ожидая своей очереди. Мальчишки шныряли посреди общей свалки, торгуя губной помадой и амулетами на счастье.

Наконец один британский стрелок любезно указал ему, куда надо идти. Джеймс пошел вниз по боковой улочке не шире тропинки, потом по головокружительно вьющимся зигзагами каменным ступенькам. Было приятно вырваться из шума и толчеи, и Джеймс даже не сразу сообразил, что теперь дома уже не напирают со всех сторон.

Он остановился, мгновенно пораженный открывшимся видом. Прямо перед ним над Неаполитанским заливом стояло огромное закатное оранжевое солнце. Под алыми небесами море казалось сглаженным, как кипящее молоко под пенкой. Вдоль побережья вечерний ветерок покачивал пальмы. А на том берегу залива, прямо из полуострова вдали, как яйцо из подставки, мощной громадой вставал Везувий. Легкий, похожий на вопросительный знак, дымок вился над его вершиной.

— Господи! — вырвалось вслух у Джеймса.

Но, сказав себе, что не видами восхищаться, а войну предстоит заканчивать, он двинулся по ступенькам вниз к большому, стоявшему в самом низу зданию.

Глава 6

Служба армейской контрразведки была о себе явно высокого мнения, и это было очевидно с первого взгляда. Ее нынешняя штаб-квартира располагалась в старинном palazzo,^[19] несколько внешне пострадавшем, но все еще несущем следы былого величия. В громадном вестибюле поблекшая фреска изображала нимф и сатиров, которые что-то не поделили за пиршественным столом. Джеймс прошел во внутренний двор, где обнаружил одно лимонное дерево и два пары новеньких джипов.

— Эй! — негромко окликнул он.

В одном из окон, выходящих во двор, он заметил ординарца в американской военной форме, перебежавшего из одной комнаты в другую со стопкой папок.

— Простите, — Джеймс, перегнулся через подоконник внутрь, — я ищу службу британской армейской контрразведки.

— Это выше, — равнодушно бросил ординарец через плечо.

Трогательное к союзникам отношение, нечего сказать.

— А точнее?

— Кажется, на третьем этаже.

Снова вскинув на плечо вещевой мешок, Джеймс устало поплелся вверх по громадной лестнице, занимавшей целиком угол двора. Кованые подошвы британских ботинок гулко цокали по каменным ступеням, — американские на резине ступают едва слышно.

Отворив дверь на третьем этаже, Джеймс оказался в громадном, скудно обставленном зале. В нем элегантно одетая дама сидела у окна в таком же элегантном кресле; при ней находилась изможденного вида коза, привязанная к креслу цепочкой. Перед козой на полу, скрестив ножки, сидел ребенок, доивший козу в подставленное ведро. Все трое, едва Джеймс вошел, повернули к нему головы, но если в чьих глазах и мелькнуло удивление, то только у козы.

— Scusi,^[20] — пробормотал Джеймс, быстро ретируясь.

Он забыл: если американцы говорят «третий», имеется в виду второй этаж.

Этажом ниже звук пишущей машинки свидетельствовал о наличии здесь учреждения, что вдобавок подтверждалось и дверной

табличкой: «312. Служба полевой контрразведки (Армия Великобритании)». Ниже отпечатанное на машинке уведомление гласило: «Брачный офицер. Только по предварительной записи. Часы приема: 15.00–16.00». Та же информация значилась и на итальянском языке. В одном месте объявление было сильно порвано, как будто кто-то в сердцах однажды его сорвал, а потом порванное склеили. Джеймс снял вещевой мешок и постучал.

— Avanti!^[21] — слышалось в ответ.

Он отворил дверь. Перед ним оказалась просторная комната; длинный стол, тянувшийся посередине, был уставлен бумагами и папками. Черноволосый мужчина примостился на краю стола, перекладывая бумаги из одной объемистой пачки в другую. Под воротом рубашки красовался яркий шейный платок, придавая его военной форме несколько легкомысленный вид.

— Да-да? — вскинул он взгляд на Джеймса.

— Здравствуйте. Я капитан Гулд.

— А? — мужчина как будто удивился. — Мы ждали вас только завтра утром.

— Меня подбросили из Салермо. Грузовик с боеприпасами ехал в сторону фронта.

— Угу. Ясно-ясно. Кстати, — человек указал на бумаги, — как раз подбираю для вас нужные материалы. — Он встал и протянул руку. — Джексон.

Джеймс шагнул вперед, обменялись рукопожатием.

— Похоже, работы хватает? — спросил Джеймс, обводя взглядом горы бумаг.

— Хватает.

Джексон провел рукой по волосам:

— По правде говоря, я несколько припозднился. Хотел написать вам записку. Но раз уж вы здесь, может, пойдем поужинаем?

Уже довольно давно Джеймсу не обламывалось ничего, соответствующего понятию «ужин».

— У вас есть столовая? — спросил он с надеждой.

Джексон рассмеялся:

— Ну не совсем! Собственно, есть некто по имени Маллони, он нам готовит, но его кулинарные способности оставляют желать лучшего. Есть подозрение, что он ворует солонину и сбывает ее на

черном рынке, местные жители считают, что она обладает возбуждающими свойствами, полагаю, исходя из принципа, чем омерзительней вкус, тем, непременно, полезней для здоровья. — У Джексона был легкий тик, разделявший его фразы едва заметной паузой. — Нет, я имел в виду нечто вроде ресторана. Есть одно такое место под названием «Зи Тереза». Это в порту. Понятно, черный рынок, цены соответственные, но нас это не должно волновать. Неплохой вариант использования служебного положения — просишь владельца подписать счет, и он тут же дает тебе половинную скидку.

— Но разве мы здесь не затем, чтобы это пресечь?

— Поверьте, — сказал Джексон с кривой усмешкой, — выбить отсюда фрицев неизмеримо легче, чем попытаться извести в неаполитанцах эту заразу. А у нас есть головная боль и похлеще. Ну, как? Идем?

— Улучив момент, присмотритесь к картинкам, — посоветовал Джексон, когда они направились к каменной лестнице. Некоторые весьма пикантны. Если вы любитель.

Приглядевшись, Джеймс только теперь обнаружил, что отнюдь не только пища являлась предметом схватки нимф и сатиров.

— Вот ваш транспорт! — Джексон указал на мотоцикл «Мэтчлесс», прислоненный к подножию статуи Прозерпины с рябыми от пуль ягодицами. — Главное — не оставляйте его на улице. У янки уже увели три джипа. Не говоря уже о нескольких грузовиках, паровозе и парочке военных кораблей класса «С».

— Как вышло, что вы оказались в одном здании?

— Теоретически их служба контрразведки делает примерно ту же работу, что и мы. Какая-то умная голова решила, что нам следует выполнять ее вместе.

— И вы выполняете?

Выйдя из палатки, Джексон повернул налево и энергично зашагал вдоль моря. Джеймс автоматически пристроился рядом, их руки и ноги двигались по-военному синхронно.

— Собственно, мы пытаемся не наступать друг дружке на пятки. У них потрясающее хозяйство — двадцать пять человек штата против наших трех, а у архива — отдельное помещение. Кстати, как у вас с итальянским?

Джеймс признался, что пока едва понимает то, что ему говорят.

— Вполне естественно. Здесь говорят на неаполитанском диалекте. Это, можно сказать, другой язык, и кое-кто из стариков обычного языка не понимает. Не волнуйтесь, скоро приспособитесь. Замечу, их контрразведке затрудняет работу то, что у них никто на нормальном итальянском не говорит.

— Вы не находите это странным?

Джексон зашелся лающим смехом:

— Это как посмотреть! В Пятой Армии полно американцев итальянского происхождения, все они пробились в интенданты, этим меньше всего надо, чтобы в их дела совалась контрразведка.

— Вы хотите сказать, что они крадут свой же провиант? — в изумлении спросил Джеймс.

Джексон остановился:

— Знаете, по-моему, нам лучше пройти в обход. Хочу кое-что вам показать.

Джексон увлек Джеймса вверх к старому кварталу, где множество темных средневековых зданий гурдились одно над другим. Причудливо петляя посреди этого лабиринта, вилась улочка, которая, лишенная претензий на величие, была здесь главной, пожалуй, только исключительно благодаря своей длине. Джеймс подумал: точь-в-точь суук, мусульманский рынок в Северной Африке, — узкая улица, до непостижимости забитая хаотичной толпой, продавцами и покупателями. Рыночные лотки, сооруженные из пары чемоданов и положенной поверх доски, заставлены горами всевозможного воинского имущества: продуктовыми пайками, перешитой из солдатских одеял одеждой, ботинками, сигаретами, флакончиками с пенициллином, туалетной бумагой, даже мотками телефонного провода. Прохожие рылись в солдатском белье или шумно выторговывали сладкие батончики, вытянутые из американских армейских пайков. Лотошники равнодушно посматривали на двух офицеров, пробиравшихся сквозь толчею, но если не считать единственного господина с бегающими глазками, который при приближении Джеймса с Джексоном немедленно упрятал куда-то пару британских штыков, остальные не сделали ни малейшей попытки прибрать свой товар.

— Мы пару раз устраивали на них облаву, — рассказывал Джексон, — но буквально на следующий день на месте одних появлялись другие. Понятное дело, основные деньги — это пенициллин. У нас столько его пропадает, что нашим медикам приходится наведываться сюда и выкупать свой пенициллин у торговцев черного рынка, чтоб хотя бы обеспечить полевые госпитали.

Джеймс понимающе кивнул. Пенициллин. Это слово было теперь у всех на устах. До открытия пенициллина не было эффективных средств от заражения крови при пулевых или осколочных ранениях, и даже сравнительно легкая рана могла привести к потере конечности или к смерти. Теперь американская фармацевтическая компания «Пфайзер» открыла способ производства этого чудо-препарата, выдает его в громадных количествах и даже запускает рекламу в журналы и газеты, похваляясь, будто их продукт может изменить ход войны.

— А зачем итальянцам его столько? — спросил Джеймс. — Ведь, в общем-то, они уже не воюют?

— Им пенициллин нужен не раны залечивать, а от сифилиса. Здесь свирепствует эта зараза.

— Ах, ну да! — Джеймсу вспомнились подходившие к нему утром девицы: «Чисти, ми чисти!» — Как я погляжу, тут имеют место... э-э-э... тесные общения?

Они уже свернули с торговой улицы и теперь спускались вниз через старый город. Как бы в подтверждение слов Джеймса на углу стояло, гогоча, несколько солдат. У каждого в одной руке бутылка, на другой — повисла хохочущая девица.

Джексон развел руками:

— Увы, тут чистая коммерция. Фрицы мобилизовали всех здоровых итальянских парней и либо отправили работать в трудовые лагеря, либо погнали воевать в Россию. После чего экономика рухнула — пожалуй, только и остались что проституция да черный рынок. Согласно последним сводкам, в Неаполе более сорока тысяч проституток. А все женское население составляет девяносто тысяч. Если исключить старух и детей, этим занимается почти каждая встречающаяся.

— И мы ничего не можем с этим поделать?

Джексон метнул на него взгляд:

— Выиграем войну, возьмемся, — вяло бросил он.

— Я имею в виду здесь, в Неаполе?

— Делаем все возможное, — Джексон указал на вывеску над магазином.

Поверх прежней проступавшей надписи было выведено крупно: ПРО-ПУНКТ.

— Официально проституция вне закона, и мы не намерены с ней мириться. Но мы предлагаем бесплатную профилактику тем солдатам, кто в ней нуждается. Кроме того, есть еще некий антисептик, которым могут пользоваться женщины, — у нас его называют «синий порошок». Дальше этого наши интересы не распространяются. В конечном счете, союзная военная администрация озабочена только тем, чтобы солдаты не выбывали из строя. Пару недель пробудут здесь, и большинство отправится снова на фронт. Главное, чтоб солдат на ногах стоял и чтоб мог стрелять.

Едва снова вышли на набережную, Джексон увлек Джеймса в дверь какого-то заведения. В помещении с затемненными окнами было полным-полно посетителей. В основном офицеры, но было также несколько солдат, развлекавшихся с местными девицами, и кое-какие столики занимали итальянцы на удивление преуспевающего вида, иные в компании с американскими или британскими штабными офицерами.

— Кто б мог подумать, что идет война, правда? — заметил Джексон, упиваясь изумлением Джеймса.

— Синьор Джексон! Как я рад видеть вас! — Виляя задом, сквозь столики к ним пробирался хозяин.

— Прошу, Анджело, столик подальше от шума. У нас с коллегой деловой разговор.

Итальянец улыбнулся и повел их к столику в глубине зала.

— Женщины смотрятся отменно, не так ли? — прокомментировал, оглядываясь, Джексон, когда они уселись за стол. — У них здесь то, что называется «немецкая диета», люди чуть не мрут с голоду. — На стол легло написанное от руки меню. — Кстати, осторожнее с выбором. На улицах Неаполя уже осталось не так много кошек.

Между столиками проходил официант, привлекая внимание посетителей демонстрацией рыбин на блюде. Джексон его остановил.

— Взгляните на эту рыбу, — сказал он Джеймсу. — Ничего не замечаете?

— По-моему, рыба как рыба.

— Сравните головы и тушки.

Джеймс присмотрелся и заметил, что каждая рыбина и в самом деле состояла из двух разных частей, аккуратно пригнанных друг к другу. Линия соединения была почти незаметна.

— Скорее всего, налим, — сказал Джексон, отмахиваясь от рыб. — Есть можно, но без особого удовольствия.

Он заговорил о чем-то быстро по-итальянски с официантом. Тот пожал плечами, что-то ответил, — и опять-таки Джеймс многих слов разобрать не сумел. Джексон кивнул официанту.

— Кажется, сегодня у них есть морские ежи, правда, их я вам есть не советую.

— Это почему?

— Может вызвать нежелательные последствия. — Заметив недоумение в глазах Джеймса, Джексон, понизив голос, сказал: — Прилив полового влечения. Советовал бы воздержаться, если только не надумаете после посетить один из кабинетов на втором этаже.

— Так это что — бордель?

Его спутник повел плечами:

— Не вполне. Но при каждом ресторанчике черного рынка крутятся всякие девицы. Кстати, при этом заведении есть одна популярная красотка, известная обольстительница со вставным глазом. Если такое в вашем вкусе. — Откинувшись на спинку стула, Джексон некоторое время выжидающе смотрел на Джеймса. — Вы женаты, Гулд?

— Гм... — Джеймс несколько смутился. — Не вполне.

— Но девушка-то у вас есть? Я имею в виду — дома?

— Есть, конечно, есть. — По-видимому, Джексон ждал некоторых подробностей, и Джеймс добавил: — Ее зовут Джейн. Джейн Эллис. Она в трудовой армии.

— Вы обручены?

— В общем, да.

— Чудесно. Это вам очень может помочь. При опросах потенциальных невест.

— Я как раз и хотел у вас спросить...

— Мой вам совет, Гулд, — внезапно с нажимом сказал Джексон, подаваясь вперед к Джеймсу, — держитесь подальше от морепродуктов, избегайте яркого солнца и постоянно думайте о своей девушке.

— Ну да, понятно. Одно только мне никак...

— При первом же тревожном сигнале, немедленно говорите им, что вы *fidanzato*, помолвлены.

— Приму к сведению, — сказал Джеймс, крайне озадаченный.

— Вы должны служить положительным примером. Помните, теперь вы брачный офицер.

Последние слова Джексон произнес с неким содроганием.

— По правде говоря, подобного я не ожидал, — сказал Джеймс. — Впервые увидел ту надпись на вашей двери...

— Не на *моей*, старичок. Теперь она ваша. — Внезапно, лицо Джексона словно просветлело. — Знаете что, возьму-ка я себе в конце концов этих ежей. Ради прощального вечера. — Он махнул официанту. — Ну, а вы... У них вполне сносная яичница с колбасой.

— Звучит завлекательно.

После того, как официант принял заказ, Джеймс возобновил атаку:

— Скажите все-таки, что это значит, брачный офицер? В инструкции об этом ни слова.

— Что это значит? — Казалось, Джексон и сам озадачен, что сказать. — Признаюсь, должность весьма необычная. С того момента, как здесь высадились союзники, некоторые из наших солдат изъявили желание жениться на местных девушках. Прямо скажем, таких *немало*, — если честно, похоже, что процесс уже выходит из-под контроля. Разумеется, каждый военнослужащий, который собирается жениться, должен получить разрешение командования. Поэтому, стремясь удержать поток, командование решило, что каждую потенциальную невесту необходимо проверить и убедиться, что она действительно достойна и ее можно рекомендовать.

— А что, черт побери, значит «можно рекомендовать»?

— Словом, что она не шлюха, — невозмутимо ответил Джексон. — Но фактически, если учесть все вышесказанное, иной она и быть не может. Ваша работа — просто собирать сведения. Если едой девица обеспечена или если в ее квартире осталась хоть какая-нибудь

мебель, она — проститутка. Если она может себе позволить оливковое масло, или белый хлеб, или губную помаду, она — проститутка. Просто задайте вопрос, на что она живет. В девяти случаях из десяти скажет, будто у нее где-то имеется дядя. Но стоит копнуть глубже, все это чистая липа.

— На первый взгляд, работа не пыльная.

Джексон метнул на Джеймса взгляд. После чего на мгновение его лицо приняло отсутствующее, потерянное выражение, какое бывает у жертв блицкрига и раненых во время сражения. Но вот Джексон провел по лицу рукой и, похоже, снова вернулся к действительности.

— Ну да. Ясное дело, не пыльная.

Появился кувшин с красным вином, и Джексон, капая на скатерть, налил им обоим по большому стакану.

— Per cent'anni.

— Будем!

Ставя свой стакан, Джеймс заметил, что мужчина за соседним столиком поглядывает на них с насмешливой улыбкой. По его дорогому костюму Джеймс заключил, что он не военный и личность весомая. Тот ужинал в компании американских штабных офицеров. Поймав взгляд Джеймса, мужчина в ироническом приветствии приподнял шляпу.

— Кто это? — спросил Джеймс.

— Где? А этот! Дзагарелла. Он фармацевт, хотя на самом деле такой жук. Именно он стоит за кражами почти всего пенициллина.

— Так почему вы его не арестуете?

Джексон невесело усмехнулся:

— Я арестовал его как-то. Ни к чему это не привело. Как видите, у него имеются друзья с весьма мощными связями.

Приспела еда. Яичница с колбасой, как и сказал Джексон, оказалась весьма приемлемой, и даже как будто изготовленной из настоящих яиц, не из порошка, да и мясо настоящее, не тушенка. После долгого питания из консервных банок Джеймс с жадностью проглотил яичницу.

Подхватив пальцами морского ежа, стараясь при этом не задеть лиловых колючек, Джексон ложкой извлек лоснящиеся яркие внутренности, направил в рот. Такое Джеймс видел в первый раз в

жизни. Пожалуй, это было что-то за гранью, как и пирог с китовым мясом, подаваемый в некоторых кафе на родине.

— Можно попробовать? — спросил он с любопытством.

— Почему нет, — произнес Джексон без особого энтузиазма, передавая Джеймсу одного ежа.

Джеймс погрузил нож в мягкую, упругую, как желток, внутренность, лизнул. Отдававший водорослями жирно-солонатовый вкус был странен, но не без приятности. Джеймс попытался вспомнить, на что бы это могло походить.

— Вроде... вроде устрицы с заварным кремом.

— Если хотите, да, — Джексон быстро уплел остальных морских ежей, уже не предлагая пробовать.

Во время ужина он растолковал Джеймсу каковы его прочие обязанности. Теоретически служба армейской контрразведки отвечала за все, что касается безопасности союзной военной администрации.

— По идее это означает сбор разведывательных данных. Но в Неаполе уже никакой разведывательной службы не существует, только болтовня одна. Не далее как на прошлой неделе американцы настроили полдюжины так называемых достоверных сообщений, будто где-то на склонах Везувия окопалась немецкая танковая дивизия смертников и что те только и ждут подходящего момента, чтобы ударить нам в тыл. Целых три дня я перепроверял факты, хотя уже и так знал, что все это сушая чепуха.

— Что-то не наблюдаю у вас особой привязанности к нашим союзникам, — заметил Джеймс.

— Так ведь у нас гораздо больше опыта в этом деле. Африка, Индия, и тому подобное. — Джексон подлил себе еще вина. — Исторически мы больше годимся для управления империей.

Джеймс вставил что-то по поводу аналогичного представления и у немцев, однако к иронии Джексон был явно не расположен.

— Признаться, немцы тут прекрасно управлялись. Скажем, с венерическими болезнями у них не было проблем. Они попросту отправляли в тюрьму ту, что была источником заразы, а соответствующий солдат подвергался армейскому взысканию по полной программе — осквернение чистоты высшей расы и тому подобное. Считается, что мы более цивилизованы, но именно от этого забот у нас выше крыши.

Любопытный инцидент произошел, едва Джексон запросил счет. Прежде чем его начертать, метр Анджело, перегнувшись через стол, поведал, что «британская тайная полиция» обслуживается бесплатно. И отвесив Джеймсу поклон, произнес:

— Добро пожаловать, капитан Гулд. Надеюсь, вы станете у нас частым гостем.

— Откуда он знает мое имя? — спросил Джеймс, едва Анджело отошел.

— Работа у него такая, всех знать, — пожал плечами Джексон.

— Не скажу, что это меня радует.

— Отчего же?

— Я еще и суток не провел в Неаполе. Не думаю, что получение... ну... или некое попустительство взятке, приемлемое для меня начало.

— Боюсь, иначе здесь не получится. Подмазать тут в порядке вещей. Анджело не имел в виду ничего дурного.

— Но формально открывать подобное заведение должно быть запрещено.

— Они возвращаются к нормальной жизни. Просто их нормальная жизнь отличается от нашей.

— И все же половину счета я хочу оплатить сам, — упрямо сказал Джеймс.

Подозвав официанта, он попросил принести счет.

— *Il conto*, ^[22] — сказал тот с улыбкой, возвратившись и кладя на стол счет.

Джеймс взглянул: больше половины месячного армейского жалованья.

— Вы позволите, Гулд, дать вам на прощанье небольшой совет? — сказал Джексон, когда Джеймс уже расплатился.

— Да, разумеется!

Джексон слегка поколебался. Потом с расстановкой произнес:

— Здесь вам не дома. Тут правил не существует, только приказы. Просто выполняйте приказы, тогда все будет в порядке. Но даже не пытайтесь искать какой-то смысл, иначе... иначе попросту свихнетесь.

Выйдя из ресторана, они натолкнулись на уличную потасовку — двое британских солдат избивали местного парнишку лет пятнадцати.

Один держал его за руки, другой колотил ножкой от стула. Голова мальчишки была вся в крови. В нескольких шагах от этого места наблюдала с беспомощным видом за сценой смуглая, хорошенькая девчонка, чуть постарше парня.

— Это что такое? — строго крикнул Джексон. — Прекратить немедленно!

Солдаты нехотя попятнулись, и оба офицера контрразведки поспешили разобраться, в чем дело.

Выяснилось, что парень выступил сутенером при родной сестре. Сговорились, и малый, получив плату, — точнее три пачки сигарет в качестве вознаграждения, — рванул и был таков. Позже солдаты набрели на обоих и решили их проучить. Джеймс для вида спросил имена и личный номер солдат, но было ясно, что меры воздействия на этом заканчивались. Он приказал им, чтоб шли своей дорогой, и те удалились, продолжая выкрикивать угрозы.

Пока Джеймс разбирался с солдатами, Джексон, понизив голос, говорил о чем-то с девушкой и ее братом, после чего те скрылись в темноте.

— Невеселая история, — сказал Джексон, едва Джеймс присоединился к нему. — Все не так просто, как кажется на первый взгляд. Эти ребята — scugnizzi, больше года как потеряли своих родителей. У девчонки сифилис, что хотя бы частично оправдывает ее уклонение нежеланием стать переносчицей болезни. Я дал ей адрес одного госпиталя, где, может быть, ей удастся раздобыть немного пенициллина, хотя сомневаюсь, что у нее найдется, чем заплатить. Классический чертов замкнутый круг. Чтобы заработать денег на средство от заразы, ей придется спать еще с дюжиной солдат, а те, в свою очередь, заразят еще дюжину девиц.

— Вы, должно быть, рады отъезду на родину, — сказал Джеймс. — Так славно после всего этого снова оказаться в Англии.

— Не скажу, что вы не правы, — ответил Джексон.

Он обвел взглядом полуразрушенные дома вокруг — выбитые воздушной волной окна, уставленные геранью и увешанные бельем балконы, стены в глубоких, полученных с благословения трех армий, оспинах, — и потом текущую в обоих направлениях людскую толчею.

— Хотя чем дальше, тем, как ни странно, крепче все это засасывает.

Глава 7

Ливия Пертини с грохотом составила кастрюли и, сверкнув глазами на отца, крикнула:

— Как готовить, если не из чего?

Отец развел руками:

— Альберто Сиенца пришел, покушать хочет.

— Этот прохвост? Только и норовит своим свиным рылом в корыто. Надо же, и как его жирное брюхо не лопнет!

— Поттише! — умоляюще сказал Нино, хотя, надо сказать, Ливия так громыхала кастрюлями и сковородками, что снаружи их голосов слышно не было.

— Скажи, пусть приходит в другой раз.

— Чтоб он подался в другую харчевню? Альберто один из лучших наших посетителей, их и так уж почти не осталось.

Ливия вздохнула:

— Ладно, сделаю суго, — вяло буркнула она. — Только непременно скажи ему, мяса нет.

— Может, еще и *melanzane farcite*? — с надеждой в голосе спросил Нино. — Ты ведь знаешь, как он любит твои фаршированные баклажаны.

— Попробую.

— Вот и умница. А, может, напоследок еще и *badino*?^[23]

— Ну, уж нет! Куда там. Да и яйцо у меня всего одно.

— Тогда, может...

— Некогда мне с тобой разговаривать! — отрезала Ливия, уже принявшаяся нарезать помидоры для суго.

Нино с улыбкой отошел. Уж он-то знал, едва дочь расправится с пастой, она приготовит и сырный пудинг, *budino di ricotta*, пусть даже с помощью одного единственного яйца. Отчасти потому, что Ливия была покладистая девочка и, хоть и ершилась, но слушалась своего отца, но еще и потому, что больше приготовить было практически нечего. Вот уже три недели, как им не удавалось раздобыть ничего из провизии. Соседи, чем могли, менялись друг с дружкой, но теперь, когда продукты стали продавать через официально утвержденные

государством пункты, стало совершенно невозможно доставать необходимое законным путем.

Соус, который Ливия теперь готовила, был весьма прост, но при этом, благодаря качеству продуктов, изысканно хорош. Ливия нашинковала горку *romodorini da serbo*, крошечных помидоров, росших только здесь, на склонах Везувия. Затем она, добавив чеснок, быстро их обжарила в небольшом количестве собственного домашнего оливкового масла. Под конец кинула туда несколько порванных листочков свежего базилика с кустика, что рос прямо перед кухонной дверью. За несколько минут, гораздо быстрее, чем сама паста, соус был готов.

Мариза отнесла блюдо клиенту. А Ливия взялась за приготовление остальных. Но сперва слила огненное масло со сковородки в металлический стаканчик — снарядную гильзу, которую нашла в поле и тщательно вычистила. Чуть подлила поверх масла холодной воды. В целях экономии: при жарки вместе с водой осядут на дно, позволяя использовать драгоценное масло и впредь.

Уже когда мыла грязные кастрюли, Ливия почувствовала, как кто-то вошел в кухню.

— А! — сказала она. — Это ты.

Альберто Спенца глядел на нее с порога кухни. Ливию это не удивило — кухня обычно всегда была открыта для посетителей, если кому хотелось взглянуть, что есть в наличии, прежде чем определиться с выбором. Однако бывший продавец лент стал наведываться сюда чаще других.

С тех пор как четыре года назад Энцо ушел воевать, Альберто редко упускал возможность заглянуть к Ливии. Шла война, а он все богател, — все кругом знали, что он бандит, а, возможно, даже и *camorrista*, мафиози, — и визиты его к Пертини сделались чаще. Ливия замечала, как он на нее смотрит, и это ее пугало. Все местные мужчины заглядывались на нее — но во взглядах Альберто, бросаемых им исподтишка, когда считал, что она не видит, было что-то грязное: с такой алчностью заглядывает голодный в полную тарелку своего соседа.

Правда, сегодня Альберто, как видно, пребывал в благодушном настроении.

— Отличная еда, — сказал он весело, протискиваясь жирным животом в кухню. — Может, еще и кофе есть?

— Только желудевый, — бросила Ливия.

Она расставляла на плите кастрюли. Готовить больше было не для кого, но, изображая занятость, можно было за разговором не смотреть на Альберто.

— Выходит, не зря я прихватил с собой немного.

Не сдержав изумления, Ливия подняла глаза. Вынув из кармана кулечек, Альберто уже его разворачивал. Кухню наполнил аромат, почти уже забытый с довоенных времен. Невольно под воздействием этого крепкого, густого запаха даже выражение лица у Ливии сделалось мягче.

— «Нескафе» называется, — сказал Альберто. — Из американского пайка. По правде говоря, не очень-то и кофе, но лучше, чем желудевый. Приходится подслащивать сахаром, чтоб казалось вкуснее. — Он заулыбался, скаля зубы под обвисшими усами, которые отпустил, чтобы скрыть двойной подбородок. — Кстати, я и сахар по случаю прихватил. — Он выложил на стол еще один кулечек. — Может, и ты составишь компанию?

Уже год как Ливия сахар в глаза не видала. Если требовалось что-либо подсластить, она понемногу капала мед.

— Сейчас поставлю кофейник, — сказала она, потянувшись в буфет за *paroletana*, кастрюлькой, издавна предназначенной для приготовления кофе и внешне напоминающей песочные часы.

— Не заботься. Этот кофе заливается кипятком. Проще простого.

Пожав плечами, Ливия поставила на плиту кастрюльку с водой.

— Ай-ай, — продолжал Альберто, — подумать только, совсем посетителей нет. Если так и дальше пойдет, совсем загнется ваше дело.

Ливию эта мысль тоже временами посещала.

— Ничего, — отрезала она. — Война ведь скоро кончится.

Он приподнял бровь:

— Скоро? По моим данным что-то непохоже. Еще, по крайней мере, год пройдет. А то и три. Американцы себя под пули подставлять не спешат, а немцы не спешат сдаваться.

Ливия подумала про Энцо. Господи, неужто и впрямь они увидятся только через три года? Уже четыре года, как они расстались.

И будто читая ее мысли, Альберто сказал:

— Долго еще придется вам выкручиваться, чтоб дело не пропало. А денежки, видать, так меж пальцев и текут?

— Ничего, справимся! — с вызовом отрезала Ливия.

Альберто поковырял в зубах ножом и многозначительно произнес:

— Правда, можешь в любой момент прийти мне сготовить.

— Сготовить? К тебе домой что ли?

— А что? — Альберто скрестил на груди жирные руки. — Война пошла мне на пользу. Я могу себе позволить... — он сделал паузу, — ...экономку. По мне так лучше ты, чем какая другая.

Ливия молча заливала кипятком кофе и разливала его в маленькие чашечки для эспрессо. Пахло восхитительно, но стоило поднести чашку к носу, как аромат тотчас исчезал, оставался легкий химический душок. Ливия пригубила. Напиток был не крепкий и горький, вкус никак не оправдывал начальный аромат.

— Экономку, значит, — проговорила она, — не просто кухарку?

Альберто снова изобразил неопределенный жест:

— У меня и другие потребности есть.

Ливия метнула на него взгляд:

— Какие, например?

— Постирать, убрать... то, что делала бы моя жена, если б она у меня была, — бросил он небрежно.

Ливия почувствовала, как кровь бросилась ей в лицо. Альберто помешивал свой кофе.

— То, что ты делала для Энцо, — негромко сказал он. — Он рассказывал своим приятелям, будто ты прямо... находка. — Альберто улыбнулся с видом знатока. — Правда, если хорошенько припомнить, он выразился немного иначе.

У Ливии защемило сердце. Что за глупости болтал о ней Энцо! Их личная жизнь никого не касается. Чтоб ему попридержать свой язык! Снова щеки ее запылали, на сей раз от стыда.

— Слыхал, он тебе дал особое прозвище, — продолжал Альберто. — Везувьетта. Мой вулканчик.

— Энцо — мой муж! — припечатала Ливия.

— Понятное дело. И останется мужем, когда вернется. А пока, между прочим, могла бы и постараться для его же блага. Кто знает, вдруг он вернется без ног, или слепой, или безрукий. — Ливия сжала уши руками, чтобы не слышать этих ужасных слов, но это не

помогло. — Неужто не хочешь, чтоб, вернувшись, он увидел, что ты сумела деньжат поднабрать, а не погрязнуть в долгах? Я заплачу тебе столько, чтоб покрыло все, что ты потеряла. Кроме меня, никто тебе не поможет. Отец у тебя одной ногой в могиле. Ну, а сестрица... — кто Маризу с ее странностями замуж возьмет, да она, как я погляжу, и сама замуж не рвется. Кто ее кормить станет, если ресторанчик закроется?

— Такому не бывать...

— Такое нынче на каждом шагу случается, — покачал головой Альберто. — Разве не видела, что в Неаполе делается? Девчонки там продают себя за кусок хлеба. Да и в Боскотреказе то же. После войны все прикинутся, будто ничего такого и не было.

— Что ты несешь...

— А если, не дай Бог, Энцо домой не вернется, ведь понадобится же тебе муж, чтоб о тебе заботиться.

— Хватит! — оборвала его Ливия. — Я твое предложение ни за что не приму.

— Ничего, примешь. С отцом твоим я переговорил.

— Так мой отец знал, о чем ты собирался меня просить?

— Он человек неглупый. Конечно, во все подробности мы его посвящать не будем.

Концом ножа Альберто провел у себя под ногтями. Ливия мгновенно почувствовала, да какой степени он ей отвратителен. Но ради отца попыталась сдержаться.

— Альберто Спенца, — резко сказала она. — Я бы не легла с тобой, даже если б кроме тебя в Италии мужчин не осталось, а это, учитывая, что ты в Италии самый жирный, а остальные вымирают от голода, очень даже вероятно. Теперь убирайся.

Альберто с деланным равнодушием пожал плечами.

— Посмотрим, так ли ты будешь несговорчива, когда с месяц наголодаешься. — Он открыл дверь и вышел из кухни. — Нино, твоя упрямая дочь отказывается у меня работать! — Донеслись до Ливии его слова. — Признаюсь тебе, она была со мной так груба, что вряд ли я сюда скоро наведуясь. Попробуй ее образумить, ладно? А вздумает явиться с извинением — что ж, такой исход будет для всех наилучший, правда, не уверен, может, к тому времени я уже подыщу себе кухарку.

Едва Альберто ушел, в кухню явились Мариза с Нино. Ливия была так взбешена, что сначала и говорить с ними не пожелала. Брякнув в раковину тарелки, она в сердцах принялась их тереть. И лишь когда одна из тарелок треснула пополам, Мариза, не повышая голоса, спросила:

— Альберто тебе работу предлагал?

— Если стать его шлюхой считается работой!

— Вот оно что!

— Ливия, я не думал... — проговорил отец.

— А то ты не догадывался! — с горькой усмешкой бросила Ливия.

— Послушай, Ливия, — медленно произнесла Мариза, — всем приходится как-то выживать.

— И что ты предлагаешь?

— Разве ты не слышала? Фарелли отправили трех своих дочерей в Неаполь. Те каждый месяц оттуда деньги шлют. Откуда, ты думаешь, эти деньги берутся? Альберто сказал правду — теперь все по-другому. Никто тебя не осудит, если ты примешь его предложение.

— Ты почему-то не торопишься переспать с этой жирной свиньей!

— Ну, если уж дойдет до этого...

— Никто из вас на такое не пойдет, — припечатал Нино. — Другие пусть как хотят. Мы пока с голоду не умираем, и пускай всякие там Альберто убираются к чертям собачьим!

В тот же день на дороге в Фишино показался грузовик. Медленно он объехал вокруг деревни, так медленно, что Ливия успела разглядеть лица шести солдат, сидевших в кузове; каждый при винтовке. Потом грузовик остановился перед остерией. Солдаты выскочили из кузова. Офицер в шортах цвета хаки и в сдвинутом набок австралийском военном берете выбрался из кабины.

— Нам сообщили, что вы тут укрываете продовольствие, — заявил он Нино. — Я должен его реквизировать для своих солдат.

— Ливия, Мариза, ступайте наверх, — тихо сказал Нино. — Идите в свою комнату, закройте там.

Ливия чувствовала на себе алчные взгляды солдат.

— Это все Альберто подстроил, — с горечью бросила она сестре.

— Похоже...

— Как будто после этого я тотчас к нему побегу. Он не только толст, но и туп.

— Он не туп, — тихо сказала Мариза. — Он понимает, что тебе противен, и не тратит времени, чтоб тебе понравиться. Он хочет довести тебя до такой крайности, чтобы выбора уже не осталось.

Три часа солдаты методично обыскивали остерию и ферму, обчищая все до нитки. Забрали все помидоры, и спелые, и незрелые, все цуккини и баклажаны, даже самые крошечные. Они вытянули картошку из земли, и, едва отряхнув, побросали в кузов грузовика. Туда же за ноги покидали и кур, вперемишку с овощами, будто кочаны капусты. Нино не стерпел, запротестовал. Офицер без лишних слов вынул пистолет и наставил на старика, вопросительно выгнув бровь: будто сигарету, не пулю предлагает.

Солдаты продолжали орудовать. Сорвав дверь амбара, они взвалили на нее все хранившиеся в соломе фрукты. Подобрались и к улью, но, не обнаружив защитных сеток, а также понятия не имея о том, как доставать соты, чтобы избежать пчелиных жал, попросту перевернули улей, сломали соты. В сыроварне обнаружили дневную порцию моццареллы в ведре; и его они забрали тоже вместе с бадьей молока, оставшегося от приготовления моццареллы. И тут Ливия, наблюдавшая из окна второго этажа, увидела, как один из солдат отпирает калитку, ведущую на буйволиное пастбище.

— Не смей! — закричала она.

Мариза предупредительно зажала ей рукой рот.

Солдаты попытались пригнать Пупетту и Пришиллу к грузовику, но, понятно, обе буйволицы, эти громадные, упрямые старые дойные коровы, не имели ни малейшего желания забираться в кузов.

— Не могу больше терпеть! — задыхаясь от ужаса, проговорила Ливия.

— Стой, — сказала Мариза. — Не делай глупостей...

Но Ливия, отперев дверь спальни, уже неслась вниз по лестнице. Выбежав во двор, она услышала звук выстрела и увидела, как дернулась голова Пупетты. Глаза у буйволицы закатились, громадная туша качнулась. Но Пупетта устояла на ногах.

Один из солдат вскинул винтовку и выстрелил по ней в упор. И тут все они открыли яростную пальбу, взрывая пулями кожу на ее

боках. Между ребрами у Пупетты проступили темные пятна. Солдаты, гикая и улюлюкая, перезаряжали винтовки и стреляли снова и снова. Пупетта, упав на колени, устало плюхнулась на землю. Ноги у нее дернулись, как у собаки во сне. И она затихла. На мгновение все стихло, только эхо выстрелов прокатилось вспять меж деревьями.

— Нам пила нужна, — сказал Нино один из солдат, и рукой показал: — Пи-ла, понял?

— Мерзавцы! — выкрикнула подбежавшая и склонившаяся над Пупеттой Ливия, рыдая и потрясая кулаком.

— Ливия, вернись в дом! — сказал отец.

Но было слишком поздно. Один из солдат уже подхватил ее и с хохотом поставил на ноги. Ливия слепо и безуспешно отбивалась кулаками, но это было все равно что колотить по колоде. Вот уже в нее вцепилась еще пара рук, и теперь уже двое, гогоча, швырнули ее в кузов поверх награбленной снеди. Гневные крики Ливии заглушал хохот солдат, один из забросивших ее в кузов заскочил следом, заломил ей руки за спину, крепко стиснув кисти.

— Пусти! — истошно кричала Ливия.

Но солдаты загоготали еще громче. И тут ей впервые стало страшно.

— Ладно, ребята, хватит, — небрежно бросил офицер. — Выкиньте ее обратно.

— Да тут возни на пять минут! — отозвался солдат, державший Ливию.

— Положим, и пяти секунд не продержишься, но не в этом суть. Нужна тебе девчонка — в Неаполе пруд пруди. У нас другие заботы.

Солдат с неохотой выпустил Ливию из рук, успев облапать ее поверх юбки. Другой солдат уже отпиливал Пупетте задние ноги.

Когда ноги буйволицы были заброшены в кузов к прочему награбленному, офицер достал из кармана книжицу, отщипнул несколько банкнот и молча протянул Нино. Сто лир, плата смехотворно ничтожная за все это добро.

Рука офицера застыла на книжице.

— За девушку сколько? — негромко спросил он.

— Не продается, — сказал Нино.

Помолчав, офицер пожал плечами, убрал книжицу в карман. Издевательски отдав честь, он забрался в кабину грузовика. Грузовик

рванул, и одна из кур, взбудораженная рывком, хлопая крыльями, вылетела наружу через заднюю решетку кузова. Грузовик не притормозил. Скоро все стихло, кроме рыданий Ливии, гладившей голову Пупетты, все еще теплую, но уже безжизненную.

— Пронесло! — тяжело выдохнул Нино, когда грузовик исчез из вида.

— Пронесло? — возмущенно воскликнула Ливия. — Они забрали у нас все!

— Не все. — Нино присел на корточки рядом с ней, нежно провел рукой ей по волосам. — Неужто не понимаешь? Могло ведь быть много хуже.

Глава 8

Всего за четыре года все изменилось до неузнаваемости. Когда Муссолини объявил о начале войны, иные итальянки посчитали, что он, как всякий итальянец, выдрючивается; что он ввязался в драку просто так, ради показухи. Но мужская сторона думала иначе, многие верили, что «дуче» спасает страну от краха. Союз с Гитлером был для них лишь очередным подтверждением того, что Муссолини понял, с какой стороны надо мазать хлеб маслом.

Энцо поцеловал Ливию, махнул рукой и отбыл с уверенностью, что через пару месяцев вернется домой. Но вот стали приходить первые сообщения об отступлении войск. Из Африки, из Греции, а потом и из России шли письма. *Уважаемые синьор и синьора, правительство с глубочайшим прискорбием имеет честь сообщить вам о героическом самопожертвовании вашего сына...* Порой куда хуже было полное отсутствие вестей: когда письма от любимого просто перестают приходить, как и случилось у Ливии. Мариза из Фишино писала, что, бывает, крестьянки просят, чтоб она, воспользовавшись своим даром, сказала им, жив ли еще или нет их муж ли сын. Мариза всегда отнекивалась, уверяя соседок, что так далеко видеть не может; но Ливии порой признавалась, дескать, такой-то или такой-то домой уже никогда не вернется.

В Торе Эль Греко стояли немецкие солдаты, голубоглазые, таких Ливия прежде никогда не встречала. Сначала показалось, хоть и в форме, и при оружии, но ведут себя дружелюбно. В конце-то концов, вместе воюем, вместе побеждаем. Но парней, которые добровольно в армию не шли, стали забирать силой, устраивали крупные *rastrellamenti*,^[24] сгоняли на трудовой фронт. Ранним утром немцы рыскали по домам, распахивали шкафы, простукивали стены в поисках тайников, дубасили своими тяжелыми сапогами в двери, и их овчарки остервенело лаяли, будоража всю округу.

Исчез белый хлеб, какой перед войной пекли местные пекари. Карточек хватало только на черствую черную буханку с железной коркой, под которой было пусто, если не считать скудной клеклой и пресной мякоти. В квартирке родителей Энцо с уходом мужчин

осталось четверо женщин, но за все четыре карточки можно было на неделю получить всего одну буханку, немного пасты и горстку бобов.

Как-то ночью Ливия проснулась от странной вспышки света за окном, за ней последовал оглушительный рев. Вскочив с кровати, на которой теперь она спала вместе с Кончеттой, младшей сестренкой Энцо, Ливия кинулась к окну понять, что происходит. И опешила. Небо под черной тучей самолетов было сплошь залито неповторимым сиянием, призрачно-серебристым, мерцающим, лучистым, взрываемым сотнями летящих вниз вспышек.

Ливия тотчас сообразила, что делать: бежать и укрыться в большом дорожном туннеле, пробитом в склоне горы у окраины Неаполя. Она быстро натянула платье и растолкала спящую Кончетту, но вездесущие вспышки уже успели достигнуть своей цели, и когда обе кинулись по склону к туннелю, грянули первые бомбы. Здания изрыгали камни и обломки дерева, в воздухе стоял свист от летящих предметов; над гаванью внизу серебристые всполохи исчезли, вместо них вспыхнули оранжево-желтые пожары. А на улицах, будто днем, было полно бегущего кто куда народа. Ринувшуюся мимо обвала между домами Ливию чуть не сбила с ног жаркая волна близкого взрыва. За спиной звонко ударил о стену металл. Казалось, буря, стальная буря бушует вокруг, взрываясь громами, и приходилось пробиваться вперед бегом, пригибаясь, будто под мощным ветром.

Добравшись до туннеля, они обнаружили, что там полным-полно народу. Некоторые принесли одеяла, но большинство просто стояло в этом густом мраке, оглашаемом звоном капель, в ожидании рассвета, — даже когда самолеты улетели, высовываться наружу было слишком опасно.

Наутро они не узнали своего города. Казалось, будто гигантскими кулаками Неаполь был раздолблен в пух и прах. Даже не тронутые улицы покрывала толстым слоем красная пыль. В нескольких местах огонь прошел прямо по дороге, почерневшие булыжники слабо дымились на солнце. Под ногой хрустело стекло. Миновали магазин, в витрине которого три консервных банки сплавились в один ком. Две женщины, увернув руки платьем, пытались их стащить: тронуть банки, не обжегшись, все еще было невозможно. Чуть поодаль собака

вылизывала тротуар. Несколько немецких солдат складывали в грузовик трупы.

После того случая все четверо женщин каждую ночь брали с собой в туннель матрасы и спали там. В туннеле было темно, хоть глаз выколи, сыро и воняло — испражнениями, людьми и еще Бог знает чем, — но там было безопасно. Вместе с ними в туннеле нашла приют и еще добрая сотня людей, еще больше народу набивалось в старые акведуки и катакомбы, вырытые в пещерах из туфа прямо под городом. Ливия уже привыкла к беспрестанному шуму — к храпу, к дракам, к совокуплениям, к детскому плачу, даже к изредка случавшимся родам. Она стала свыкаться с тем, что, когда спишь, под тобой ходуном ходит земля, и толчками сыпается цементный раствор из кирпичной кладки над головой, если бомба падает совсем близко. Но больше всего досаждали вши: крупные, жирные белесые существа наводняли каждое одеяло, каждый матрас, проникали в каждый одежный шов. Их разносили, как поговаривали, крысы, шнырявшие повсюду во тьме и с голодухи обгрызавшие у новорожденных пальчики. Налеты союзников случались каждую ночь, глубоко в туннель проникал рокот моторов, сопровождавшийся глухими ударами, грохотом и взрывной волной от сбрасываемых бомб, методично превращавших город в руины.

Война продолжалась, и отношения с немцами портились. Немцы расстреливали за малейшую провинность, за малейшее нарушение законов военного времени. И кроме горстки фашистов да чиновников, освобожденных от воинской повинности, не было рядом мужчин, чтобы защитить, разве что scugnizzi, уличные мальчишки, только они и оказывали, если это можно так назвать, сопротивление. Эти стайками бросались на немецкие танки, зашвыривая бутылки с зажигательной смесью в щель под ствол пушки. Немцы в свою очередь строчили по ним из пулеметов, и мальчишечьи трупы оставались лежать на камнях.

От постоянных бомбежек нервы у Квартиллы уже были на пределе, и однажды на крыльце своего дома обнаружив труп, она велела Ливии возвращаться домой в Фишино, убеждая, что там безопаснее. Ливия предложила свекрови собраться всей семьей и отправиться в Фишино вместе, но та и слушать не захотела.

— Я родилась в Неаполе, — отрезала она, — в нем и умру, если Господу так будет угодно.

Железная дорога пострадала от налетов, ехать пришлось долго. Но оказалось, что в деревне намного тише, чем в Неаполе. Правда, готовить теперь было почти не из чего, и порой Ливии неловко было перед людьми за такую еду. Даже кабанчик Гарибальди заметно отошал, ведь теперь объедков ему почти не доставалось. Пришлось прирезать его на колбасы, но и тех хватило лишь на пару недель.

Ливию не переставала терзать тревога за Энцо. Она умоляла сестру сказать ей, жив он и нет. Мариза всякий раз разводила руками, говоря:

— Мне, как по радио, издалека что-то приходит. Иногда вроде ясно слышу, иногда — вроде не очень, но чаще — просто отдается гулким эхом. Вот так и с Энцо. Одно могу сказать: очень он далеко.

Немецкие солдаты, теперь ставшие основными посетителями ресторанчика, обычно вели себя пристойно. Но как-то раз ночью в деревне раздались пьяные выкрики, за ними автоматная очередь. На следующее утро остывший труп вдовы Эсмерельды нашли у обочины перед ее домом. В ту же ночь Мариза подобрала немного машинного масла из лужицы на площади и, смешав с кровью петушиного гребешка и толченой яичной скорлупой, совершила над ним колдовской обряд. Случайно, нет ли, этого Ливия сказать не могла, но только когда немецкие танки проезжали через деревню, один внезапно пыхнул и осел, охваченный удушливым дымом.

Но вот настал день, которого ждали все. Армада военных кораблей заполнила залив, на гром орудий и вспышки Пришила с Пупеттой отзывались мычанием и били копытом. На другой день грохот усилился, теперь грохотало со стороны Неаполя, это немцы взрывали все, что не смогли прихватить с собой. Долгожданные союзные войска высадились наконец в Италии.

Сначала все это напоминало радостный карнавал. Твердили, что нацисты тысячами сдавались в плен, что союзники высадились по всему побережью, что уже и Рим взят. Но ни один из этих слухов, как оказалось, даже отдаленно не отражал истинное положение. Нет, британцам и американцам приходилось биться за каждую пядь земли. Поначалу в тот год водились хоть какие-то продукты, но с поворотом осени на зиму начался голод. Остерия не закрывалась только благодаря опеке некоторых клиентов со связями, таких как Альберто; он часто заранее присылал провизию, из которой и заказывались кушанья. Для

прочих же посетителей рацион ограничивался тем, что попадалось под руку семейству Пертини. Например, подавался суп, приготовленный на воде со специями, в которой накануне отваривали пасту, или салат с замоченными в молоке крошками черствого хлеба. Лишь благодаря искусству Ливии эта скудная пища приобретала некоторый вкус. К Рождеству уже и паста стала редкостью, мешок муки стоил больше, чем составляла их недельная выручка.

Уже до того, как солдаты-союзники заявили к Пертини, чтобы изъять остатки продовольствия, стало очевидным, что это освобождение нисколько не лучше, а кое в чем даже и похуже, чем немецкая оккупация. В теперешнем противоборстве сторон в Италии самой Италии места не было, и нужды гражданского населения выглядели жалкими и ничтожными в сравнении с жаждой выиграть эту войну.

Глава 9

Почувяв, что Джеймс проснулся, маленькая ящерка поспешно юркнула в трещину на стене. Впервые за много месяцев ему выпала роскошь спать в одиночестве, к тому же на необъятной кровати, потому сначала Джеймс не мог сообразить, где находится. Потом он увидел разрисованные ставни, прикрывавшие высокие окна. Встал с постели, подошел, раздвинул. Рисунок ставень в духе trompe d'oeil^[25] в точности воспроизводил вид на Неаполитанский залив за окном, правда вместо военных кораблей в нарисованном море резвились обнаженные нимфы.

Надев форму, Джеймс побрился у покрытого бурыми пятнами зеркала под пытливым взглядом серебряного херувима. Его раздражало, что бриться по-прежнему приходится раз в неделю. Прищурившись, взгляделся в свое отражение. Благодаря пышной мыльной пене на подбородке можно было представить, как бы он смотрелся с бородой, — явно старше, солидней. Стоило соскоблить со щек мыло, и снова из зеркала на него смотрела мальчишеская физиономия. Правда, Джеймсу показалось, будто вьющиеся, темные с рыжинкой волосы уже редеют на затылке. Некоторые утверждали, что волосы выпадают от армейского шампуня. Нет-нет, решил он, в двадцать два года лысеть еще не пора.

В университете Джеймс был студентом классического факультета. В истории и в языке Древнего Рима он чувствовал некую надежность, ведь все это имело отношение к империи, в чем-то схожей с той, какой была признана служить и его культура. И еще этот предмет имел то явное преимущество, что в нем столько веков ничего не менялось. Латынью овладеть не трудней, чем игрой в крикет, даже много легче: стоит усвоить набор определенных грамматических правил, и уже все предельно ясно, пусть даже нет возможности справиться у живого древнего римлянина, так это или нет. Когда Джеймса призвали, его лингвистических способностей оказалось достаточно, чтобы определить его по разведывательной линии — точнее говоря, в Службу армейской контрразведки, — где ему предложили выучить на выбор один из трех языков: итальянский, французский или арабский. Итальянский показался ему наиболее близким к латыни, и Джеймс

выбрал его. И не без удовольствия пробыл несколько недель под опекой меланхолического тосканского графа, заставлявшего его читать вслух Данте, пока Джеймс не достиг беглости. После чего по типичному для армейской контрразведки разгильдяйству его услали в Африку. Чтобы добиться переброски в Европу, Джеймсу пришлось прибегнуть к помощи своего командира.

Джеймс пошел взглянуть, здесь ли еще Джексон, хотя вечером тот обмолвился, что ему завтра вставать рано, и, судя по всему, уже отбыл. Джеймс решил начать день с осмотра места своего нового назначения. На этом этаже было, наверное, с дюжину просторных комнат, располагавшихся по кругу над внутренним двориком. В первой комнате оказалась кухня, там также стояла жестяная ванна. По-видимому, это было хозяйство вольнонаемного Маллони. Джеймс заглянул в буфеты, они были пусты, не считая нескольких жестянок из армейского рациона. У Джеймса заняло сердце — на каждой значилось: «Тушенка с овощами»; ему ли не знать эту малосъедобную дрянь, последние года полтора он только ею питался. Похоже, кроме нее, у Маллони для приготовления пищи не имелось практически ничего.

Следующая комната была гораздо просторней. Едва Джеймс вошел, двое мужчин в штатском подняли над столами головы.

— Здравствуйте! — сказал он несколько удивленно. Джексон упоминал о паре гражданских служащих, но Джеймс никак не ожидал, что те приступают к службе так рано. — Меня зовут капитан Гулд.

Казалось, на итальянцев особого впечатления это сообщение не произвело.

— Карло, — коротко бросил один. Он кивнул в сторону своего коллеги: — Это Энрико.

Часы Джеймса еще не показывали и восьми часов.

— Над чем трудитесь? — вежливо спросил он.

Вопрос такого рода, казалось, совершенно обескуражил Карло.

— Учитываем, — буркнул он.

— Что именно?

— Расходы.

— Можно? — Джеймс взялся за лист, на котором Карло что-то записывал. — Капитан Теодор Бенести, информатор, двести лир, — прочел он. — Маршал Антонио Мостово, контакты, двести лир. Карла

Лоретти, подарок, сыр — одна штука, одно одеяло, всего стоимостью в пятьдесят лир. Что это?

— Выплаты, — сказал Карло, забирая лист.

— Выплаты? За что?

— За информацию.

У Джеймса похолодело внутри:

— Вы хотите сказать, подкуп?

— Если угодно, — повел плечами Карло.

— Мне это не угодно, — строго сказал Джеймс. — Не знаю, как Джексон все это обставлял, но плата информаторам категорически воспрещена.

Карло равнодушно глянул на него:

— Вы не поняли. К плате эти цифры никакого отношения не имеют. Здесь учтены взятки, предлагаемые нам.

— Ах, вот как! — с облегчением воскликнул Джеймс.

Вполне резонно было учитывать любую попытку подкупа персонала Службы армейской контрразведки, даже если деньги не переходили из рук в руки.

— А те деньги, что мы получаем, — продолжал Карло, — мы складываем в жестяную коробку на буфете. И всегда точно знаем, сколько там лежит денег.

Холодок накатил снова.

— И что происходит с деньгами из жестянки?

— Мы используем их на подкуп со своей стороны, — сказал Энрико.

Оба итальянца бесстрастно смотрели на Джеймса.

Джеймс набрал в грудь побольше воздуха:

— Отныне взятки следует прекратить. И с той, и с другой стороны. Понятно?

— Sì! ^[26] — отозвался Энрико.

— Конечно! — кивнул Карло, продолжая что-то записывать на том же листе.

— Пока я здесь, мы... — Джеймс запнулся, подбирая нужные слова. — Чтоб все было честно, чтоб комар носа не подточил!

Нет, черт возьми, не то! Причем здесь комар, еще бы утконоса приплел!

— Словом, не вилять — бить прямо! — Джеймс для верности жестом сопроводил свои слова.

— Вы насчет вашего английского крикета? — сказал Карло с отработанным равнодушием. — Сожалею, сегодня не получится. Слишком много работы.

Больше итальянцы не произнесли ни слова. Но когда Джеймс вышел из комнаты, Энрико процедил сквозь зубы:

— *Ogni scupa nova fa scruscìu.* Новая метла метет по-своему.

К полудню Джеймс рассортировал кучу бумаг на две огромные стопки, про себя обозначив их: «фашисты», «уголовники» и «психи». Но, что самое важное, — он обнаружил Черную Книгу, перечень известных преступных элементов здешних мест. К сожалению, Джексону и в этом не удалось докопаться до сути. Зачиналась книга достаточно толково — четким перечнем имен и адресов, с сопутствовавшими пометками либо «фашист», либо «бандит», а с также кратким перечнем обличающих свидетельств. Но, листая страницы, Джеймс обнаружил, однако, что сведения, чем дальше, тем скуднее. Против одного из мужских имен Джексонном было приписано: «по слухам, имеет три соска», против другого — «женоподобен». Некая Аннунциата ди Фратерно характеризовалась, как «аристократка, известная склонностью к нимфомании». А некий Джорджо Россети как «патологически боявшийся ос».

Невольно втянувшись, Джеймс сел и погрузился в чтение, как вдруг отворилась дверь и в комнату вошли трое. Поскольку один из вошедших был майор и, по-видимому, командир Джеймса, тот вскочил и мгновенно отдал честь. Карло с Энрико лишь надменно взглянули и снова погрузились в свои непонятные занятия. Майор Хеткот был озабоченного вида человек лет сорока.

— Честно говоря, на итальяшек мне наплевать, — бросил он Джеймсу. — Просто хочется навести в регионе хоть какой-то порядок. Мы все считали, что к этому времени уже будем в Риме, но к несчастью фрицы засели милях в шестидесяти к северу в Монте-Кассино и дело принимает крутой оборот. Обращайтесь, если возникнут какие-либо трудности, но хотел бы все же надеяться, что их не возникнет.

Джеймс поддакнул, что, скорее всего, майора особо беспокоить ему не придется, и командир направился к выходу.

— Кстати, о браках, — вдруг спохватился он, развернувшись и остановив на Джеймсе холодный взгляд. — Старайтесь предотвращать браки военнослужащих. Вызывает массу недовольств и расслабляет солдат. Охота ли солдату лезть под пули, если в шести милях от передовой его ждет в теплой постели итальянская синьорита.

— Синьорина, сэр!

— Как?

— «Синьорита» это по-испански.

Сообразив, что майор явился сюда не для того, чтобы совершенствовать свой итальянский, Джеймс тотчас спохватился:

— Не беспокойтесь, сэр, Джексон мне подробно изложил ситуацию с браками.

— Рад слышать.

Майор ушел в сопровождении одного из офицеров. Другой, капитан с неправдоподобно голубыми глазами, протянул Джеймсу руку.

— Том Джеффрис, подразделение «Эй», — весело бросил он. — Для своих — Слон. Мой кабинет на верхнем этаже. Правда, в нем я, понятно, не засиживаюсь.

И заговорщически подмигнул.

Подразделение «Эй» составляли труженики «плаща и кинжала». Надо полагать, Джеффрис намекал, что обычно занят сверхсекретными делами в немецком тылу.

— Ясно, — сказал Джеймс. — Рад познакомиться.

— Послушай, как насчет где-нибудь пообедать? Тут неподалеку есть одно место, где готовят вполне приличные телячьи отбивные.

И вот, вторично за последние двадцать четыре часа, Джеймс был препровожден в «Зи Терезу». Если его появление и удивило метрдотеля, тот этого не показал, зато у Джеффриса вид был несколько ошарашенный, когда Анжело повел их, едва ли даже не подмигнув, к «столику капитана Гулда».

Во время обеда Джеффрис расспрашивал Джеймса, как и где он воевал, но военный опыт последнего пока был весьма скуден, если не сказать больше.

— Ерунда, — сказал Джеффрис. — Возможно, время от времени будем тебя привлекать. Мы обычно закидываем ненадолго человечков на немецкую территорию — фрицев пострелять, и, признаюсь, человек с итальянским очень бы нам пригодился. Наши ребята языка не знают и из-за этого вечно попадают во всякие переделки.

Джеймс промычал нечто вроде горячего сожаления в связи с загруженностью; не хватало еще соваться на оккупированную немцами территорию переводчиком при банде тупых головорезов. Пытаясь уйти от этой темы, Джеймс, понизив голос, сказал:

— Майор Хеткот упомянул о продвижении наших войск. Какой позор.

— А что такое?

— Так ведь оно захлебнулось у самого Монте-Кассино.

— Это как посмотреть, — глаза у Джеффриса блеснули. — Сам посуди. Зачем мы здесь?

— Чтобы бить немцев?

Джеффрис покачал головой:

— Чтобы скапливать их тут и, по возможности, в большом количестве, пока основное действие разворачивается во Франции, вот зачем. Меньше всего Черчиллю нужно, чтобы немецкие дивизии из Италии перемахнули через Альпы и там укрепили бы свои позиции. Так что пока немцы думают, будто держат нас, на самом деле, *мы их подлавливаем в ловушку*. Послушай, Гулд, могу я дать тебе один совет?

Воистину, «Зи Тереза» была местом, где раздавались советы.

— Конечно.

— Весь здешний спектакль, вся эта страна, все это вот, черт подери, на самом деле гигантский отвлекающий маневр. На твоём месте я бы позволил и себе отвлечься. Развлекайся, пока можно.

К их столику подошла женщина. Высокая и необыкновенно красивая, с длинным темными волосами, изящно скелотыми и уложенными волнами на голове, в узком, облегающем платье, в котором не стыдно было показаться и в бальном зале отеля «Мейфэр». Джеймс заметил, что один глаз у нее был стеклянный; глаз уставился в упор на Джеймса, когда женщина нагнулась, чтобы приложиться к щеке губами Джеффриса. Слегка повеяло дорогими духами.

— Да вот, кстати, хочу представить тебе мою девушку, зовут Елена! — воскликнул Джеффрис. — Дорогая, это капитан Гулд.

— Очень рад, — сказал Джеймс, вставая.

— Вообще-то, по-английски она почти не говорит, — заметил Джеффрис. — Но обалденно очаровательна. Школьная учительница.

— Buongiorno, signorina, — сказал Джеймс. — Molto piacere di conoscerla.^[27]

Элена улыбнулась:

— Voi parlate Italiano?^[28]

— Пожалуй, не так хорошо, как хотелось бы, — ответил Джеймс по-итальянски. — С вашим местным диалектом не так легко освоиться.

— Но ты говоришь много лучше, чем Слон. Пожалуйста, скажи ему, что мне надо в дамский туалет.

— Пожалуйста.

— Что она сказала? — спросил Джеффрис, едва Элена отошла.

— Она сказала, что ей надо попудрить нос. Послушай, неужели она и вправду учительница?

— А что?

Джеймс хотел было поделиться тем, что Джексон прошлым вечером сообщил ему насчет известной имевшейся при ресторане девицы с искусственным глазом, но под свирепым взглядом Джеффриса решил промолчать. В конце концов, может все учительницы в Неаполе так одеваются.

— Видно, я спутал ее с кем-то, — не слишком умело соврал он.

— Вообще-то, — сказал Джеффрис, — я хотел поговорить с тобой по поводу Элены. Понимаешь, имеются некоторые языковые трудности.

Джеймс попытался сделать вид, будто крайне удивлен:

— Неужели?

— Надо, чтоб ты перевел пару фраз. Но есть весьма деликатные.

— Ну, я попробую... — неуверенно отозвался Джеймс.

— Как, например, сказать: «Честно говоря, я подустал»?

— «Mi sento stanco, veramente».

— Ну, а это, к примеру, э-э... «Очень здорово и все такое, но лучше не надо»?

— Трудновато, по правде говоря, не зная точно ситуации, ну, скажем: «E molto bene ma non farlo, grazie».

— А вот: «Вот сейчас мне немного больно»?

— «Mi fa male quando lo tocca».

— А: «Пожалуйста, хватит?»

— «Smettila, per favore».

Шевеля губами, Джеффрис проговаривал про себя незнакомые выражения.

— Ладно, это все, — наконец произнес он вслух.

С изрядно напудренным носом к ним присоединилась Елена. Они с Джеффрисом, соединив через стол руки, игриво улыбались друг другу.

— Послушай, Джеймс, — произнесла Елена по-итальянски, — как ему сказать: «Aspetta!»?

— Э... Э... Э... «Погоди!», наверное.

— Годи? — повторила она неуверенно.

— «Погоди».

— Погоди... Погоди! А как сказать: «Non smettere!»?

— «Не останавливайся».

— А «Facciamolo ancora ma più piano»?

— Это будет... «Давай повторим, только медленней».

— Медли... Медли...ней. Отлично. А «Svegliati, caro»?

— «Милый, проснись, пожалуйста».

— Мили... просни... пожалста... О'кей, по-моему этого хватит.

— Слон?

— А?

— Нужна еще моя помощь?

— Нет, думаю, теперь я надежно оснащен. Спасибо.

— В таком случае, — сказал Джеймс, — пойду-ка я обратно. Могу я за себя заплатить?

Слон отвернул рукав. Его предплечье украшало не менее полудюжины часов и, как отметил Джеймс, весьма солидных размеров.

— Нет нужды, старина, — сказал Джеффрис, отстегивая одни часы и выкладывая на стол. — Тут я в Абруццо с немцами повстречался. Так это с одного из них.

При входе в Палаццо Сатриано Джеймса встретил шум, гулко разносившийся по мраморной лестнице. Казалось, как будто где-то гуляют — хотя нет, решил он, это не веселье; доносившиеся до него голоса звучали гневно, тревожно, некоторые взвивались до визга.

Обогнув площадку первого этажа, он обнаружил, что дорогу ему преграждает толпа женщин — молодых и разодетых как на праздник. Они толкали и пихали друг дружку с явным намерением пробиться поближе к двери Службы армейской контрразведки. Ближе к цели уже кипела драка, что давало возможность тем, кто непосредственно в ней не участвовал, попытаться прошмыгнуть мимо конкуренток и занять их места, а это, в свою очередь, приводило к еще более бурным столкновениям. Не без усилий Джеймс пробивался вперед, овеваемый ароматами духов, всплесками визга и атласных черных волос.

— Что здесь, черт подери, происходит? — осведомился он, вступив под надежный кров своего кабинета.

Карло пожал плечами:

— Три часа дня.

— Что три часа дня, это я и без вас, Карло, знаю. Почему толпа женщин под дверью?

— Это *fidanzate*. Женщины, желающие выйти замуж за военнотружущих союзных армий.

— Как — все эти?

— Нет, тут только новенькие, кому еще не определили время для собеседования.

— Господи Боже, ну а скольким это время уже определено?

Карло порылся в шкафу и извлек толстую пачку бумаг.

— Сорока или пятидесяти...

— И давно все эти тут?

Карло снова пожал плечами. Его движения плечами, как уже отметил Джеймс, были крайне красноречивы: общение без слов. Иногда они означали, что Карло не находит ответа на заданный вопрос, но чаще всего наводили на мысль, что он либо не хочет участвовать в том или ином разговоре, либо считает это ниже своего достоинства.

Неудивительно, что Джексон так ничего и не смог поделать с черным рынком, думал Джеймс. Все свое время он убивал на обработку потенциальных армейских невест. Немилосердная мысль мелькнула в голове; не сознательно ли Джексон, зная, что ему скоро отправляться на родину, накапливал неразрешенные дела, преспокойно решив себе, пусть все это расхлебывает его преемник?

— Так, — сказал Джеймс. — Прежде всего, надо их всех переписать. Карло, не могли ли бы вы выйти и сказать этим дамам, чтобы они образовали нормальную очередь?

На лице у Карло не дрогнул ни один мускул:

— Выйти я могу. Но прежде вам следовало бы объяснить им, что такое нормальная очередь.

Почти три часа было потрачено на то, чтобы узнать имена и адреса девиц, в результате Джеймс изрядно утомился.

Ровно в семь к нему в кабинет вошел щуплый итальянский господин. Был он в весьма поношенном смокинге и белой бабочке, размером и конфигурацией точь-в-точь повторявшей усы у него над верхней губой.

— Обед готов, — провозгласил он скорбно, как будто извещал о гибели любимой собачки.

— А! — сказал Джеймс. — Вы, верно, Маллони?

— Имею честь, да. Сию минута.

Маллони исчез, но через мгновение возник снова, неся дымящуюся супницу:

— Ваша обед!

— Хорошо. А где тут у вас обычно... — Джеймс указал на стол, по-прежнему весь в бумагах Джексона, правда, уже разложенных в стопки.

На его глазах Маллони беспорядочно подгрел их все к центру стола, освобождая место для супницы. Из-за двери он извлек маленький бронзовый гонг, в который весьма церемонно ударил три раза.

В комнату один за другим начали заходить, представляясь, другие британские офицеры, компаньоны Джеймса по трапезе. Керник, Уолтерс, Хьюз и Френч занимали кабинеты в других частях здания, исполняя бюрократические обязанности, еще более невнятные, чем его собственные. Все офицеры имели вид весьма усталый и изможденный.

Маллони извлек сильно позеленевшие ножи, вилки и ложки, а также древние фарфоровые тарелки и стал накрывать на стол, ставя тарелку перед каждым сидящим. Обнаружился также и канделябр, который он не зажег, и несколько небольших блюд с крышкой. Джеймс тронул тарелку перед собой. Она была совершенно холодная.

Между тем, накинув белое полотенце на левую руку, точно матадор пелерину, Маллони другой рукой триумфальным жестом воздел крышку с блюда.

Внутри, как Джеймс и предполагал, оказалось несколько порций из жестянок «Тушенки с овощами», смешанных и подогретых. Джеймс с подозрением приподнял крышку с одного из блюд. Аналогичная «Тушенка с овощами». Взглянул за другую крышку. То же. Он поднял взгляд. Маллони обходил стол и, останавливаясь возле каждого обедающего с левой стороны, придерживал крышку блюда, пока тот накладывал себе оттуда ложкой в тарелку.

— Джексон меня предупредил, что от этого малого кулинарных изысков ждать нечего, — тихонько сказал Джеймс Кернику.

— Но этот все же лучше, чем предыдущий, — зашептал Керник в ответ. — *Тот* постоянно совал всюду чеснок. Уверял, что так больше по-итальянски. В результате от всех нас потом разило.

— А этого почему держите?

— Прекрасный источник добывания виски. А иногда способен раздобыть и пару сигар.

С еще более торжественным видом Маллони поставил на стол бутылку виски «Вэт-69». Практически из воздуха извлекши кинжалообразный нож, он небрежным взмахом руки срезал сургуч и щедро налил из бутылки каждому за столом. Джеймс отхлебнул свой виски. Большим знатоком спиртного он не был, но эта жидкость отличалась крайней ядовитостью и сильно отдавала нефтью.

На свое счастье он плотно поел в «Зи Терезе», потому к здешней еде едва притронулся. Его товарищи, однако, поглощали пищу с энтузиазмом, правда, их поспешность, как выяснилось, объяснялась желанием поскорей отпихнуть тарелки и предаться более существенному вечернему занятию — карточной игре. Да и Маллони, словно испытал второе дыхание, раскрыл громадную книгу учета ставок.

— *Сора*, — пояснил Керник. — Местная игра. Прямо как наркотик. Вы присоединитесь, Гулд?

Френч включил приемник. Голос ведущего программу Би-би-си отчетливо произнес:

— А теперь несколько сообщений для наших друзей в Северной Италии. Марио, корова твоей матери приболела. Джузеппе, к рассвету

возможен дождь.

— Хорошенькая ночка предстоит Джузеппе, — отозвался Керник. И, поймав недоуменный взгляд Джеймса, пояснил: — Инструкции для партизан. Шифровка.

— Со мной сегодня такая петрушка приключилась, — поведал Хьюз, тасуя карты. — Пришлось арестовать целый оркестр за пропаганду варварской культуры. На них поступила жалоба, играли Бетховена.

— Осудили? — спросил Керник, внимательно изучая свою ладонь.

— Нет. Оказалось, что Маллони кое-что смыслит в классической музыке и что на самом деле Бетховен бельгиец.

— Bravo, Маллони!

Повар скромно поклонился.

Снизу раздался оглушительный грохот, за ним последовал пронзительный визг. Второй удар эхом разнесся по каменной лестнице, сопровождаемый еще более пронзительным воем.

— Это еще что за чертовщина? — воскликнул Джеймс.

— Если верить американцам, — сказал Уолтерс, — это называется джаз.

Тщательней прислушавшись, Джеймс сумел уловить среди полузадушенных воплей намек на некую мелодию, которая по всей вероятности исходила от кларнета, хотя барабаны по-прежнему гремели так, будто их использовали не как музыкальный инструмент, а как боксерскую грушу.

— Они не слишком долго резвятся, — вставил Уолтерс, хотя никто его не спрашивал. — Занятно, между прочим. Каждую ночь репетируют.

Проиграв примерно полкроны, Джеймс отправился спать. Джаз не унимался далеко за полночь, заснуть было трудно. Когда наконец Джеймс погрузился в дремоту, перед ним поплыли неаполитанские невесты. Он проснулся внезапно в момент, когда кларнет внизу разразился радостным визгом.

Но не кларнет разбудил его. Джеймс прислушался. Раздалось снова: тихое постукивание в дверь. Встав с кровати, он пошел открывать.

За дверью стоял ребенок, девочка, по лохмотьям которой, грязным босым ногам и спутанным волосам он тут же понял: scugnizza. Первой мыслью было, что воровка. Но тут он вспомнил про стук. Надо полагать, что даже в Неаполе воры не оповещают стуком о своем появлении.

— Buona sera, — сказал он мягко. — Come sta?^[29]

Девочка застыла, не решаясь двинуться ни вперед, ни назад, точно испугнутая лань среди травы.

— Я пришла за своим одеялом, — проговорила она наконец на таком крутом неаполитанском диалекте, что Джеймс не сразу разобрал слова.

— За каким одеялом?

Она показала на постель.

— Мужчина, который тут живет, дает мне одеяла.

Поскольку в каждой из оккупированных стран одеяла служили чем-то вроде валюты, Джеймс сообразил, что имеется в виду некая сделка.

— За что он дает тебе одеяло? — спросил он.

Девчонка взглянула на него, и он внезапно почувствовал себя идиотом. Это был совсем не детский взгляд, так смотрели те женщины, которые фланировали под ручку вдоль баров.

— Ах, вот оно что...

— Ты дашь мне одеяло? — спросила девочка.

Джеймс пошел и принес все одеяла, какие мог отдать.

— Бери, — сказал он как можно ласковей. — Боюсь, это в последний раз.

Она кивнула, аккуратно встряхнула каждое одеяло, снова свернула каждое и исчезла так же бесшумно, как появилась. Джеймс вспомнил, что сказал ему Джексон в последнюю перед своим отбытием ночь: Тут правил нет, есть только приказы.

Понимая, что заснуть уже больше не удастся, он потянулся за рубашкой, расстегнул карман достать сигарету. Как и все прочие, он отказался от «Бенгал Лэнсер» британского производства в пользу более качественных в мягкой облатке «Кэмел», «Честерфилд», имевшихся у американцев в их пайках. Закурил сигарету, выдохнув дым в волны ароматов жасмина и бугенвиллей, втекавшие в открытые окна.

Рядом с пачкой сигарет лежало письмо. Несколько поколебавшись, он вытащил его. Письмо столько времени пропутешествовало вместе с ним, столько раз вымокало и просыхало, что уже стало рваться на сгибах и теперь походило на дырявый обрывок свернутой газеты. Но слова вполне можно было разобрать.

Вэндоувер Фарм,
Вэндоувер,
Бакс,
14 ноября, 1943

Дорогой Джеймс!

Письмо это мерзкое — его мерзко писать и, думаю, еще более мерзко читать. Мне бы хотелось сказать тебе все прямо в глаза, но я столько думала над этим и решила все же, что, наверное, лучше сказать тебе сейчас все как есть, чем ждать, пока мы увидимся, что может произойти еще очень нескоро. И потом, не хочу ничего делать за твоей спиной, и было бы несправедливо по отношению к Мило заставлять его ждать до твоего очередного отпуска на родину, который неизвестно когда случится.

Милый, милый Джеймс, пожалуйста, не огорчайся. Конечно, получить отставку (ненавижу это слово, но лучше подобрать не могу) — это удар по самолюбию, но все же у меня такое чувство, что ты сможешь целиком меня понять. Сейчас, когда я далеко от дома и слушаю рассказы других девушек про их парней (поверь, насчет тебя я не сплетничаю, но работа у нас очень тяжелая, и некоторые девушки так или иначе такой разговор заводят), я понимаю, что то, что было у нас с тобой, это только милая, нежная дружба и вовсе не любовь. Признаюсь, я и по-прежнему испытываю к тебе те же чувства, что и раньше, — люблю тебя сильно и всем сердцем как брата, как самого замечательного брата. Но только наряду с этими теперь я испытываю совершенно

новые чувства, — я имею в виду свои чувства к Мило. Если бы не война, я, возможно, никогда бы с ним не встретилась, и мы бы с тобой, долго не раздумывая, поженились, и ты бы продолжал звать меня «старушкой», как твой отец называет твою мать, и у нас бы, наверно, появились дети, и нам ни за что бы не пришло в голову, будто что-то не так. В общем, я имею в виду страсть. Но, пожалуйста, Джеймс не подумай, что я тебя упрекаю, я просто пытаюсь объяснить, почему это хорошо, что мы с тобой вовремя расходимся, пока не дошло до того, чтобы мы сильно привязались друг к другу, как вдруг окажется, что...

На этом не кончалось, письмо было на трех или на четырех страницах, суть же его состояла в том, что она встретила польского летчика, который открыл ей то, на что Джеймс оказался неспособен. То есть страсть. Что верно — то верно: их поцелуи, когда он приглашал Джейн в кино на последний ряд или на вечерние танцы, были несколько неловки. Но он относил это за счет их обоюдной неопытности. По своей простоте он полагал, что хорошо воспитанная девушка не позволит себе ничего лишнего вплоть до самой брачной ночи, и это событие он предвкушал в сладком ожидании. Может, надо было заговорить с Джейн об этом? Но, судя по ее поведению, он считал, что такой разговор может смертельно ее оскорбить. Признаться, необычная откровенность ее письма вызвала у него шок, — как будто тот другой сумел не просто вызвать совсем новые чувства, но и создать новую открытость в их отношениях. А, может, работа на трудовом фронте тому причиной?

Он понимал, что одной из причин, побудившей Джейн написать ему это письмо, была очистка совести, прежде чем отдаться своему новому приятелю. Это было первое, что пришло Джеймсу в голову, когда он читал письмо: теперь она с ним наверняка переспит. Наверное, опустив в ящик это письмо, она потом каждую ночь... Нет, он не должен думать об этом. Джеймс отложил письмо и снова лег в постель.

— Страсть, — произнес он громко вслух, выдыхая дым после глубокой затяжки.

Что же такое эта страсть, если представить себе? Наверняка, это просто нарочитый наигрыш, — чувства-то остаются те же, просто человек выпячивает их, только и всего. Ну и что тут такого замечательного? Считается, эти итальянцы — натуры страстные, но, насколько Джеймс мог заметить, их страсть состоит в повышенной возбудимости, они чересчур много говорят, а с женщинами обходятся без всякого уважения. И что уж вовсе из ряда вон — женщин это как будто нисколько не уязвляет.

Джеймс вздохнул. Секс — вот еще одна штука, которая благодаря войне стала занимать его мысли. Многие парни считали, что неопытного надо только лишь подтолкнуть в нужном направлении, скажем, затащить в ближайший бордель. Еще и до ужина с Джексоном Джеймс, если спрашивали, есть ли у него дома девушка, всегда отвечал, что есть. Наличие дома девушки избавляло от всякого рода затруднений.

Глава 10

После того, как солдаты застрелили Пупетту и отпилили ей задние ноги, Пертини ломали голову, как теперь быть с остальной тушей. Рынка больше не существовало, продать мясо было негде, и даже если какое продовольственное управление готово было потратить бензин, чтоб приехать и забрать остов, у семьи не было средств, чтобы им заплатить.

И тогда Ливия решила, что надо устроить festa.^[30]

— Но чем же люди будут расплачиваться? — забеспокоился отец. — Теперь ни у кого денег нет. А на мясо и подавно.

— Пусть платят, чем смогут. В конце концов, не пропадать же добру. Может, когда закончится война, вспомнят, как мы их угощали.

— А танцевать с кем? — спросила Мариза. — Мужчин совсем не осталось.

— Кое-какие есть. Услышат, что мясом кормят, все припожалуют.

Они насадили тушу Пупетты на громадный вертел, сооруженный из двух скрещенных палок, под которыми сложили дубовые поленья. Огонь развели на рассвете, и к полудню забытый аромат жарящегося мяса разлился по деревне. Соседи помогли вынести наружу столы и стулья, и не было отбоя от желающих подбрасывать дрова в огонь или поворачивать вертел с Пупеттой, чтоб мясо не пересыхало.

Между тем Ливия с Маризой готовили прочие яства. Деликатесы из сердца Пупетты, порезанного кубиками и подаваемые на небольших вертелах — оструганных ветках розмарина. И из ее языка, отваренного и уложенного в кастрюлю под прессом из тяжелых камней. Из мозгов, приготовленных с помидорами, грибками *pioppino*, а также с *tinnezzaglia*, остатками разной пасты; и из ее печени, измельченной и прожаренной с луком-шалотом. Все пошло в ход. После суровой зимы овощи были по-прежнему скудны, но были *cannellini*,^[31] политые слегка мясным жиром и были луковицы фенхеля, целиком запеченные в нежаркой золе на краю костра. Было много *soscozza* — овоща наподобие тыквы, и *tenigime*, нежных молодых кабачковых завязей. И, конечно же, была свежая моццарелла, изготовленная из молока несчастной Пришиллы, которого та после гибели Пупетты давала

мизерное количество, благо сама осталась жива и невредима. Словом, получился пир, какого односельчане не видывали уже много лет, и хоть не те были обстоятельства, чтоб радоваться, но Ливии казалось, что с этого момента что-то непременно изменится. Что жизнь теперь пойдет по-другому.

Как она и предсказывала, собрались все мужчины округи. Бесценное меньшинство — сплошь калеки, хворые, дряхлые, совсем молокососы, те, кто призыву не подлежал и еще те, кто имел достаточно связей или денег, чтобы избежать *gastrellamenti*. Был здесь, разумеется, и Альберто со своими дружками *camorristi*,^[32] — Ливия с радостью показала бы им от ворот поворот, но она понимала: отцу нужны деньги. В центре внимания деревенских были братья Лачино, Каризо и Дельфио. Они сбежали из концлагеря на севере и преодолели две тысячи миль до дома, прорываясь через линию фронта немецких и союзных войск. Если эти вернулись живыми, может, повезет и другим?

Как говорят неаполитанцы, голод — лучшая приправа, и, только когда все было съедено без остатка и гости выдержали нужную паузу, воздавая должное прекрасной пище, заиграла музыка. В нетерпении Ливия сбросила с себя передник, уже готовая к танцу, но, к ее изумлению, никто не вызывался ее приглашать. Она обвела толпу взглядом в надежде поймать чей-то призывный взгляд. Но каждый отводил глаза, а руки мужчин постарше потянулись к карманам штанов. Стоило Ливии на кого-то взглянуть, тот тотчас прикрывал себе рукой пах. Ливии было не до смеха, ей этот жест было хорошо известен. Он появился здесь с незапамятных времен. Так мужчины защищались от *malocchio*, дурного глаза.

— Кто со мной танцует? — выкрикнула Ливия, заглядывая поочередно каждому в глаза. — Эй, Феличе, — ее взгляд остановился на одном из соседей, — ты с таким жаром уплетал мясо моей любимой буйволицы. Пойдем танцевать?

Парень молча топтался на месте.

— Франко! — с гневом окликнула Ливия другого. — Ты что застыл? Ведь столько раз со мной отплясывал!

— Это до того, как ушел Энцо... — тихо сказал Франко.

— При чем здесь Энцо? — вскинулась на него Ливия, но Франко тоже опустил глаза.

Обводя мужчин взглядом, Ливия дошла до Альберто. Тот ухмылялся. Внезапно ее осенило, что тут не обошлось без его участия.

— Альберто!

Тот с готовностью повернулся:

— *Что?*

Ливия взглянула, будто сейчас пригласит. И вдруг резко бросила:

— Ничего!

Повернулась к Маризе:

— Сестренка, пойдём-ка потанцуем!

Со стороны мужчин раздался хохоток: надо было видеть взбешенную физиономию Альберто. Ливии стало радостно, и ее ликование возросло, когда они вдвоем с сестрой, без участия мужчин, стали плясать *tammorriata*, этот бурный, чувственный танец страсти. Она видела, как темное вожеление вспыхнуло в глазах мужчин, наблюдавших за танцем, но стоило ей, кружа, приблизиться, те снова боязливо запускали руку в карманы штанов.

Кружась с сестрой в вихре *tammurro*, она прошептала ей на ухо:

— Это Альберто все подстроил!

Сестры, оттанцевав, направились обратно к своим стульям, как вдруг новая догадка, как громом, поразила Ливию. Энцо!

И она кинулась туда, где в кругу родных сидели братья Лачино.

— Прошу вас, если хоть что-то знаете, скажите!

Каризо смутился, но Дельфио молчать не стал:

— Точно не знаем... — начал он, и Ливия изумилась: совсем иным сделался голос у Дельфио с тех пор, как он ушел воевать, — стал хриплый, надтреснутый, будто сорванный от частого крика.

— В лагере мы, конечно, расспрашивали, не слыхал ли кто чего про парней из наших мест. Нашлись, что были с Энцо в России.

— Ну? — выкрикнула Ливия.

— Ты уж, Ливия, прости. — Дельфио посмотрел ей прямо в глаза, и ей подумалось: уходил совсем мальчишкой, а теперь говорит о смерти; он видел смерть, а, может, сам убивал, и не раз.

— Энцо погиб, — тихо сказал Дельфио. — Во время налета британских бомбардировщиков. Никто тогда не уцелел.

Ливия повернулась к Маризе:

— Это правда?

Мариза со страхом глядя на сестру, еле слышно выдавила:

— Прости, Ливия...

— Бедный Энцо... — отрешенно проговорила Ливия.

Вот оно и случилось. То, чего страшится каждая, то, что суждено вынести стольким женщинам. Оно докатилось и до Ливии. Теперь она vedova, вдова. Это не укладывалось в голове. До самой смерти она будет теперь носить траур и сидеть в передних рядах, как старуха, во время церковной службы. А Энцо... бедный Энцо... его убили. Убили Энцо, чье красивое тело она целовала, кому отдавалась, с кем рядом спала, с кем вместе смеялась, — молодой, полный жизни красавец лежал в земле, и его тело теперь гнило в могиле где-то в далекой стране, незнакомой, неведомой.

Мысли путались, наскакивая одна на другую. Почему же никто раньше не сказал? Видно, из-за festa. Никто не захотел оборвать приготовления страшной вестью, чтоб потом обвинили, будто праздник испортил. Но почему ничего не написала Квартилла? Ей, матери, должны были прислать официальную похоронку. На миг Ливия ухватилась за эту спасительную мысль: Каризо с Дельфио, возможно, ошиблись, Квартилла не написала ей как раз потому, что никакого такого письма не получала. Но по скорбным лицам братьев Ливия поняла: нет, это не ошибка.

За последние годы она повидала немало женского горя. Сперва окаменев от известия, жена или мать после с воплями и криками валилась на землю, рвала на себе волосы и одежду, выставляя свою беду всем напоказ, рыдая и кляня Бога и всех святых. Так было заведено, и, обведя взглядом лица, Ливия поняла, что именно этого ждут и от нее.

Но она не издала ни звука. Вместо боли жгучая ненависть заполнила ее сердце. Проклятые союзники! Пули союзников убили Пупетту. Теперь их пилот откуда-то с неба уничтожил ее мужа-солдата на войне, разразившейся не по его воле... И эти негодяи имеют совесть называть себя освободителями Италии!

Ливия повернулась и пошла прочь от костра к дому, в темноту, чтобы остаться одной. Лишь когда отошла достаточно далеко, ноги у нее подкосились, и руки Маризы заботливо ее подхватили. Ливия позволила сестре довести себя до дому. Площадь за ее спиной медленно пустела, жители деревни молча, по одному расходились.

Только теперь Ливия разрыдалась, — она выла, кричала, кляла. И плач этот был не только по Энцо. До нынешнего дня она еще надеялась, что, когда война кончится и Энцо вернется, все переменится к лучшему. Теперь стало ясно, что жизнь ее ждет несладкая, такая, что и в страшном сне ей не снилось. Она оплакивала Энцо, а вместе с ним и свою судьбу.

Глава 11

— Вы понимаете, зачем я к вам пришел?

Девушка кивнула:

— Sì, вы — брачный офицер.

— Офицер Службы армейской контрразведки, — поправил Джеймс.

Он уже решил про себя больше не употреблять выражение «брачный офицер», которое явно говорило, будто единственной целью его работы была матримониальная деятельность.

— Мне надо представить официальный рапорт о том, подходите вы или нет в качестве невесты рядовому... — Джеймс заглянул в записную книжку, — ...рядовому Гриффитсу.

Девушка по имени Альджиза Фьоре была очень хороша. Ему с трудом удавалось сдержаться, чтобы открыто не любоваться ею, этим красивым лицом, нежным овалом, черными, с блеском, волосами, необыкновенными глазами, темными, огромными. Устремленные на него глаза светились счастьем.

— Вы знаете Ричарда? — спросила она с любопытством.

Джеймс признался, что пока с рядовым Гриффитсом еще не знаком. Тут легкое облачко недоумения омрачило прелестные черты Альджизы Фьоре:

— Тогда откуда вам знать, подходим мы друг другу или нет? Хотя ладно, я вам о нем расскажу. Обожаю говорить о Ричарде. Он *molto gentile*.^[33] Он любит животных. Как и я. — Обхватив длинными красивыми пальцами коленку, она взглянула на Джеймса испытующе: скажет или нет, что обоюдная любовь к животным еще не основание для совместной жизни.

— Нет, правда, вы непременно с ним познакомьтесь. По-моему, вы подружитесь. Ричарда все любят.

На одном из пальцев у нее было кольцо, и Альджиза на секунду задержала на нем мечтательный взгляд.

— И еще Ричард такой храбрый. Один раз он одной лишь столовой ложкой уколошил троих немцев.

— Убежден, что рядовой Гриффитс отличный парень, — кивнул Джеймс. — Но мне все-таки придется расспросить вас кое о чем

конкретней.

— Пожалуйста.

Откинувшись в кресле, девушка принялась поигрывать маленьким серебряным крестиком на шее.

— Вы говорите по-английски?

— Немного.

— А точнее? — И Джеймс медленно и отчетливо произнес по-английски: «Пожалуйста, я бы хотела две длины портьерной материи и полдюжины ломтиков бекона!»

— Ничего не поняла! — весело рассмеялась Альджиза Фьоре.

— «Вы неверно дали мне сдачу!»

Она повела плечами:

— Не понимаю!

— Рядовой Гриффитс говорит по-итальянски?

— Вообще-то нет.

— Как же вы общаетесь?

— Он ведь может показать мне, что он хочет, — бросила она с легкой усмешкой.

Джеймс поперхнулся.

— Что вы знаете об Англии?

— То, что там живет Ричард.

— Знаете ли вы, например, что там гораздо холоднее, чем здесь?

— Я знаю, что женщины там уродки. По крайней мере, так говорит Ричард.

Джеймс сдался. Продвинуться в этом направлении явно не светило. Как там Джексон говорил? «По сути, ваша работа состоит в том, чтобы выяснить, шлюха она или нет». Джеймс осмотрелся. Квартирка у Альджизы была небольшая, пустая и безусловно чистая.

— У вас есть работа?

Внезапно взгляд у нее стал жестче.

— Теперь в Неаполе работы не найти.

— На что же вы живете?

Девушка скривила губки.

— Выкручиваюсь.

— Боюсь, придется ответить конкретнее.

— В Сицилии у меня дядя. Он присылает деньги.

Помнится, Джексон с особой настороженностью относился к упоминаниям о дяде.

— Могу я узнать адрес вашего дяди? — спросил Джеймс, заноса над блокнотом ручку. — Хотелось бы с ним связаться, и если доходы позволяют ему помогать вам, тогда — никаких проблем.

Наступила длинная пауза, Альджиза теребила крестик на шее и покачивала носком ноги.

— Я не помню адреса.

— Не помните, где живет ваш родной дядя?

— Он часто переезжает с места на место, — с вызовом бросила она.

— Хорошо, хотя бы его последний адрес?

Опять долгая пауза.

— Альджиза, откуда деньги на самом деле? — мягко спросил Джеймс.

Она перекинула ногу на ногу, расправила платье на коленях. Наконец сказала:

— От солдат.

— Вы берете деньги у солдат?

— Если предлагают.

Джеймс записал в блокноте: «А. Ф. явно зарабатывает на жизнь проституцией».

Он поднялся:

— Я должен осмотреть вашу квартиру.

— Да, конечно. — Она тоже встала. Бретелька платья скользнула с плеча. — Я покажу. — И потянулась мимо него открыть дверь.

То ли от вида ее золотисто-медового плеча, а, может, просто от непривычной близости очень красивой девушки, Джеймс внезапно с неловкостью ощутил всколыхнувшееся желание.

— Я сам, — буркнул он.

Альджиза дернула плечиком:

— Как хотите!

Он быстро обошел всю квартиру. Здесь было довольно пусто, так что обзор длился недолго. Но Джеймс заметил в ванной кусок мыла, а в кухне обнаружил белый хлеб и баночку с оливковым маслом. Все эти детали занес себе в блокнот. Вернувшись в гостиную, он застал там совершенно голую Альджизу; впервые в жизни он видел перед

собой обнаженную женщину. Скомканным платьем она прикрывала перед, демонстрируя, что некая скромность все же не была ей чужда.

— О-о-о... — вырвалось у него.

Альджиза улыбнулась, и комната озарилась.

— Разве я тебе не нравлюсь?

— Это не... — начал он.

— Если хочешь, можешь продолжить расспрашивать меня там, — она повела прекрасными глазками в сторону ванной.

— Вы поймите, это только усугубит мои заключения, — сказал он, отступая.

— Что, разве я не хороша? — И она медленно развернулась, выставляя напоказ свои прелести.

— Ты очень привлекательна, но это совершенно исключено...

— Это ведь Неаполь, — сказала она, подступая. — Здесь все можно.

Джеймс еще попятился и уперся спиной в стену. В этот момент платье упало на пол, ее руки, как змеи, обвились вокруг его шеи, мягкие, упоительные груди прижались к его груди, ее губы впились в его губы. На мгновение от ее физической близости у него закружилась голова. Но тут Джеймс вспомнил совет, полученный от Джексона.

— И вообще у меня есть девушка, — выпалил он. — Sono fidanzato. Я помолвлен.

Эффект превзошел все его ожидания. Альджиза тотчас отпрянула, в восторге всплеснув руками.

— Ах, как чудно! Расскажи мне о ней. Какая она? Хорошенькая? Ничего нет прекрасней любви, правда?

И снова села, видимо, решив, что все ее проблемы уже позади.

Джеймс поднял ее платье, подал.

— Наденьте-ка лучше!

Удивление в глазах Альджизы сменилось страхом.

— Значит, ты про меня ничего хорошего не напишешь, да?

— Боюсь, что нет.

— Значит, ты не влюблен, — горько бросила она. — Все ты врешь. — Она кинула платье на пол. — Я ведь этого не хотела. Никто из нас не хотел. А что оставалось делать? Я буду ему хорошей женой, я сделаю его счастливым! Пожалуйста, помоги мне!

— Простите, не я придумал эти правила. Если вы и в самом деле хотите пожениться, просто надо подождать, пока закончится война.

— Откуда ты знаешь, останется кто-нибудь из нас в живых или нет?

Она произнесла это без тени досады, лишь слегка плечом повела.

— Не провожайте меня, я сам, — сказал он, захлопывая блокнот и поднимаясь из-за стола.

Когда Джеймс прикрывал дверь квартирки, ему показалась, что он слышит всхлипывания.

Глава 12

На следующее утро, когда Джеймс заканчивал свой рапорт за предыдущий день, пред ним предстал франтоватого вида господин.

— Информант, — кратко бросил Энрико.

Франтоватого вида господин представился как Dottore Лоренцо Скотерра. По его словам, он avvocato, адвокат, и желает предоставить британским военным некие сведения об известных местных фашистах.

Джеймс дал понять, что за эту информацию заплатить не сможет, но это ничуть не огорчило доктора Скотерру. Тот заверил, что деньги ему не нужны, и даже если бы Джеймс попытался их ему предложить, он, разумеется, вынужден был бы отказаться, ведь фигурирование денежных средств, пусть даже с самыми невинными намерениями, могло бы внушить недоверие к его информации тем, кому Джеймс ее сообщит. Скотерра пояснил, что в своем поступке он руководствуется исключительно стремлением к справедливости и верностью закону, — служению которому посвящены его жизнь и деятельность, — а также чувством восхищения перед британской нацией, не говоря уже о жгучем желании стать свидетелем, как здешние мерзавцы фашисты, нажившиеся в годы немецкой оккупации, будут призваны к ответу. При этом доктор Скоттера заметил, что не будет возражать, если Джеймс изъявит желание провести их беседу за стаканчиком марсалы.

Поскольку день уже был в полном разгаре, а Джеймс еще и не завтракал, предложение показалось ему вполне уместным, и они отправились в «Зи Терезу», где Анджело приветствовал Джеймса привычным взмахом руки, как старого знакомого.

Джеймс покорно заказал два стакана марсалы, которой прежде никогда не пробовал. Она оказалась сладкой, но не без приятности, и довольно крепкой. Бармен перед тем, как подать напиток, разбил в каждый стакан по сырому яйцу, что было весьма удивительно, если учесть, что свежие яйца в то время считались большой редкостью. Едва дав бармену закончить процедуру, доктор Скотерра ухватил свой стакан, одним глотком опрокинул в себя яйцо и блаженно замер, смакуя напиток, после чего повернулся к Джеймсу с благодарной улыбкой. Джеймсу бросилась в глаза болезненная худоба доктора.

Скотерра начал без устали перечислять Джеймсу имена тех, кто имел выгоду от немецкого присутствия. К тому моменту ухо Джеймса уже попривыкло к стремительным потокам неаполитанской речи, заполнявшим любую возможную дыхательную паузу промежуточными *senz'altro*, или *per forza*, или *per questo*,^[34] а всякую точку тотчас заменявшим запятой. Словом, теперь Джеймс уже мог без особого труда разбирать, что ему говорят. Чем больше пометок делал он в своем блокноте, тем больше, казалось, подробностей всплывало в памяти у доктора Скотерры, и им пришлось испить еще не один стакан марсалы, прежде чем сведения адвоката полностью иссякли.

— Что ж, *Dottore*, — сказал Джеймс, откладывая ручку и делая знак бармену подать счет, — информация весьма полезная. Но я убежден, вас уже заждались клиенты.

— Да, разумеется, — сказал адвокат без особого энтузиазма. И вдруг просиял: — Совсем позабыл... есть еще кое-что!

— Да? Что же?

Адвокат повернулся боком, подался вперед и заговорщически зашептал в ухо Джеймсу:

— Немецкая танковая дивизия скрывается в недрах Везувия.

В голове у Джеймса мелькнуло, что кто-то в последнее время уже упоминал при нем про немецкие танки, но он никак не мог припомнить, кто именно.

— У вас есть доказательства?

— Мне это известно из весьма достоверного источника, который проверен мною не раз.

Джеймс приготовился записывать.

— Какого именно? — спросил он с занесенной над блокнотом ручкой.

— Они собираются атаковать вас с тыла. Они понимают, что их ждет смерть, но для них это дело чести, они готовы умереть за своего фюрера.

И тут Джеймс вспомнил: это Джексон настоятельно советовал ему не слушать всякие небылицы насчет укрывшейся в пещерах Везувия немецкой бронетанковой дивизии.

— Боюсь, вас неверно информировали, — сказал Джеймс. — Этот слух проверялся, он ложный.

Доктор Скотерра с тоской кинул взгляд на бутылки за стойкой бара.

— Правда, есть еще один вопрос... — начал Джеймс.

Доктор Скотерра оживился:

— Какой же?

— Торговля пенициллином на черном рынке. Не знаете, кто за всем этим стоит?

— Разумеется, знаю! — со смешком отозвался Скотерра. — Это все знают.

— Кто же? — спросил Джеймс, кивнув бармену, чтоб подал еще пару стаканов марсалы с яйцом.

— Аптекарь Дзагарелла. Он занимается этим с легкой руки самого Вито Дженовезе.

— Вы повторите это в суде?

Доктор Скотерра заволновался:

— Если я ввяжусь во что-либо подобное, меня пристрелят раньше, чем я появлюсь в зале суда.

— Хорошо, где можно найти аптекаря Дзагареллу?

— Не собираетесь же вы и в самом деле его арестовывать? — Доктор Скотерра так сильно взволновался, что вскочил с места, несмотря на то, что бармен еще не успел налить ему марсалы. — Я не подозревал, что вы готовы на столь резкие меры. Право же, как адвокат, я должен вас от этого предостеречь.

— Но этот тип проходимец, ведь так?

Их взгляды встретились, но взаимопонимания не возникло.

— Обещайте, по крайней мере, что мое имя не будет упомянуто, — бросил доктор Скотерра, скользнув пальцами к пуговицам пиджака.

— Раз вы не готовы давать показания, это будет вовсе несложно.

— Вы считаете меня трусом?

— Я считаю, что торговлю пенициллином надо прекратить. Подобное воровство угрожает жизням наших солдат.

Доктор Скотерра вздохнул:

— Поживете в Неаполе подольше, сами поймете. Чтобы в этом городе выжить, необходимо быть *furbo*, изворотливым. Иначе у нас никак нельзя.

Доктор Скотерра поспешно удалился, а Джеймс махнул бармену принести счет.

— Duecento lire, — бесстрастно произнес бармен, кладя чек на блюдце.

Джеймс оторопело уставился на него. Двести лир? Это немыслимо!

— È troppo.^[35]

Бармен дернул плечом. Яйца обходятся весьма недешево.

— Momento. — Метр Анджело торопливо пробирался между столиков с услужливой улыбкой. — Прошу вас! Сегодня угощает заведение.

— Я заплачу, — упрямо сказал Джеймс. — К тому же мне нужен счет.

Анджело вздохнул. Вынув из-за уха карандаш, он принялся на салфетке производить какие-то подсчеты. Это длилось довольно долго и, судя по всему, с использованием нескольких сложных уравнений со всевозможными скобками, вычислением процентов и переводами из одной валюты в другую. Наконец Анджело воскликнул «Ага!» и победно отвесил бармену подзатыльник:

— Attenzione, cretino!^[36] Ты все не так сложил!

Истинная сумма, заверил он Джеймса с виноватой улыбкой, составляет на самом деле сорок пять лир.

Джеймс протянул банкноту в пятьдесят лир.

— Сдачу, пожалуйста, оставьте себе.

— Вы очень любезны!

Анджело выждал немного, потом сказал:

— Чисто случайно слышал ваш недавний разговор.

— Неужели? С дальнего конца ресторана?

— У меня очень острый слух. Мне не следовало бы этого говорить, но доктор Скотерра в одном, по крайней мере, прав. Приниматься за черный рынок — дело весьма хлопотливое, можно нажить себе немало врагов.

Джеймс отметил про себя это «по крайней мере».

— Я готов пойти на этот риск.

Анджело смолчал. Кивнул.

— В таком случае, можно дать вам один совет?

— Чего уж ждать от вашего заведения, как не совета, — сухо сказал Джеймс.

— Если дело упрется в такую штуку, как самотга,^[37] прикиньте хорошенько, не подключить ли вам ваших союзников.

— Это еще зачем?

Вместо ответа Анджело лишь повел плечами.

Когда Джеймс вернулся в Палаццо Сатриано, решение в нем уже созрело. Очевидно, что Джексон позволил себе пустить все на самотек, Джеймс же не видел оснований поступать подобным образом.

— Надо нагрнуть с визитом к аптекарю Дзагарелле, — сказал он Карло и Энрико. — У меня есть основания полагать, что он связан с черной торговлей пенициллином.

Зевнув, Карло почесал в затылке:

— Ясное дело, связан. Он этим заправляет.

— Тогда почему его не посадили?

— Нас всего трое, — поведя плечами, сказал Карло. — А для схватки с самотга понадобится целая армия.

Чем дальше, тем все определенной совет Анджело насчет американцев представлялся Джеймсу резонным.

— Вероятно, Карло, — холодно заметил он, — вы упустили из виду, что как раз армия у нас и имеется.

Он спустился вниз и стукнул в одно из окон, выходящих в центральный двор. Джексон оказался прав: атмосфера у янки впечатляла. По-деловому хлопали двери, приоткрывая один за другим бурлящие деятельностью кабинеты. Посыльные с кипами бумаг сновали взад и вперед; старательные стенографистки впивались в пишущие машинки; военные в оливково-зеленой форме коротко отдавали друг другу приказы. Джеймсу даже стало немного стыдно за относительную летаргию у себя наверху. Неприкрытое равнодушие Энрико и Карло — Джеймс по-прежнему не мог взять в толк, чем, собственно, они занимаются целый день, — совершенно не вязалось со здешней обстановкой.

К окну никто не подошел, тогда Джеймс вошел в помещение, по виду напомиравшее главную канцелярию, ожидая, что кто-нибудь обратит на него внимание. Не дождавшись, он остановил

проходившего мимо ординарца и спросил, нельзя ли увидеть кого-нибудь из начальства.

— Вам назначено? — бросил ординарец.

— Нет, я...

— Сейчас книгу принесу.

Ординарец сорвался с места.

Джеймс отметил про себя, что надо бы как можно скорее завести и в Службе контрразведки регистрационную книгу.

— Эй! — послышалось за его спиной.

Джеймс обернулся. Возглас исходил от молодого, примерно одних с ним лет, парня, сидевшего за письменным столом. Тот был в очках в стальной оправе, скрепленной в одном месте медной проволокой. Было очевидно, что он высокий и долговязый; это подтвердилось, когда парень встал. Американец протянул руку, Джеймс козырнул. Американец рассмеялся и тоже отдал честь.

— Эрик Винченцо! Вы, я вижу, новенький в Службе безопасности? — Парень указал Джеймсу на стул в углу. — В чем проблема?

И снова сел, закинув одну ногу на стол. За его спиной на полке лежал кларнет. Вот он, заключил Джеймс, ежедневный возбудитель гремящей сверху по ночам и не дающей спать джазовой какофонии.

Прочитав выражение лица Джеймса, Винченцо заметно встревожился:

— Может, вы жаловаться пришли? Что я соседям спать не даю?

Джеймс заверил парня, что пришел не за этим. Уведомил, что хочет нагрянуть с обыском к аптекарю.

Американец задумчиво поскреб подбородок.

— Так вы предлагаете совместную операцию? Что ж, прежде всего надо проверить этого вашего информанта. Давайте-ка взглянем. — Он взялся за один из картотечных ящиков, тот легко выехал на своих полозках, и пробежал пальцами по карточкам. — Не тот ли это доктор Скотерра, который был секретарем местной фашистской партии?

— Как-то не похоже.

— Гм! — Эрик задвинул ящик стола. — Что ж, это легко проверить. Пошли!

Джеймс проследовал за американцем через несколько кабинетов, — причем в каждом царила та же деловая суета, что и в первом, — пока они не оказались в огромном зале, где в прежние времена, вероятно, проходили дворцовые балы. В центре огромного зала располагалась огромная же картотека, высотой примерно в восемь футов, вокруг которой вились, точно пчелы вокруг улья, многочисленные секретарши.

— Вот это да! — с завистью воскликнул Джеймс.

— А! Это не наше. Наследие немецкого консульства. Надо отдать должное фрицам. Безукоризненное делопроизводство. — Тут как раз Винченцо вынул ящик справа. — Ну, вот вам.

И протянул Джеймсу папку.

Сверху находилось адресованное германскому консулу письмо на итальянском языке от некоего Dottore Скотерры. Джеймс быстро пробежал его глазами. Доктор Скотерра писал, что желает предложить свои услуги в качестве информанта.

Он давал понять, что платы за услуги не ожидает; напротив, даже если бы господин Гитлер пожелал оплатить его услуги, доктор Скотерра вынужден был бы отказаться, поскольку фигурирование денежных средств, пусть даже с самыми невинными намерениями, могло бы внушить недоверие к его информации тем, кому она будет сообщена. Доктор Скотерра руководствуется исключительно стремлением к справедливости и верности закону, служению которому он посвятил свою жизнь и деятельность, а также своим восхищением перед германской нацией, не говоря уже о жгучем желании стать свидетелем, как все эти мерзавцы социалисты, наживавшиеся в годы безволия и коррупции, будут призваны к ответу. Далее следовал длинный список имен, многие из которых уже были знакомы и самому Джеймсу из его беседы с доктором Скотеррой, правда, в данном случае из фанатиков-коммунистов они превратились в фанатиков-фашистов. Письмо завершалось надеждой, что немецкая сторона смогла бы в дальнейшем опросить его где-нибудь в тихом местечке, скажем, в каком-нибудь баре.

— Вот сукин сын! — с сердцем вырвалось у Джеймса. — Хотел нас использовать для решения своих проблем. Даже выставил меня на марсалу.

— Это такая штука, куда бармен плюхает яйцо?

Джеймс кивнул:

— Понимаете, тогда мне показалось, что он крайне голоден. Пожалуй, вчера он поел впервые за целую неделю.

Эрик Винченцо расхохотался:

— Получается, вы — *fottuto*, как выражаются в здешних местах. Это значит...

— Я знаю, что это значит, — сухо оборвал его Джеймс. — Мудак. Распиздай.

— Выходит, вы говорите по-итальянски? — Эрик с любопытством посмотрел на Джеймса. — Я заметил, что письмо не вызвало у вас затруднений.

— А вы говорите?

— Учю, но дело движется медленно.

— С вашим-то именем?

— Я итальянец в третьем поколении. Родители хотели, чтоб я стал настоящим америкашкой, поэтому дома по-итальянски совсем не говорили. Но это не помешало властям, едва разразилась война, шесть месяцев продержали их за решеткой как граждан враждебного государства. — Он передал Джеймсу папку. — Ну что, по рукам?

— В каком смысле?

— В общем, сдается мне, что хоть помыслы вашего информанта и далеки от благородства, все же он может быть весьма полезен. Надо бы провентилировать это дело с нашим начальством, но, по-моему, совместные действия пойдут и нам, и вам на пользу.

Оба начальника одобрили идею совместной операции против черного рынка, но при условии, если руководство возьмет на себя одна из сторон. Забавно, что американский начальник, видимо, считал, что это дело англичан, в то время как майор Хеткот категорически придерживался мнения, что задача больше подходит американцам. После некоторых взаимных препирательств было решено, что до поры до времени Джеймс с Эриком будут отчитываться перед майором Хеткотом.

Операция началась на рассвете следующего утра и состояла из двух этапов. Итальянские *carabinieri*, предводимые Карло и Энрико, получили задание захватить участников черного рынка на Виа Форчелла. К большому удивлению Джеймса, Карло и Энрико восприняли свою миссию с большим энтузиазмом, вырядившись по

этому случаю, точно статисты из фильма про Аль Капоне: канотье, яркие пиджаки, галстук-бабочка и короткие гетры. Непонятно откуда, кроме того, они извлекли также грудку автоматов зловещего вида. Оставалось лишь надеяться, что с оружием они будут обходиться осмотрительней, нежели их киноидолы, — хотя, глядя, как грозно итальянцы потрясают автоматами, Джеймс чуть было в этом не засомневался. И еще Джеймсу с Эриком было поручено обыскать помещения аптекаря.

Постучав в дом к сеньору Дзагарелла, они застали его за завтраком. Известие об обыске в его доме на предмет изъятия пенициллина хозяин воспринял с невозмутимостью.

— Валяйте! — повел он плечами. — Ничего вы тут не найдете.

Искали целый час. В квартире не только не оказалось пенициллина, здесь вообще не обнаружилось ни намека на контрабанду. С упавшим сердцем Джеймс осознал: их здесь ждали. Наконец в мусорном ведре под раковиной Джеймсу попала одна пустая пенициллиновая ампула. Он показал ее Дзагарелле, но тот и бровью не повел.

— Придется вам пройти с нами, — сказал Джеймс, с трудом сдерживая ликование.

— Куда?

— Сначала в «Подджо Реале». — Так называлась городская тюрьма. — Вас продержат там, пока будет проводиться расследование.

— Друг мой, — благодушно сказал Дзагарелла, — если вас удручает жизнь в Неаполе, я могу поспособствовать, чтоб вас перевели.

— Напротив, — сказал Джеймс, — жизнь в Неаполе, на мой взгляд, начинает налаживаться.

Аптекарь пожал плечами и протянул руки. Джеймс защелкнул наручники.

— Если угодно, сажайте меня в «Подджо Реале», но, уверяю вас, завтра вы меня там уже не застанете.

Словом, появился отличный повод отметить в «Зи Терезе» первый успех сотрудничества.

— Скажи, Джеймс, что будешь делать, когда война кончится? — спросил Эрик, когда они уже приканчивали бутылку вина.

— Особенно не думал, — повел плечами Джеймс. — Наверно, продолжу учиться в университете. Нам обещали, что после войны можно будет получить диплом. А ты?

— Хочу стать джазовым музыкантом. Или шпионом. Я еще не решил.

— Серьезно? — И то и другое показалось Джеймсу мальчишеством. — Чтобы стать шпионом, нужно ведь специальное образование. Да и музыкантом-профессионалом просто так не станешь.

— Самое главное на что-нибудь решиться. Дальнейшее зависит только от тебя, — махнул рукой Эрик.

— Ты так думаешь?

— Конечно. Пойми, после войны все изменится. Откроется куча возможностей.

— По мне бы лучше, чтоб все встало на прежние места.

— Приезжай к нам в Америку, — тряхнул головой Эрик. — В Америке незачем учиться в университете. У нас можно и так кем хочешь сделаться.

— Что ж, спасибо за информацию. Хотя не думаю, что готов сменить гражданство.

Эрик рассмеялся, подлил еще вина. Бутылка была уже почти пуста. Он чисто символически вытряхнул из нее последние капли.

— Сейчас допьем и коктейль попробуем, — объявил он. — Они тут варганят вполне приличного «Тома Коллинза».

— Что это, «Том Коллинз»?

Эрик снова рассмеялся, хотя Джеймс не думал шутить. Внезапно Эрик спросил серьезно:

— Девушка у тебя есть?

— Ну да, — машинально ответил Джеймс. — В смысле, дома.

— Как зовут?

— Джейн. Джейн Эллис.

— Красиво, — одобрительно сказал Эрик. — Хорошенькая?

— Вроде бы, да.

— Черт! Мне бы хорошенькую! — сказал Эрик. — Уж с месяц ни одной хорошенькой.

— Целый месяц? — произнес Джеймс автоматически. — Надо же!

— Итальяночку бы мне в самый раз. Хотя, если язык не знаешь, никакого толку. — Эрик поднял стакан. — За союз и сотрудничество, за начало нашей дружбы и за Джейн!

Джеймс поднял свой:

— Per cent' anni, как говорят итальянцы!

Он презирал себя, что в разговоре снова возродилась легенда о несуществующей невесте. Но если работа его чему и научила — то тому, что раз уж начал врать, останавливаться уже нельзя.

А, пусть! Здесь, в «Зи Терезе», греясь в теплых лучах Эрикова оптимизма, окрыленный удачей операции против черного рынка, Джеймс с изумлением открыл, что боль измены, изводившая его столько времени, уже не так его тяготит и что он почти готов представить себе свое будущее, где присутствие Джейн вовсе необязательно.

Когда они подходили к стойке, чтобы заказать себе коктейль, Джеймс заметил знакомую физиономию. «Слон» Джеффрис в одиночестве трудился над тарелкой с внушительным количеством морских ежей.

— А, это ты, — отозвался мрачновато на приветствие Джеффрис.

— И как деликатес? — осведомился Джеймс.

— Так себе, — кивнул Джеффрис на блюдо перед собой. — Елена заставляет. Считается, что здорово возбуждает.

Только сейчас Джеймс заметил вокруг глаз у Джеффриса темные круги. С шеи у него свисала иконка в виде медальона. Джеффрис, не глядя, тронул иконку.

— И это она тоже... Все из-за тебя, — добавил он угрюмо.

— Из-за меня? Почему это?

— Научил Элену всяким английским словам. Раньше можно было притвориться, что не понимаю, и все было замечательно. Теперь куча проблем. — Джеффрис отодвинул от себя тарелку. — Ну и дрянь! Видеть эту пакость больше не могу.

Глава 13

Джеймс все еще пребывал в радужном настроении, когда они с Эриком отправились допрашивать арестантов, захваченных во время облавы на Виа Форчелла.

По дороге заглянули к Дзагарелле в «Подджо Реале» и обнаружили его, невозмутимого, как и прежде, за роскошным завтраком. Его камера — не камера, скорее многокамерный люкс, — превосходила размерами квартиру Альджизы Фьоре. Один из тюремщиков застилал ему чистым бельем постель. Джеймс отметил, что заключенный сидит в свежестырированной рубашке.

— Пришли меня освобождать? — спросил он.

— Расследование еще не завершено, — сказал Джеймс. — Будете содержаться здесь до его окончания.

Дзагарелла промокнул губы салфеткой.

— Весьма сомневаюсь, — самодовольно произнес он. — Признаться, я удивлен, что вы еще здесь. Я полагал, что к этому времени вас уже откомандируют из Неаполя.

— Возможно, для вас это сюрприз, но союзная военная администрация действует не по тем правилам, к которым вы привыкли.

— Как я понимаю, — сказал Дзагарелла, — вы намекаете на вашу пресловутую неподкупность, которая, кстати сказать, уже обошлась мне в кучу денег.

Тюремщик, покончив с уборкой постели, принес тазик с водой, помазок для бритья и вспененное мыло, которое принялся с энтузиазмом накладывать на щеки заключенного.

— Не грех бы вам помнить, — продолжал аптекарь, — что мы, неаполитанцы, в оккупации не впервые. Тут были и арагонцы, и австрийцы, и Бурбоны, и итальянцы — да-да, даже итальянцы, — и немцы... А теперь, вот, союзники. Словом, как видите, опыт у нас богатый.

Тюремщик провел бритвой по щеке Дзагареллы. Аптекарь, заурчав от удовольствия, прикрыл глаза и сделал легкую отмашку Джеймсу с Эриком, чтоб удалились.

— Я бы с громадным удовольствием засадил этого типа за решетку, — сказал Джеймс, когда они вышли из тюрьмы.

— Он уже за ней, — заметил Эрик, — и, признаться, особых неудобств не испытывает.

— Они так носятся с ним потому, что он им внушил, будто скоро выйдет. Вот предъявим ему обвинение, будет вести себя по-другому.

— Послушай, Джеймс, — сказал Эрик, — ты знаешь, скольким бандитам с тех пор, как мы здесь, в Неаполе, удалось предъявить обвинение?

— Скольким?

— Троим, — хмуро бросил Эрик. — Документы исчезают. Свидетели не являются или в последний момент меняют свои показания. У одного во время показаний случился припадок эпилепсии, и как свидетеля его отстранили. Или, бывает, обвиняемый представит впечатляющие свидетельства, как во время войны он активно работал на Сопротивление, и получается, ему впору медаль вешать, а не в тюрьму сажать. Мало того, потом оказывается: либо судьи не все в показаниях учитывают, либо в тюрьмах почему-то замки негодные. А еще случается, что ребят из контрразведки отсюда переводят, если шепнуть кому надо. Этот Вито Дженовезе, что всем черным рынком заправляет, имеет связи в самых верхах союзной военной администрации, самых что ни на есть. Говорят, когда генерал Кларк впервые прибыл в Неаполь, захотелось ему испробовать всякие дары моря. Ну, а все лодки из-за мин затащили на берег. Так этот Вито в честь приезда генерала устроил грандиозный пир, попросту своровав всю рыбу из неаполитанского аквариума. Вскоре после этого получил должность официального советника при высшем командовании. Если такой тип, как Дзагарелла, окажется у него под крылышком, мы вряд ли что сможем с ним поделать.

В Квестуре, главном полицейском управлении, Джеймс пояснил, что они намерены допросить подозреваемых, захваченных во время рейда на Виа Форчелла. После долгой бумажной возни их препроводили к камерам, которые оказались пустыми, а во внутреннем дворике сидел всего один дряхлый старик.

— В чем дело? — возмутился Джеймс. — Где остальные?

Сопровождавший их полицейский недоуменно пожал плечами:

— Какие остальные?

— Вчера на Виа Форчелла торговали десятки людей. Где они все? Увидев, что от полицейского ему ничего не добиться, Джеймс спросил у старика:

— Сколько тут было народу, когда тебя привели?

— Человек двадцать или тридцать.

— Куда же они подевались?

— Все ночью ушли, — уныло сказал старик. — И я бы тоже ушел, да на штраф у меня денег нет.

— Какой еще штраф?

— Пятьдесят лир. — Старик развел руками. — Я всего-то сборщик металлолома. Откуда мне взять пятьдесят лир?

— Старик не то болтает, — отозвался с каменным лицом полицейский. — Никого мы не штрафуем. Если хотите, можете проверить записи.

— За что сидит старик? — вздохнув, спросил Джеймс у полицейского.

— Сбывал медный телефонный провод.

— К пенициллину отношение имеет?

— Вроде, нет.

— Вы уж, пожалуйста, — сказал старик, — мне б отсюда поскорей выйти. Жена у меня, понимаете, слаба здоровьем, а поблизости никто не живет. Боюсь, если меня не выпустят, ей некому даже будет сготовить поесть.

Полицейский принес моток телефонного провода.

— Это нашли при нем.

— Я же немецкий провод срезал, — гордо вскинулся старик. — Ведь его можно, так ведь? Мы же против немцев.

Джеймс перевел Эрику то, что сказал старик. Тот поскреб в затылке.

— Так было до прихода союзных войск. Мы разбрасывали листовки, призывая итальянцев наносить немцам всяческий урон. Но когда сюда вошли, то, естественно, надобность резать провод уже отпала, теперь мы сами можем им воспользоваться.

— Вот! — Старик вытащил из внутреннего кармана потрепанную листовку и с гордым видом протянул ее Джеймсу. — Видите? Тут говорится, чтоб резали провод. Дадут мне за это медаль?

— Больше резать провод нельзя, — объяснил ему Джеймс. — Теперь это наш провод.

— Он же немецкий!

— Ну да, но... — Джеймс вздохнул. — Ладно, неважно.

Стоявший перед ними старик, очевидно, совершенно запутался в происходящем.

— Почему бы не выпихнуть его отсюда? — предложил Эрик.

— Нет, нельзя, — твердо сказал полицейский. — Он обвиняется в порче союзного военного имущества. За такое положено до десяти лет тюрьмы.

— Что ж делать-то? — спросил Эрик.

— Тут мы мало что можем, — хмуро сказал Джеймс. — Формально это не наше дело.

Они узнали у старика, где находится его деревня; оказалось, где-то южнее Неаполя. Вернувшись в свою штаб-квартиру, Джеймс скатил мотоцикл армейской контрразведки со стойки, спустил его по каменной лестнице вниз и газанул. Главная магистраль, выводящая из города, была очищена от завалов, по нему ползла уже пара трамваев. Похоже, в местный обычай входило, чтобы водитель двухколесного транспорта непременно, уцепившись за трамвай, тащился так по возможности дальше, дабы сэкономить бензин и не перетрутить ноги. Наконец Джеймс с облегчением вырвался за пределы города и оказался в сельской местности. В этот замечательный весенний день, подставив лицо солнечным лучам, можно было вообразить, что война где-то далеко, за тысячи миль отсюда.

Проносившийся мимо пейзаж и по сей день, вероятно, не слишком изменился со времен Средневековья. Ухоженные поля, согнувшиеся в три погибели женщины, работавшие там, были в тех же бесформенных черных платьях и платках, какие, должно быть, носили еще во времена Боккаччо. Изредка встречался в качестве подсобной силы бык или мул, хотя в основном тут трудились вручную.

Наконец Джеймс разыскал деревню, которую назвал старик, и, расспросив вокруг, нашел дом. Тот стоял на отшибе среди заросших сорняками участков: старик, подумал Джеймс, теперь, должно быть, слишком стар, чтоб их обрабатывать. Небольшие кучи металлолома — корпус обгоревшего грузовика, пара кусков искореженного металла от

немецкой бомбы, пустой ящик из-под американских боеприпасов, — свидетельствовали о его новом промысле. Кучи застыли среди зловещей тишины. Весь дом, если не считать двух пристроенных комнатенок, был величиной не более хлева. Джеймс постучал в дверь. Крикнул: «Эй!» Ответа не последовало.

Он толкнул дверь и вошел в дом. Когда глаза свыклись с мраком, он различил кровать под окном, прикрытую тряпьем. Небольшая выпуклость над тряпьем постепенно выявила контур иссохшего старушечьего лица. Глаза, подернутые призрачной катарактой, слепо, не мигая, уставились в потолок.

— Buongiorno, signora, — тихо сказал Джеймс.

Женщина не шелохнулась, будто не слышала.

Джеймсу показалось, что она при смерти. Он заглянул на кухню: там ничего съестного не было и в помине.

— Что, вы сказали, намерены предпринять? — Майор Хеткот в изумлении уставился на Джеймса.

— Я хочу, сэр, просить итальянцев, чтоб они его освободили, — сказал Джеймс. — Даже если он совершил что-то противозаконное, хотя это весьма спорно, его стоит освободить из чувства сострадания.

— Из чувства сострадания? — багровея, повторил майор. — Слушайте, капитан, в данный момент в шестидесяти милях отсюда более пяти тысяч наших солдат гниют в своих окопах по грудь в холодной воде под нескончаемым немецким обстрелом, не имея возможности даже встать и помочиться, чтобы не схлопотать в лоб пулю снайпера. Спросите их, что они думают о сострадании!

— Мне известно, сэр, как тяжело сейчас на передовой. — Майор недоверчиво крикнул, но Джеймс продолжал: — И все же, несомненный долг военной администрации придерживаться справедливости. А человек этот арестован без всяких на то оснований.

— Арестован его же соотечественниками итальянцами!

— Но в результате нашей операции...

— Которая, судя по вашему рапорту, потерпела полный крах! — парировал майор.

Джеймс смолчал.

— Неужели вам так-таки нечего предъявить этому аптекарю Дзагарелле? — вздохнув, произнес майор, переводя взгляд с Джеймса

на Эрика.

— Нечего, сэр... — пробормотал Эрик.

— Насколько я понимаю, в результате его выпустили из заключения?

— Так точно, сэр, — сквозь зубы процедил Джеймс.

— Выходит, вы признали, по меньшей мере, одно задержание незаконным, — язвительно бросил майор.

— Так точно, сэр.

— Таким образом, выставив на явное посмешище союзную военную администрацию. — Майор указал на дверь: — Выметайтесь вон, Гулд. И вы, Винченцо. Постарайтесь оба как можно дольше не показываться мне на глаза.

— Слушаюсь, сэр, — сказал Джеймс и робко добавил: — Насчет того расхитителя провода, сэр...

Майор сверкнул на него глазами:

— Позвоню куда следует, хотя, ей-богу, у меня полным-полно куда более важных дел.

В тот вечер Маллони появился, как обычно, ровнехонько в семь. Но, церемонно ударяя в гонг, он явно еле сдерживал переполнявшее его ликование. Все прояснилось, едва он стал расставлять фаянсовую посуду: вместо обычных плоских тарелок, на которых подавалась «Тушенка с овощами», британским офицерам были предложены суповые миски.

— Эй, Маллони, в чем дело? — спросил Керник.

— Эта зуп, — произнес не без гордости Маллони. — Мясе зуп.

Выйдя из комнаты, он вернулся затем с треснутой супницей такой громадной, что едва удерживал ее в руках. Размером и формой супница напоминала немецкую морскую мину. Но едва Маллони приподнял крышку, Джеймс увидел, что внутри — кто бы сомневался! — темнела вязкая жижа, чем-то напоминавшая пиво «Браун Виндзор».

— Что-то новенькое, — одобчительно прокомментировал Уолтерс. — Молодец малый, старается.

Маллони переходил от одного к другому со своей супницей. Но по мере того как суп разливался, странная тишина воцарялась за столом. Исследуя содержимое своей миски, Керник буркнул: «М-да...»

Черпая себе суп, Джеймс отметил его необычную консистенцию. Наполовину он состоял из желеобразной массы, наполовину из

совершенно ненасыщенной жидкости. Вглядевшись попристальнее, Джеймс понял, что Маллони создал этот суп путем нехитрого трюка, — использовав меньше жестянок «Тушенки с овощами», чем обычно, но разбавив содержимое значительным количеством теплой воды.

— Мясе зуп с овощны шарик, — важно объявил Маллони, разлив суп по мискам. — Приятны аппетит.

Учтивые до несокрушимости британские офицеры послушно взялись за ложки и погрузили их в миски.

Вскоре стало очевидным, что «мясе зуп» Маллони столь же отвратителен на вкус, как и на вид. Разведенные водой консервированные помои не имели ни малейшего вкуса, но при этом странным образом усугублялось гадкое ощущение склизкой прогорклости. Словом, как в отчаянии отметил про себя Джеймс, это было истинно мерзостное завершение истинно мерзостного дня.

Глава 14

Написав в Неаполь родным Энцо, что ей сообщили о его гибели, Ливия, однако, ответа не получила.

Когда мясо Пупетты было съедено, семейству Пертини пришлось примириться с тем, что еды уже почти не осталось никакой, кроме моццареллы, которую готовили каждый день из молока Пришиллы. В обычные времена, продавая этот сыр, они вполне могли бы обеспечить себя другим необходимым провиантом — например, мукой, солью. Но вывезти сыр было не на чем, потому приходилось съедать его самим, чтобы не пропал. Порой казалось просто бессмысленным гнуть спину и трудиться ради того, что все равно придется выбрасывать, но Пришиллу все же доить было необходимо, чтоб у нее не воспалились сосцы.

Мысли о тракторе, которого не было, изводили Ливию постоянно. Был бы трактор, можно было бы отвозить сыр на рынок. С трактором можно и землю пахать, и хоть как-то восстановить свои потери.

После того, как до деревни дошли слухи о гибели Энцо, Альберто неделю выжидал, потом возобновил свою атаку с новой силой. Будто в насмешку над их нищетой, он заявился к ним однажды днем в роскошном новом «бугатти». Высвободив из-за руля тучное тело, поднес Ливии белую булку — такую она не видала уже несколько лет. Хотела было отказаться, но, вспомнив об отце и о Маризе, поняла, что теперь не время проявлять волю и характер. Подавив гордость, она потянулась за хлебом, в намерении с почтением его принять. Альберто победно ухмыльнулся. Ливия бросила:

— Хочу, чтоб ты знал, Альберто. Я беру у тебя хлеб, потому что вынуждена взять, но постель с тобой делить не стану.

Улыбка не исчезла с физиономии Альберто. Он быстро подтянул хлеб к себе, как мальчишка, который игрушкой дразнит сестренку. Но, увидев, как ее рука невольно потянулась следом, рассмеялся и протянул ей хлеб.

— Однажды ты поймешь, что и тут у тебя выбора не будет, — тихо проговорил он. — Птичку таким же манером подлавливают. Сначала сыплешь ей крошки, чтоб приучилась клевать с руки. Потом — хап!

Он сжал руку в кулак.

— Альберто, — устало сказала Ливия. — Зачем тебе я? Чего тебе еще не хватает? Полно девчонок, бери любую.

Он придвинулся к ней близко, так близко, что она ощутила на своей щеке его дыхание. Рука, скользя, обвилась вокруг нее.

— Ясное дело, полно. Но я решил, что мне ты нужна, а главное — всем вокруг про это известно. Если я опозорюсь, меня поднимут на смех. А при моем положении насмешки — совсем ни к чему. Я должен, Ливия, тебя заполучить.

Его крупные, мясистые губы и жесткие усы коснулись ее уха, язык похотливо потянулся лизнуть мочку. Ливию передернуло, но по его рычанию она поняла, что ее сопротивление возбуждает его сильнее, чем молчаливое согласие. Мариза права, подумала Ливия: не нужны ему мои чувства, ему надо взять меня с боем. Ей вспомнился солдат, державший ее за руки, когда Пупетта истекала кровью, вспомнилось, как возбудило его то, что она сопротивлялась, как даже и офицера проняло, наблюдавшего за этой сценой. Что это приключается с мужчинами на войне, отчего им так сладко внезапно почуять свою власть? И уже, испытав вкус власти, смогут ли они когда-нибудь от этого отказаться?

Глава 15

Что было крайне удивительно, Джеймс столкнулся наконец с юной неаполитанкой, чья репутация оказалась поистине безупречной.

По означенному адресу в пригороде Вомеро обнаружился элегантный дом. Когда Джеймс пришел туда с проверкой, его провели в гостиную, обставленную с большим вкусом и явно свидетельствующую о достатке. Эмилия ди Каталита-Госта была помолвлена с неким штабным офицером; она немного говорила по-английски и была явно хорошо образована. Нежной милovidностью она чем-то напоминала Джейн. Тут же оказался и ее родитель, представительный господин лет шестидесяти в безупречном костюме. Он поведал Джеймсу о семейных поместьях в Тоскане, которые в данный момент, увы, оказались отрезаны линией фронта, — и вскоре они оба обнаружили общий интерес к творчеству Данте.

Было приятно оказаться в обществе цивилизованных людей. Когда наступили сумерки и стало ясно, что Джеймсу пора уходить, он воспринял это даже с некоторой досадой. И постарался деликатнее намекнуть отцу, что его рапорт не создаст ни синьорине Каталита-Госта, ни ее жениху никаких проблем, а ей самой пожелал долгого и счастливого семейного счастья. С равной деликатностью родитель кивнул, свидетельствуя, что все понял.

Джеймс перед уходом попросил разрешения слегка осмотреть дом. Отец Эмилии несколько замялся:

— Увы, во время оккупации здесь квартировались немецкие офицеры, — робко сказал он. — Мне бы не хотелось показывать вам комнаты в том виде, в каком они их оставили. Однако был бы рад, если бы вы оказали мне честь и недели через две пожаловали бы к ужину, когда все здесь вернется в прежнее состояние.

Джеймс проявил понимание, и они твердо условились встретиться через две недели.

— Да, вот еще что, — сказал синьор ди Каталита-Госта. — Хотел просить вас об одной любезности, правда, мне так неловко злоупотреблять вашим вниманием.

Джеймс заверил его, что он всецело готов оказать ему услугу.

— Не хотелось бы, разумеется, как-то влиять на ваш рапорт. Но если он и в самом деле окажется благоприятным, как мы смеем надеяться, то... моя дочь, а она у меня очень набожна, очень бы желала венчаться в первый день Великого Поста. По некоей традиции люди благородных семейств венчаются именно в этот день в кафедральном соборе. — Он развел руками. — Так было и со мной. Видите ли, всего лишь традиция, но я знаю, это бы так много значило для матери Эмилии, упокой Господь ее душу.

До первого воскресенья Великого Поста оставалось меньше недели.

— Я попробую несколько ускорить разрешение, — пообещал Джеймс.

Синьор ди Каталита-Госта поклонился.

— Вы очень добры.

— Что вы, что вы! Просто приятно во всей этой неразберихе сделать хоть что-то полезное.

Возвращаясь вниз под горку к Палаццо Сатриано, Джеймс испытывал благостное воодушевление, которое не смогло испортить даже едва теплая «Тушенка с овощами» Маллони.

В шесть утра в воскресенье его разбудил телефонный звонок. Звонил майор Хеткот. Он сразу перешел к делу.

— Что вам известно про толпу у кафедрального собора?

— Понятия не имею про толпу у собора.

— Военные полицейские опасаются, что это может перерасти в массовые беспорядки. Не изволите ли взглянуть?

Телефон отключился.

Джеймс оделся и сбежал вниз. Прикинув, если и в самом деле возможны массовые волнения, то лучше наблюдать за происходящим из джипа, чем с мотоцикла, он пошел будить Эрика.

Американец просыпался после подпития, и Джеймсу пришлось приложить некоторые усилия, чтоб втолковать ему, что выезд к возможному месту массовых волнений гораздо важнее чашки утреннего кофе. Но и без кофе ушло целых четверть часа, прежде чем хмурый Эрик уселся наконец за руль, и они вдвоем покатали к собору.

У самого собора путь им преградила плотная толпа народу. Пока Эрик проталкивался со своим джипом вперед, Джеймс с изумлением

смог убедиться, что вся толпа преисполнена глубокой скорби. Женщины рыдали и рвали на себе одежду. Пожилые мужчины грозили небесам кулаком. Молодые девицы с повязанными платком головами что-то бессвязно лепетали или истерически орали друг на дружку. Среди толпы, как отметил Джеймс, было немало монашек и священников, повсюду люди осеняли себя крестным знаменем. Все это выглядело весьма загадочно.

Внезапно Джеймс заметил знакомую физиономию. Велев Эрику притормозить, он распахнул дверцу джипа:

— Доктор Скотерра, залезайте!

Адвокат слегка смешался, будто его застали за каким-то непристойным занятием. Но все же вскарабкался в джип и поспешил захлопнуть за собой дверцу.

— Вы бы лучше вернулись, — бросил он.

— Почему? Что, так опасно?

— Для вас? Немного, пожалуй. Толпа слишком возбуждена. Но в данный момент я больше забочусь насчет себя. Лучше бы меня рядом с вами никто не видел после вашей опрометчивой попытки призвать к порядку торговцев пенициллином.

— А, так вы уже слыхали... — отозвался Джеймс.

— Друг мой, — сказал пренебрежительно доктор Скотерра, — события того дня уже преобразились в изящную балладу, которая распродается в городских скверах по пять лир за листок. Ваше имя поминается непрерывно, и отнюдь не в лирических строках, но подхватывается всеобщим хором, при этом сопровождаясь определенными жестами, которые неизменно вызывают всеобщее ликование. Вы ведь помните, я не советовал вам в данный момент затевать эту операцию. А теперь, могу я сойти?

— Что здесь происходит? — спросил Эрик, подавая назад.

— Разжижение крови.

Должно быть, эти слова друзей несколько огорошили, потому что доктор Скотерра поспешил добавить:

— Крови святого. Известная реликвия, она хранится в особой часовне в соборе. Дважды в год, абсолютно регулярно, высохшая кровь превращается в жидкость. В случае, если, как в данный момент, кровь превращается в жидкость в неположенное время, это означает, что Неаполю грозит страшная беда.

— То есть, страшней, чем немецкая оккупация, чем мобилизация ваших парней на войну с Россией и чем бомбежка Неаполя тремя различными армиями?

— Разумеется, это чистейший предрассудок, — глухо отозвался доктор Скотерра, — которому всякий образованный, как я, человек не придает ни малейшего значения.

— Может, вы сегодня слишком рано встали?

Доктор Скотерра фыркнул.

Эрик остановился у края тротуара и выключил зажигание.

— Все-таки лучше пойдём взглянем.

Джеймс с Эриком протискивались сквозь толпу к боковому входу в собор. Внутри спокойней не было — воющее людское море слепо, но с ощутимым накалом, колыхалось из стороны в сторону. Наконец обнаружился священник.

— Это наш святой, — скорбно изрек он. — Это его кровь. Несомненно, грядет великий огонь, и в нем погибнут многие.

Его слова вызвали в непосредственной близости истошные рыдания. Тут священник просветлел.

— Но все же, — громко изрек он, давая знак другому священнику, появившемуся из ризницы и державшему под самым носом, как продавщица сигарет у киношки, лоток, — может статься, что мощи одного из христианских мучеников не оставят того, кто истинно верит.

Толпа рванула к священнику с лотком.

Пробившись сквозь толпу, Эрик с Джеймсом разглядели на подносе какие-то мелкие белые предметы.

— Если не ошибаюсь, — сказал Эрик, взяв один и рассматривая, — это человеческие останки.

— Мощи, *синьоре*, мощи ранних мучеников-христиан, — подтвердил священник. — Может взять каждый, кто пожертвует пятьдесят лир на церковные нужды.

— Есть тут в округе катакомбы? — спросил Джеймс у Эрика.

— Полно. И все сплошь забиты костями.

Они снова перевели взгляд на поднос.

— Должно быть, и священникам кушать надо, — сказал Джеймс.

— Да пошли они... — ухватив одного священника правой, другого левой рукой, Эрик поволок их к ризнице, бросив Джеймсу через плечо. — А ну-ка поглядим, что там у них за кровь!

Святая кровь содержалась на дне восхитительной серебряной раки, которую, в свою очередь, благоговейно сжимал в руках еще один священник.

— Скажи им, если они с этим делом не уймутся, пусть сами на себя пеняют, — бросил Эрик.

Джеймс перевел, но священники только руками развели.

— Это не мы, это святой, — сказал один. — Он пытается предупредить нас о беде.

— Все, хватит этой хренотени! — Дернув из кобуры пистолет, Эрик наставил его на священника, державшего раку. Остальные синхронно перекрестились. — Скажи ему, если через пару минут эта кровь не разжижется, получают для раздачи по кусочкам еще одного христианского мученика.

— Ты убежден, что поступаешь лучшим образом? — спросил Джеймс.

Эрик грозно взмахнул пистолетом.

— Скажи, что я еще даже кофе не пил и что я зол как черт.

— Послушай, по-моему, ты ведешь себя — хуже некуда, — нервно проговорил Джеймс.

— По-твоему, эта кровь разжижается сама собой?

— Скорее всего, нет, но мы с тобой сюда явились, чтобы *не допустить* беспорядков, — заметил Джеймс. — И, по-моему, все-таки убивать священника в кафедральном соборе в момент священного таинства и в присутствии тысяч свидетелей, большинство из которых уже крайне возбуждено, никак не отвечает нашей задаче. В особенности, если учесть, что нас здесь всего двое.

— Считаешь, я должен убрать пистолет?

— Да, я считаю именно так.

— По-моему, эта кровь через пару минут перестанет быть жидкостью, если этот священник оставит ее в покое. Он все время ее встряхивает, вот она и разжижается.

— Вполне возможно, — согласился Джеймс, — только итальянцы в это верят, и это их дело.

— Ну и как ты считаешь нам надо поступить в данной ситуации?

— В общем, — сказал Джеймс, — по-моему, священники уже обо всем позаботились. Они, судя по всему, сначала позволили толпе прийти в крайнее возбуждение, но также предложили и решение,

вынося эти мощи. До тех пор, пока мощей у них хватает, а, судя по всему, этот запас неиссякаем, похоже, в конечном счете все будут счастливы.

С некоторой неохотой Эрик спрятал пистолет.

— Примите наши извинения, — сказал Джеймс священникам. — Мой друг не успел позавтракать.

Священники поглядели на Эрика с сочувствием. Один порывисто сделал шаг к Джеймсу и вложил ему в верхний карман кусочек мощей.

— Это уберезет вас от грядущего пламени, — прошептал он, — как и вы уберезгли нас от этого голодного американца.

Все церемонно обменялись рукопожатиями, а священник с ракой благословил Эрика.

— По стечению обстоятельств, — сказал Джеймс, когда они уже собрались выйти, — мне кажется, я знаю одну вашу прихожанку, она сегодня венчается здесь. Ее зовут синьорина Эмилия ди Каталита-Госта.

На лицах священников появилось недоумение.

— Как вы сказали? — переспросил один.

— Эмилия ди Каталита-Госта. Она сегодня здесь, в кафедральном соборе, сочетается браком с офицером английского штаба.

— Сегодня это исключено, — покачал головой священник. — В этот день Великого Поста это невозможно.

— Но, как я понял, такова традиция. Девушки из почтенных семейств венчаются именно сегодня и именно здесь.

— Напротив, — возразил священник. — Сегодня, как и все последующие дни этой недели, венчания в этом соборе не производятся.

Когда они с Эриком подходили к джипу, Джеймс задумчиво произнес:

— Кажется, я снова оказался *fotutto*.

— В каком смысле?

— Точно сказать не могу, но, чтобы внести ясность, по-моему, мне стоит нанести визит синьорине ди Каталита-Госта.

— Вот суки! — вдруг рявкнул Эрик.

— Ты что?

Эрик ткнул пальцем:

— Как теперь ехать!

Их джип стал приблизительно на фут ниже, чем был, когда они его оставили, поскольку лишился всех своих четырех колес. Верхний прожектор, дворники, да и само ветровое стекло, а также дверцы, верх, мотор и сиденья — все испарилось. От машины остался чистый скелет, одна оболочка.

— Есть у тебя, Джеймс, в кобуре пистолет?

— Да. А что?

— Умоляю, пристрели меня лучше сейчас. Иначе это непременно сделает наш начальник по снабжению.

Понадобилось несколько часов, чтобы утрясти дела с заменой раскуроченного джипа. Отказавшись от предложенного Маллони *colazione inglese*, английского завтрака, под которым, как Джеймс уже по опыту знал, подразумевалось содержимое банки «Тушенки с овощами» — теперь зажаренное на сковороде и превратившееся в ломкий, подгорелый блин, затем чуть подогретый в кастрюльке, Джеймс сел на мотоцикл и покатил к элегантному домику в Вомеро, где встречался с синьориной ди Каталита-Госта и ее отцом.

Дверь оказалась не заперта, и он вошел в дом. Внутри было очень тихо. Джеймс, не нарушая тишины, прошел в комнату, где проходила их беседа. Она значительно опустела по сравнению с тем днем. Впечатляющие картины, громоздкая мебель, антиквариат — все исчезло, и взамен появилась новая, крикливая обстановка в стиле «арт-деко». На одном из кресел распласталось мужское пальто. В конце комнаты за дверью ухо Джеймса уловило некое движение.

Он подошел к двери, открыл ее. На полу перед ним тощая мужская задница ритмически вздымалась и опускалась между раздвинутыми женскими ногами.

— Ах, простите! — воскликнул Джеймс, попятившись.

И окаменел. Оба, и мужчина, и женщина, встрепенулись на его голос. Мужчина, энергично предававшийся любви с Эмилией ди Каталита-Госта, был не кто иной, как ее собственный папаша.

— На нас, похоже, — медленно проговорил майор Хеткот, — надвигаются эпидемией чудеса.

Он снова перевел взгляд на рапорт, который держал в руке, временами взглядывая на Джеймса и сдвигая брови.

Джеймсу уже было известно содержание рапорта. Тогда в соборе он никак не мог предвидеть, что в Неаполе масса других священников и что все они также голодают. В результате теперь по всему городу святые распятия истекали кровью, исходили потом, слезами, на них вырастали, потом пропадали волосы, распятия скрежетали зубами или подавали иные признаки жизни на радость и процветание священникам, пестовавшим их. В церкви Святого Анджело Иисус завел оживленную беседу со статуей Девы Марии, и этот факт был подтвержден одновременно несколькими независимыми свидетелями. В церкви Святой Марии дель Кармине королевскому парикмахеру приходилось Иисуса постоянно брить, настолько густая выростала у него щетина, в церкви Сан Гаудизо он завел привычку подмигивать хорошеньким девчонкам. Мало-помалу кровь городских святых возбудила к жизни целую россыпь свойств, совершенно науке неизвестных. Так, одна святая переходила в жидкое состояние ровно в десять утра каждый вторник, в то время как святой Джованни непременно пузырился всякий раз, услышав слова Священного Писания.

Майор Хеткот наконец отложил рапорт и с язвительной кротостью сказал:

— Убежден, вы сможете мне все это объяснить!

— Сэр, — робко начал Джеймс. — Мне кажется, итальянцы верят, что вот-вот случится какое-то несчастье. Священнослужители просто воспользовались этим. Что же касается событий в соборе, то, пожалуй, неуместно было вмешиваться в то, что, бесспорно, является внутренней проблемой самих итальянцев.

— Отлично! — подхватил майор. — И тот факт, что гражданское население сейчас намеренно загоняется в состояние истерического бреда, поскольку считается, что с приходом союзников на них непременно обрушится какая-то непонятная катастрофа, очевидно у вас лично никакого беспокойства не вызывает.

— Сэр... — начал было Джеймс.

— Не перебивать! — С внезапной яростью майор грохнул по стулу кулаком. — Некоторые утверждают, будто немцы собираются вернуться и сровнять город с землей — вам об этом известно? Другие открыто высказываются о возрождении фашизма. Между тем, черный рынок вышел из-под контроля. Единственно кто не имеет возможности

свободно приобретать на Виа Форчелла пенициллин, это — благодаря именно вам, — наши собственные армейские врачи, улицы забиты девками-сифилитичками, награждающими этой заразой наших солдат, американцы выставили претензии нашей службе армейской контрразведки по поводу джипа, и — ах да, вот еще! — Он подхватил другой рапорт. — С вашей протекции один из лучших офицеров штаба генерала Кларка женился на любовнице бывшего видного фашиста. — Он метнул негодующий взгляд на Джеймса. — Можете ли вы это хоть как-нибудь прокомментировать?

— Я решил, что этот человек отец мисс Каталита-Госта, сэр!

— Он так вам представился?

— Теперь, оглядываясь назад, я вспоминаю, что нет. Но он явно производил именно такое впечатление. Скажем, говорил... э-э-э... что и для Эмилии, как и для ее покойной матери, чем скорее совершится этот брак, тем лучше. Ну и они позаимствовали всякую антикварную мебель, чтобы создать впечатление фамильного жилища, а не любовного гнездышка.

— И вы на это клюнули? — с возмущением воскликнул майор Хеткот.

Джеймсу сказать было нечего.

— Этот офицер, — сказал майор, — связан... был связан... теснейшим образом с подготовкой к предстоящей высадке с моря, о которой мы, естественно предпочли бы, чтоб немцы знали как можно меньше. Пришлось его отослать без новобрачной в медовый месяц на неопределенный срок, пока не уладится этот скандал.

— Мне очень жаль, сэр.

— Капитан Гулд, — жестко сказал майор, — единственное, почему я не отправляю вас немедленно на передовую, это потому, что там им нужны настоящие солдаты, а не бездари и недоучки. — Он вздохнул. — Видит Бог, как мне недостает Джексона. Так или иначе, вот вам мои распоряжения. Вы должны держать гражданское население этого города в узде и принимать любые меры к тому, чтобы не допускать подобного хаоса. Вы должны распространять распоряжения и требования союзной военной администрации на всех без исключений и без поблажек. Вам ясно?

— Так точно, сэр!

— Теперь убирайтесь. И пришлите ко мне младшего лейтенанта Винченцо.

Глава 16

Получив от майора Хеткота нагоняй, Джеймс, теперь уже четко представляя, что именно от него требуется, принялся педантично исполнять приказы начальства. Каждый день военные отряды очищали Виа Форчелла от контрабандистов. Всякие чудеса безжалостно пресекались, как правило, простейшим средством, предложенным Эриком еще тогда в соборе, а именно: извлечением оружия и потрясанием им с грозным видом перед носом у ближайшего священника. Самые упорные проповедники чудес арестовывались, и статуи святых, прежде что-то вещавшие, подмигивавшие, обливавшиеся потом и совершавшие тому подобное, теперь, как ни странно, чаще всего вели себя тихо и смиренно, едва их земные стражи попадали за решетку. Между тем серия облав, завершившихся прикрытием баров, борделей, ресторанов и прочих нелегальных заведений, лишила спекулянтов основной отдушины, положив конец карнавальному беспределу, столь характерному для Неаполя в период оккупации.

Джеймс лично руководил рейдом по закрытию «Зи Терезы». Укоризненный взгляд метрдотеля Анджело вызвал в нем некое чувство вины, но Джеймс заставил себя принять официальный тон.

— Вот, — сказал он, протягивая Анджело воззвание на английском и итальянском. — Вам следует вывесить это при входе.

Анджело едва взглянул на воззвание:

— Черный сегодня день...

— Увы, это необходимость.

— Могу я спросить, надолго нас закрывают?

— Полагаю, до конца оккупации.

— Что ж, поздравляю, капитан Гулд. За всю войну «Зи Тереза» ни разу не закрывалась, ни разу. Вы сделали то, что не удалось ни нашим фашистам, ни немцам, ни бомбежке союзников. Заставили меня закрыть двери перед жителями Неаполя.

— Мне жаль, что вверх вас в убытки, — сухо бросил Джеймс.

— Тут не в деньгах дело, — тихо сказал Анджело. — В национальной гордости.

В глубине каждого грузовика с поставками засели, притаившись, вооруженные штыками солдаты, получившие приказ рубить по рукам при всякой попытке воровства союзного имущества. Трое суток госпиталь наводняли scugnizzi с отрубленными пальцами, лишь на четвертые уличные воришки уяснили себе, что теперь обворовывать грузовики не безопасно. Между тем наказание за проституцию или торговлю ворованным ужесточилось до десяти лет тюрьмы. На шоссе, ведущих в город, объявления извещали о распространенности венерических заболеваний. Джеймс лично проводил занятия, разъясняя симптомы и опасности сифилиса, специально для солдат, только что вернувшихся с передовой. Вскоре он обнаружил, что хоть сообщение о несметном в Неаполе количестве проституток, зараженных сифилисом, его аудитория и встречает одобрительным гулом, однако заимствованная по знакомству у военных медиков пара устрашающих диапозитивов с изображением пораженного мужского члена повергла в ступор даже самых закаленных в боях солдат.

В какой-то степени все эти меры себя оправдали. Явные признаки упадка и коррупции, так пышно расцветших в Неаполе, исчезли почти за одну ночь. Улицы, обычно заполненные получившими отпуск военными, шнырявшими по разным барам в поисках местных женщин, теперь сделались скучней и тише. Дошло до того, что майор Хеткот вызвал к себе в кабинет Джеймса с Эриком, чтобы их поздравить.

— Учтите, я не сказал, что вы отлично поработали, — намеренно подчеркнул он. — Просто на сей раз вы хотя бы не сели в лужу.

И все же с новым порядком не все складывалось столь успешно, как казалось. Во-первых, Джеймс понимал, что хоть черный рынок и загнан в подполье, он едва ли испытывает крупные неудобства. Его информант доктор Скотерра не без удовольствия сообщил, что единственное, чего Джеймс достиг, регулируя торговлю пенициллином, — подскока его цены на черном рынке в полтора раза. Соответственно: тем, кому он был необходим, приходилось, чтобы собрать требуемые средства, включиться в еще более противозаконную деятельность. Теперь, когда бордели были запрещены, возвращавшиеся с передовой солдаты вместо того, чтобы, как прежде, тихо по одиночке или по двое «отваливать» на улов женщин, проводили свои отпуска в шумных пьянках, зачастую в

драках находя выход скопившемуся тестостерону. Не слишком снизился и рост болезней, распространяемых половым путем. Несмотря на все лекции, венерических болезней в союзных войсках насчитывалось больше, чем боевых ранений.

Джеймс по-прежнему продирался сквозь скопления требовавших проверки брачных дел, но теперь работа шла быстрее, так как он взял за правило отказывать всем желающим вступить в брак, если не обнаруживалось веских причин для разрешения.

— А пока, — говорил он Эрику, — ни одной не нашлось. По сути, теперь, наверное, только монашке и светит выйти за британского военного.

Эрик поморщился:

— Такое возможно?

— Теоретически.

Эрик вздохнул:

— Признаться, Джеймс, мне это как-то не очень...

— Мне тоже. Но приказ есть приказ.

Виолетта Картенца, 19 лет: рекомендовано отказать в виду «неряшливого ведения домашнего хозяйства». Серена Тиволони, 20 лет: «чересчур развязна». Розетта Марли, 24 года: «слишком вертлява». Наталия Монфредо, 19 лет: «чересчур суеверна». Теперь перед Джеймсом сидела и, скромно потупившись, отвечала на вопросы некто Мартина Фонтанелле; на столе, намеренно не замечаемый обоими, лежал набитый деньгами конверт. Джеймс встал, не притронувшись к конверту, и черкнул в ее деле всего одно слово: «взятка».

Сильвана Сеттимо, 20 лет: эта сразу и без обвиняков сообщила, что она все еще девственница. Ход козырной. Если так оно и есть, как тут скажешь, что она девушка недостойная, тем паче проститутка. Но что-то настораживало в этих невинных, широко распахнутых глазках. Джемс сказал ей, что должен кое-что проверить и отправился пообщаться с ее женихом, веселым артиллеристом из Лондона. Тот подтвердил, что с Сильваной не спал.

— Мы оба хотим подождать до женитьбы, — сказал он. — Другие парни считают меня идиотом, раз я, как говорится, не прощупал товар до покупки. Но, уверен, мама тоже бы поспешности не одобрила. Пусть я не современный, такой уж я есть, да и Сильвана такая же.

Не удовлетворившись этим ответом, Джеймс обратился к военному врачу, который одалживал ему слайды для занятий с солдатами.

— Можно имитировать девственность?

— Чтобы обмануть мужа в брачную ночь или врача?

— И то и другое.

Врач задумался.

— Первое вполне возможно. А что вас, собственно, смущает в этой девице?

— Не верится что-то. — Джеймсу вспомнились его собственные полунамеки в разговорах с Джейн и затем внезапная откровенность ее письма. — Наверное, потому, — медленно произнес он, — что она это говорила без всякого смущения.

— Что ж, если хотите, могу ее осмотреть.

Сильвана охотно согласилась на медицинское обследование, и на какое-то время Джеймсу показалось, что он ошибся. Но после обследования врач позвал его к себе в кабинет.

— Вот вам ее девственность!

И вручил Джеймсу стальной поднос с маленьким пластичным шариком величиной с каштан.

— Вы шутите?

— Смотрите!

Взяв скальпель, врач полоснул по шарiku. После некоторого сопротивления оттуда внезапно хлынула темная кровь.

— Скорее всего, свечной воск, — предположил доктор. — Для мягкости растерли с оливковым маслом, затем из него скатали шарик нужного размера.

— А кровь настоящая?

— Да вы что! Иначе бы она свернулась. Впрочем, подделать кровь довольно просто.

— Да, уж на это они мастера! — заверил его Джеймс, вспомнив про священников и про мощи. — Здесь такие штуки в большом ходу. Интересно, когда читают вслух Библию, эта кровь так же пузырится, как кровь святого Джованни?

— Не знаю, откуда она шарик раздобыла, но ясно, стоило это немалых денег.

«Зи Тереза», как и прочие рестораны, закрылась, и у Джеймса теперь не было никакого спасения от кулинарных изысков Маллони, иными словами, никакого спасения от консервированной «Тушенки с овощами».

— Послушайте, Маллони, вы вполне убеждены, что вы повар? — спрашивал Хоррис.

Хорриса недавно подключили к работе их группы; майор Хеткот решил, что Джеймс заслужил право на некоторую помощь.

— О да. С ножом в руки родился, — мрачно отвечал Маллони.

Что, как пришло в голову Джеймсу позже, не было, по существу, ответом на поставленный вопрос.

Прикрытие ресторанов особенно болезненно переживал Слон — Джеффрис. Отлученный от своей высокоэффективной морской пищи, теперь супер-заряд для своего либидо он черпал лишь во всевозможных талисманах, и всякий раз, когда Джеймс его встречал, был то в новом ожерелье с ладанкой, то с новым амулетом или с брошью, приколотой ему непоседливой Эленой. Джеффрис полунамеками сообщил Джеймсу, что в последнее время почти перестал соображать, чего та от него хочет.

— Они тут проделывают такое, что англичанкам и не снилось, — признавался он. — Кое-что, ей-ей, просто закачаешься. И будь ты проклят, если не перевернешься наоборот и не сделаешь с ней то же еще разок.

Джеймс выдал из себя сочувственный вздох.

— Понимаешь, — с тоской сказал Слон, — у Элены теперь возникла куча свободного времени. Закрыли школу, где она, вроде, преподавала. Когда работала, так хоть, по крайней мере, уставала. А теперь заведется, удержу нет.

— Если тебе надоело, — сказал Джеймс, — почему бы ее не турнуть?

Слон погладил усы, устремив взгляд в пространство.

— Легко сказать, старина. Легко сказать.

Они сошлись во мнении, что в тех редких случаях, когда Маллони способен дополнить их рацион солониной, Слону надо помогать, подсовывая добавки, поскольку теперь весь Неаполь твердо убежден, что именно этот продукт производит возбуждающий эффект. В

солонинные вечера Слон сидел в одиночестве, с выражением твердой решимости поглощая свой ужин, а, отужинав, тотчас срывался с места, торопясь к своей возлюбленной, пока не иссякло действие мясной пищи.

Как-то вечером, он отвел вышедшего на прогулку Джеймса в сторонку.

— Гулд, как сказать: «По-моему, на сегодня уже выше крыши»?

— Примерно так: «Penso che dovremo fermarmi adesso».

— Ну, а это: «Поглядеть я не против, только сам, пожалуй, не буду»?

— Non mi dispiace guardare ma preferisco non partecipare.

— Спасибо.

Слон кивнул, расправил плечи и зашагал в темноту.

Джеймсу подумалось, что Слон едва ли так же трусит, когда совершает вылазку на вражескую территорию с каким-нибудь своим секретным заданием.

Несмотря на отдельные неудачи, Джеймс, однако, уже мог сказать себе, что наконец-то район взят им под некоторый контроль. Залежи бумаг, доставшиеся ему в наследство от предшественника, сократились до удобоваримых размеров. Жестяная коробка из-под печенья, некогда набитая купюрами малого достоинства, предназначенными для взяток и подкупа, теперь вмещала исключительно отточенные карандаши. Появился реестр посещений, который Карло и Энрико пока старались игнорировать. Джеймсу даже удалось разжиться одним серым металлическим шкафом для хранения документов, составлявшим его тайную гордость. Несмотря на ограниченность ресурсов и трудные условия, в которых приходилось работать, Джеймс добился некоторого успеха.

И все же с каждым днем в нем крепло сознание, что то, ради чего он так усиленно старается, в конечном счете этих усилий не стоит. Подобно учителю, который бьется, чтобы удержать в узде разболтанных учеников, добиваясь от них внимания, и в результате обнаруживается, что сказать-то ему нечего, Джеймс пребывал в некоторой растерянности. Наступление на черный рынок не ухудшило жизнь простых итальянцев, но и не сделало ее лучше. Запреты военнослужащим вступать в брак не повлекли за собой никакого прорыва на фронте. Джеймс ощущал странное смятение, какую-то

непонятную тоску. Это озадачивало: ведь зачастую он работает по четырнадцать часов в сутки, уместно ли говорить о тоске, во всяком случае, в привычном смысле? Но стоило пройти мимо лимонного дерева в цвету, внезапно уловить льющийся через раскрытое окно аромат незнакомых, экзотических трав, или услышать из-за чьей-то двери обрывок оперной арии, или если просто внезапно за работой его пронзало лучом, обволакивая теплом, неаполитанское солнце, у Джеймса вдруг возникало необычное ощущение, сходное с острым чувством голода. Может, это и в самом деле голод, думал он: неизбывная консервная диета Маллони настолько ему опротивела, что зачастую Джеймс не мог заставить себя сесть за стол. Но жаловаться даже на ум не приходило. В сравнении с теми жертвами, которые приносятся сейчас столькими людьми, его собственная жизнь была до смешного благополучна. Как можно думать о каких-то мелких лишениях, когда кругом идет война.

Глава 17

В следующий раз появившись в Фишино, Альберто принес курицу, чтоб Ливия ему ее приготовила.

— Она не так молода, — сказал он, схватив птицу за шею и оглядывая со всех сторон, пока та била крыльями и кудахтала в тисках его пальцев. — Да и не очень жирна. Но сама знаешь поговорку: *gallina vecchia fa buon brodo*. Чем старей курица, тем наваристей бульон.

И он свернул курице шею, прежде чем с поклоном передать тушку Ливии.

С тех пор как был прикончен последний кусочек булки, еды уже в доме не осталось, и у Ливии текли слюнки, пока курица варилась в кастрюле с луком, сельдереем и морковками, которые также принес Альберто.

— Может, присядешь со мной? — предложил он.

— Не могу. Готовлю.

— Но ведь, кроме меня, посетителей нет. — Он поставил на стол две тарелки и два прибора. — Да и курица хороша! — сказал он с нажимом.

Ливия отошла и осталась у плиты:

— Что поделать...

Бульон сварился. Альберто смотрел, как Ливия вынимает курицу из кастрюли и выкладывает на блюдо. Она налила в тарелку бульон из кастрюли и тотчас подала ему, слегка загустив пастой.

— Простая казалось бы штука, — приговаривал он, черпая полной ложкой. — А отлично сготовить не так-то просто. До чего же вкусно, Ливия!

Несмотря ни на что, ей стало приятно:

— Спасибо.

— Может, отведаешь немного?

— Нет.

Она уже прикинула, что потом доест остатки. Даже жирному Альберто никак не осилить целую кастрюлю бульона, особенно в такое время, когда люди годами не видят мяса, ну а курицы, вроде этой, хватит, чтоб кормиться целому семейству не одну неделю.

— Как знаешь. — Альберто снова налег на бульон. — Нет, правда, очень вкусно!

Суп получился того изумительного сероватого цвета, какой бывает, когда курица хорошо проварится; на поверхности поблескивали золотые искорки жира. От голода у Ливии кружилась голова, и если б не оперлась на плиту, она, наверно, упала бы. У нее на глазах Альберто выдул весь бульон до капли.

— Ну, а теперь, — сказал он, потянувшись к курице, — примемся за secondo. [\[38\]](#)

Жирными пальцами он разорвал птицу, ловко отделив белое мясо от кости, умелым движением выкрутив ножки с окорочками, и вот уже разделанная курица распласталась на блюде.

— Прошу, — сказал он, указывая Ливии на второй прибор.

— Не могу... — снова повторила она.

Но, ощутив исходивший от вареной курицы аромат, почувствовала, что слабеет, что едва держится на ногах, и значит не будет ничего предосудительного, если она позволит себе присесть. Альберто сунул длинный кусок грудки в рот и с выражением невыразимого удовольствия принялся жевать. Затем, подхватив кусочек поменьше, протянул Ливии. Она было потянулась к курятине, как вдруг почувствовала, что его рука легла ей на плечо, слегка клоня его к столу. Ливия поняла, чего он добивается, и покорно открыла рот навстречу, куску, который Альберто туда и вложил.

И прикрыла глаза. Так было легче. Она чувствовала, как его толстые, липкие от куриного жира пальцы тычутся ей в губы, но ощущала лишь вкус курицы. Сочный, густой мясной аромат заполнил рот, наполнил мысли, вытеснив все остальное. Аромат ушел. И Ливия, уже собой не владея, приоткрыла рот, чтоб еще раз испытать то же: так птенец раскрывает клюв навстречу корму. Два толстых пальца проползли ей в рот, и она почувствовала, как с жадностью слизывает с них куриный жир, стараясь не упустить ни капельки.

Альберто убрал пальцы, и Ливия открыла глаза, сгорая от стыда за содеянное. Но в его пальцах увидела очередной кусок курицы — *sella*, седловинку, два кусочка темной мякоти из нижней части, прямо за крылышками: самое вкусное мясо. Снова Ливия прикрыла глаза, и снова почувствовала, как его пальцы пробираются к ней в рот, и снова слизала с них все до капли. Голос Альберто зашептал ей прямо в ухо:

— Когда в прошлый раз спросила, почему — ты, я соврал. Плевать, что надо мной будут смеяться. Это потому что я тебя люблю.

То, что происходило, то, что она слышала, ей с закрытыми глазами вынести было легче. Ливия молчала. Немного погодя еще один кусочек курицы ткнулся ей в губы.

Когда Альберто ушел, Ливию едва не стошнило. В тот же вечер она заглянула в самый дальний угол кухни, где оставила кастрюлю, куда аккуратно сливала куриную кровь, и кликнула Маризу:

— Я кое-что придумала. Что скажешь насчет танка?

— Какого танка?

— Того самого, который подорвался, после твоего заклинания против tedesco^[39] солдата. Если б этот танк завести, можно бы использовать его вместо трактора.

Мариза задумалась:

— Надо бы куриной крови раздобыть.

Ливия протянула ей кастрюльку:

— Ничего, что курица очень старая?

— Думаю, сойдет. Но, Ливия, ведь ни ты, ни я не умеем управлять танком!

— Подумаешь! — Ливия дернула плечом. — Думаю, что это не так уж сложно. Им солдаты управляют, а глянь на них, одни недоумки.

На следующий день сестры отправились в поле за деревней, на то место, где стоял сломанный немецкий танк. Из бутылки, которую она с собой захватила, Мариза налила в бак зловонное месиво. Наложила руки на бронированный корпус танка.

— Ну-ка, попробуй! — бросила она Ливии.

Ливия забралась внутрь танка. Там было очень темно — свет просачивался только из нескольких щелей в броне. А внутри воняло машинным маслом, застарелым мужским потом и еще чем-то горелым — должно быть, порохом.

Она уселась на водительское место и осмотрела панель управления. Казалось, тут особых трудностей нет. По обеим сторонам торчали две рукоятки, которые, похоже, регулировали ход гусениц. Прямо перед водительским креслом в крошечную щель открывался совсем узкий обзор дороги. Справа виднелось еще несколько рукояток и переключателей, но зачем они, понять Ливия не могла. Похоже,

черная кнопка могла приводить двигатель в движение. Ливия нажала. Ничего. Она наобум подвигала разными рычагами, снова нажала кнопку. И вдруг весь танк с силой содрогнулся, и Ливия решила было, что ей каким-то образом удалось выстрелить из пушки, но потом сообразила, что это включился двигатель как раз у нее под правой пяткой. Внутренность танка наполнил густой черным дым. Ливия тронула рычаги, и машина рванула вперед.

Глава 18

К этому времени Джеймс уже привык к возбужденным звонкам офицеров с дичайшими сообщениями о контрнаступлении или иных угрозах безопасности; потому, когда из Санта Антастазиа позвонил какой-то капитан и сообщил, что где-то возле Боскотреказе люди видели немецкий танк, Джеймс, вспомнив предостережение Джексона, сказал:

— Успокойтесь, этот слух ложный, это проверено.

— Не знаю, как вы там проверяли, — прозвучал в трубке бесплотный голос, — но тот, кто об этом сообщил, участник боев в Африке. Этот сказки рассказывать не станет. К тому же, ему известно, как выглядит немецкий танк. Сказал, что совершенно отчетливо видел, как бронированный танк двигался по дороге выше Капелла Нуова.

Джеймс справился по карте. Капелла Нуова располагалась на склонах Везувия, всего в нескольких милях от союзнического аэродрома в Терциньо. Если и в самом деле в этой местности скрывается бронетанковая дивизия и если она решит атаковать, неприятностей не оберешься.

Джеймс позвонил майору Хеткоту, изложил ситуацию.

— Мне кажется, сэр, лучше нам связаться по телефону с аэродромом, чтоб они там подняли тревогу. И, может, послать туда наши танки, чтоб те разведали обстановку?

— Танки? Откуда, интересно, я их вам возьму? — рявкнул майор. — Все наши бронетанковые единицы сейчас находятся в районе Кассино. Придется уж разведать вам самому, и если действительно обнаружите что-нибудь, запросите подкрепление с воздуха.

— Но... разве это не дело пехоты, сэр? Может, хотя бы кого-то с противотанковым оружием туда послать?

— Возьмите парочку *carabinieri*. И если кому и суждено взлететь на воздух, уж позаботьтесь, что это были вы, а не кто-то из них.

Карло и Энрико явно оживились, узнав о предстоящей вылазке. На следующее утро они появились в сопровождении полудюжины дружков, и на этот раз снова разодетых в лучших традициях кинобоевика про Аль Капоне — галстук-бабочка, гетры, канотье и

жилет. В очередной раз выдача автоматов вызвала у всех столь радостное рвение позировать, для чего они прихватили с собой и фотографа со вспышкой. Словом, Джеймсу пришлось призвать всех к порядку.

— Никакой самодеятельности, — наказал он. — Если что обнаружим, вызовем на помощь авиацию. Без моего приказа категорически не стрелять и по возможности вести наблюдение с расстояния, оставаясь незамеченными.

Джеймс впервые отправился в сторону Везувия. С дальнего конца залива невозможно было определить истинные размеры горы, — оттуда была видна не сама гора, а целый конгломерат из предгорий и крутых склонов, который внезапно взвивался вверх гигантской вершиной, раздвоенной на пики Монте-Сомма и Монте-Конна, составлявшие собственно вулкан. Дым, который постоянно вился над ним и из Неаполя казался таким нежным и воздушным, теперь зловеще нависал над головой. Похоже, подумал Джеймс, на дым от прогоревшего, но все еще не затухающего костра.

Продвигаясь впереди колонны, — Джеймс сел на мотоцикл, чтоб не ехать в джипе вместе с вооруженными итальянцами, — он увидел перекошенный знак, указывавший, что они проезжают мимо развалин Помпеи. Отметил про себя, что надо будет когда-нибудь сюда вернуться, осмотреть эти места.

Дорога петляла вверх по склону, здесь весь ландшафт был исчеркан громадными языками застывшей лавы; иные блестели, как расплавленное черное стекло. И все равно вдоль нижних склонов примостилось с десятков деревень и городков, — Джеймс воспринял это как триумф оптимизма в вопросе перспективности планирования. Выходит, Помпеи — та самая память, что только придает азарт желанию строиться в этих местах?

Все утро они объезжали склоны вдоль и поперек, время от времени делая остановки и расспрашивая жителей деревень. В Сан-Себастьяне после извержения 1923 года лава разделилась на два рукава и аккуратно обошла городок с обеих сторон, — тот, кто показывал местность Джеймсу, уверял, будто это чудо содеяно деревянной статуей святого Себастьяна, которую огненно-белая лава испепелить не посмела. Эта статуя, слегка обожженная, теперь

находилась в церкви, стоявшей всего в нескольких сотнях ярдов от края лавы, и к стене не крепилась, чтобы можно было ею ненадолго, в случае необходимости, воспользоваться. Джеймс спросил, не появлялся ли в этих местах танк. Разведя руками, крестьянин с неким фатализмом заметил:

— Так ведь они в самом вулкане прячутся. Это все знают. В один прекрасный день снова объявятся и обратно Неаполь захватят.

Слова жителя деревни Джеймс воспринял, скорее как старую байку, чем свидетельство очевидца.

С противоположной стороны горы, однако, сведения казались более правдоподобными. Всего дня два назад один пастух видел, как по сельской дороге неся танк. Еще несколько человек утверждали, что видели танк в поле выше Боскотреказе.

— Это возле Фишино.

На этом, вроде бы, сходились все.

Словом, к середине дня сформировалось мнение, что, пожалуй, стоит направиться в эту деревеньку.

Они по-прежнему двигались колонной, и обзор Джеймсу почти полностью закрывал передний джип. Только когда тот внезапно дернулся вбок с дороги и резко затормозил, Джеймс понял: что-то не так.

Он посмотрел левее вперед. Впереди и в самом деле был танк, свастика отчетливо виднелась сбоку. После долгой погони за ним Джеймс даже как будто испытал некоторое облегчение — во всяком случае, мифическое чудовище хоть как-то материализовалось; по крайней мере, угроза не была ложной. Танк двигался полем прямо на них примерно в пятидесяти ярдах выше по склону, слегка подпрыгивая на крутящихся гусеницах. Carabinieri, сжимая автоматы, вмиг посыпались из кузова джипа.

— Помним план действий! — выкрикнул Джеймс. — Отступаем и призываем воздушную помощь.

Никто и внимания не обратил на его команду, все бежали к танку, беспорядочно стреляя от бедра. Искры разлетались от брони при попадании пуль по металлу. Внезапно что-то больно ударило Джеймса в плечо.

— Засранцы! — с чувством выругался он.

В него угодило рикошетом. Он осторожно тронул плечо. К счастью, как будто ничего особенного.

— Не смей! Отойти! — громче гаркнул он.

На сей раз carabinieri с готовностью подчинились приказу. Сообразив, что их пули бессильны перед танковой броней, они с не меньшим энтузиазмом, чем в недавней атаке, бросились сломя голову назад под спасительное укрытие джипа. Джеймс со всей очевидностью обнаружил, что остался без прикрытия один на дороге прямо на пути у танка.

Перемахнув через небольшой подъем, танк косо съехал на дорогу, попутно обрушив часть стены. Пушка явно была наставлена прямо на Джеймса — или, быть может, ее просто развернуло на ухабистом пути? Чувствуя на себе взгляды carabinieri, Джеймс выхватил пистолет. Крикнул:

— Стой!

Понял, что даже если команда танка и расслышит сквозь шум двигателя, то вряд ли его поймет.

— Хальт! — добавил он для верности, подняв вверх левую руку ладонью вперед.

Танк не остановился. По мере приближения его странно болтало из стороны в сторону, очевидно, таким маневром он намеревался увернуться от противотанковых снарядов. Еще мгновение, и танк, казалось, сомнет Джеймса своими гусеницами.

И вдруг в самый последний момент танк замер на месте. Дуло громадной пушки приспустилось, целя прямо в Джеймса. Он ощутил прилив безотчетной ярости. Да, сейчас он умрет, не познав женщины, вдали от родного дома, и все потому, что эти говнюки итальянцы не подчинились приказу.

Люк открылся, возникло лицо. Хоть и вымазанное в масле, лицо было не лишено приятности: огромные глаза, нежная линия щек, темные брови. И тотчас на Джеймса обрушились ругательства:

— Какого хрена, черт подери, ты посреди дороги торчишь? — исторгла физиономия по-итальянски. — Я же задавить тебя могла, идиот паршивый!

— Я крикнул «стой»! — заметил Джеймс.

— С какой стати я должна останавливаться? Это ты убирайся с дороги!

Подтянувшись обеими руками, молодая женщина выбралась из люка, обнажилась стройная загорелая нога. Со стороны carabinieri раздался дружный вздох восхищения. Едва незнакомка скользнула вниз, чтоб соскочить с танка, самые ретивые ринулись подать ей руку. Несколько обескураженно Джеймс спросил:

— Это ваш танк?

— Ну не в нем же я родилась! — бросила она.

Carabinieri, чей недавний страх уже очевидно иссяк, загоготали. Помогавший ей спуститься явно не собирался отпускать ее руку, пока незнакомка с ослепительной улыбкой не одарила его благосклонно «Grazie mille».

— Выходит, танк краденый, — не отставал Джеймс.

Она высвободила длинные, блестящие, очень темные волосы из-под воротника, под который упрятала их, чтоб не мешали.

— Ну и что?

— Боюсь, вы не имеете права его присваивать.

Молодая женщина перевела взгляд с танка на Джеймса, удивленно вскинула брови.

— Ты хочешь, чтоб я разыскала немцев и отдала им их танк? — спросила она изумленно.

Carabinieri весело заржали.

— Придется вам отдать танк нам.

— Ага, и вы его украдете?

Carabinieri, все, как один, кивнули и уставились на Джеймса в ожидании, что тот скажет в ответ.

— Нам это, собственно говоря, положено, — заметил он. — В качестве трофея.

Она задумалась. Потом сказала:

— Отлично. Я его вам продам. Предложите цену.

— За присвоение военного вооружения и поимку с поличным полагается десять лет тюрьмы.

— Да ну? — С явным изумлением воскликнула она. — Ой, но ведь никакого военного вооружения у меня нету.

— Мадам, — сказал Джеймс, — вы правили танком.

Она махнула рукой:

— Ну и что?

Джеймс многозначительно поднял глаза на четырехдюймовую пушку у себя над головой.

— Ах, это... — сказала девушка, как будто пушку увидела впервые в жизни. — Верно, к нему пушка приделана, но я-то здесь причем? Для меня он вместо трактора. Гляди!

И она указала на тыльную часть танка, куда, как Джеймс теперь заметил, было прицеплено примитивное устройство наподобие бороны.

— Могу я узнать, есть ли у вас разрешение на вождение транспортного средства?

Женщина хотела было что-то на это ответить, как вдруг ее взгляд упал ему на плечо:

— Ты ранен!

— Могу я узнать...

— У тебя кровь!

Джеймс покосился на плечо. Действительно. В напряженности момента он и не заметил, что китель на нем пропитался кровью.

— Пустяки, — сказал он.

Но молодая женщина, отвернувшись, уже честила carabinieri за то, что те стоят как бездельники, в то время как их капитан истекает кровью. Есть бинт? Нет? Тогда надо отнести его к ней в дом, который, к счастью, прямо тут, за углом, и там ее сестра тага в момент обработает рану. Смотрите, капитан еле стоит на ногах, вот-вот упадет. Надо чтоб он сел и опустил голову между коленей, пока не принесут носилки.

Мгновенно Джеймс обнаружил, что вокруг него завертелось полдюжины carabinieri, орудовавших гораздо энергичнее под водительством этой молодой женщины, чем под его руководством; признаться, уж лучше б они держали свои автоматы не наперевес, а дулом вниз, когда сажали его на землю, пригибая ему голову к коленям. Притащили носилки из одного из джипов. Джеймса подняли и опустили на них осторожно, словно малого ребенка, и затем понесли с невероятной осторожностью по неровной земле.

Его водрузили на стол в кухне, тут же призвали осмотреть рану еще одну молодую женщину, похожую на первую и почти такую же красивую. Прежде чем Джеймс успел сообразить, что происходит, женщины стянули с него рубаху и осмотрели плечо; та, что помоложе,

участливо заахала. Рану промыли, и та, что помоложе, крепкими прохладными пальцами потрогала кожу вокруг нее. Что-то быстро на местном диалекте сказала сестре, и старшая, склонившись над Джеймсом, протянула руку.

— Сожми! — велела она.

Сжав ей руку, Джеймс ощутил твердую округлость обручального кольца.

— По-моему, у него может быть еще и растяжение, — сказала младшая.

Она вышла из комнаты. Джеймс продолжал лежать на спине, уставившись в завесу душистых темных волос, упавших на лицо водительнице танка. Сообразил, что все еще продолжает сжимать ее руку.

— Простите, — сказал он, отводя свою.

— Как тебя зовут? — спросила она.

— Капитан Гулд. Джеймс Гулд.

— Шеймс Гуль?

— Джеймс Гулд.

— Джемс Гут?

— Примерно так.

Ему вдруг почему-то сделалось весело. Только что пушечным снарядом его могло разнести на куски, а теперь его обхаживают две красавицы, каких он в жизни не видал. Такое может случиться только в Италии.

Младшая вернулась с двумя баночками.

— Лежи, не двигайся, — велела она Джеймсу.

Осторожно засунув пальцы в первую банку, она извлекла оттуда пчелу. Насекомое вело себя спокойно, или, может, она его приручила: пчела ползала по ее пальцам смиренно, как божья коровка.

— Сейчас немного больно будет, — сказала девушка.

Она приложила пчелу к плечу Джеймса, он почувствовал резкую боль: пчела куснула.

— Какого черта... — взорвался Джеймс, пытаясь встать.

— Это поможет заживить рану.

Из второй баночки девушка извлекла немного чего-то, похожего на мед, и смазала края раны.

— И это поможет.

Явная чушь, но Джеймс решил, что они просто хотят хоть как-то помочь. Однако пальцы девушки весьма ловко массировали кожу, боль отступала... Джеймс откинулся навзничь и прикрыл глаза.

Когда он снова их открыл, его рубашка уже была порвана на бинты.

— Спасибо, — сказал он. — Вы очень добры.

— При чем тут доброта, — по-деловому отозвалась старшая. — Просто неохота отправляться в тюрьму.

— А я думал, вы от чистого сердца, — сухо сказал Джеймс.

— Мариза считает, кому-то из нас надо б с тобой полюбезничать, на всякий случай. Говорит, пусть лучше я, — добавила она, — потому что на меня ты больше засматриваешься.

С чего это она взяла, в самом деле?

— Надеюсь, вы ей сказали, что она не права? — пробормотал он.

Девушка обернулась и посмотрела на него сверху вниз. Он заметил, что глаза у нее зеленые-зеленые, и они как-то странно на него сверкнули, ему даже показалось, почему-то с презрением.

— Нет, — бросила она. — Я ей сказала, что скорей умру, чем буду любезничать с британским солдатом.

Младшая сестра стала перевязывать ему плечо.

— Что ж, приятно слышать... — побормотал Джеймс, огорошенный внезапной неприязнью в ее голосе.

Но в данный момент в искренности своих слов он не был полностью уверен.

Рана была перевязана, и рука пристроена на шлейке, и боль унялась, растекшись давящей теплотой по плечу. Может, подумал Джеймс, укусы пчелы и в самом деле помог: надо расспросить друга-медика, что бы это все значило.

Перед ним была поставлена тарелка с какими-то белыми кругляшками, положена вилка, и приказано: «Ешь!»

Джеймс тронул вилкой один из шариков. Он казался мягким, как проваренное в кипятке яйцо. А когда ковырнул, оттуда исторглось что-то похожее на крем цвета слоновой кости. Попробовал. Рот заполнила сочная масса. Ощущение почти нежной травяной свежести, но вкус полнее, богаче, чуть сладковатый.

— Черт возьми, — вырвалось у него. — Что это?

— Буррата. Мы ее сами готовим.

Это слово было Джеймсу неизвестно. И он строго спросил:

— Все-таки мне хочется узнать про танк поподробнее. Прежде всего, откуда вы его взяли?

— Его Мариза заговорила.

У Джеймса екнуло сердце, едва он представил себе реакцию майора Хеткота на рапорт подобного рода.

Он выслушал рассказ Маризы с Ливией про вдову Эсмерельду и про магический заговор, насланный на танк в отместку за ее гибель. Рассказ растянулся, все более запутываясь, поскольку девушки имели обыкновение все время перебивать друг дружку. Джеймс слушал, поглаживая подбородок. Ситуация была гораздо сложнее, чем показалось на первый взгляд, поскольку танк был добыт непосредственно у немцев, и таким образом фактически был не украден, а захвачен...

— Все это надо хорошенько обдумать, — сказал он. — А пока мне придется танк изъять. И вам, боюсь, придется отправиться с нами, — добавил он, глядя на Ливию.

— Это куда еще?

— В расположение наших войск в Неаполе.

— Так далеко нам, пожалуй, не доехать.

— В каком смысле?

— Этот танк ездит на отцовской граппе. Пока ты тут сидишь и рассуждаешь, твои люди там уже выпили все горючее.

Джеймс пошел унять своих carabinieri, которые, как и сказала Ливия, произвели шумный налет на скопление бутылок с прозрачным и крепким напитком, посредством которого девушки запускали танк. И только теперь Джеймс заметил, что дом, в целом ничем от прочих домов не отличавшийся, все же имел пристройку в виде бара и ресторанчика.

— Очень жаль, но придется вам свое заведение прикрыть, — сказал он сестрам. — Все развлекательные учреждения запрещены вплоть до особого распоряжения.

— По чьему это дурацкому указанию? — вскинулась Ливия.

— По моему, к вашему сведению.

— Но мы тут живем!

— Значит, придется прикрыть кухню и столовую.

— Но это наша кухня! И наша столовая.

Джеймс почесал в затылке.

Распоряжения, казавшиеся такими естественными в Неаполе, здесь наталкивались на явные сложности.

— Значит, просто не пускайте к себе посетителей, — предложил он.

— У нас нет никаких посетителей, кроме ваших carabinieri.

Перепалка превращалась в разговор без начала и конца, в чем итальянцы были большие мастера.

— В таком случае, — сказал Джеймс, — пусть все остается как есть, но если появятся посетители, придется вам закрыться. Идет?

Девушки неохотно согласились, но при условии, что им заплатят за граппу. Последовал недолгий торг, в результате которого Джеймс почему-то согласился выплатить им грабительскую сумму, и Ливия отправилась собрать кое-какие вещи.

Поднявшись наверх, она отвела в сторонку Маризу с отцом.

— За меня не беспокойтесь. Все будет в порядке. И уж раз они забирают меня в Неаполь, то лучше мне пока задержаться там.

— Почему? — изумленно спросил Нино.

— Пока я здесь, Альберто не оставит нас в покое. Если уеду, возможно, вам будет легче. Еды вам двоим хватит, если еще и соседи помогут.

— Но ты-то как выживешь?

— Пойду жить к родным Энцо, устроюсь работать на фабрику. Его мать не даст мне умереть с голоду. — Ливия еле сдерживала слезы. — Поверьте, так будет лучше. Мне не меньше вашего ненавистно думать, что Альберто сможет одержать верх. Здесь иначе и не получится. Мы-то с вами знаем, у нас никто не осмелится против него пойти.

Мариза обняла сестру.

— Будь по-твоему. Отправляйся, если считаешь что так лучше. Только возвращайся поскорее, если сможешь.

— Не нравится мне, что тебя солдаты везут, — пробормотал Нино.

— Я буду начеку К тому же, если б этот офицер гнусное замышлял, давно бы проявился, еще когда угрожал нам тюрьмой за этот танк.

— Ливия права, — сказала Мариза. — Он не похож на того, который все у нас украл.

— Солдат он и есть солдат, — буркнул Нино. — Поезжай с ним, раз решила, только уж ты ему воли-то не давай.

— Еще чего! Уж с этим любезничать — никогда в жизни!

Полицейские чуть не передрались за право помочь Ливии влезть в кузов джипа, но, как выяснилось, ни один из carabinieri танком управлять не умел. Ливия попыталась обучить одного, но у того танк то и дело сползал с дороги вбок. Джеймс заподозрил, что все только потому, чтобы подольше посидеть в тесноте бок о бок с Ливией. Наконец двинулись в обратный путь, выстроившись колонной: Ливия вела танк, Джеймс стоял на страже, выставившись из командирского люка, джипы и мотоцикл прикрывали тыл.

Когда спускались вниз под самым Везувием, на Джеймса вдруг накатило какое-то ранее неведомое чувство. Его буквально распирало от счастья. Он остался жив; он командует немецким танком; кругом восхитительная красота, морской воздух соленой теплотой обдает лицо, аромат падубов наполняет ноздри. Внизу на водительском сиденье — девушка, густые черные волосы волнами падают на спину, и от девушки этой определенно исходит что-то, отчего его тайное счастье становился полней и полней. Не говоря уже о том, какой приятный сюрприз — встретить молодую итальянку, не стремящуюся затащить его в постель.

— Так вот, — втолковывал Джеймс в телефонную трубку майору Хеткоту, — эта женщина со своими товарищами партизанами участвовала в местном движении сопротивления. Партизаны захватили этот танк, но у них не было горючего, чтобы им управлять. Потом, когда немцы ушли, итальянцам пришла в голову мысль заправить танк граппой, тут танк и был замечен, как раз в тот момент, когда они собирались переправить его союзникам.

Собственно, не вполне ложь, хотя и не вполне правда. Просто, уверял Джеймс себя, таким способом он хотел убедиться, что разведка — народ слишком занятый, чтобы тратить даром время на то, что особой важности для них не представляет.

— Скажите, — с интересом произнес командующий. — Как этот отряд называется?

— Э-э-э... кажется «Группа Пертини», сэр.

— А они не коммунисты?

Припомнив торг вокруг граппы, Джеймс ответил:

— Нет, сэр. По моему личному наблюдению, это определенно буржуазно настроенные демократы.

— Отлично. Передайте, что мы им очень благодарны за их доблестные усилия и тому подобное, и отошлите обратно.

Когда Джеймс отыскал человека, готового принять расписку в получении боеспособного немецкого танка, был уже поздний вечер. Вокруг Ливии по-прежнему увивалась толпа услужливых соотечественников, но она уже позевывала, и ей ничего не оставалось, как согласиться, чтобы Джеймс ее подвез.

Стартовав из военной зоны, Джеймс с рукой на шлейке, с тяжелым мешком Ливии на багажнике мотоцикла, вихляя рулем, повез ее на своем «Мэтчлессе».

— Прощу прощения! — бросил он через плечо, подсакивая на рытвине.

Ливия не ответила. После пары неудачных попыток завязать с ней разговор, Джеймс замолчал, переключив внимание на дорогу. Время от времени он чувствовал, как пассажирка щекой припадает к его спине. Контакт был, пожалуй, приятен, и на мгновение ему подумалось, не выказывает ли она таким образом некое к нему расположение. Но потом понял: она просто клюет носом, уютно, как кошка, прильнув к его спине.

Освещенный громадной луной Неаполь был безмятежен. И, стараясь не слишком трястись со своим мотоциклом по булыжным мостовым, Джеймс внезапно почувствовал, что влюблен в этот город: такой непредсказуемый, такой сумасшедший и вместе с тем способный дарить сюрпризы, как, например, эта спящая девушка сзади на мотоцикле посреди такой ночи, да еще в разгаре войны.

На самом деле Неаполь в ту ночь был не так уж и безмятежен. За затемненными окнами закрытый ресторан «Зи Тереза» стал местом сходки недовольных.

Был среди них Анджело, кто и созвал эту сходку, была и прекрасная обладательница искусственного глаза Елена Марлона.

Среди присутствовавших женщин Джеймс мог бы узнать и еще кое-кого: Альджизу Фьоре, Виолетту Картенца, новоиспеченную девственницу Сильвану Сеттимо, Серену Тиволони... Здесь собрался весь цвет женского населения Неаполя, и цвет этот был охвачен негодованием.

— Как работать, если бордели закрыли? — возмущалась Альджиза Фьоре. — Что за идиотство. Приходится обслуживать на дому или прокрадываться на улицу так, чтоб тебя никто не видел.

— Нам еще того хуже, — заметил мужчина средних лет, владелец старейших в городе пиццерий. — Вы, по крайней мере, орудия своего труда всегда имеете при себе. Я же без своей печки никак не могу обойтись.

— Что касается меня, — сказала Елена, высокомерно окидывая всех своим настоящим глазом, — то закрытие борделей меня мало трогает. Перед войной я была лучшей шлюхой в Неаполе, и когда закончится война, ею же и останусь. Но этот запрет на браки просто невыносим. Рынок забивается кучей жалких приготовишек.

— А все из-за этого молодчика Гулда, — сказал кто-то. — Неужели нет на него управы?

— Да кончить его, и все тут, — сказал мужланистый сутенер. — Я сам готов, тут и думать нечего.

— Пустая трата времени, — отрезал Анджело. — Его просто заменят кем-нибудь другим. Я британцев хорошо знаю: если кого из них пристрелят, эти еще круче заворачивают гайки.

— Тогда его надо совратить.

— Я пыталась, — мрачно вставила Альджиза Фьоре. — Niente.^[40]

— Или подкупить.

— Он даже конверта моего не вскрыл, — заметила Мартина Фонтанелле.

— Может он, как Джексон, девочек любит? Или мальчиков? Человека развратить всегда есть чем.

— Не тот случай, — сказал Анджело. — Этот даже за ужин свой платит. Хотя, если хорошенько пораскинуть мозгами...

— Ну?

— Есть у него одно пристрастие. И это — вкусная еда, — с расстановкой произнес Анджело. — Правда, думаю, он сам себе в этом не отдает отчета.

— Оно и понятно, ведь у них поваром Чиро Маллони.
Знавшие Маллони хохотнули.

— Маллони приставлен туда не просто так, — сказал Анджело. — Он работает на Вито Дженовезе. Но я слышал, семейство Дженовезе тоже не слишком одобряет все эти запреты.... Предоставьте это дело мне. Я что-нибудь придумаю.

ЧАСТЬ III

«В поисках особо чувственного удовлетворения вкуса ничто не сможет сравниться с таким компонентом, как фасоль».

*Марселла Хэзен,
Кухня Марселлы.*

«Скромная фасоль (фаджоли), многие поколения презираемая всеми, кроме простолюдинов, возвысилась до деликатеса, доступного богатым людям, и килограмм ее стоит теперь 150 лир — в то время как прежде стоил одну лиру и даже дешевле».

*Памятка
департамента
общественного
здравоохранения,
Союзная Военная*

*Администрация,
регион 3, 1943 г.*

Глава 19

Ливия проснулась, едва они спустились к гавани.

— Можешь высадить меня здесь, — сказала она, постучав Джеймса по спине.

Он притормозил и смотрел, как она отвязывает свой мешок от мотоциклетного контейнера.

— Может, еще увидимся? — робко сказал он.

— Может, — ответила она тоном, явно исключавшим такую возможность.

Пройдясь пальцами, Ливия распутала сбившиеся в пути волосы.

— Спасибо, что подвез.

Подхватив мешок, она без лишних слов пошла прочь.

— Может, вас проводить? — крикнул он ей в след.

Она не ответила. Джеймс решил, что девушка все еще расстроена тем, что забрали танк. Но ведь не могла же она надеяться, что он разрешит ей его оставить. Да и, прокрутив в памяти события этого дня, он решил, что вел себя в высшей степени прилично. Тогда почему вид у нее был все время недовольный? И почему это его так сильно огорчает?

Он чуть было не сделал попытки пуститься за ней следом. Но вздохнул и развернул мотоцикл в направлении Палаццо Сатриано.

Остаток пути Ливия решила пройти пешком. Но того, что в ее отсутствие Неаполь подвергнется таким жестоким бомбардировкам, она никак не ожидала. Пробираться по темным улицам было нелегко. Хуже того, дойдя до улицы, на которой жила семья Энцо, она обнаружила на месте их дома громадную воронку.

— Простите, — остановила она женщину, входившую в подъезд соседнего дома. — Не знаете, где теперь живет семья Телли?

— Господи, воля Твоя! — крестясь проговорила женщина. — Да они все погибли во время бомбежки.

Ливия, онемев, смотрела на груды битого кирпича. Да, во время бомбежек люди, случается, погибают. Но почему именно они? А ведь если бы она не вернулась тогда в Фишино, то и она почти наверняка погибла бы здесь вместе со всем семейством Телли.

— Это случилось вскоре после того, как малыш Энцо погиб в России, — добавила женщина. — Они получили извещение и тогда перестали прятаться в убежище. Мать его сказала, если Господь и ее призовет вслед за ним, так тому и быть.

Бедная Квартилла, подумала Ливия. Она была суровой свекровью, но она так любила своего сына.

— Вижу, ты горюешь, — сказала женщина. — Ты что, хорошо их знала?

— Я была замужем за Энцо... — едва смогла выговорить Ливия.

— Ай-яй... Нынче все родных теряют. Я вот всех братьев потеряла. Слава Богу, нет у меня сыновей, а то и они бы сгинули. — Она сочувственно глядела на Ливию. — Ишь, как тебя придавило... Хотя б покормить тебя, да нечем. — Она развела руками. — Война. Когда она только кончится!

На последние гроши Ливия сняла комнатку в обшарпанном пансионе рядом с портом, а на следующее утро отправилась на военный завод спросить, нет ли там работы. Но военный завод тоже был в руинах. Какой-то старик, рывшийся в поисках всякого хлама, сказал, что завод был взорван немцами перед отходом. Предположил, что больнице нужны уборщицы, и Ливия прошла две мили через весь Неаполь до Оспедале деи Пеллигрини только для того, чтобы услышать, что места уже давно заняты.

— Можно попробовать обратиться в крупные отели на Виа Партенопе, — посоветовал управляющий больницей. — Их вновь открыли теперь для офицеров союзных армий, и, наверно, там могут понадобиться горничные.

Ливия знала, что путь туда неблизкий, но она все равно прошла весь путь обратно до Виа Партенопе.

Швейцар в первом же отеле, где она спросила, нет ли работы, грубо и резко рявкнул:

— Горничной или шлюхи? Хотя — какая разница. Вакансий в обоих случаях нет.

И так оказывалось везде, куда бы Ливия ни обращалась. Потом она попыталась пройти прямо на ресторанный кухню, рассудив, что ее кулинарное мастерство может где-то понадобиться, но и там ответ был тот же: поваров у нас больше чем достаточно.

На Корсо Гарибальди она увидела девушку, которая брала у двух канадских солдат жестянку из их рациона, после чего вместе с ними скользнула куда-то вниз по лестнице. И Ливия поняла: как бы ни было тяжело в Фишино, здесь жизнь гораздо тяжелей, много хуже, чем она могла себе представить.

В тот вечер она возвратилась к себе совершенно без сил. Она весь день не ела ни крошки, но была так страшно изнурена, что провалилась в сон, забыв про голод.

На следующий день все повторилось с новой силой. Ей сказали, что в порту определенно нужны руки на разгрузке, но, добравшись туда, она увидела, что очередь желающих протянулась чуть ли не на три сотни ярдов и там уже шли драки за места. Ливия снова стала обходить кухни. Но во многих местах на ее стук даже не отвечали: внутри закрытых из-за атаки на черный рынок ресторанов стояла тишина, двери были заколочены.

Она остановилась у какого-то подъезда передохнуть, и смазливая девчонка одних с ней лет махнула ей рукой с тротуара напротив. Обрадовавшись, что на нее обратили внимание, Ливия ответно махнула девочке, и только по ее кислой гримасе поняла, что та не дружески махнула, а сделала знак, чтоб Ливия отсюда убиралась.

— *Vai via!* — выкрикнула девица. — Уматывай! Это мое место, мерзавка. Ищи себе свое, не то мой брат тебя прирежет.

Несмотря на отсутствие опыта, Джеймс все же не был вовсе необразован в области секса. В школе препарировались органы размножения лягушки, из чего он вынес, что секс, судя по всему, не для брезгливых; а туманные нравоучения наставника по общежитию, где особый упор делался на понятия «духовная гигиена», «самообладание» и «телесная чистота», оставили у него впечатление, что склонность к онанизму губительна для брака. Потом кто-то из ребят обзавелся экземпляром общеизвестного перевода Ричарда Бертона «Камасутры». Но несмотря на жадность, с которой они заглатывали ее страница за страницей, трактат скорее озадачивал, чем что-либо прояснял. «В зависимости от размеров фаллоса, — бодро сообщал Бертон, — существует три разновидности мужчин: ‘заяц’, ‘бык’ и ‘конь’. Так же и женщина в зависимости от глубины своего влагалища может быть либо ‘лань’, либо ‘кобыла’, либо ‘слониха’. Таким образом, существуют три соразмерных сочетания между

представителями соответствующих пропорций, а также шесть несоразмерных сочетаний в случае несоответствия пропорций, а всего же, как показывает данная таблица, сочетаний девять.

СООТВЕТСТВИЕ

МУЖЧИНЫ	ЖЕНЩИНЫ
---------	---------

Заяц	Лань
Бык	Кобыла
Конь	Слониха

НЕСООТВЕТСТВИЕ

МУЖЧИНЫ	ЖЕНЩИНЫ
---------	---------

Заяц	Кобыла
Заяц	Слониха
Бык	Лань
Бык	Слониха
Конь	Лань
Конь	Кобыла

Среди них соразмерные сочетания самые благоприятные; крайние, например 'высший' — 'низший', наихудшие, а прочие — средние, и в них высший показатель предпочтительней низшего».

Это описание озадачивало Джеймса сильнее, чем толкования наставника. Как можно определить, что такое «бык» и что такое «конь»? Более того, откуда можно узнать, «лань» твоя избранница или «кобыла»? Даже если предположить, что это известно ей самой, что маловероятно, вряд ли уместно спрашивать ее об этом напрямик. И что

будет, если, по чистому невежеству, «конь» женится на «кобыле» (что, казалось бы, вполне естественно, но, по Бертону, крайне нежелательно) и в результате оба обнаружат, что не подходят друг дружке и обречены на всю оставшуюся жизнь? Если, согласно статистике, на самом деле неадекватных комбинаций больше, чем адекватных, получается, что верней всего в жизни получить худший вариант, нежели удачу.

Да и из самой «Камасутры», при всем внушительном перечне сексуальных позиций и ухищрений, не удавалось выявить определенности в отношении самого акта, в силу неясности и крайней расплывчатости представленных Бертоном описаний. «Если девушка участвует в половом сношении, подняв бедра и широко расставив ноги, это называется ‘Позиция зевка’, — пишет Бертон. — Если она, согнув ноги в коленях, широко расставляет бедра, то такая позиция называется ‘Индрани’, и ею можно овладеть исключительно благодаря практике». Допустим, можно представить себе, что девушка производит со своими ногами, но что при этом должен делать мужчина — находиться сверху? Снизу? Наблюдать? И в чем опасность без надлежащей практики попытаться принять «Позицию Индрани»?

«‘Аупариштака’ или сношение через рот, — предупреждал Бертон, — никогда не должно производиться ученым брамином, человеком, состоящим на государственной службе, или же человеком с хорошей репутацией, так как, хотя на практике это разрешено Шастрами, это сношение обязательным не является и может иметь место лишь в отдельных случаях. ‘Подобные’ ‘отдельные случаи’ применительны к ‘женщинам непристойного поведения и распутницам, сиделкам и всякой иной прислуге’, которые определенно должны быть сведущи в мастерстве ‘обсасывания манговой косточки’». Поскольку Джеймс никогда ни с манго, ни с распутными женщинами не сталкивался, эти сведения мало что ему говорили.

Но особенно было непонятно, что, собственно, женщина получает от совокупления. Даже Бертон, обычно чересчур категоричный при всей своей невразумительности, на этот счет отчетливого представления явно не имел. «Женщины чувств не извергают, как это делают мужчины, — писал он. — Мужчины просто избавляются от своего желания, в то время как женщины испытывают особое наслаждение от чистого осознания желания, что и приносит им

удовлетворение, но сами не способны описать наслаждение, какое испытывают». Среди немногих приятелей, с кем Джеймс мог пообщаться на эту тему, мнения разделились. Является ли для женщины секс привычной обязанностью или это и в самом деле доставляет ей наслаждение? Парень, который имел дело с какой-то прислугой, — по Бертону, «женщиной распутной», — утверждал, что доставляет, но все решили, что это он загибает и что если мужчины испытывают влечение к женщинам как в телесном, так и в духовном смысле, то желание женщины в основном состоит в том, чтобы испытывать восторг перед мужчиной.

Повстречавшись с Джейн и ощутив реальную возможность брака, Джеймс решил взять быка за рога и наведаясь в маленькую книжную лавку на Чаринг-Кросс-Роуд, где приобрел тоненькую книжечку под заглавием «Супружеская жизнь». Продавец, как показалось Джеймсу, чуть заметно ухмыльнулся, заворачивая книжку в оберточную бумагу. Только оказавшись в одиночестве и убедившись, что никто ему не помешает, осмелился Джеймс раскрыть эту книжку.

В нашей общественной жизни стало традицией, что неведение женщины в отношении своего собственного тела, а также тела ее будущего супруга, считается цветком невинности....

— писала автор:

...и неведение это доходит порой до такой крайности, что нередко вступающая в брак девушка понятия не имеет, что супружеская жизнь готовит ей физические отношения с супругом, в корне отличающиеся от тех, какие складываются у нее с братом. Едва она открывает для себя истинную природу тела мужчины и видит орган, с которым, как супруга, должна вести игру, она может категорически отвергнуть желания собственного мужа. Мне известна одна супружеская пара, в которой любящему и великодушному супругу пришлось ждать годы, пока новобрачная не отошла

от шока после открывшегося перед ней смысла брака и была готова вступить с мужем в естественные сношения. Если мужчина менее деликатен, то бывают случаи, когда новобрачные девицы в кошмаре от первой брачной ночи кончают жизнь самоубийством или теряют рассудок.

Джеймс читал, и сердце у него бешено колотилось. Это было как раз то, чего он так опасался.

Тем, кого шокирует выход в свет такой книги, как эта, кто полагает, что она дает пищу для извращенных умов, стоит лишь вспомнить, что подобного рода сведения, причем представленные в грубой и безнравственной форме, можно легко почерпнуть из определенного рода юмористических газеток, во множестве дешевых романов, а зачастую со сцены или с киноэкрана. Эта книга прежде всего благо для извращенных умов, потому что излагает то, что им уже хорошо известно, но совершенно в ином свете.

И это было верно. Действительно, ее автору — доктору Стоупс, женщине-ученому, было что сказать об открытых ею самой некоторых основных принципах, управляющих женской реакцией («Мы изучили длину волны в жидкостях, у звука, у света; когда же наши сыновья и дочери станут изучать приливы сексуальных влечений у женщины и постигать законы периодичности и частоты желаний?») Но в одном вопросе автор высказалась вполне определенно: женщины способны получать удовольствие от супружеских отношений:

Большинством «приличных людей» принято считать, что у женщины не должно быть спонтанных позывов к любовным отношениям. Под этим я имею в виду не сентиментальную «влюбленность», но физическое, физиологическое состояние возбуждения, возникающее спонтанно и совершенно не зависимо от воздействия какого-

либо определенного мужчины. В нашей стране так широко распространено суждение, будто такие чувства (особенно до брака) могут быть присущи лишь порочным женщинам, что большинство женщин скорее умрут, чем признаются, что временами испытывают физическое томление, которое не поддается описанию, но которое столь же мощно, как голод.

Это правда, что в нашем северном климате женщины в целом обычно не столь часто подвержены такому возбуждению, как южанки; правда также и то, что, чем позже у нас в силу нескончаемого девичества происходит созревание, нередко случается, что женщина лишь к тридцати годам, а то и позже, пробуждается к осознанию мощного зова собственной природы.

И доктор Стоупс без ложного стыда поясняет, как именно проявляется это возбуждение:

У поверхности тела женщины имеется небольшой рудиментарный орган, так называемый клитор, морфологически соответствующий мужскому пенису, и он, подобно пенису, чрезвычайно чувствителен к прикосновениям. Этот маленький гребешок, располагаемый спереди между малыми губами вокруг влагалища, увеличивается, когда женщина сильно возбуждается, и посредством стимуляции прикосновением сильно набухает, передавая свое возбуждение нервам, охватывающим все тело. Но даже если у женщины пробуждается спящее сексуальное чувство и все сложнейшие реакции ее естества приводятся в действие, может потребоваться еще десять-двадцать минут реального физического соития, чтобы довести до полного завершения ее желание. В то время как всего две или три минуты потребуются для

завершения соития мужчине, не осознающему необходимость управлять своими действиями таким образом, чтобы оба могли получить двойное удовольствие от взаимного пика любви...

Этот общий оргазм чрезвычайно важен, но во многих случаях предел у мужчины наступает так быстро, что реакции женщины еще полностью не готовы к завершению, и она удовлетворения не испытывает.

Оргазм, живо поясняет доктор Стоупс, в особенности «настоящему полный, энергетически-мускульный оргазм», необходим женщине для ее здоровья, для ее нервной системы, для ее сна, и даже для ее способности к зачатию. Внимательный супруг сознательно, путем самоконтроля, обеспечит жене наслаждение даже до наступления своего собственного, хотя многие мужчины, пожалуй, даже большинство, об этом не заботятся.

И по положению вещей на сегодняшний день не будет преувеличением сказать, что большинству жен, лишенных сна в нервной неудовлетворенности, остается созерцать с нежным материнским чувством или с горькой завистью сон мужчины, который в своем невежестве и беспечности не удосужился заметить, что и женщине необходима разрядка от нервного напряжения.

Джеймс тотчас решил никогда не оставлять Джейн в нервной неудовлетворенности и без сна. Но в этом вопросе доктор Стоупс высказалась столь же категорично, как и наставник по общежитию: подобные обязанности отрабатываются уже после женитьбы:

Как бы он это ни скрывал под маской цинизма, светскости и карьеризма, в душе каждый молодой человек лелеет неизбежное томление, надежду на сказочную мечту о супружеском союзе на всю

жизнь. И душой каждый инстинктивно сознает, что только вторая половина способна вполне оценить потенциальную значимость его сущности.

Возможно, после долгих битв со своим горячим юношеским темпераментом, мужчина сдается и время от времени для облегчения наведывается к проституткам, но потом, через какое-то время встречает ту, свою вторую половину, на которой, покаянно распростившись со своим грязным прошлым и завоевав ее прощение, он женится. После чего может случиться, что он невольно заставит страдать свою супругу, либо обращаясь с ней, исходя из опыта с другими женщинами, либо (что случается менее часто) рассматривая ее совершенно отдельно от них.

В отношении же того, что наставник по общежитию именовал «духовной гигиеной», доктор Стоупс также придерживалась мнения, что воздержание — верный путь, хотя доводы ее имели научное обоснование:

Исследования химических свойств извергаемого семени выявило, помимо всего прочего, наличие в нем высокого содержания кальция и фосфорной кислоты, которые являются драгоценными составляющими человеческого организма. Поэтому величайшей ошибкой было бы вообразить, что семя — это то, от чего следует избавляться часто. Вся жизненная энергия и нервные усилия, задействованные в этом извержении, а также ценные химические элементы, входящие в ее состав, могут найти и лучшее применение, будучи направлены на иную творческую деятельность.

Джеймса эта книга полностью перевернула, и отныне он твердо решил, во-первых, держать свои плотские страсти, равно как и

потенциальную значимость собственной сущности, при себе, по крайней мере до первой брачной ночи; во-вторых, держаться подальше от проституток, и, в-третьих, поберечь свои запасы кальция и фосфорной кислоты для своей трудовой деятельности. Поскольку Джейн первая расторгла их отношения, первый момент был определенно гарантирован, второй и так особого любопытства не вызывал, но с третьим дело обстояло сложнее, особенно сейчас, когда он попал под будоражащее воздействие южного климата. Джеймс попытался, согласно наставлениям Джексона, воздержаться от употребления морепродуктов, но жаркого солнца трудно было избежать, и пару раз случалось, что его служба в разведке в некотором смысле выявила дефицит кальция. Однако он отметил, что и доктор Стоупс, и его старый наставник, пожалуй, в одном оказались не правы. Временами случавшиеся у него отклонения от взятого курса не только не превратили его в неистового энтузиаста секса, но на самом деле возымели обратный эффект, приглушив на время голос плоти; но при своем определенно девственном образе жизни, он все равно продолжал все настойчивей думать о женщинах.

И в данный момент Джеймса будоражили как раз подобные мысли о женщинах. Или, если выразиться точнее, об одной из них. Когда в сознании всплывал образ обнаженной, обольстительно манящей руки, или когда платье сползало с плеча или что-то тенью проносилось мимо, то лицо, стоявшее за всем этим, — озорное лицо, и взгляд, одновременно и вызывающий, и презрительный, — принадлежало Ливии Пертини.

Видение накатывало в самые неподходящие моменты. Бывало, Джеймс производил опрос или составлял рапорт — он поглощен работой, но вдруг ледяная волна нагрянет сверху вниз по его спине, рождая физическое, сродни шоку, ощущение губ Ливии на своих губах. Он представлял себе прохладную кожу ее щеки, теплую мягкость уха, едва заметно пульсирующую жилку у основания шеи... И, что было тревожней всего, тело Джеймса вполне физически отзывалось на эти видения. Не раз ему приходилось поспешно прикрывать папкой колени, чтобы та, с которой он вел в тот момент беседу, не вообразила, что именно она виновница подобного дискомфорта.

Хотя плечо его не беспокоило, Джеймс счел, что будет нелишне показать его врачу.

— Отлично перевязано, — сказал тот, разбинтовывая наложенную Маризой повязку.

И внимательно смотрел рану:

— Ни малейшего признака инфекции. Чем, вы сказали, она обработала рану?

— Медом, — еще раз повторил Джеймс. — И еще пчелу приложила, чтоб та куснула. Ерунда какая-то, верно?

Доктор повел плечами:

— Странное дело, но когда я был в Непале, я слышал, что тамошние целители пользуются аналогичным средством. В конце концов, может, в этом что-то и есть. — Он перебинтовал рану. — Так или иначе, вам повезло. У меня осталась всего одна упаковка пенициллина, а я имею приказ сохранять его для нужд воюющих. Если бы вы подхватили инфекцию, пришлось бы, скорее всего, распространиться с рукой. Есть ли у вас еще вопросы?

— Вообще-то, да. — Джеймс изложил свою проблему. — Я решил, может, заразился малярией или еще чем, — добавил он.

— Гм-м... высуньте-ка язык.

Джеймс подчинился.

— На вид вы вполне здоровы, — сказал доктор. — Мой совет, пейте побольше чая. Позывы это не уменьшит, но, знаю по собственному опыту, выпьешь добрую чашку чаю, мысли о бурных страстях как рукой снимает.

Глава 20

Когда Ливия под конец постучалась в дверь кухни «Зи Терезы», был уже поздний вечер. Даже при затемненных наглухо окнах ресторана было очевидно, что он необитаем, и Ливия постучала только потому, что слишком устала, голодна и уже не было сил двигаться дальше.

Но, к ее изумлению, дверь, скрипнув, отворилась, в щель высунулась голова мужчины:

— Что надо?

Ливия повторила затверженные слова:

— Прошу вас... я ищу работу.

— Уходи. Закрыто. Нет у нас работы.

Но взгляд Анджело невольно остановился на стоявшей перед ним девушке. Она еле держалась на ногах, потухшие глаза уже ничего не выражали. Смягчившись, он сказал:

— Ела сегодня?

Ливия покачала головой.

— Может, что найду для тебя, — пробормотал он, приоткрывая дверь. — Заходи. Но учти, на минуту, не больше.

Он дал ей немного бобов и смотрел, как она жадно их ела.

— Какую работу ищешь? — спросил Анджело.

— Я стряпуха. Наша семья держит в Фишино остерию. Но теперь уже посетителей нет, да и готовить не из чего.

— А, вот ты кто! — кивнув, сказал Анджело. — Было дело, заглядывал в вашу остерию. Пару лет назад, и, как сейчас помню, отменно меня накормили. Все еще готовишь ту замечательную буррату?

— Да, только теперь мы не можем отвезти ее на рынок.

Ливия рассказала про изъятый танк и про то, что их ресторанчик закрылся.

— Так-так. Выходит, познакомилась с капитаном Гулдом?

Ливия вздохнула:

— Выходит, познакомилась.

— Этот малый, — сказал Анджело, — не так грозен, как кажется. Но, боюсь, напрасно ты явилась в Неаполь. Возвращайся-ка ты лучше

в Фишино, найди себе какого-нибудь защитника, пока все это не кончится.

— Предлагал один защиту, — передернувшись, произнесла Ливия. — Только такая защита не по мне. Должен же найтись кто-то в Неаполе, кому нужна кухарка.

И тут Анджело осенила идея.

— Вообще-то, — сказал он, — есть такой человек.

И многозначительно кивнул. По мере размышления, идея все сильнее и сильнее ему нравилась.

— Вот что, Ливия, в конце-то концов, может, я кое-какую работу тебе и подыщу.

— Сладкая такая лапочка, — говорил Анджело Элене. — Настоящая, деревенская. Честная, трудолюбивая, чувственная, к тому же хороша собой. И готовить умеет, — не какие-то там финтифлюшки, а добротную крестьянскую еду. Я помню ее *pasta e fragioli*, такой вкусной пасты я сроду не ел.

— Словом, ты хочешь, чтоб она его совратила? — недоверчиво спросила Елена. — По-моему, были уже попытки.

— Нет, — покачал головой Анджело. — Она не такая, да это вообще и ни к чему. *Panza cuntenti, cori dementi: panza dijuna, nenti priduna.*^[41] Секс на ночь — всего лишь секс и больше ничего. Мужчина может переспать с красоткой из красоток, но встает с постели — какой был, такой и остался. А вот мужчина, славно поевший, — этот со всеми в ладу, этот счастлив и, что самое главное, хочет, чтоб и другие были счастливы. Если перед ним юные влюбленные, думает: вот бы им пожениться. Размышляя о войне, думает, а мир-то все-таки много лучше. Ему уже не до заявлений, не до бумажной возни, он оставляет других в покое и не вмешивается в их дела. Короче, становится великодушнее и обходительней. Улавливаешь?

— И она готова за это взяться? — недоверчиво спросила Елена.

— Не вполне, — согласился Анджело. — Ее семья пострадала от союзников, пришлось слегка поугovarивать.

На самом деле все обстояло не совсем так: от Анджело потребовался максимум усилий, чтобы убедить Ливию прислушаться к его предложению служить у британского офицера, и успеха он добился

исключительно потому, что это была единственная реально предложенная ей работа.

— Я уверен, что это сработает, — произнес Анджело с оптимизмом, которого сам в полной мере не испытывал.

— Поглядим, — отозвалась Елена. — Если не сработает, можно попытаться и еще раз его совратить.

— Арестован? — в изумлении переспросил Джеймс. — Черт побери, за что могли Маллони арестовать?

— За кражу имущества союзного управления, — пояснил Карло. — Вашего рациона. Обнаружилось, что он лучшие продукты воровал и продавал на Виа Форчелла, оставляя вам то, что не сумел сбыть.

— О Господи! Хотя, признаюсь, я не слишком этим удивлен. Этот Маллони всегда казался мне не очень-то приятной личностью. Так это значит, что нам надо искать себе нового повара?

— Я уже позволил себе сделать объявление.

— Наверно, найти не составит особого труда? В Неаполе полно народу, готового заполучить работу.

— Совершенно верно. Я уже уведомил народ, что у нас собеседование с десяти утра.

— Grazie tante. Очень вам признателен.

На следующее утро Джеймс проснулся рано. Потянул носом. Незнакомый аромат просачивался в спальню. Потянул носом снова. Ну, конечно: запах свежее испеченного хлеба. Пахло удивительно аппетитно. Когда Джеймс натягивал военную форму, в животе непроизвольно заурчало.

Войдя в кухню, он увидел стоящую к нему спиной женщину, изучавшую содержимое его буфета. На мгновение ему показалось, будто это Ливия Пертини, что было бы просто невыносимо. Женщина обернулась, и Джеймс увидел, что это и впрямь она.

— Что, черт побери, вы тут делаете? — в изумлении спросил он.

— Я ваша новая повариха.

— Неужели?.. — Он потер висок, силясь подавить уже набегавшую дурацкую улыбку. — Боюсь, вы спешите. Собеседование у нас с десяти.

— Почему бы мне сперва не приготовить вам завтрак, а потом уж и собеседовать?

— Гм, — у Джеймса шевельнулось смутное подозрение, будто что-то тут неладно, но что именно, определить он не мог. Между тем видеть ее было очень приятно. — Ну что ж, пусть так.

— Что это? — спросила Ливия, взяв в руку «Тушенку с овощами».

— Ах, это... Ну это... — он подыскивал итальянское слово. — Stufato, пожалуй. Тушенка.

— Вкусно?

— Редкая гадость.

Она поставила жестянку обратно в буфет.

— Тогда почему ее тут столько?

— Долгая история.

— Ладно, неважно, — сказала Ливия. — Мне удалось обменять у женщины наверху несколько таких банок на парное козье молоко, еще у меня пирожные, сыр моццарелла и апельсины. Годится?

— Звучит заманчиво, — кивнул Джеймс.

— Где у вас скатерть?

— Обычно мы во время завтрака обходимся без скатерти, — сказал Джеймс. — По правде говоря, мы обходимся и без стола.

— Понятно, откуда берется несварение желудка.

— Признаться, этим я не страдаю.

— Наверняка, страдаете, — бросила Ливия с категоричным видом, исключавшим всякие возражения. — Но хотя бы чистая простыня у вас где-нибудь есть?

— Ну, наверное...

— Не могли ли бы вы мне ее выдать?

Вернувшись с простыней, Джеймс обнаружил, что Ливия, сорвав веточку цветущего лимонного дерева, уже поставила ее в вазу. Застелив стол простыней, она пригласила его сесть:

— Prego!

— Вы тоже будете завтракать?

— Может быть, потом. Ну же, садитесь.

Джеймс сел. Признаться, все на столе выглядело просто великолепно. Хлеб на деревянной доске, молоко в маленьком глиняном кувшинчике, рядом ваза с лимонным цветом. Положив на стол что-то круглое во влажной газете, Ливия начала ее разворачивать.

— Что это? — спросил Джеймс.

— Ну, как же, это сыр моццарелла! Похож на burrata, что вы пробовали, только не совсем.

— Мягкий, — сказал он, пробуя вилкой положенный ею кусок.

— Никогда не ели моццареллу? — недоверчиво спросила она.

— У нас в Англии всего три сорта сыра, — пояснил он. — Чеддер, стилтон и уэнслидейл.

— Смеетесь? — фыркнула Ливия.

— Вовсе нет, — Джеймс отправил немного молочно-белого сыра в рот. — О-о! — вырвалось у него. — Это же изумительно вкусно!

Сыр был так нежен, что таял во рту, но вкус резко поражал: тягуче сливочный и одновременно терпкий.

Отворилась дверь, вошел Хоррис.

— Эй, чем это у вас так вкусно пахнет! — Он окинул взглядом стол: — Что это?

— Завтрак, — пояснил Джеймс.

— Вот это да!

Хоррис придвинул стул.

В дверь постучали, и в комнату просунулась голова Слона Джеффриса. Глаза у него были красные, обведенные темными кругами. Но, увидев стол, Слон просиял:

— Это что же, апельсины?

— Похоже, что да.

— Апельсины, — авторитетно провозгласил Слон, — это то, что необходимо для истощенного организма.

И также придвинул к столу стул.

Не прошло и двух минут, как к ним присоединились еще пяток офицеров.

Ливия поставила на стол тарелку с пирожными. Таких забавных Джеймс сроду не видывал. Каждое было замысловато украшено на манер девчоночьей шляпки, прихотливо выложено лимонными цукатами, убрано заварным кремом и марципановыми цветочками. Он с подозрением взял одно, надкусил.

И должен был признать, что на вкус пирожное было куда лучше, чем на вид. Сидевший рядом Хоррис последовал его примеру, следом быстро потянулись и другие. Когда вскоре Джеймс окинул взглядом стол, на нем не оставалось ничего кроме редких крошек.

— Постараюсь завтра накормить посытнее, — сказала Ливия.
— Если получите это место, — заметил Джеймс.

— Удивительное дело, — заметил он Ливии в половине двенадцатого, — кроме вас, других желающих на это место как будто и нет. Во всяком случае, больше никто не появился.

— Видно, к вам почему-то устраиваться не спешат, — поведя плечами, ответила Ливия.

— Я думаю, стоит объявить о найме еще раз. Не могу же я в самом деле нанять первого, кто постучался!

— Сколько вам надо поваров?

— Одного, не больше.

— Тогда сколько надо заявителей?

— Гм... пожалуй, и одного хватит.

— Ну, вот я он и есть.

— Да, но откуда мне знать, насколько хорошо вы умеете готовить?

— Если б не война, — сказала Ливия, — я бы вам как надо ответила. Но времена нынче суровые, давайте приготовлю вам обед, а вы потом посмотрите и решите, оставлять меня или нет.

Обед британского персонала обычно также состоял из легкого перекуса за рабочим столом. Но уже прежде, чем Ливия взялась пройтись по всем комнатам в поисках простыней вместо скатерти, Джеймс понял, что она вряд ли сочтет такое приемлемым решением. Все утро из кухни один за другим плыли необыкновенные ароматы, но Ливия категорически запретила туда входить, поэтому сказать, какого именно они происхождения, было невозможно.

Примерно в середине утра Джеймсу в голову пришла некоторая мысль; он подошел и постучал в дверь кухни. Когда Ливия открыла, он сказал:

— Есть одно обстоятельство, миссис Пертини. Надеюсь, еще не поздно уведомить вас: чеснок у нас не едят.

Она взглянула на Джеймса, как на умалишенного.

— Понятно, чеснок просто так не едят. Это приправа.

— Нет, я не о том... мы чеснок вообще не употребляем. В пище. Чтоб потом, понимаете ли, не пахло.

Ливия в изумлении смотрела на него:

— Может, вы еще чего не переносите? Петрушку, например, или орегано?

— Думается, зелень вполне уместна... разумеется, в умеренном количестве. Именно зелень, не специи. Но красный перец, который тут повсеместно используют...

— Реперонцино?

— Вот-вот. Это не для нас.

Ливия открыла было рот и снова закрыла.

— Это все?

— Ну, раз уж зашла речь, то картофель предпочтительней пасты... Мы небольшие любители, как вы, итальянцы, традиционных *maccheroni*. Увидите сами, мы не слишком притязательны. Побольше мяса, но хорошо прожаренного, помидоры лучше всего в сыром виде, хлеб, соус, если получится... Удастся разжиться сливочным маслом, будет отлично. И... э-э-э... можно немного оливкового.

Ливия понимающе кивнула. И, ни слова не сказав, прикрыла дверь.

Около двенадцати дня Ливия появилась в большой комнате, которая использовалась в качестве основного офиса.

— В кухне питаться нельзя, — сказала она. — Она слишком мала. — Окинула взглядом длинный обеденный стол. — Этот подойдет. Нельзя ли убрать отсюда бумаги?

— Боюсь, что нет, — отозвался Джеймс. — Это наша работа.

— Вот после обеда ей и займетесь. Обед будет через четверть часа.

На самом деле обед был внесен через полчаса. Ливия настояла, чтобы перед тем, как она его внесет, все расселись по местам:

— Люди ждут пасту, а не паста людей, — твердо заявила она.

Она также позаботилась, чтобы на столе уже стоял кувшин с водой, плошка с оливковым маслом, солонка, а также ваза со свежими цветами. И снова Джеймса поразило, как ловко она умеет заставить каждого делать то, что хочет. К заветному моменту все до одного британские офицеры замерли в ожидании того, что внесет Ливия.

Дверь отворилась, она вошла. В руках у нее было огромное блюдо с дымящимися *fettuccine*, перемешанными с соусом, приготовленным

из помидор, оливкового масла, рубленного лука, сельдерея и чеснока, украшенными свежими листиками базилика. «Скажите, какая отзывчивость!» — подумал Джеймс. Хотя, возможно, выбор Ливии объяснялся нехваткой продуктов?

Наполнив миску каждого, она посыпала сверху тертым твердым сыром и немножечко перцем.

— Вы абсолютно убеждены, что ни один из этих продуктов не имеет отношения к черному рынку? — спросил Джеймс, с подозрением оглядывая сыр.

— Нет, что вы! Это я обменяла на ваш паек, — ответила Ливия.

Она не солгала, хотя не упомянула, что обмен имел место не с кем иным, как с метрдотелем «Зи Терезы».

Погрузив вилку в пасту, Джеймс принялся с трудом навёрчивать извивающуюся, скользкую массу, пока та не осела на зубьях. После чего направил ее в рот.

Фантастически вкусно. Ничего подобного он никогда не пробовал — понятно, особенно когда оказался на военном пайке; но даже и раньше, за все десять лет пресного, унылого пансионного питания, или хотя бы вспомнить пережаренное воскресное жаркое матери, с неизменным водянистым картофельным пюре и разваренными овощами. Признаться, Джеймс впервые почувствовал вкус свежемолотого черного перца, а также и сыра, запорошившего, точно снег, все это блюдо... Воцарившаяся за столом долгая тишина, едва все сосредоточились на еде, свидетельствовала, что и остальные испытывают те же божественные ощущения.

Удержать fettuccine на вилке было не так-то легко: пока поднесешь ко рту, высвободившиеся ленточки пасты соскальзывают вниз. Немного попрактиковавшись, Джеймс убедился, что проще пасту всасывать, а не хватать зубами, и стал забирать ее побольше в рот. Он кинул взгляд через стол на Хорриса. Скопив глаза к носу, тот заглатывал длинную ленту fettuccine, скользившую к нему в рот, извиваясь змеиным языком. И лишь Джеффрис с явным знанием дела управлялся со скользким мотком пасты. И ни один не оставил миску до тех пор, пока все содержимое не было полностью съедено.

Под конец Хоррис, отодвинувшись от стола, изрек:

— Прямо скажем, ничего общего с тем, что подавал Маллони.

— Так сытно в жизни не ел, — высказался Уолтерс.

— Я тоже, — кивнул Хоррис. — Ну что же, за работу!

Он поднялся было из-за стола, но тут отворилась дверь и вошла Ливия. Она несла блюдо еще громадней, чем первое с пастой.

— Secondo, — провозгласила она, водрузив блюдо на стол. — Тарелок, к сожалению, не хватает, поэтому пользуйтесь теми же.

— Что это? — спросил Хоррис.

— Melanzana alla parmigiana.^[42] Типичное неаполитанское блюдо.

Наступила короткая пауза. Потом Уолтерс сказал:

— Ну, я бы попробовал.... чтобы никого не обидеть....

Он зачерпнул себе немного ложкой, и аромат обжаренных баклажан, выложенными слоями с помидорами, приправленных чесноком, зеленью, а сверху покрытых сыром и вместе запеченных, наполнил комнату.

— Эй! — не выдержал Хоррис, глядя, как Уолтерс накладывает себе очередную порцию. — Оставь и нам чуть-чуть.

Ливия поставила на стол два кувшина с красным вином.

— Nun c'e tavola senza vini. Какое застолье без вина.

Джеймс открыл было рот, чтобы возразить, но, подумав, смолчал.

Он подцепил вилкой слой баклажанов с сыром. Через пару мгновений нечто, подобное вспышке, взорвалось во рту. И стало ясно, что паста — была всего лишь прелюдией, углеводное утоление первого голода. Новое блюдо было совсем иного свойства, оно возбуждало уснувший аппетит, волной ароматов вызвав к жизни зародыши вкусовых ощущений, о существовании которых Джеймс прежде и не догадывался. Вкус сыра был всеохватывающ и неповторим, напитанный соками земли баклажан слегка отдавал дымком; аромат трав был настолько густым, что вино так и просилось с ним слиться... Джеймс благоговейно помедлил, сделал глоток и снова поддел массу вилкой.

Secondo сменил скромный десерт из груш, тушеных дольками в меде с розмарином. Их белоснежная плоть блестела, как мрамор, из какого под стать самому Микеланджело лепить свои шедевры. Но едва Джеймс тронул ложкой, плоть оказалась мягкой и податливой, как мороженое. Отправив ложку в рот, он тотчас ощутил удивительный и незнакомый вкус, который постепенно каскадом ароматов разложился на составляющие. Была тут и медовая сладость, и нежный запах посещаемых пчелами цветов в обилии растущих на склонах Везувия.

Вот проступил пьянящий запах трав, пропитанных солнцем, и только в конце вдруг мощно отозвался и сам фрукт.

К моменту, когда груши были съедены, вина в кувшинах уже не оставалось.

Глава 21

После ужина Джеймс пошел на кухню и обнаружил Ливию по локти в мытье грязной посуды.

— Разрешите мне вам помочь, — предложил он.

По опыту Ливия знала: если молодой смазливый парень предлагает помочь на кухне, причина только одна, и собственно к помощи не имеет ровно никакого отношения.

— Сама справлюсь, спасибо, — бросила Ливия тоном, исключавшим любое поползновение ухаживать.

— Хоть дайте, по крайней мере, я буду вытирать, — Джеймс взял полотенце. — Обед был просто замечательный, — добавил он с чувством.

Ливии, привыкшей, что ее искусство вызывает куда более бурные восторги, его похвала показалась до обидного скупой. Поскольку она знала, что блюда, приготовленные ею, чудо как хороши, то заподозрила, что сдержанность британского офицера не более чем тактический ход, и настороженно выжидала, что за этим последует.

— Мы только что посоветовались, — сказал Джеймс. — Словом, мы все были бы счастливы, если вы согласитесь остаться.

Ливия пожалала плечами, ожидая подвоха.

— Вас по-прежнему устраивает это место? — Джеймсу казалось, что Ливия может не согласиться, ведь они еще не согласовали условия оплаты и жилья. — Нам, конечно, следует обсудить, где вы расположитесь на ночлег, — добавил он, — и, конечно, вы хотите узнать об оплате.

Ага, подумала Ливия. Приехали. Намекает, чтоб я стала его шлюхой, не только кухаркой. Как Альберто. Она метнула на Джеймса гневный взгляд.

— Сколько бы вы хотели? — спросил он.

— Все ваши предложения мне оскорбительны! — резко бросила Ливия.

— Согласен, — кивнул Джеймс. — Тогда хотелось бы от вас самой услышать хотя бы примерную сумму.

— Я это за деньги никогда не делаю!

— Понял, — кивнул Джеймс, совершенно сбитый с толку.

Судя по всему, она считает себя мастером высшего класса. До него доходили слухи, что кулинарам свойственны такие выверты.

— Вот и отлично, раз поняли.

— Ну да, конечно. Я просто не... э-э-э... скажем, если вы будете получать столько же, сколько Маллони? Разумеется, его труд с вашими талантами не сравнить, — быстро добавил он. — И поселиться, если не возражаете, вы могли бы в его комнате на верхнем этаже.

— Маллони? — удивленно переспросила Ливия.

Только сейчас до нее дошло, что разговор идет совсем не о том, что она заподозрила.

— Что ж, думаю, это меня устроит.

Когда Джеймс позже сел за письменный стол и попытался вчитаться в пространную и по большей части невнятную инструкцию касательно новой, только что возникшей в Бюро проблемы, он почувствовал, что у него слипаются глаза.

— Разве у вас не бывает сиесты?

Он поднял взгляд. В дверях стояла Ливия.

— У нас как-то сиеста не принята, — сказал он. — В Англии этого вообще не бывает.

— Как же вы перевариваете пищу?

Джеймс сделал недоуменную гримасу. Судя по всему, пищеварение было для Ливии областью, в которой она считала себя безоговорочным специалистом.

— Ну, мы, наверное... просто работаем и перевариваем.

— Глупо, — припечатала Ливия. — Так вы никогда войну не выиграете.

И с этим удалилась.

Джеймс счел пошлым возразить ей, что, уж если на то пошло, итальянской армии в войне сиеста не слишком-то и помогла. К тому же его и в самом деле здорово клонило ко сну. Может, подумал он, немного вздремнуть — мысль трезвая. Когда будем в Риме, тогда...

Он неровным шагом приближался к кровати, и другая мысль забрезжила в мозгу: ведь союзники пока еще все-таки не в Риме и в том-то сейчас основная проблема и состоит. Но к тому моменту, как эта мысль полностью овладела его сознанием, Джеймс уже спал.

Он проснулся с ощущением бодрости и пошел на кухню налить себе стакан воды. Ливия шинковала целую гору кабачков.

— Вы были совершенно правы, — заметил Джеймс. — Мое пищеварение очень вам признательно.

Она дернула подбородком:

— Еще бы!

— А вы? Вы-то отдохнули?

— Работы много, — качнула она головой. — Скоро ужин.

— Так у вас, должно быть, с пищеварением просто беда, — сказал он. — Давайте-ка я вас чем-нибудь утешу.

Ливия подозрительно взглянула.

— Да нет же! — успокоил он ее. — Я ведь просто так...

Как по-итальянски сказать «дурачусь»? Задумавшись на этот счет, он усомнился: итальянцы, пожалуй, не дурачатся. Они либо хохочут, либо рыдают; либо кричат, либо молчат: среднего не дано.

— Это так просто, *giù*, шутки ради, — пояснил он.

— Да ну вас! — презрительно бросила она.

— А вы бы привыкали. Такой у нас в Англии, я бы сказал, метод ухаживания.

Ливия взглянула настороженно. В тот же миг Джеймс почувствовал себя идиотом. Замужняя женщина. У него служит.

— Понятно, с вами я флиртовать не собираюсь, — добавил он. — Прошу прощения.

Ливия выложила на доску еще несколько кабачков.

— Скажите, капитан Голь, у вас есть девушка? — спросила она прямо в лоб.

Джеймс медлил с ответом. С одной стороны, хотел бы ей не врать, но обман стал настолько привычен, что неожиданно для себя он сказал:

— Признаюсь, что да.

— Хорошенькая?

— Ну... пожалуй.

— Пожалуй? — Ливия удивленно подняла брови. — Вы так и ей говорите, что она, пожалуй, хорошенькая?

— Ну...

— Вы на ней жениться собираетесь?

— Думаю, подождем; посмотрим.

— Если не уверены, — сказала Ливия, — так нечего и жениться. — На мгновение она оторвалась от своих кабачков. — В первый же раз, как Энцо меня поцеловал, я поняла, что выйду за него.

Ее лицо осветила чуть заметная улыбка.

Джеймс почувствовал резкий укол зависти. Это естественно, убеждал он себя, это просто замечательно, что она так предана своему мужу. И мне очень даже кстати; значит, нет ни малейшего повода выставляться при ней идиотом. И все же, вглядываясь в ее профиль, едва Ливия склонилась над разделочной доской, наблюдая, как нежные руки энергично мелькают, орудуя ножом, Джеймс не мог отделаться от чувства досады: единственная из встреченных им в Италии женщин, вызвавшая в нем явное восхищение, оказалась занята.

— Давайте помогу вам резать! — сказал он, кивая на груды кабачков.

— У вас что, другой работы нет?

— Работа подождет, — сказал он, вооружившись ножом. — Показывайте, как это надо делать.

Так-так, думала про себя Ливия, когда они вдвоем резали кабачки: он на меня глаз положил. Все говорило об этом: и то, как Джеймс все время посматривал на нее, считая, что она не замечает, и его явная неохота обсуждать с ней свои личные дела. Что ж, ну и пусть, думала Ливия, с яростной скоростью шинкуя кабачок острой сталью. Я ему покажу! Про себя она разражалась громом неаполитанских ругательств, в большинстве своем поминавших и сестру этого британского офицеришки, и его мать, а также его полную мужскую несостоятельность. Перспектива остудить его пыл мощной волной отпора лелеяла ей душу, и Ливия совсем уж было приготовилась к схватке.

Но на ее беду Джеймс не проявил никакого намерения ухаживать. Даже ни малейшего намека не сделал. И вообще вел себя, черт его подери, крайне пристойно, так что к началу ужина Ливия уже была готова его убить.

Глава 22

Через пару дней Джеймс подметил во всем, что они едят, некое необычное свойство.

— Странно, — сказал он Слону, — что ни завтрак, что ни обед, что ни ужин, непременно какое-то блюдо из трех цветов — красного, зеленого и белого. Вчера тот замечательный салат — помидоры с базиликом и моццареллой. Сегодня поверх белой пасты зеленое пюре из трав, сбоку выложены помидоры.

Слон скорчил гримасу:

— Ну и что?

— Это ведь цвета итальянского флага.

— Действительно, — Слон слегка задумался. — Может, чисто случайно? Послушай, они едят кучу помидор, значит красный цвет везде однозначно.

— Допустим, — кивнул Джеймс.

Но в тот же день позже под каким-то предлогом он зашел на кухню и, заглянув через плечо Ливии, чтобы посмотреть, что она готовит на ужин, как бы невзначай спросил:

— Что это?

— *Pomodori ripieni con formaggio carpino ed erba cipollina*, — сухо отозвалась она. — Помидоры, фаршированные козьим сыром и луком-резанцем.

От одного названия потекли слюнки, но Джеймс стойко произнес:

— Цвета вашего флага...

Ливия сделала вид, будто крайне удивлена:

— В самом деле. Надо же.

— Как и в одном из блюд за завтраком. Собственно, каждый раз в том, что вы готовите, те же самые цвета.

Ливия, не предполагавшая, что работодатели просекут этот ее мелкий демарш, решила, что лучшее средство защиты — нападение.

— Знаете, из-за ваших дурацких запретов теперь на рынке и выбора-то никакого нет. Осталось всего с гулькин нос, а дерут втридорога. Только иностранные военные теперь и могут себе позволить нормально питаться, ну и, конечно, их шлюхи. Вы

превратили наш Неаполь в город нищих, воров и проституток, и мне очень интересно, что вы теперь со всем этим будете делать.

Джеймс опешил:

— Мы делаем все, чтобы защитить гражданское население.

— Не больно-то это у вас выходит.

К изумлению Ливии, Джеймс виновато проговорил:

— Знаю. При нас здесь стало еще хуже. Но задача просто неподъемная, да и мало нас, чтоб ее выполнить.

— Гм! — отозвалась Ливия, отвернувшись.

Похоже, капитан Гулд не такой уж плохой человек, решила она, но все же сообщать ему об этом открытии вовсе необязательно.

Джина Тезалли была беременна. Тугой, смуглый живот уже проглядывал между юбкой и тонкой белой блузкой. Бережно обхватив выпуклость руками, она улыбнулась Джеймсу.

— Поверьте, это ребенок капрала Тейлора. У меня, кроме него, никого и не было.

Джеймс пребывал в затруднении. Подкопаться к Джине было не так-то легко. Перед войной она училась в университете. Теперь жила со своей семьей, вернее, с женской ее составляющей: четверо братьев и отца немцы погнали на фронт. Они были добропорядочные буржуа, но воевали, как и все теперь в нынешние времена.

Если Джеймс не даст Джине разрешение на брак, ребенок британского подданного окажется внебрачным. Но если на тех же основаниях Джеймс разрешение даст, можно было точно предсказать, что за этим последует: едва неаполитанки поймут, что для разрешения на брак потребуется забеременеть, все способы предохранения будут забыты раз и навсегда. Уже и так близкое к масштабам эпидемии распространение сифилиса и гонореи вмиг возрастет еще сильнее; и, главное, десятки, если не сотни младенцев появятся на свет только для того, чтобы гарантировать своим матерям билет на благословенный корабль невест, который увезет их в Англию.

Проблема была не простая, и для ее решения, пожалуй, все инструкции были совершенно бессильны. Джеймс колебался между жесткими требованиями вполне благонамеренной и разумной политики, с одной стороны, и счастьем трех человеческих существ, с другой.

Он сказал Джине, что прежде чем составит свой рапорт, ему нужно навести еще кое-какие справки. Это была ложь — он просто хотел на время отложить ее дело в надежде, что решение придет само собой.

— Конечно, — отозвалась Джина, явно стараясь скрыть свое огорчение. — Мы подождем, время есть. Раньше лета наш малыш не появится.

Глава 23

Час перед обедом стал для Джеймса самым любимым временем дня. Это было как раз то время, когда работы выполнено вполне достаточно, чтобы себя похвалить, но и не так много, чтобы успеть утомиться. Это еще и предвкушение необыкновенно вкусной еды и последующего освежающего сна. Но приятней всего было слушать, как Ливия возится на кухне, готовя обед.

Что само по себе являло звуковой спектакль, состоящий из пяти независимых актов. Первый акт, прелюдия. Ливия с покупками возвращается с рынка и принимается их раскладывать перед собой, оповещая всякого в сфере слышимости (ее голос обладал незаурядной всепроникающей силой, потому слышно было и через стенку) о всевозможных достоинствах и недостатках отдельного продукта: сколько ей пришлось отстоять за ним в очереди, как много жадный лотошник собирался с нее содрать, а также, что данный овощ или фрукт и в подметки не годится тому, какие родились в ее деревне до войны. Потом наступал черед приготовления пасты. Он обычно требовал меньше словесных затрат, так как теперь Ливия сосредотачивалась на процессе, зато шуму она производила больше. Ливия готовила пасту традиционным способом, добавляла яйца в муку, замешивала и скатывала тесто в большой и плотный шар, который затем выбивала руками минут десять, чтобы оно получилось легкое и воздушное. От хрупкой Ливии едва ли можно было ждать незаурядной физической мощи; но, как поджарый теннисист восполняет рыком недостаток мускульной силы, так и Ливия издавала выразительные звуки, молотя тесто кулаками. Становилось совершенно очевидно, что для такой работы требуется недюжинная физическая сила. Эта схватка иногда прерывалась коротким интермеццо в виде обсуждения с Энцо или Энрико недавнего обеда, или сегодняшней погоды, или же последних рыночных сплетен. Сколь ни были мимолетны эти разговоры, для Джеймса они неизменно звучали мощным подтверждением природной склонности их участников почесать языки. Потом, когда готовилось мясо и резались овощи, наступал период некоторого затишья, отзывавшегося напряженной барабанной дробью острого ножа по мраморной доске. Вода с шипением лилась в

сковородки; гремели крышки; вкусные запахи текли наружу из кухни, наполняя все помещение ароматами тушащихся томатов со свежим базиликом и орегано. Наконец, Ливия заглядывала к Джеймсу в кабинет, извещая, что пора прекращать работу. Как по мановению волшебной палочки, огромный стол мигом освобождался от бумаг, и их место занимали оливковое масло, уксус, хлеб, кувшины с цветами и вином. Начинал сходиться народ: разламывался хлеб, удовлетворенное затишье сытости перемежалось жужжанием бесед.

Отношение Ливии к Джеймсу пока еще едва ли можно было назвать дружеским. Но после кокетства и заигрываний, к которым он привык за время своих опросов, для него было даже некоторым облегчением общаться с женщиной, не предпринимающей ни малейших попыток его соблазнить. И даже если иногда ее отношение к нему граничило с явной враждебностью, он воспринимал это почему-то со смехом. Ее колючие пристальные взгляды казались ему совершенно обворожительными; настолько, что ради удовольствия их заполучить, он иногда намеренно, чуточку ее поддразнивал, провоцируя.

Слишком новы были эти чувства, никогда ничего подобного в жизни он не испытывал. Итак, не было никаких сомнений, что к Джеймсу Гулду пришла любовь.

Однажды, трудясь за своим письменным столом, Джеймс вдруг обратил внимание, что стакан с водой, стоявший слева, ведет себя как-то странно. По поверхности воды, устремляясь от краев к центру, поползли концентрические круги. В изумлении он смотрел на воду, потом взял стакан и понес в кухню.

— Не знаете, Ливия, — спросил, ставя стакан на стол, — что это значит?

Ливия взглянула.

— Землетрясение, — определила она. — Так, небольшое. У нас они постоянно случаются, особенно в жаркую пору.

Джеймс приложил к стене ладонь. Теперь уже явно чувствовалось: легкая вибрация, отдававшаяся гудением сквозь каменную кладку здания. Но гул становился сильнее, Джеймс явственно это слышал. Нет, это не землетрясение! Оно происходит толчками, не переходит в такой густой рокошущий гул.

— Не бойтесь, — беспечно бросила Ливия. — Дома здесь очень крепкие. Специально так построены.

Снаружи взвыли сирены.

— Черт подери, это вовсе не землетрясение! Это налет! Надо идти в убежище.

Ливия кивнула на кастрюлю:

— Не могу, иначе все пропадет, а я столько в очереди отстояла, чтоб все купить. Идите.

— Я подожду вас, — сказал Джеймс.

Он выглянул в окно. Теперь немецкие самолеты были ясно видны, волна за волной накатывали вытянутые, как карандаш, «Юнкерсы-88». Они шли с севера, очень высоко, чтобы их не достали зенитки военных кораблей, стоявших в заливе.

— Да отойдите вы подальше от окон, — ворчливо сказала Ливия. — Стекло полетит, всего вас разрежет.

Джеймс отступил. Мощный звук взрыва заглушил вой сирен.

— И окна лучше открыть. Чтоб стекла от напряжения не полопались, — Ливия поймала удивленный взгляд Джеймса. — Здесь и раньше случались налеты.

Джеймс распахнул окна, и сам встал в дверном проходе, прислонившись спиной к притолоке.

— Палаццо бомбят, — сказал он, прислушиваясь к взрывам. — Видно, этим немцы отвечают на наш крупный прорыв на севере.

Внезапно грянул мощнейший удар, и здание будто приподнялось, отозвавшись треском камня.

— Совсем близко!

Ливия невозмутимо продолжала резать кабачки.

— Идите сюда, — сказал Джеймс, подтащив ее к дверному проему. Она глянула, выгнув бровь. — Притолока — самая прочная часть в комнате, — пояснил он.

Обвив Ливию рукой, он вовсе не собирался убирать руку.

— Мы будто с вами вальс танцуем, капитан Гульль? — Ливия кинула многозначительный взгляд на его руку.

Но не оттолкнула.

Тут прогремел очередной взрыв, еще ближе. Джеймс почувствовал, как земля заходила под ногами, будто здание, точно

корабль, внезапно бросило в крен. Ливия ахнула, он притянул ее ближе к себе под самую притолоку.

— Сволочи! — в сердцах вырвалось у него.

Джеймс с Ливией оказались в самом эпицентре, им ничего иного не оставалось, как только ждать. Если кинуться наружу в убежище, можно тотчас попасть под обстрел.

Они так тесно прижались друг к дружке, что он слышал, как бьется ее сердце. Мощнейший взрыв потряс стену, у которой они стояли. У Джеймса взорвалось в ушах.

— Совсем рядом... — проговорил он.

Если им суждено погибнуть, это случится вот-вот, когда дым над ближайшим зданием привлечет очередную стаю бомбардировщиков. Но в этот миг Джеймс думал только, как замечательно быть с ней так близко, вдыхать розмариновый аромат ее волос, чувствовать, как худенькие плечи ходят под его рукой. Так ли сказочно это бывает, подумал он, когда люди становятся любовниками? А если решиться ее поцеловать? И тотчас его охватил непонятный, сладкий, дурманящий страх, который никак не был вызван немецкой бомбежкой.

Ты не должен ее целовать, сказал себе Джеймс. Не должен, это ясно, не должен.

Почувствовал в нагрудном кармане что-то твердое, вытащил. Обломок святых мощей, который священник вложил ему в руку в соборе. Он почти про это забыл.

— Что это? — спросила Ливия.

— Да вот, получил амулет на счастье. — Джеймс убрал мощи обратно в карман. — Ливия!

— Да?

— Можно задать вопрос?

— Уже один задали, капитан Гут, так что можете задавать и второй.

— Если б вас сию минуту убило, есть что-то, о чем бы вы пожалели?

Она задумалась. Потом решительно сказала:

— Нет. А вы?

Он пожалел бы о многом, но об этом рассказать нельзя. Его пьянила ее близость. Как-то еще в школе у них устроили соревнование, кто спрыгнет в реку с самой высокой ветки дерева.

Ребята подзуживали друг дружку взбираться все выше и выше, и выше. Джеймс до сих пор помнил то отчаянное возбуждение — смесь страха и нетерпения. Сейчас он испытывал то же.

— Об этом дне я бы не жалел, — сказал он. — Это самый лучший день, самые лучшие десять минут за все проклятые дни войны. Но я жалел бы, что не воспользовался возможностью и не поцеловал вас.

Он придвинулся к ней. Увидел, как блеснули ее глаза, почувствовал, как она резко топнула ногой. Ее губы двигались; она, должно быть, возмущенно что-то выкрикивала. Но слов он не слышал. Потому что в тот миг весь воздух рвануло из комнаты, и оглушительный взрыв прогремел над самой головой. Поцелуй, прерванный как раз, когда их губы могли соприкоснуться, перешел в неуклюжее объятие, Джеймс чуть не повалился на Ливию. Пронзительный вой заполнил уши — контузия, пронеслось в голове. Дверной проем заволкло пылью. Смутно в приглушенном откате отдавался рокот грянувшего с крыши во двор шифера, куски один за другим разбивались о каменные плиты.

Взрывом разворотило стену в штаб-квартире американцев. Джеймс тут же предложил им свой этаж для временного размещения. Это все, чем он мог помочь, ведь помещением он был, к счастью, отнюдь не обделен.

Словно меняющая насиженное место муравьиная колония, процессия перемещения контрразведывательной службы стремительно потекла с нижнего этажа наверх. Чемоданы бумаг и ящики с оборудованием плыли по лестнице в объятиях суетливо-деловых ординарцев. Письменные столы, стулья, пишущие машинки, картотечные шкафы и бесконечные мотки телефонного шнура сами собой заполняли всевозможные углы и щели в комнатах Джеймса. Не прошло и пары часов, как переезд был завершен.

Тут возникла новая проблема. Суета американцев оказалась несколько тщетной. Упала пара кровельных балок, и им пришлось повозиться дополнительно.

— Мы всего на пару дней, — сказал Эрик Джеймсу. — И если ваша очаровательная стряпуха будет столь любезна, что и нас сможет обслужить...

— Вас много слишком, — строго сказал Джеймс. — Чем вас не устраивает собственный военный паек?

— А что такое? — Услышал Джеймс за спиной голос Ливии.

Он обернулся.

— Эти люди спрашивают, не могли бы они вместе с нами питаться. Я сказал, что их слишком много.

Смотреть ей в глаза у него не хватало духу. Едва прозвучал отбой, Джеймс под предлогом, что надо оценить нанесенный ущерб, поспешил удалиться, чтобы Ливия не видала, как пылают от стыда его щеки.

— Сколько их — человек тридцать? — Ливия дернула подбородком. — Я каждый день для кучи народу готовила в остерии.

— Как вам угодно, — сухо сказал Джеймс. — А хватит у нас провианта?

— Я уверена, что выкручусь, — сказала Ливия. — И можно накрыть столы внизу, во дворе, там просторней.

— Но одна все-таки вы не сможете всех обслужить!

— Позову кого-нибудь в помощь. Найти будет не сложно.

Анджело подскажет, откуда взять подавальщиц на время.

Эрик поклонился:

— *La quinta forza armata e molto grata, Signora.* Пятая армия вам чрезвычайно признательна.

Его итальянский, отметил Джеймс, и в самом деле значительно улучшился.

К собственному удивлению, Ливию все это забавляло. В целом союзников она презирала, но готова была признать, что по отдельности каждый был вполне ничего себе. Конечно, они немного вяловаты и слишком забивают себе головы делами, но если всю жизнь вечно делаешь вид, будто не слышишь, как мужчины что-то бормочут в твой адрес, когда идешь по улице, очень даже приятно почувствовать себя запросто в компании этих застенчивых, тихих, обходительных иностранцев.

Но главное, она снова стряпает. Ливия даже не подозревала, что это столько для нее значит. Четыре года она все пыталась изобрести еду буквально из ничего, чтобы только поставить на стол что-то напоминавшее ее внешне. Но теперь благодаря Анджело и его связям с

черным рынком она готовила из настоящих продуктов и в таком количестве, о котором раньше могла только мечтать. Целый свежий тунец, плетеная корзинка помидоров из Сан-Марциано, упаковка анчоусов, громадные пучки петрушки... Куча молодой картошки из Кампаньи, все еще поблескивавшей крупинками черной вулканической земли, золотистой в разрезе, как яичный желток... Бледный круг пармезана, громадный, как автопокрышка... Полный мешок алых, точно арбузный сок, помидор... охапка мяты с темно-зелеными, почти черными листьями... Весь день и весь вечер Ливия шинковала и варила, и с наступлением темноты закатила всем такой пир, что и сама собой возгордилась.

Для многих американцев этот воздушный налет был первым в жизни. В ту ночь разговоры оживились, и вина было выпито больше, чем обычно. Почему-то все вокруг внушало непонятное веселье: и столы, временно поставленные прямо во дворе под лимонным деревом, под звездным небом; и черепичные осколки, продолжавшие скрипеть под каблуком. На столах не было свечей, но кто-то отыскал керосиновые лампы, вдобавок из сломанных кровельных балок устроили костер. Анджело снабдил Ливию вином в таком же количестве, как и снедью, и все это подносили военным полдюжины хорошеньких девчонок, которых метр сумел обеспечить в кратчайший срок.

— Уверен, я только что видал Сильвану Сеттимо, — сказал Джеймс Эрику, провожая глазами очередной кувшин с вином, плывущий к столу.

— Кто такая?

— Я ее опрашивал. Тогда она изображала из себя девственницу. — Повернув голову, он увидел, как еще одна фантастически красивая итальянка поставила рядом миску с пастой.

— А эта определенно Альджиза Фьоре. Когда мы встречались в последний раз, одежда на ней вообще отсутствовала.

— Интересную ты жизнь ведешь, Джеймс.

— Но они же все проститутки!

— Знаешь, пожалуй, эти сведения лучше держать при себе, — предположил Эрик. — Иначе, не исключено, тут завяжется потасовка.

Еда была, конечно же, потрясающая; Ливия превзошла самое себя. Джеймс самодовольно тешил себя надеждой, что американцы не

смогут оценить, насколько хороша еда, поскольку вовсе не хотел, чтобы Ливия растрачивала на них свое мастерство. Однако из раздававшихся вокруг восторженных восклицаний стало ясно, что в секрете ее таланты уже невозможно удержать.

С едой покончили, и танцы напрашивались сами собой. Эрик взялся за свой кларнет, другие военные тоже притащили разные свои инструменты, грянул импровизированный джаз-оркестр. И вот уже американцы с энтузиазмом принялись обучать официанток танцевать ду-уоп и джиттербаг.^[43]

Джеймс улучил минутку, чтобы объясниться с Ливией.

— Миссис Пертини, — произнес он официальным тоном, — я хочу извиниться за мое недавнее поведение.

— Вы о чем?

— О том, что говорил вам во время налета.

— А что вы говорили? — с любопытством спросила она.

Он смутился:

— Вы не слышали?

— Я слышала, как бомба упала. И заорала, чтоб вы легли на пол, но что говорили вы, нет, не слыхала.

— Я сказал... — он осекся, — я порол всякую ерунду. Должно быть, взрывы вывели меня из равновесия. Как бы то ни было, прошу меня извинить.

— Да уж пожалуйста, — сказала Ливия и как-то странно на него посмотрела.

Тут к ней подошел кто-то из американцев, пригласил танцевать и увел.

Минут через пять Ливия вернулась, слегка запыхавшись, с пылающими щеками от возбуждения и от множества похвал ее кулинарному мастерству. И запальчиво спросила:

— А вы, капитан Гут, со мной не станцуете?

— Охотно, — отозвался Джеймс. — Но только нормальный танец, не этот дурацкий джайв.

— У вас все по норме, уж это точно, — вздохнув, сказала Ливия.

— Имею в виду, — заметил Джеймс, вставая и выводя ее на простор, — короля танцев, фокстрот.

Ливия призналась, что, как танцуют фокстрот, не знает.

— Вам повезло, я знаю. Просто слушайте меня.

Пальцы его левой руки перевилились с пальцами ее правой, его левая рука легла ей чуть ниже плеча, и Джеймс легко, но уверенно увлек Ливию скольльзящим ходом.

— Медленно, медленно, быстро, быстро, — наставлял он. — Уверяю вас, это вовсе не сложно.

— Я вижу, — отозвалась она, прилаживаясь к его шагу.

— А теперь — поворот.... — Он резко увлек ее в обратном направлении, на миг они коснулись бедрами.

— Капитан Гуль! — удивленно воскликнула Ливия. — Вы замечательно танцуете!

— Знаю, — бросил он, легким движением возвращая Ливию обратно. — Быстро... теперь медленно...

Ливия перевела взгляд на свою левую руку, лежавшую на плече Джеймса. Плечо было довольно крепкое, сильное плечо. Она вспомнила его плечо без рубашки, когда сестра обрабатывала рану, и невольно подумала: интересно, если скользнуть рукой слегка под китель, окажется ли у него такое же мускулистое предплечье? Понятно, проверять она не стала, и, встретившись взглядом с Джеймсом, переключилась на спасительный танец.

Что же касается Джеймса — он внезапно и остро ощутил ее близость. С каждым ее поворотом блестящие черные волосы оведали его волнами розмаринового аромата. Рука от лопатки, обхватываемой им, казалась ему нежной, как птичье крыло, а огромные глаза впервые с момента знакомства смотрели на него с выражением, в котором уже угадывалась улыбка. Джеймс почувствовал внезапное напряжение ниже живота и был вынужден немедленно сделать еще несколько поворотов от бедра, чтобы Ливия ничего не обнаружила.

«Что я делаю? — думала Ливия. — Эти люди убили моего мужа. Эти люди пристрелили Пупетту».

Ей вдруг сделалось немного совестно, что она обе эти гибели свела в один ряд. Но что поделать, как убивали Пупетту, она видела своими глазами, а бедный Энцо погиб, отвоевав четыре года, — а ведь вместе они прожили всего год.

Но почему, спрашивала себя Ливия, сейчас мне так хорошо? Ведь это всего лишь танец, и ничего особенного в нем нет.

Музыка кончилась. Оба партнера восприняли это и с облегчением, и с разочарованием.

Джеймс отвел Ливию назад к столу, между ними повисла неловкая тишина. То она взглянет в надежде, что он что-нибудь скажет, то он взглянет, будто готовый что-то сказать. Но язык словно к горлу прирос, да и ее неаполитанское красноречие на этот раз как будто ей отказало.

Внезапно Ливия вскочила:

— Хотите, научу вас плясать тарантеллу?

Джеймс, по-прежнему мучимый то и дело возникавшими ниже пояса сложностями, замотал головой:

— Это замечательно, но лучше не сейчас. Пока с меня хватит.

— Между прочим, — с вызовом сказала она, — у нас это не просто танец, это такой флирт!

Отошла на несколько шагов, взметнула над головой руки, раскинула пальцы и, взвившись на каблучках, всплыла на площадку перед костром.

Джеймса так и подмывало рвануть следом.

— Нет, все же, нет, — сказал он. — Пожалуй, я пропущу.

Она повела плечом.

— Карло!

В ту же секунду Карло стоял перед ней и, распрямив плечи, уже двигался с нею в лад. Энрико подхватил у кого-то из американцев гитару, со знанием дела тронул струны.

— Почти во всех итальянских танцах, — бросила Ливия через плечо Джеймсу, — мужчина обхаживает женщину. Но в тарантелле страстью охвачена женщина. В общем, мужчина стоит на месте, женщина на него наступает.

Пальцы Энрико уже быстрее бередили струны гитары, подхватывая ритм, в котором Ливия, кружа, подступала к Карло.

— Но вот она передумала. Не нужен он ей вовсе, она и без него обойдется.

И Ливия вихрем унеслась прочь.

Все взгляды устремились на нее, остальные танцоры подались назад, расчищая ей место. Ливия вилась, кружилась, юбка всеми складками взвивалась вокруг.

— Теперь она поняла, что скучает. Она возвращается. Но к себе прикасаться ему не позволяет. Он уж думает, что поймал ее, а она не

дается.

Ливия прикрыла глаза и, грациозно покачивая бедрами, принялась обходить кругами почти неподвижного Карло. Ритм гитарного аккомпанеента нарастал.

— Вот она сдалась. Она страстно, безумно любит его, она вся горит! — выкрикнула Ливия. — И позволяет ему приблизиться.

Она протянула руки к плечам Карло. Спина застыла, как в объятии, но бедра все еще извивались в плавно пульсирующем ритме танца. Финальный вскрик, музыка оборвалась. Такого эротичного зрелища Джеймс никогда еще не видал. Рядом с этим чувственным, мощным явлением страсти джиттербаг с ду-уопом казались просто бодрой физзарядкой.

Мужчины, поднявшись из-за столов, шумно аплодировали, выражая свой восторг. Энрико стал наигрывать другую мелодию, и офицеры повлекли официанток в освещенный костром круг, с энтузиазмом принявшись воспроизводить только что увиденное.

Ливия вышла из освещенного круга. Джеймс поднялся, надеясь, что она вернется, и они возобновят разговор. Она встретилась с ним взглядом, улыбнулась. Но в этот момент ее перехватил другой военный; что-то сказав, увлек к тихому столику вдали от костра и света. Ливия бросила на Джеймса укоризненный взгляд, как бы давая понять, что он имел шанс, но упустил. Джеймс отвернулся, но все же успел заметить, что расторопным парнем оказался не кто иной, как Эрик.

Глава 24

Претендентку звали Виттория Форсезе, она была в скромном черном платье. Сказала, что первый муж погиб в Греции. И вот, спустя год ей посчастливилось встретить человека, который ее полюбил. Капрала инженерных войск.

Чувства ее жениха были понятны. Виттория была чудо как хороша и необыкновенно мила.

— На какие средства вы живете? — спросил Джеймс, заноса ручку над листом.

Едва заметная пауза.

— На сбережения.

— В каком банке хранятся ваши сбережения?

Снова пауза.

— В «Банко ди Наполи».

Название настораживало.

— Не тот ли это банк, который разграбили немцы?

— Да. Чтобы оплачивать свои военные расходы. Они все украли.

— И на что же вы существуете с тех пор?

— Соседи иногда предлагают кое-что из продуктов, — неуверенно произнесла Виттория.

— Не скажете ли, кто именно?

Очередная пауза.

— То те, то эти...

— Можете назвать имя человека, который может за вас поручиться? Поймите, мне нужно конкретное имя, с кем бы я мог связаться.

Виттория беспомощно развела руками.

Джеймс оглядел маленькую квартирку. Она была идеально чиста и роскошью отнюдь не блистала. Но бросались в глаза красноречивые детали: помада в спальне, небольшая банка оливкового масла в кухне, пара туфель на кожаной, не на деревянной подошве.

— Деньги вы получаете у солдат, ведь так? — мягко спросил Джеймс.

Виттория не ответила, по щеке тихо скатилась слеза.

Джеймс соображал, как быть дальше. Девушка красива; кажется, трудолюбивая, честная, добрая. Ей выпало счастье встретить парня, которого она полюбила и который любит ее.

Он застыл в нерешительности, ручка зависла над блокнотом. Внезапно решение пришло само собой. Захлопнув блокнот, Джеймс встал, протянул руку:

— Вам, должно быть, крупно повезло с соседями, — сказал он. — Не говоря уже о женихе. Поздравляю, Виттория. Не вижу причин, которые помешали бы вам вступить в брак и как можно скорее.

Ее благодарные слезы еще не успели высохнуть у него на щеках, когда Джеймс выходил из квартиры Виттории. Он остановился, перевел дыхание. Неаполь, почти как всегда, был погружен в свои заботы. Сияло солнце. Высоко над головой две невидимые домохозяйки переругивались через узкую улочку, разделявшую их жилища. Двое стариков сошлись, расцеловались при встрече. Под навесом двери пухлый малыш восседал на коленях у матери, величаво, точно с трона, обозревая все вокруг и с достоинством принимая приветствия и заигрывания прохожих. Аромат помидоров, тушившихся где-то с петрушкой и чесноком, царственно струился по улице, перемежаясь с пыльным запахом жаркого камня. Мать младенца смущенно улыбнулась Джеймсу, он приподнял фуражку в ответ.

Да, подумал он, Виттории Форсезе и в самом деле повезло с соседями. Как и всем в этом необыкновенном городе.

Глава 25

Все чаще и чаще Джеймс под разными предложениями оказывался около кухни.

— Для вас будто и войны нет! — сказала однажды Ливия.

— Да я, собственно, и не воюю, — ответил он. — Не такой уж я грозный.

— По-моему, как раз наоборот.

— Вы так думаете? — Джеймсу это, как ни странно, польстило.

— Когда вы наставили свой автомат на мой танк, я так перепугалась!

— Я перепугался еще больше, — заверил Джеймс Ливию. Кивнул на помидоры, с которых она счищала кожуру: — Давайте помогу.

— Ну, если хотите...

Ему нравилось смотреть, как ее тонкие пальцы вращают плод и так, и эдак, выворачивая мякоть из треснувшей кожицы, и он попытался изобразить то же.

— Расскажите еще про вашу девушку, — сказала Ливия, не отрываясь от работы.

Джеймс метнул на нее взгляд. Искушение фантазировать оказалось непреодолимо.

— Ну что сказать..., — начал он, — она довольно миниатюрная, худенькая. У нее темные волосы. Обожает меня поддразнивать. И она в общем... властная. Любит всеми командовать.

— Немного на меня похожа. Не в смысле командовать. Я про внешность.

— Верно, — сказал Джеймс. — Пожалуй, она немного с вами схожа. Как-то раньше не думал.

— Может, если б вы с ней не встретились, могли бы меня выбрать.

— Ливия!

— А?

— Нет, ничего.

Некоторое время трудились молча.

— Капитан Гуд!

— Прощу вас, — сказал он, — зовите меня лучше Джеймс.

— Джомс!

— Да? — улыбнулся Джеймс.

— Что такое «бом»?

— Звук такой. Вот, скажем... — и он ударил по медной кастрюле на плите.

— Так я и думала. — Она кинула в кастрюлю очередную пригоршню помидоров. — Разве я могу быть «бом»?

— Кто это вам сказал?

— Эрик. Он говорит, что я «сексбом».

— Он так сказал? — вырвалось у Джеймса. — И когда же?

— Нынче утром. Я разве не говорила? Он учит меня по-английски.

Этот и впрямь времени не теряет, подумал Джеймс. Сукины сыны, янки! Недаром про них говорят: эти кобели все подгрести.

— Он научил меня трем выражениям, — гордо сообщила Ливия. — Сказать каким?

— Да уж, любопытно, — пробормотал Джеймс.

Она перестала резать, чтобы лучше собраться с мыслями:

— Эйло, Джиммс. Мини звете Ливия. Стрипухуя.

И победоносно взглянула на него.

— Стряпуха я.

— Я и говорю: «стрипухуя».

— Нет же, «стряпуха я». Вы говорите «стрипухуя».

— Ну?

— Это не слишком прилично.

Глаза у нее расширились:

— А что это значит?

— Это значит... в общем, звучит, как cazzo, мужской член.

— По-моему, вы смутились.

— Вовсе нет.

— Надеюсь, вы не такой стыдливый со своей девушкой, — дерзко бросила Ливия.

— Признаться, — сухо парировал Джеймс, пронзая ножом помидор, — именно такой.

И тут Ливия сообразила, отчего Джеймс ведет себя так странно. Первое: то говорит с ней по-приятельски, то вдруг надменно. Потом — краснеет, если разговор заходит об интимном; потом — не делает

попытки ее потискать; потом — вечно болтается на кухне со своими разговорами; потом — несет явную околесицу насчет придуманной невесты, которую и описать толком не может; потом — он до смешного церемонный, а еще — отлично танцует. Словом, все это нашло вполне очевидное объяснение. Капитан Гулд был *finocchio*, «фенхелевый», иными словами педик.

Реакция Ливии на собственное умозаключение была неоднозначна. Сначала в восторге от своей сообразительности она захлопала в ладоши. Ну, конечно! Как она раньше не догадалась! Все встало на свои места. Лично она ничего против гомиков не имеет, — был у них в деревне парень, который всегда предпочитал водиться с девушками, мазал губы их помадой, ленточкой подвязывал волосы, а уже когда Ливия вышла замуж и переехала в Неаполь, она увидела там молодых парней, которые за деньги обслуживали туристов. И заметила, что таким часто бывает легче водить дружбу с женщинами. Этим Ливия и объясняла крепнущие дружеские отношения с капитаном.

Но потом Ливия почувствовала некоторое разочарование. Это ее несколько удивило, и она даже попыталась разобраться, откуда оно взялось. О том, что капитан лично ее заинтересовал, не могло быть и речи. Не в этом дело, решила она; просто чаще всего гомики люди грустные и несчастливые, потому что принуждены жить неполноценной жизнью. И так как капитан ей был вполне симпатичен, Ливия решила, проявляя к нему полное расположение, дать Джеймсу понять, что ей, собственно, его ориентация безразлична.

С принятием подобного решения сделалось легче на душе, а прежнее чувство разочарования скрасилось радостным предвкушением того, что они просто будут дружить.

Джеймс отправился на поиски Эрика, но путь ему преградил ординарец.

— Вход воспрещен, сэр. Только для служащих контрразведки.

— Что за бред! Я здесь работаю.

— Из соображений безопасности.

— Черт побери, мы же союзники!

Джеймс попытался оттеснить ординарца, но тот — поскольку, как стало очевидным, как раз и приставлен был здесь в качестве стража, —

также стоял на своем.

— Джеймс! — Эрик, услышав знакомый голос, выскочил из кабинета. — В чем дело, дружище?

— Прежде всего в том, что я не могу попасть в собственное помещение.

— Это лишь временная предосторожность, — заверил его Эрик. — Просто на виду разложены некие документы деликатного свойства, только и всего.

— Настолько деликатного, что надо скрывать от союзников?

Эрик развел руками:

— Бюрократия! Сам знаешь, кому-то что-то взбрело в голову, спустили приказ, а мы, жалкие пигмеи, должны разбираться. Что у тебя за срочность?

И, подхватив Джеймса под руку, Эрик повел его в соседнюю комнату.

— Я о миссис Пертини.

Эрик выгнул бровь.

— Красавице Ливии? А в чем проблема?

— Ты обучаешь ее английскому. Или скорее, — саркастически сказал Джеймс, — американскому, что вовсе не одно и то же.

Эрик пропустил колкость мимо ушей.

— Между нами говоря, Джеймс, я надеюсь обучить ее гораздо большему, — сказал он с ухмылкой. — И что?

— Ты назвал ее сексбомбой.

Эрик расхохотался.

— Едва ли это красиво с твоей стороны, — отрезал Джеймс. — Ты обратил внимание, что она — миссис Пертини? Что она замужем?

— Так ведь ее муж погиб, — вставил Эрик и, заметив, как Джеймс изменился в лице, добавил: — Ты не знал? Он воевал на стороне немцев, его убили в России.

— Вот как...

— Хотя к моменту его гибели она не видалась с ним целых четыре года. Что должно было стать известным и тебе, если бы ты позаботился задать ей соответствующие вопросы.

Верно: Джеймс взял Ливию на работу, даже толком ничего о ней не разузнав.

— А ведь она, Джеймс, может быть немецкой шпионкой, — сказал Эрик, наслаждаясь его растерянностью. — И сюжет из ее досье насчет участия в партизанском движении вызывает некоторые тревожные сомнения.

— На Ливию заведено досье?

— Досье имеются на всех, — загадочно сказал Эрик. И хлопнул Джеймса по спине. — Ну, теперь, когда твоя британская галантность полностью удовлетворена, даешь мне добро на уроки языка для леди? — Он прищурился: — Если только на кое-что менее галантное не нацелился сам?

— Разумеется, нет! — презрительно бросил Джеймс.

— Вот и договорились. Блюди себя для своей... как ее?

— А? Ах, да... Джейн.

— Блюди себя для Джейн!

Джеймс пошел обратно к своему письменному столу, намеренно проигнорировав стража, по-прежнему стоявшего начеку перед дверью в американское ведомство. Его распирало от бурного ликования. Ливия не замужем! Теперь оставалось только устранить некоторое неудобство, связанное с воображаемой помолвкой и Джейн, и тогда можно начать ухаживать, и чем скорее, тем лучше, — учитывая, что Эрик обошел его на круг.

Избавиться от Джейн было нетрудно. Многим с родины то и дело приходили письма, в которых их извещали об отставке. Нет, решил Джеймс: пусть будет не измена, пусть будет трагическое сообщение о кончине. Например, Джейн разнесло на куски от взрыва бомбы, или ее скосило пулеметной очередью с «Мессершмитта». Затемнение дает громадный выбор возможностей для фатального исхода: автомобили с потушенными фарами, темные улицы без фонарей уже столько раз становились причиной гибели людей, что придумать очередной случай не составляло труда. Или, может, сочинить что-то более героическое. Джейн, выполняя секретную миссию, высадилась с парашютом на территории Франции, и там ее схватили фашисты... Джеймс старательно перебирал в уме всякие варианты, как вдруг, точно громом, его поразило страшное прозрение. Он же брачный офицер!

Вспомнились слова Джексона, сказанные ему в его первый же день в Неаполе. Вы должны служить положительным примером.

Можно представить, что сказал бы майор Хеткот, если бы Джеймс сам подал прошение на брак с итальянкой!

Разумеется, некоторые офицеры заводили с итальянками связь, не имея в виду жениться. Но это вовсе не то, что ухаживать за женщиной, зная наверняка, что брак с ней невозможен. Джеймс подозревал, что в любом случае побряжки, оказываемые прочим офицерам, скорее всего ему в его положении не светят. Высшее командование вряд ли одобрит, чтобы брачный офицер открыто заводил как раз те отношения, которые призван пресекать.

Он сидел, отчаянно ломая голову над создавшимся положением, и как раз в этот момент вошла Ливия, неся стакан свежесжатого лимонного сока.

— С добрым утром! — сказала она приветливо. — Такая жара, я принесла вам попить.

— О, спасибо!

Джеймс взял из ее рук стакан, отпил. Натуральный сладкий лимонный сок приятно освежал. Джеймс заметил, что Ливия не спешит уходить и, похоже, склонна поболтать. В последние дни она явно стала относиться к нему благосклонней. Чуть раньше эта мысль заставила бы его радоваться и торжествовать. Сейчас лишь усугубила его скорбь.

— Как дела? — угрюмо спросил он.

— У меня? Замечательно. А знаете, — сказала Ливия как бы между прочим, — я тут подумала... у меня в Неаполе много друзей. В смысле, *мужчин*. Неплохо бы вас кое с кем познакомить. Например, с Дарио. Думаю, он вам понравится.

Джеймс поднял руки от стола, снова опустил.

— Послушайте, Ливия, у меня нет времени знакомиться с вашими друзьями. У меня полно работы.

— Но ведь надо же вам как-то развлечься. Дарио очень милый. Вы найдете с ним много общего. И... — Она сделала многозначительную паузу: — у него много таких же, как и он, приятелей.

Тут Джеймсу все стало ясно: этот ее дружок интересуется, не сможет ли она при ее связях в союзных ведомствах, пристроить его к ним в качестве информатора. Обычно, от таких услуг Джеймс бы отказался, но в данном случае... Ливия...

— Возможно, как-нибудь вечерком я с ним встречу, — вяло отозвался Джеймс. — Но только предупредите его, что ненадолго. В данный момент я не нуждаюсь ни в чьих постоянных услугах.

— Но если это окажется подходящий вам человек...

— И обычно я не плачу, — предупредил Джеймс. — Если только это не совершенно особый случай.

— Ну, конечно! — воскликнула Ливия, несколько ошарашенная откровенностью получившегося разговора. — Не думаю, что это волнует Дарио, правда, я знаю, что прежде он брал за это деньги.

— Скорее всего, тут все зависит от позиции, — отозвался Джеймс.

Ливия, девушка деревенская, к потрясениям не склонная, теперь была сконфужена до крайности. И возвратилась на кухню с пылавшими от стыда щеками.

Джеймс вздохнул. Непроизвольно он проводил Ливию взглядом, когда она удалялась, еле заметно, как почти все итальянки, покачивая бедрами. Последний взмах рукой, длинные пряди откинулись за спину, и она скрылась за дверью... Ничего уже поделать нельзя, думал он. Я влюбился. Я люблю Ливию Пертини.

Ему отчаянно не повезло, и выход был всего один. На людях им вместе показываться нельзя, потому придется просто тщательно скрывать свои чувства в надежде — во-первых, что при этом он не будет выглядеть полным идиотом, и, во-вторых, что он не причинит Ливии нежелательного неудобства.

Глава 26

Джеймсу становилось все любопытней и любопытней, по какой-то такой причине американская служба контрразведки неохотно допускает его в свои помещения.

Их кабинеты располагались рядом с его спальней. Однажды ночью он подождал, пока все уснут, и вскарабкался на выступ одного из громадных окон. Короткое, тянущее нервы подтягивание рукой от одного окна к другому, и он уже внутри их святая святых.

Комната была хранилищем документов. Куда ни глянь, полные коробки. Джеймс начал их просматривать, пока не наткнулся на одну, подписанную: «Совершенно секретно — только для сотрудников Службы контрразведки». Там оказалась всего одна папка. Наверно, то самое, — решил Джеймс. Название гласило: «Операция Гладио». Он раскрыл папку и пробежал глазами первый лист.

Положение дел

По окончании войны на юге Италии, вероятно, создастся тревожная политическая ситуация. Англичане стоят за автоматическую реставрацию монархии. Однако это ни в коей мере нельзя считать единственно возможным исходом. Некоторые представители зажиточных слоев на юге агитируют за независимое «Неаполитанское королевство». Коммунисты, имеющие поддержку беднейших слоев населения, охотно предоставят этим мечтателям возможность себя изжить и попытаются, как только союзные войска уйдут, произвести революцию сталинского типа, объединившись с рабочими движениями Греции и Югославии, для того чтобы создать сверхдержаву на всем пространстве Европы от Москвы до Милана.

В настоящее время единственную альтернативу коммунистическому перевороту в Италии могут составить уцелевшие фашисты Муссолини, которые жаждут расправиться с коммунистами, если им будет оказана соответствующая поддержка.

Третьей мощной группировкой в южной Италии является Мафия, или по-местному сапогга. Надежной политической силой она не является, однако активно противостоит коммунистам, скорее всего, в силу осознания, что при коммунистах им будет гораздо сложнее, чем при ком-либо ином.

Наиболее непредсказуемой силой среди всех вышеназванных являются партизаны, большинство которых в настоящее время сражается с немцами хорошо организованными, эффективно действующими отрядами, созданными по коммунистическому принципу...

Дальше еще много всякого в том же духе. Джеймсу показалось это полной бессмыслицей. Почему американцы так пекутся о том, что будет после войны, если они не способны взять под контроль положение с черным рынком и коррупцией, которые процветают у них прямо под носом? И что, черт подери, такого секретного в этом вполне очевидном изложении ситуации на юге Италии?

Когда он помещал папку на место, его взгляд привлекла небольшая книжечка на столе. Он взял ее в руки. Это был продающийся на уличных развалах итальянский разговорник под названием «Современный Карманный Полиглот: Все, что нужно, чтобы говорить по-итальянски». В книжечку была вложена закладка, помечавшая раздел «Как знакомиться с дамой».

«Доброе утро, мадам! Как вы красивы. Есть ли у вас жених? Не могу не согласиться на ваше предложение», — прочел Джеймс.

Возможно, Эрика вовсе не стоит уж слишком опасаться? — с улыбкой подумал он. Положил книжку на место и удалился тем же путем, что и проник сюда.

Глава 27

Наступила весна, жаркая, как английское лето. Возвращавшихся с фронта можно было сразу определить по загорелым лицам, а муниципальные парки вдоль побережья заполнили торговцы съестным и напитками — свежавыжатым лимонным соком (куда для пенности подмешивалась ложечка соды и который солдаты открыли для себя как отличное средство после похмелья), *spasso* — смесью семечек подсолнуха с разными орехами, а также *pasteria* — пирогами из отрубей с медом. Теперь население Неаполя уже не выглядело таким изможденным. Союзная военная администрация наконец открыла продовольственные рынки, и свежие продукты потекли в город, — все еще дорогие, но питательные и полные витаминов. Теперь Джеймсу во время сиесты приходилось прикрывать ставни своей спальни от зноя и полуденного солнца, и даже в собственном кабинете он работал в рубашке с короткими рукавами.

Хоть его чувства к Ливии и были тайными, но от этого они отнюдь не ослабли. Стоило услышать, как она поет в кухне, сердце у него рвалось из груди при звуках ее голоса. Едва ставила перед ним тарелку, уже при виде ее нежной руки страсть возгоралась в нем так же неистово, как он поглощал приготовленную ей еду. Если она вспархивала мимо, казалось, что ее легкое летнее платье высечено из камня, так явственно ощущал он каждое прикосновение воздушной материи. Стоило ей улыбнуться, и его распирало от счастья; стоило ей нахмуриться, у него ныли руки, так хотелось прижать ее к себе, нашептывая всякие глупости, лишь бы вызвать у нее улыбку. По ночам она приплывала к нему в постель и заполняла собой подушку: и, давая свободу самым своим лихорадочным мечтам, он мог поклясться, что чувствует, как она отвечает на его поцелуй, прижимаясь своим легким, как пух, телом к его телу и вскрикивая от восторга. После того, как все эти видения достигали естественного завершения, он становился сам себе отвратителен, представляя, как будет оскорблена Ливия, узнав, что он использует ее образ для удовлетворения своих плотских потребностей. И к утру снова просыпался в муках неудовлетворенной страсти, как спелое яблоко, к которому достаточно лишь прикоснуться, чтобы оно сорвалось с ветки.

Когда, наконец, черный рынок стал некоторым образом управляемым, Джеймс уже не был чрезмерно загружен работой. Но каждый миг без Ливии был для него потерянным временем. Часами он просиживал за письменным столом, пытаясь придумать повод, чтобы пойти поговорить с ней. Чертов Эрик со своими английскими уроками, конечно же, явно урвал преимущество, так как каждый день имеет возможность с ней болтать. Джеймсу оставалось только каждое утро наведываться на кухню, спрашивая как бы между прочим: «Что у нас на обед?», ведь осведомление о погоде, эта неизменно беспроегрышная тема для разговора дома в Англии, была для Неаполя неактуальна, потому что на вопрос «Правда сегодня жарко?» ответ мог быть только положительным.

И вдруг Джеймса посетила вдохновенная идея.

В очередной раз оказавшись рядом с Ливией, он спросил, не поучит ли она его готовить.

В изумлении она уставилась на него.

— Научиться готовить совсем не так просто.

— Ну, конечно, не всем вашим премудростям, — заверил ее Джеймс. — Так, чему-нибудь попроще.

Ливия задумалась. В Неаполе не так уж много мужчин умеет стряпать. На местном наречии даже не существовало слова «повар», так как считалось, что обычно готовят энтузиасты и самоучки. Но ведь Джеймс в конце-то концов *finocchio*, и пристрастия у него женские.

— Ну что же, — сказала Ливия с некоторой готовностью. — Покажу вам кое-что и погляжу, какой из вас ученик. Годится?

Когда Джеймс проходил в Англии боевую подготовку, был у них старший сержант, обожавший терроризировать юных кадетов. В первый же день на рассвете в жуткий холод он заставил их всех построиться и грозно объявил:

— Я говорю каждому «сэр», и вы говорите мне «сэр». Разница в том, что по сути «сэр» — только я.

Его излюбленным методом было выкрикивать приказы с бешеной скоростью и в ошеломительном количестве, чтобы подвергнуть молодежь в полное замешательство и этим только подзавести его,

мучителя, чтобы обрушить на подопечных еще более бурные потоки ругательств.

Этот сержант тотчас пришел Джеймсу на ум, едва он стал получать у Ливии первые уроки кулинарии.

— Начнем с самого начала, — сказала она, с чудовищной скоростью шинкуя что-то на доске. — Это *batutto*. Петрушка, свиное сало, лук. Основа многих соусов. И, конечно же, чеснок. Но его добавим потом, иначе лук пережарится. Только ленивая хозяйка кладет чеснок одновременно со всем остальным. А теперь вы! Нет, не так. Режьте петрушку мелко, как я сказала.

— Вообще-то вы еще не...

— Теперь это все надо потушить в растительном масле. Это называется *soffrito*. *Battere, soffriggere, insaporire*.^[44] Раз, два, три. Что вы делаете? Не надо мешать лук, дайте ему прожариться. Не забудьте оливковое масло. Эта кастрюля сильно нагрелась, в ней лук в момент сгорит. Не режьте чеснок, давите! Ай-яй-яй, ну вот теперь у вас пригорает!

— Слишком сложно, — со вздохом сказал Джеймс, снимая дымящуюся кастрюльку с огня.

— Глупости. Просто надо вам больше слушать и меньше говорить.

Джеймс понял, вся проблема в том, что сама Ливия в сущности никогда не училась готовить — она эту науку просто впитала, как ребенок учится говорить и ходить. Обучать тому, как сама это делает, ей было так же сложно, как если бы ее спросили, что такое дышать. Под конец они оба решили, что Ливия будет просто делать то, что обычно делает, а Джеймс попытается за ней повторять, спрашивая, если возникнут трудности.

На следующее утро он сопровождал ее на рынок.

— Первое, что вы должны усвоить, в Италии не просто блюда готовят, а специально подбирают, из чего их составить, — сказала Ливия. — Сперва надо выбрать что-нибудь особо привлекательное на вид, потом подкупать то, что к нему подойдет.

— Что же мы ищем сегодня?

Она повела плечами.

— Кто его знает? Ну, например, рыбу. Помидоры. Овощи, конечно.

Она вынула из корзины на прилавке кабачок, слегка согнула:

— Этот сорван вчера, потому немного вялый.

Кабачок внезапно треснул пополам, и Ливия пренебрежительно кинула обе половинки обратно в корзину. Лотошник заорал на нее, твердя, что его кабачки самые свежие на рынке, и вообще, кто будет платить за сломанный кабачок? Не удостоив его вниманием, Ливия нырнула в толпу орущих неаполитанцев, окруживших рыбный прилавок, орудуя локтями, пробилась в самую гущу и возникла снова с победным видом таща толстенный, как бревно, обрубок рыбы-сабли.

— А вообще, — сказала она, — если видишь что-то по-настоящему стоящее, надо быть готовым, что за это придется побороться. Теперь надо купить немного перцев, чтобы приготовить соус.

Чуть позже Ливии удалось обнаружить несколько кабачков, которые ей приглянулись, а когда вернулись на кухню, Джеймс следил, как она раскладывает их на две кучки: одна состояла из плодов шириной с запястье и с оранжевыми, в прожилках, цветками на концах, другая из распутившихся в форме звезды цветков.

— Красивые, — сказал Джеймс, берясь за один цветок.

— К тому же еще и вкусные.

— Вы едите цветы?! — спросил он изумленно.

— Ну да. Заполняем их моццареллой, окунаем слегка в смесь яиц, молока и муки и поджариваем. Но только мужские цветки. Женские чересчур нежные.

— Понятия не имел, — сказал он, взяв цветок и прилаживая ей за ухо, — что цветы могут быть мужские и женские. Не говоря уж о том, что они съедобные.

— Все делится на женское и мужское, и все съедобно. Только надо знать, что и как готовить.

— У нас в Англии говорят: каков соус для гусыни, таков и для гуся.

— Глупость какая! У гусыни вкус нежный, потому ее готовить надо в мягком соусе с белым вином, можно добавить еще таррагон или орегано. А мясо гуся сильно отдает дичью. Надо добавлять то, что сгущает вкус: скажем, красное вино или грибы. То же и с gallina, курицей, и pollastrello, петушком. — Тут она искоса взглянула на

Джеймса: — Если англичане готовят pollastrello и gallina одним манером, с ними все ясно.

— Что вам ясно? — с любопытством спросил Джеймс.

Но Ливия так была занята стряпней, что лишь сделала большие глаза, как бы давая понять: о чем уж тут говорить!

Потом он смотрел, как она, взяв один из нежных бархатистых цветков, быстро обмакнула его в плошку с взбитой смесью. Поддержала слегка над нею, чтобы лишняя жидкость стекла, и переложила в большую кастрюлю с шипящим оливковым маслом. Чуть посолила, затем подхватила один цветок и откусила капельку с критическим видом. Видимо, вкус был ею одобрен, потому что Ливия кивнула и протянула цветок Джеймсу:

— Попробуйте! Ну же, они вкусней, когда прямо с огня!

Он удержал ее за запястье. Взбитая смесь превратилась в прозрачную корочку, хрустящую и ломкую, как слоеное пирожное. Цветок внутри стал мягче, отозвавшись во рту бесплотным, растворившимся без остатка нежным ароматом.

Ливия наблюдала за Джеймсом, ожидая его реакции, но мысли его были поглощены только одним: он держит ее за руку, и так близко ее прекрасные губы, все, как и у него, в крапинках душистого масла. Он слизнул языком крапинки с губ, впитав их вкус и представив, что такой же будет вкус и ее губ, если он сейчас ее поцелует.

— Непостижимо, — выдохнул он, с неохотой отпуская ее руку. — Совершенно необыкновенный вкус.

Глава 28

Приятным, теплым неаполитанским утром Ливия и Джеймс брели вместе с рынка, нагруженные провизией. Джеймс вытянул вперед в одной руке громадный, размером в грейпфрут, и алый, как неаполитанский закат, помидор.

— Еще разок!

— То-майто.

— Тома-ато! — поправил он. — Ну, а это, — сунув руку в сумку, он вынул баклажан, — будет «оо-бер-джин».

Ливия насупилась:

— Эрик говорит, что это «ээйгплент».^[45]

— Но это же чушь! Как это может быть? Разве melanzana^[46] похожа на яйцо?

Подумав, Ливия повторила:

— Оо-бер-джин.

— Ну вот! — сказал Джеймс с явным удовлетворением.

Один-ноль в пользу Британии.

Однажды они оказались у лотка, которого Джеймс прежде не видал. Он был заставлен крошечными клетками, и в каждой клетке сидело по птичке. Пение дроздов, соловьев и малиновок заполняло все вокруг, и на миг Джеймс снова оказался в Англии, среди знакомой рассветной весенней многоголосицы.

— Не понимаю... Это для тех, кто держит дома птиц? — спросил он у Ливии.

— Держит дома? — рассмеялась Ливия. — Нет. Это для пирогов.

Джеймс скривился:

— Вы и птиц едите?

— Конечно. Здесь все едят все. Хотя я лично, ни за что бы не стала есть соловья. Песня слаще, чем мясо, да и не только в том дело. Эй, что вы делаете?!

Не удержавшись, Джеймс выгреб пачку лир из кармана, сунул в руку продавцу и распахнул дверцы клеток. Над головой захлопали крылья, птички, вырвавшись на свободу, разлетелись. Продавец послал в адрес безумца обличительную тираду, даже Ливия явно опешила.

— Капитан Гоаль, вы еще чуднее, чем кажется, — проговорила она.

— На здоровье. Пирогов и так вполне достаточно, а малиновок осталось не так уж много.

Она повела плечами.

— О'кей!

Джеймс остановился.

— Как вы сказали?

— Я сказала «о'кей». А что?

— Ничего.

Весь день он тщательно к ней прислушивался, подмечая, как часто она произносит это «о'кей». По правде говоря, ее «о'кей» звучало странновато, получалось «оо-кайя», с ударением на втором слоге ее трехсложного восклицания. Вдобавок она употребляла его в несколько раздраженно. Если, например, чья-то просьба отвлекала ее от дел, Ливия, сердито тряхнув головой, выкрикивала:

— Оо-кайя! Оо-кайя! Щаас!

Американская зараза распространялась едва заметно, но всякий раз, когда Джеймс с ней сталкивался, его пронзало острое жало ревности.

— Понимаешь, — признавался он Слону, — я ее люблю.

— Говоришь «люблю», с чего ты так уверен?

— Я думаю о ней каждую минуту. Когда сижу за письменным столом, мысленно все время с ней разговариваю. Ну, а при ней несую всякую околесицу. Выдумываю всякие глупости, только чтобы произвести на нее впечатление. Иногда даже совершаю глупости, даже если ее нет рядом, в надежде, чтоб только привлечь ее внимание. Ради нее учусь готовить. Лежу в постели и вижу Ливию в белом подвенечном платье, она идет по проходу в церкви в деревне, откуда родом моя семья. Потом представляю себе, как снимаю с нее подвенечное платье, вижу ее нагой, кидаю на огромную постель и...

— Так, ясно, — быстро перебил его Слон. — Судя по твоим словам, ты, наверное, и впрямь... э-э-э... увлечен ею. Либо увлечен, либо у тебя начинается малярия.

Глава 29

— Мне нужно съездить домой, — объявила Ливия однажды вечером. — Надо сыру еще привезти и проведать, как там сестра и отец.

— Если хотите, могу подбросить вас на мотоцикле, — сказал Джеймс, стараясь не выдать свое волнение. — Ну и, э-э-э... Амальфи, например, симпатичное местечко, правда? Можно было б на день туда подскочить.

— Спасибо, — отозвалась Ливия. — Было бы здорово.

Я ей нравлюсь, думал он, вне себя от счастья. Я ей *определенно* нравлюсь. Мы едем на прогулку.

В очередной жаркий день они покатали в сторону Везувия. Пропитавшаяся солнцем округа обдавала их волна за волной ароматами померанцевого цвета, мирты, цветущего тимьяна и особым запахом выжженной на солнце дорожной пыли. То тут, то там попадались рытвины, и Джеймс намеренно поворачивал руль в самый последний момент, просто чтоб с трепетом почувствовать, как руки Ливии крепче вцепляются в него. Может, потому итальянцы такие плохие водители, подумал Джеймс, что им всякая езда вроде забавы. Он резко крутанул руль, объезжая самую глубокую воронку от бомбы, и Ливия его ущипнула.

— Ой-ой! — с шутливым негодованием воскликнул он.

— Рулите как следует! — выдохнула она ему прямо в ухо.

— Хотите сказать, на английский манер? — выкрикнул он, но все-таки слегка сбавил скорость.

Ливия старательно проговорила по-английски:

— Скажите пажялста, какой платформы ходи поэс на Рома?

Эрик одолжил ей на время «Современного Карманного Полиглота», с помощью которого она учила английский путем обратной дедукции. Разумеется в английской его части не содержалось никаких фонетических пояснений, и, чтобы выправить произношение, она постоянно вворачивала в разговор почерпнутые в книжке диалоги, которые к самому разговору имели самое отдаленное отношение.

— Вот платформа, с которой отходит поезд на Рим! — крикнул Джеймс ей на выручку, обводя рукой сверкающее море.

— Ни можити ливи памочи понести чему дани?

— С радостью помогу вам нести чемодан!

— Что бы вы тина платформы нада билетку пить, — решительно произнесла она.

— Значит, покупаю билет! — радостно проорал он. — Куплю целую кучу билетов!

Проехали дорожный знак «Помпеи». Это несколько миль в сторону, но Джеймс все же спросил, не против ли Ливия, если они туда заглянут.

Они покатали по дороге на Торре Аннунциата до очередного небольшого знака, указывавшего поворот на узкую дорожку, приведшую их к скоплению обшарпанных домов. Дома были современной постройки: римский город находился непосредственно позади за небольшим подъемом; весь изрытый раскопками, он даже и через два тысячелетия выглядел куда солиднее, чем его современный собрат.

Джеймс выключил двигатель. Вокруг ни единой живой души. В пыли, подняв заднюю лапу, энергично чесался какой-то пес.

— Бывали здесь прежде? — спросил Джеймс.

— Нет, — сказала Ливия, оглядываясь вокруг. — Они его отрыли только лет десять как, при Муссолини.

Сам масштаб города поражал своим размахом. Джеймс не ожидал, что он окажется таким огромным, — настоящий город, начисто уничтоженный горой, высившейся за ним. Форум, большие здания — по-видимому, городские службы, частные дома, выходящие на улицу всего лишь одной дверью, но переходившие в громадные, окруженные колоннами, дворы; план города не слишком отличался от других виденных им итальянских городов: с форумом вместо пьядца^[47] и храмами вместо соборов.

На каждом шагу слепки жителей города. Несмотря на прошествие стольких веков в их облики впечаталось состояние ужаса и отчаяния. Один окаменел, прижимая что-то к лицу, возможно, кусок материи, чтоб легче было дышать. Другой, упершись в стену, лежал, в ожидании смерти, прикрыв голову руками, как будто укрываясь от сыпавшихся с

неба ударов. А еще один пытался заслонить от чего-то свою спутницу, и так и погиб, обвинив ее руками, защищая.

— Eh, signori, — раздался скрипучий голос.

Голос принадлежал очень древнему старцу, как видно, некоему стражу, стоявшему в дверях. Он говорил, еле ворочая языком, но все же сумел донести, что за небольшую плату сможет им обоим показать раскопки. Общество старика Джеймсу вовсе не улыбалось. Он сунул старику несколько лир, сказав, что они предпочитают осмотреть все сами, на что старик ухмыльнулся и махнул им, чтоб следовали за ним.

— Хочет нам что-то показать, — сказала Ливия. — Лучше пойти, а то не отстанет.

Миновали еще один гипсовый слепок — в дверном проеме скорчилась фигура с бесформенным мешком пожитков. Старик крикнул и залопотал что-то странное, косноязычное, указывая на небо. Джеймс уловил слова «небо» и «вернуться домой». И сообразил, что пытался сказать старик: эти люди погибли не во время бегства, а потому что решили вернуться. Должно быть, им показалось, что самое худшее уже позади, но в это время гора внезапно исторгла очередное извержение, более разрушительное, чем прежде. Но не это старик настоятельно хотел им показать. Он заковылял к небольшому домику в проулке.

— Prego, signori, — сказал он, отмыкая висячий замок и многозначительно приглашая их войти. — Di lupanare.

Джеймс испытующе взглянул на Ливию, но она, похоже, была заинтригована не меньше его. Старик как-то странно Джеймсу подмигнул и скрылся. Ливия, взглянув на стены, рассмеялась.

Фрески поблекли, но нетрудно было разглядеть, что на них изображено. С каждой стороны мужчины и женщины совокуплялись десятками разных способов. Женщина сверху, женщина снизу, женщина приставляет к губам мужской член так же привычно, как помаду, женщины возлежат с женщинами, даже группа обеих полов предается некому общему сладострастному удовольствию.

— Это же бордель! — воскликнула Ливия. — Тут, видно, можно было получить все что пожелаешь.

Только теперь до Джеймса дошло — старик решил, что ему сунули денег, чтоб показал им порнографию.

— Гадость какая, — сказал он. — Простите, Ливия.

— Нет, отчего же, — задумчиво произнесла она. — Вот это очень даже любопытно.

Джеймс невольно взглянул, куда смотрела она, и немедленно почувствовал, что краснеет. Ливия снова рассмеялась.

— Если все англичане такие, как вы, — сказала она, беря его под руку, — то англичан скоро вообще не останется.

— Счастлив, что вас развеселил, — надувшись, бросил он.

— По-моему, славное место, — сказала Ливия, когда они пошли к двери. — Здесь тебе ничего не грозит.

— Не грозит, — повторил он. — Вот красота. Жив-здоров, ничего с тобой не случится. Мечта всякого солдата.

— Бывает и случается, — сказала Ливия, внезапно помрачнев.

Она умолкла, погрузившись в какие-то свои мысли, и Джеймс понял, что она вспомнила о погибшем муже.

Покинув Помпеи, они пустились извилистыми дорогами вверх к Фишино. Джеймс невольно засмотрелся на вершину вулкана. Сегодня плюмаж дыма клонился в сторону моря, торча, как перо в громадной чернильнице. Подумалось: возможно, вот так же выглядел этот дым за несколько дней до гибели Помпеи. Наверное, ничто особо не предвещало трагедии, иначе жители не остались бы в городе.

— Вы когда-нибудь задумывались, что это может повториться? — спросил он.

— Конечно.

— И вас это никогда не толкало уехать?

— Нет, — сказала Ливия очень серьезно. — Эта мысль заставляет меня каждый день прожить как новую жизнь. Потому что одна жизнь, прожитая здесь, это десять жизней прожитых где-то еще.

Она крепче обхватила его руками, и на мгновение Джеймс впитал ее мысли. И они, и эта гора, и даже эта война, всё — лишь частица какого-то громадного замысла, какой-то таинственной силы, которая непостижимым образом подвела их обоих к этому мгновению.

Они прибыли в Фишино, Мариза и Нино встретили их радостными криками. С Джеймсом вели себя сдержанней, что он посчитал естественным, но ему показалось, что во взглядах, которые

бросал на него отец Ливии из-под косматых бровей, сквозила подозрительность.

— Отец решил, верно, что вы мой парень, — шепнула Ливия, когда их проводили на кухню осмотреть моццареллу из утреннего молока. — Не волнуйтесь, я ему объясню, что это не так, правда, не стану объяснять, почему. Он у меня такой старомодный.

— Ну, как угодно... — отозвался Джеймс, несколько озадаченный.

Огромный кусок моццареллы, такой свежей и влажной, что, казалось, он все еще весь истекает молоком, был передан Джеймсу на вилке, и все смотрели с выжиданием, пока он его распробует. Он издал восторженное причмокивание — что было естественно: сыр был совершенно изумительный. Однако Ливия отнеслась к сыру более критично и все расспрашивала отца, как обстоят дела с пастбищем. Потом взяла с собой Джеймса поздороваться с Пришиллой. Завидев, кто пришел, буйволица радостно зафыркала, быстро затрусил к калитке и ткнулась громадным черным носом под мышку Ливии, рассчитывая получить сена.

— У нас буйволиц две было, — сказала Ливия, почесывая лоб Пришиллы. — Ей, бедняге, теперь грустно одной.

— А где же вторая?

Ливия взглянула на него, внезапно нахмурившись, и теперь выражение ее лица напомнило Джеймсу недавний взгляд ее отца.

— Ее убили солдаты.

— Какие, немецкие?

Она саркастически усмехнулась:

— Будто союзные прямо ангелы? Нет, немцы, когда были здесь, хоть и наделали немало бед, но не они убили нашу bufale. Это сделали союзные солдаты.

— Когда? Как это случилось?

И Ливия рассказала Джеймсу вкратце историю гибели Пупетты — и то, как солдат союзников навел на них их сосед, имевший на нее зуб, потому что Ливия не ответила на его обхаживания; и то, как у них забрали все, что оставалось съестного в доме, и то, как потом пристрелили Пупетту. К середине своего рассказа Ливии пришлось прерваться, потому что ее душили слезы.

Джеймс испытал непреодолимое желание прижать ее к себе, поцеловать. Это было совсем иное чувство, не похожее на то, что он

испытывал, стремясь ее поцеловать во время воздушного налета. Тогда это было возбуждение, страсть; теперь это был страх за нее, стремление утешить, и на этот раз порыв был гораздо сильнее. Он потянулся к Ливии, обвил рукой, чувствуя, что она теперь явно нуждается в его защите, видя, как она в порыве горя прячет лицо у него на груди, Джеймс прижал ее к себе, обняв по-настоящему, обеими руками. Ливия утерла слезы об его рубашку, приподняла лицо.

— А потом кинули меня в кузов... там лежала Пупетта, мне пришлось отбиваться от этих скотов. А потом их офицер... он...

— Что?

— Их офицер пытался дать моему отцу деньги за меня, — тихо сказала Ливия.

Джеймс выпустил ее из объятий. Это было чудовищно. И хуже всего было то, что он почувствовал невольно свою к этому причастность. Неудивительно, что итальянцы ненавидят своих освободителей, думал он, если те ведут себя подобным образом. То обстоятельство, что именно офицер повел себя так, еще более усугубляло ситуацию.

— Простите, Ливия! — сказал он.

— За что? Вас ведь там не было.

— Мне стыдно за то, что случилось. Более того... я потрясен. Но, послушайте... ведь можно его отыскать! Вы не заметили по нашивкам, какого он полка? Или хотя бы номер грузовика? Я добьюсь, чтобы негодяя отдали под трибунал.

Впервые Ливия видела, как Джеймс возмущен, и, признаться, это ей даже понравилось.

— За что его под трибунал? — отозвалась она. — Это мы нарушили указ, не он. По понятиям военной администрации, мы укрывали продукты, а это считается преступлением. Любой военный может любой женщине сделать такое гнусное предложение, — она покосилась на Джеймса. — Ну, или любому мужчине, все равно.

— Одно дело предлагать деньги проститутке. Но предлагать деньги порядочной девушке...

— В наше время часто никто особой разницы тут не видит...

— Но как же так! — с жаром воскликнул Джеймс.

И тут вновь обожгла мысль, посетившая его, когда Ливия посмеивалась над картинками в *lupanare*, — и даже еще раньше, когда

он впервые прочел книгу «Супружеская жизнь». Все его прежние представления о том, что такое порядочная женщина, пожалуй, выглядят слишком наивно по нынешним временам.

Ливия поцеловала Пришиллу в лоб, обняла ее за массивную шею, попрощалась. Когда они направились обратно к дому, она сказала:

— Вы, Шеймс, не пригласите меня куда-нибудь пообедать?

— Ну, конечно! Я и рассчитывал куда-нибудь завернуть.

— Я бы не попросила, только отец с Маризой захотят, чтоб мы остались и пообедали с ними. Как бы они нас ни убеждали, что у них полно еды, надо отказаться. На самом деле, ничего у них нет — я уже успела пройтись по шкафам. Хочу оставить им деньги, которые у вас заработала, но цены здесь такие, что и на эти деньги мало чего купишь.

Ливия была права: отец и сестра упрашивали их остаться на обед, но Джеймс отказался под предлогом якобы предстоящего совещания, и вместо обеда они согласились выпить по стаканчику отцовского limoncello. Джеймс заметил, с какой тоской Ливия осмотрела все вокруг, прежде чем уехать, и понял, что уезжать ей нелегко. В определенном смысле Неаполь был для нее таким же чужим городом, как и для него. Должно быть, это чудесно, подумал он, испытывать такую привязанность к родному месту, какую он прочел в глазах у Ливии. Ни одно из мест, где он прежде жил, не вызывало в нем такого же теплого чувства. Дом для него было просто обиталищем, куда возвращаешься после учебы.

И вот началось бесконечное итальянское прощание со множеством объятий и грустных заверений в любви. Оно включало также длительный церемониал поцелуев Нино, адресованных Джеймсу. Преодолев первый шок от прикосновения к собственной щеке мужской щетинистой щеки, такого непривычного наждачного ощущения, — неужели и моя щека настолько груба, не может быть! — Джеймс неожиданно для себя почувствовал, что ему приятно это мужское объятие, раскованно-смелое и вместе с тем отечески уютное.

Он завел «Мэтчлесс», Ливия уселась сзади, а Нино с Маризой навесили на ручки мотоцикла холщовые мешки, наполненные моццареллой, плавающей в соку, чтоб сохранила свежесть. Едва они тронулись, жидкость протекла на ноги Джеймсу, а чрезмерный груз,

отягощенный тайно подложенным limoncello, значительно осложнял управление мотоциклом.

Оказавшись на дороге вдоль побережья, Джеймс повернул на юг к Сорренто и Амальфи. С этой стороны склоны Везувия были круты и поросли деревьями, море часто оказывалось на сотни футов внизу, так как дорога вилась среди сплошных скал, то и дело открывая перед путешественниками головокружительные дали. Ноздри заполняли теперь иные ароматы: солено-терпкий запах моря, мешавшийся с душистыми тропическими ароматами цитрусовых рощ, которые на бесконечные мили тянулись по той стороне дороги, что была ближе к морю.

— Я просил двуместный номер с ванной, — весело произнесла Ливия, когда они неслись по дороге.

— Двухместный номер с ванной занят!

На мгновение Джеймсу сладко подумалось, почему бы не заказать двуместный номер в гостинице в Сорренто.

— У меня за коза номеро.

— Заказан номер.

— Я так и сказала.

— У меня заказан номер. Но prenotato una stanza.

— Знаете, Шемс, вы очень непонятно по-нашему говорите. Ужас, как тосканец какой-нибудь.

На приморской дороге близ Сорренто они обнаружили небольшой ресторанчик. Меню не существовало, но хозяин принес на тарелках крохотных рыбок-песчанок, обваленных в жидком тесте, поджаренных и спрыснутых лимонным соком, еще что-то под названием, как сказала Ливия, *posi di mare*,^[48] несколько морских ежей и тарелку устриц. Подцепив одну устрицу, Ливия понюхала ее.

— Не пахнет, — произнесла она одобрительно. — Так определяют, свежие или нет.

Она взяла лимон, поднесенный хозяином, и с видом знатока выжала несколько капель на устрицу, потом подала Джеймсу.

— Ели когда-нибудь устриц, Еймс?

— Не думаю, — сказал он неуверенно, рассматривая сероватый, студенистый комок в капле прозрачной жидкости посреди раковины.

— Если бы ели, так бы не ответили. У нас говорят, раз попробуешь, навек запомнишь, — добавила она вызывающе, — как любовь.

— Признаться, — Джеймс тяжело вздохнул, — у меня и тут опыта маловато.

Она улыбнулась:

— Я знаю.

Джеймс поднял на нее глаза:

— Так заметно?

Он и не подозревал, что его неопытность настолько очевидна.

— Конечно. У женщины на этот счет особое чутье. — Она сосредоточилась на отборе еще одной крупной устрицы для себя. Слегка чокнулась с ним раковинкой, как будто провозглашая тост. — Меня это, признаться, совсем не волнует. Cincin!

— Cincin!

И они одновременно поднесли устриц к губам.

Солоноватая, сладковатая, с рыбным привкусом и алкогольной крепостью, устрица наполнила грудь запахом водорослей, щедро окропив рот морскими брызгами. Он непроизвольно надкусил, и тотчас вскипели и взорвались волной запаха. Не отдавая себе отчета, он проглотил устрицу и испытал уже иное ощущение, уловил иной аромат, когда мягкая бесформенная масса, перевалившись в глубь гортани, оставила после себя прохладный, еле ощутимый привкус морской воды.

Внезапно Джеймс остро ощутил, что теперь все будет не так, как прежде. Ева в своем саду надкусила яблоко. Джеймс проглотил устрицу, сидя в маленьком ресторанчике с видом на Сорренто. Его изголодавшаяся душа налилась под итальянским солнцем, точно спелая инжирина. Он громко рассмеялся. И почувствовал прилив неизбывной благодарности судьбе, поняв, что это лучшие минуты в его жизни.

— Еще одну? — Ливия протянула ему устрицу, взяла одну себе.

На этот раз он смотрел, как она ест свою, — как прикрыла глаза, когда положила в рот устрицу, как напряглись ее щеки, когда надкусила, как отозвалась шея, когда глотала, и как потом медленно она снова открыла глаза, как будто с неохотой пробуждаясь от сладкого сна.

Хозяин ресторанчика принес им вина, светло-золотистого, прохладного. У них было всего по четыре устрицы, и когда те были съедены, они переключились на cecinella.^[49] После мягких бесформенных устриц тут было все наоборот: твердые, ломкие скелетики, вкус у которых сосредотачивался в корочке — хрустящий привкус чеснока и чили полностью растворялся во рту. Морские ежи — было опять-таки нечто иное; соленые и жирные, они имели экзотический вкус. Трудно было поверить, что он думал когда-то, будто морские ежи — средство от воздержания. После им подали не заказанное ими блюдо крохотных осьминогов, тушеных с томатами в вине, смешанном с густой, темной защитной жидкостью кальмаров.

На десерт хозяин подал им два персика. Со сморщенной кожей и местами даже побитые, зато мякоть, когда Джеймс разрезал ее ножом, оказалась неповрежденной, изумительно спелой и удивительно темной, почти черной. Джеймс уж приготовился положить ломтик себе в рот, но Ливия его остановила:

— Не так! Вот как у нас едят персики.

И опустила кусок персика в свое вино, потом поднесла стакан к его губам. Джеймс принял стакан, глотая одновременно с вином и персик. Изумительный, чувственный каскад ощущений: сладкое вино и сладкий персик перекатывались во рту, пока, наконец, он не надавил зубом персик, высвободив его сахарный сок. И снова Джеймс испытал то же, что и с устрицей, — совершенно неведомое ощущение, и оно отозвалось в нем волнующе сексуально, совершенно необычно и неопишимо.

После обеда они продолжили свой путь вдоль побережья, дорога вилась вдоль чистых зеленых вод залива. Стало жарко, солнце вкупе с летящим воздухом жгло кожу.

— Хочу искупаться, — сказала Ливия. — Вон там, по-моему, лучше спуститься к морю, — махнула она рукой.

Джеймс сошел на указанную ею тропинку, сбегавшую через лимонную рощу к каменистому берегу. Завидев их приближение, коза мотнула головой и легко припустила по камням прочь.

Джеймс выключил двигатель. Море перед ними было лиловое, как лавандовое поле, и такое чистое, что можно было разглядеть каждый камешек, каждую ракушку на дне. Если не считать пения цикад и

легкого шуршания воды, нежно лижущей гальку, кругом стояла тишина. «Мэтчлесс» тихонько тикал и поскрипывал, остывая. На мгновение Джеймс испытал острое чувство вины за то, что он тут восторгается этой изумительной красотой, тогда как повсюду на континенте идет война.

— Можно раздеться вон там, — сказала Ливия указывая на скопление больших камней.

Камни находились футах в пятнадцати от воды.

— Идите первой, если хотите, — предложил он. — Я не смотрю.

Но он смотрел. Он не мог удержаться — он услышал шлепанье ее босых пяток, когда она побежала к воде, затем всплеск и визг, и выглянул как раз вовремя, успев разглядеть мелькнувшее полуобнаженное загорелое тело Ливии, которая в одних панталончиках кинулась головой вперед в воду.

Через мгновение она вынырнула, откидывая с глаз мокрые волосы.

— Ну, вы идете? — выкрикнула она.

— Минуту!

Джеймс за камнем, тяжело дыша, выбрался из своей униформы и припустил со всех ног прямо в благодатно ледящую воду.

После они лежали в тени лимонного дерева, глядя на игравшие в ветвях солнечные лучи.

— Отец ест лимоны прямо с дерева, — лениво проговорила Ливия. — Прямо с кожей.

— Разве они не горькие?

— Нет, если нагреются под солнцем. — Она потянулась, сорвала плод, показала: — Это хороший лимон. У нас говорят: чем толще кожа, тем слаще сок. — Решив попробовать, надкусила, кивнула: — Вкусно!

Протянула лимон к его губам. Джеймс удержал ее руку, надкусил лимон. Она оказалась права: лимон был сладкий, как и лимонад.

Она снова откусила сама, сморщилась:

— Косточка!

Выплюнула ее на ладонь. Улыбнулась Джеймсу, и в этот миг все его намерения сдерживаться пошли прахом. Он обхватил руками ее голову и с жадностью прижался губами к ее губам. Рот у нее был сладкий и горький, легкая солоноватость сливалась с резким запахом

лимона. Он почувствовал твердые края ее зубов у себя на языке — как твердые семечки внутри плода, но она отстранилась, вскрикнув:

— Джемус!

— Иди ко мне... — выдохнул он.

И снова поцеловал ее. После краткого замешательства, почувствовал, как она развела губы, отвечая на его поцелуй.

И было много новых ощущений — ее язык, то скользкий и податливый, то твердый, заостренным кончиком пробивающийся сквозь его губы; покатающая округлость ее неба; нежная упругость ее спины, и мускулы шеи, пульсирующие у него под пальцами.

Но вот она высвободилась, взглянула озадаченно:

— Так ты все-таки не фенхель?

— Кто-кто? — изумленно воскликнул он.

— Ну, фенхель. Сам знаешь, *finocchio. Ricchione*.^[50]

— Да что это в самом деле?! — с нарастающим недоумением спросил он.

— По-моему, все-таки нет, — продолжала она. И рассмеялась. — Зачем только мне вздумалось купаться... Я даже и не предполагала...

Он снова ее поцеловал. На сей раз она ответила более жадно, и от счастья он совершенно ошалел.

Она отстранилась снова, взглянула хитро:

— Выходит, это все уловки, ты притворялся, что ты *culattina*?^[51]

— Ливия... Вовсе я не притворялся, что я *culattina*, что бы эта *culattina* ни означала.

— Нет, притворялся, — настаивала она. — Когда устриц ел.

— Я сказал, что не слишком в этом опытен. Откуда это самое... у тебя взялось?

— М-м-да...

До Ливии начало доходить, что, возможно, ее женская интуиция уперлась в перевод с британского английского на итальянский. Но чем больше она об этом задумывалась, тем все слабей и слабей становилось то легкое, но устойчивое чувство неприязни, которое не отпускало ее с момента работы в Палаццо Сатриано, уступая место радостному ощущению, что целоваться с Джеймсом довольно приятно.

Она потянулась, чтоб он еще ее поцеловал, и он тотчас повиновался.

— Целуешься ты совсем не как новичок, — отметила она.

— Схватываю на лету.

Он стал медленно ласкать губами самый кончик ее восхитительного носа, мочки ее ушей, нежные места вокруг глаз, и только после этого вернулся вновь к ее губам.

Вдруг будто что подтолкнуло изнутри, и Джеймс сам прервал очарование этого момента.

— А Эрик?

Она сдвинула брови.

— Что Эрик?

— Ты с ним тоже целовалась?

— Сам едва поцеловал, а уже права предъявляешь?

— Просто хочу знать, на каком я счету.

— Вы мне оба нравитесь, — без затей сказала Ливия. — Я не собиралась с тобой целоваться, но не жалею, что стала. Хотя это ничего не значит.

— Разумеется, не значит, — отозвался он разочарованно.

Попытался снова ее поцеловать, но она увернулась. Он поменял тактику.

— Можно тебя обнять? — спросил он, чувствуя, что она пока не передумала.

— Пожалуйста.

И уютно к нему прижалась. Несколько минут они сидели молча.

— А ты отлично умеешь держать себя в руках, — сказала Ливия наконец. — Это хорошо. Но не думаю, чтоб ты так же отлично понимал женщин.

Уязвленный ее словами, Джеймс обдумывал, как лучше среагировать. Имела ли она в виду, чтоб он больше проявил себя как мужчина, чтоб вел себя активней? Или же она подразумевала обратное — что он утратил все шансы своим чрезмерным высокомерием? А, может, просто хотела дать понять, что он своим вопросом испортил такой замечательный поцелуй?

Поглощенный своими мыслями, Джеймс только сейчас заметил, что никакие вопросы Ливию уже больше не заботят. Она крепко спит.

Когда они подъезжали наконец на мотоцикле к дому, Ливия дремала сзади, прижавшись щекой между его лопаток.

За последним изгибом дороги Джеймсу внезапно снова открылся через залив сияющий в предзакатном свете город и встававшие за ним горы. Ливия восторгалась, увидела, где они, снова скользнула руками, обхватив Джеймса.

— Тебе нравится ниппель, Джемс? — сонно сказала она ему в ухо.

— Мне нара... мне очень нравится Неаполь!

— Эта хорошо. Она так красива.

В тот же вечер Ливия заявила, что для надлежащего приготовления продуктов, привезенных с Везувия, ей необходима дровяная печка. Немного поразмыслив, она сообразила, что Джеймс уже располагает идеальным для этого предметом, и это schedario, серый металлический шкаф для хранения документов.

— В нижний ящик положим дрова, — предложила она. — Тогда средний станет отличной жаркой духовкой, где можно печь пиццу или поджаривать мясо на решетке. Верхний будет не такой жаркий, это для овощей и моццареллы.

— Единственно, чего ты в своей идее не учла, — заметил Джеймс, — это то обстоятельство, что в этом schedario хранится множество archive, документов.

— Но ведь ты можешь переложить документы в какое-нибудь другое место, — сказала она напористо.

Положа руку на сердце, подумал Джеймс, почему бы и нет. В конце концов, обходились же они прекрасно без этого шкафа прежде.

На обед была подана испеченная на древесном огне пицца, приправленная свежими помидорами и моццареллой, политая оливковым маслом и сверху присыпанная солью и базиликом. Никогда в жизни Джеймс не ел такой простой и такой изумительно вкусной пищи. Но когда наконец он лег в постель, уже иной вкус грезился ему, вкус мимолетных поцелуев в лимонной роще над Сорренто.

Глава 30

— Понимаете, — говорил Джеймс, — любовь это не просто чувство. Любовь это состояние. Как будто попал в новую страну, и осознаешь, что в сущности никогда не любил то, что осталось позади. Это как мурашки по коже... трудно объяснить... она улыбнется, и я радуюсь, как ребенок. Стоп... что-то меня не туда понесло, болтаю всякую чепуху.

Девушка, которую звали Аддолората, с улыбкой всплеснула руками:

— Что вы, все точно так! То же самое у меня к Магнусу!

— Счастливчик, выходит, этот Магнус, — сказал Джеймс.

И вдруг понял, что до сих пор не задал Аддолорате ни единого вопроса ни о ее женихе, ни о ее материальном положении. Они так мило беседовали, что отклонить ее прошение ему казалось непостижимым.

— Послушайте, — предложил Джеймс, — мне необходимо написать соответствующий рапорт, но, возможно, вашу проблему несколько облегчит то, что прежде я назову вам правильные ответы на мои вопросы. Скажем, если я спрошу, на какие средства вы живете...

— Дядя высылает мне деньги! — быстро вставила Аддалората.

— ...может ведь случиться, что кое-какие деньги вы украли у одного немца. Видите ли, немцев уже тут нет, проверить нельзя. Родственники же имеют пренеприятную привычку опознаваться.

— Ну да, я и говорю... украла у немца.

— Отлично! — просиял Джеймс. — По-моему, у нас получится совсем неплохо.

Позже, когда он печатал на машинке свой рапорт, Ливия просунула голову в дверь его кабинета.

— Что ты делаешь? — спросила она.

— Готовлюсь к бракосочетанию.

— Кого же ты осчастливил?

— Аддалорату Ориго. Разумеется, жених не я, один капитан из шотландского полка. Я способствую.

— А тебе долго еще, может, пойдём пройдемся? — бросила Ливия небрежно, выставляя шляпку, какой он прежде у нее не замечал. — В это время у нас принято прогуливаться.

Джеймс видел, как по Виа Рома гуляют под ручку молодые пары и понимал, что гуляние такого рода на виду у всех — необходимое проявление ухаживания у итальянцев.

— Ливия, — с тяжелым сердцем произнес он. — Боюсь, что наша прогулка не состоится.

— Если ты сегодня так занят, может, завтра?

— Завтра ничем не лучше, чем сегодня. Как и любой другой день. — Он набрал в грудь побольше воздуха. — Мне ужасно неловко, Ливия. Брачный офицер просто не имеет права открыто ухаживать за итальянской девушкой.

Он увидел, что его слова, точно громом, ее поразили.

— Я должен был раньше тебе сказать, — произнес он виновато.

Тут ее ножка стала угрожающе постукивать.

— Ты что, стыдишься меня? — спросила она в упор.

— Не в том дело. Просто мое положение...

Резко захлопнувшаяся дверь не оставила у него ни малейших сомнений относительно ее взглядов на его положение.

Джеймс вытянул из каретки листок с рапортом, перечитал. Решил, что это полный бред. Вздохнув, скомкал листок, кинул в мусорную корзину и принялся печатать заново.

Он надеялся, что к ужину Ливия остынет, но по брошенному на него колючему взгляду понял: не тот случай. Тарелку она небрежно шмякнула на стол перед ним, и теперь была с ним явно менее обходительна, чем с остальными. Хуже того, после ужина он заметил, что она живо подсела к Эрику, и каждое его слово встречала оживленным смехом. Больше двадцати минут подобного зрелища Джеймс вынести не мог. Он встал, за неимением лучшего пнув со всей силы ножку стола, и отправился спать.

На другое утро он проснулся до рассвета и отправился на рынок. Переходя от прилавка к прилавку, показывал продавцам толстую пачку лир, задавая при этом некие вопросы. Наконец один из них дал понять, что сможет достать Джеймсу искомый предмет. Заставил прождать с

полчаса, после чего человек вернулся с небольшим бумажным пакетиком.

— Вот, — сказал он, протягивая пакетик Джеймсу. — Тут одна восьмая фунта.

Джеймс вскрыл пакетик, чтобы проверить содержимое. Ноздри наполнил аромат — густой, насыщенный, с горчинкой. Десятка два кофейных зерен отсвечивали черным перламутром.

Чуть погодя Джеймс увидел продавца, торговавшего свежеиспеченными sfogliatelle — маленькими булочками с сыром рикотта, лимонными цукатами и корицей, похожими на те, что Ливия подавала к завтраку. Большой пакет с апельсинами и немного свежего козьего молока — и вылазка за покупками была завершена.

Принеся все это в свои апартаменты, он успел как раз накрыть на стол, поставить цветы и фарфоровую посуду, и выжать немного апельсинового сока, когда Ливия, позевывая, появилась из своего обиталища. Тотчас остановилась и с подозрительным видом принялась.

— Не «Нескафе», — сказал он. — Настоящий.

Она удивленно выкатила глаза:

— Кофе? Настоящий?

— Пусть стряпать я не способен, зато приготовить завтрак смогу.

— Ой, Джеймс, это здорово! — Но тут Ливия вспомнила, что на него сердита. — Правда, ты рисковал.

Он взялся готовить кофе. Ливия тотчас встала у него за спиной, щедро сыпля советами, чтобы не позволить ему в его неопытности загубить драгоценные зерна.

— Не волнуйся, — сказал Джеймс. — Я знаю, что делаю.

— Ну да... — отозвалась она. — А чашки подогрел? Обязательно надо подогреть. Ну, как ты мелешь кофе! Не так, надо прямо в порошок стереть! Нет, сперва пусть вода слегка остынет...

И так стремительно выхватила у него из рук кофеварку и кофейные зерна, что он даже и возмутиться не успел.

Она налила им обоим по крошечной чашечке густого черного напитка, и он был так крепок, что не только консистенцией напоминал машинное масло, но даже сверху был подернут маслянистой пленкой. Они оба взялись за sfogliatella и приступили к кофе.

— У меня сегодня все впервые, — прервала наконец молчание Ливия. — Во-первых, в первый раз с начала войны пью настоящий кофе, во-вторых, впервые в жизни готовят для меня. Спасибо тебе, Джеймс!

— Неужели для тебя никто никогда не готовил?

Она покачала головой:

— Я всегда стремилась все делать сама.

— Когда-нибудь, — сказал Джеймс, отхлебывая кофе. Свой, как он отметил, она выпила жадно, в три глотка, — я приготовлю ужин для нас двоих. Только для нас.

Ее взгляд внезапно приклеился ко дну кофейной чашки.

— Значит, ты все-таки не против выйти со мной прогуляться?

— Больше всего на свете мне хочется быть с тобой. И все-таки, Ливия, я хочу, чтобы между нами была ясность. Мне нельзя показываться с тобой публично. Я не могу объявить, что ты моя девушка. Я даже не могу позволить, чтобы другие офицеры узнали о моих чувствах к тебе, потому что, если мой командир об этом узнает, скорее всего, мне придется — мешок на спину и отправляться куда-нибудь в Африку. Я понимаю, выглядит все это довольно неприглядно, но больше мне сказать тебе нечего.

— И, конечно, жениться на мне ты тоже не сможешь, — тихо сказала Ливия.

Джеймс отрицательно покачал головой.

— У нас в деревне — просто скандал, если парень ходит за девушкой, а жениться не хочет. Если б узнал мой отец...

— Война не может длиться бесконечно...

— Она уже четыре года идет. Кто знает, сколько еще до ее конца? — Ливия печально улыбнулась. — А потом кончится война, и ты уедешь домой. К тому времени я тебе уже надоем.

— Ты никогда мне не надоешь!

— Гм-м-м, — протянула она. — Ладно, приму к сведению.

Джеймсу оставалось довольствоваться этим.

Но вместе с тем кулинарные уроки возобновились. Джеймс по собственной инициативе сходил на рынок и купил кухонные весы, чем весьма рассмешил Ливию. С этого момента, следя за тем, как она готовит, он постоянно спрашивал, сколько каких продуктов она при этом берет.

— Сколько баклажан нужно на человека?

Недоуменный жест.

— Один-два. Смотря какой.

— Смотря какой баклажан?

Она выкатила на него глаза.

— Нет, ты что! Смотря какой человек.

— Как долго ты их тушишь?

Аналогичный жест.

— Пока не сготовятся.

— Ладно, сколько нужно крошеного хлеба?

— Столько, чтоб приняли баклажаны.

— Ливия, — сказал Джеймс, потеряв терпение, — как же ты собираешься научить меня готовить, если не желаешь говорить, сколько чего надо?

— Но я *понятия не имею*, сколько надо!

— Ведь должна же ты хотя бы иногда что-то взвешивать?

— Мне это как-то ни к чему, да и у матери весов не было.

Джеймс попробовал зайти с другой стороны:

— Предположим, кто-то дает тебе какой-то рецепт, разве тебе не придется в точности делать так, как там написано?

Ливия презрительно рассмеялась:

— Если кто-то готов выдать готовый рецепт, значит это какая-нибудь халтура!

В одном из многочисленных книжных магазинчиков на Виа Маддалони Джеймс раздобыл старую кулинарную книгу и принес показать Ливии.

— Вот смотри! — победоносно сказал он. — Рецепты. Самые настоящие.

Ливия с сосредоточенным видом полистала книгу и припечатала:

— Полная чушь.

— Откуда ты знаешь, ты ведь даже не попробовала?

— И по количеству не то. А иногда и не в том порядке готовится.

— Да откуда тебе знать, если ты мне не можешь сказать, сколько чего нужно?

Она пожала плечами.

— Я просто готовлю, и все.

Джеймс вздохнул.

— Вот что, — сказал он, — в следующий раз, когда будешь стряпать, взвешивай, пожалуйста, на весах, сколько чего кладешь, и записывай все, как делается в этой книге. Ладно? Тогда я смогу в точности за тобой повторять.

— Ну, если так надо...

После того, как Ливия приготовила *melanzane farcite*, он обнаружил запись на обороте армейского информационного бюллетеня. Бумага была сплошь заляпана маслом и луком и содержала следующее:

Баклажаны — несколько
Помидоры — вдвое больше баклажан
Масло — *q b*
Лук — 1 или больше, смотря какой
Миндаль — *q b*
Крошенный хлеб — *q b*

— Что это? — спросил Джеймс.

Она сделала удивленные глаза:

— Рецепт, как ты просил.

— Это список, Ливия!

— Какая разница?

— Хорошо, что значит это «*q b*»?

— *Quanto basta*. Сколько пойдет.

Джеймс сдался, и на другой день весы из кухни исчезли.

Излюбленным методом ее обучения было делиться с ним кухонными афоризмами своей матери. Ливия с радостью Джеймсу их поверяла. Например: *quattr' omini ci vonnu pre fari 'na bona 'nzalata: un razzu, un saviu, un avaru, e un sfragaru* — готовить салат должны четверо: псих, умник, скряга и мот.

— И что это значит? — озадачено спрашивал Джеймс.

— Значит, что мешать салат должен псих — вот так! — И ее пальцы принимались бешено тасовать все составляющие. — А умник должен точно знать, сколько надо соли — щепотку. Скряга — тот отвечает за уксус. — Она капнула всего пару капелек. — Ну, а для

оливкового масла — тут нужен мот, потому что хорошее масло никогда нельзя экономить.

Еще Джеймс узнал, что *sparaci e funci svrigógnanu socu*, спаржа и грибы приучают стряпуху к умеренности; что надо чтить *latti di srapa, ricotta di pecura e tumazzu di vacca*, молоко от козы, рикотту от овцы и сыр от коровы; и что *cci voli sorti, cci voli fortuna sinu a lu stissu frijiri l'ova*, приготовить простую яичницу это и счастье, и удача. Кое-что представлялось вполне разумным, кое-что нет, но ради удовольствия быть с Ливией он все терпел.

Наблюдались и более загадочные явления во время ее кулинарных уроков. Когда Джеймс спросил, для чего Ливия опускает пробку в кастрюлю, где варятся разные морепродукты, она буркнула что-то невнятное, он сразу не уловил, что именно. При дальнейших расспросах выяснилось, что пробка охраняет от *malocchio*, от сглаза. Еще: есть огурцы в августе или дыни в октябре считалось дурной приметой и могло вызвать лихорадку. Пролить вино — добрая примета, но осколки разбитого зеркала надо тщательно собрать и подставить под струю воды. Однажды он застал ее за подсчитыванием зернышек лимона: на вопрос, что она делает, Ливия сказала, что это она считает, сколько у нее будет детей. Нож с вилкой, лежащие крест на крест на пустой тарелке, повергали ее в ужас, а покупая лотерейный билет у горбуна, который обходил городские сады с громадным щитом трепещущих билетиков за спиной, она погладила его горб на счастье. Однако во вторник или в пятницу Ливия никогда не покупала билетик и ничего связанного с удачей не предпринимала, так как общеизвестно, что в эти дни недели *ne di venere ne di marte non si sposa ne si parte!* — нельзя жениться, отправляться в дорогу или начинать новое дело!

Все это было смешно, но ведь, замечал Джеймс себе, и он сам не осмеливался выбросить кусочек мощей, который сунул ему священник в соборе.

Ему хотелось подробней разузнать о ее муже; он, тщательно выбирая подходящий момент, дождался, когда после ужина все офицеры займутся своей любимой игрой *scura*.

— Я понимаю, Энцо мне не заменить никогда, — начал он. — Обещаю, что даже не буду пытаться.

— Звучит как-то странно, — сказала Ливия задумчиво. — Что значит «заменить», как будто одного мужчину можно заменить другим,

как сменить лампочку. По-моему, люди скорее на кулинарные рецепты похожи.

— Ливия, — сказал озадаченный Джеймс, — честно, ей-богу, я хочу понять, о чем ты. Но я не понимаю!

Она удивилась: ей казалось, все и так ясно.

— Когда ты меняешь лампочку, тебе, понятно, для замены требуется точно такая. С рецептами иначе. Помнишь, мы ходили на рынок и выбрали тогда рыбу-саблю? Ну вот, а в другой день я, возможно, выбрала бы не ее, а тунца. Но из той и из другой рыбы получаются разные блюда, куда входят разные продукты. В рецепте для тунца нельзя заменить его на рыбу-саблю. И наоборот. Значит, если у тебя рыба-сабля, тебе нужен и другой рецепт. И то хорошо, и это; но по-разному.

— Выходит, Энцо — тунец? — спросил Джеймс, пытаюсь разобраться.

— Нет, Энцо — рыба-сабля. Это ты тунец.

— Ах, так! — воскликнул Джеймс несколько разочарованный. — Может, лучше я — рыба-сабля? Тунца я терпеть не могу.

Ливия рассмеялась:

— Иногда ты немножечко на Энцо похож! Он бы тоже не стерпел, если б его назвали тунцом. Он был такой славный. — При воспоминании об Энцо слезы так и брызнули у нее из глаз. — Правда, немного самовлюбленный и не такой умный, как ты...

Джеймс ничего не сказал, просто обвинил Ливию рукой: дал ей выплакаться.

— Спасибо тебе, — сказала она чуть погодя, утирая слезы рукавом. — Видишь, я же сказала, что ты умный. Дал мне поплакать, а Энцо всегда злился, если я о ком-нибудь плакала.

На рынке Ливия показала Джеймсу, как выбирать оливковое масло.

— Есть *extra vergine*, *sopraffino vergine*, *fino vergine vergine*, [\[52\]](#) — объяснила она.

— А экстра чистое — отличное?

— Ну да. Чем девственной, тем лучше. — Он уловил чуть заметный вызов. — Слаще. И еще говорят, что масло самого первого отжима слаще всего.

Иногда, когда они вместе готовили, он ее целовал, и поцелуи впитывали запахи ее хлопотливых рук, — душистый холодок мяты или медленно наплывавшую теплоту орегано. И хотя Джеймс был убежден, что эти ласки ей приятны, рано или поздно Ливия все-таки его отталкивала.

— В воде рыбу не жарят, — говорила она загадочно, — или: *'Lu cunzatu quantu basta, schiù si conza, schiù si guasta* — Не увлекайся приправой — будет перебор.

Глава 31

— Как вам известно, — сказал майор Хеткот, — инициативы дестабилизации закрепления немцев в северной Италии входят в обязанности управления диверсионными подразделениями.

Джеймс кивнул. Он по-прежнему не вполне понимал, зачем его вызвал командир, правда, впервые успокаивало то, что, хотя бы не затем, чтобы отсюда выдворить.

— И, как вам также известно, — с расстановкой произнес майор, — при том, что пенициллина у нас крайне мало, распространение сифилиса становится для наших медиков непреодолимой проблемой. Немцы же, напротив, судя по всему, этой проблемы в таких масштабах не имеют.

Джеймс снова кивнул.

— Диверсионное управление разработало некий план. — Майор вздохнул. — По сценарию — убить двух зайцев. Идея состоит в том, чтобы мы собрали зараженных сифилисом женщин и переправили бы их морем на север за линию фронта. Где, надо полагать, они станут распространять эту заразу среди немецких, а не наших, солдат. Примерно что-то подобное уже предпринималось во Франции.

Джеймс не верил своим ушам. Даже для известных своим цинизмом диверсионных служб, это было слишком.

— Но ведь это же, как сказать... безнравственно! Использовать гражданское население, чтобы оно делало за нас нашу работу. И потом... ведь речь идет... о больных женщинах!

— Ай, да бросьте вы! — раздраженно вскинулся майор. — По-вашему, нравственно зажигательными бомбами сметать города с лица земли? Наводнять страны противника порнографией и черной пропагандой? Идет всеобщая война, Гулд. Поэтому для нас любые средства хороши.

Джеймс смолчал.

— Ну да, наверно, это безнравственно, — пробормотал майор. — Мне лично подобное чертовски не по нутру. Но идея одобрена на самом высшем уровне. Ваша задача организовать задержание искомого женского контингента, только и всего.

— *Rastrellamenti*, — сказал Джеймс.

— Что-что?

— Так итальянцы называли немецкие мобилизационные команды: *rastrellamenti*. Они, вероятно, и не ожидают, что их освободители ничем не лучше немцев. — Тут новая мысль кольнула Джеймса: — Отыскав таких девушек, мы, судя по всему, никакой медицинской помощи оказывать им не будем?

— Иначе это погубит весь замысел.

— Даже если те попросят?

Майор колебался с ответом. Отказ в оказании медицинской помощи являлся нарушением Женевской конвенции.

— Ну... будем надеяться, что не попросят. К тому же формально они ведь не участвуют в военных действиях.

— И каким же образом производить отбор?

— Полагаю, из числа тех, кто по документам уличен в проституции.

— Но это значит, в список попадут и невесты некоторых наших солдат. Женщины, не вышедшие за них замуж только потому, что мы не желаем им это позволить.

— Едва ли можно делать поблажки тем, кого уже признали недостойными стать женами наших военнослужащих, — заметил майор. — Послушайте, Гулд, по-моему, вы за частностями не способны разглядеть главного.

— Только разглядев частности, — парировал Джеймс, — можно осознать весь кошмар этого замысла.

Майор кинул на него колючий взгляд.

— Надеюсь, это не означает, что вы отказываетесь выполнять приказ?

— Нет, сэр.

— Рад слышать. — И майор махнул Джеймсу рукой: — Свободен!

Они сидели на крыше Палаццо Сатриано среди нагромождения труб и порушенной красной черепицы. Солнце садилось над заливом. Ливия ошипывала голубя. У Джеймса на колене примостился ручной пулемет. Время от времени, когда новая партия голубей садилась на крышу, он пускал по ним пару очередей. Если везло, новая птица добавлялась к вороху, лежавшему у ног Ливии.

— Я би хотель сидети передни ряда, — старательно выговорила Ливия.

Джеймс пробормотал что-то нечленораздельное.

— Ви не могли би сказати, када пиририв? — И уже по-итальянски спросила: — Что с тобой, Джакомо?

— Ничего.

— Знаешь, — сказала она, — наверно, английский — очень трудный язык. Потому что англичане почти все время стараются молчать.

— Извини, — сказал он. — Трудный день.

Ливия фыркнула.

— Я попал в сложное положение.

— Я тоже, — с нажимом сказала она. — То ты меня целуешь, а через минуту даже говорить со мной не хочешь. Честное слово, очень неприятно.

Он вздохнул:

— Иногда в моей работе... случается такое, что душу воротит.

Ливия отложила голубя, над которым трудилась:

— Что такое, расскажи!

Она выслушала его рассказ молча до самого конца.

— Самые последние опрошенные меня не тревожат, — сказал Джеймс в завершение. — Им я дал разрешение на брак. Хуже дело с более ранними, когда я только прибыл в Неаполь. Любая из тех девушек рискует попасть в список.

— Так ведь ясно же, что надо делать!

— В самом деле?

— Ты должен сделать все, чтоб этих девушек не забрали.

— Послушай, Ливия, но облавы могут происходить и без моего участия.

— Но ведь тебя же спросят, проститутка девушка, которую они поймали, или нет. Придется тебе соврать.

— Но чаще всего по документам видно, что они проститутки. В частности, и по моим. Выходит, и я виновник всего этого бесчинства.

— Документы могут исчезнуть.

— Девушек все равно будут спрашивать, на какие средства они живут. Истину выяснить не составит труда.

— Надо тебе поговорить с Анджело, — решительно сказала Ливия. — Он наверняка подскажет, как поступить.

— С Анджело?

— Он метрдотель в «Зи Терезе».

— Какое он к этому может иметь отношение?

— Джимс, — сказала Ливия, — как ты думаешь, кто дал мне эту работу?

— Разве не я?

— Ты взял меня на работу, — поправила она. — Это совсем другое дело. Я не должна была бы этого тебе говорить, но это Анджело устроил так, чтоб больше претенденток не было. Это Анджело следит, чтоб продуктов у нас всегда было вдоволь. Это Анджело достает все, что я не могу купить на рынке.

— С чего это Анджело так заинтересовался тем, что я ем?

— Мне кажется, — уклончиво сказала Ливия, — как только ты приехал в Неаполь, он сразу заметил, что ты неважно питаешься. А что мужчина, который плоховато питается, и работу свою выполняет средне, это все знают. В последнее время ты явно стал гораздо... э-э-э... толковее во всем разбираться.

— Понял.

— Ну вот, теперь ты рассердился.

— Нет, — сказал Джеймс.

Он и в самом деле не успел рассердиться. Перед ним вдруг забрезжила возможность выхода из этой гнусной ситуации. Ливия права. Не исключено, Анджело как раз тот человек, с которым стоит поговорить.

— Я побеседую с ним, — твердо сказал Джеймс.

Крыша под ними мелко затряслась. Здание задрожало всеми дверьми и окнами, как бывает, когда по улице громыхает тяжелый грузовик или танк. Тряска нарастала, пройдя сквозь них, и затем отхлынула, как береговая волна.

— Землетрясение, — тихо сказал Джеймс.

— Лето пришло, — отозвалась Ливия. — У нас начинает трясти, когда жарко.

— Знать бы, как поступить...

— Что бы ты ни надумал, — сказала она, — это будет правильное решение.

Джеймс поднимался в гору к самому темному ресторану. Объявление, оповещавшее о закрытии, все еще белело на окне,

занавешенном плотными темными шторами. Джеймс обошел дом и постучал в кухонную дверь.

Ему открыл Анджело с еле заметной улыбкой:

— Синьор Гульд!

Джеймсу показались, что его ждали.

— Капитан Гулд! — поправил он.

Анджело поклонился.

— Как прикажете. Не пропустите со мной стаканчик вина?

— С удовольствием, Анджело!

Они сели напротив друг друга в пустом баре, между ними стояла бутылка «Брунелло».

— Последняя из довоенных запасов, — сказал Анджело, разливая вино. — Хранил для особого случая.

— Это особый?

— О, мне кажется, да!

Анджело поднес свой стакан к свету. Вино было почти коричневое, он чуть взболтнул стакан рукой, оно омыло бока стакана. Поднес к носу и глубоко вдохнул.

— Вино этого урожая зовут «женским», — сказал он. — Когда в 1918 году собирали виноград, все мужчины погибли на Первой мировой. Вот женщины сами урожай и убирали. В тот год и полив был не тот, и обрезали кое-как, и ничем от вредителей не посыпали. Но иногда винограду для созревания и помяться надо. В тот год «Брунелло» выдался отличный как никогда. — Он легонько приставил свой стакан к стакану Джеймса. — За мир!

— За мир!

Выпили.

— Итак? К вашим услугам.

— Мне кажется, я смогу убедить свое начальство вновь открыть рестораны.

Анджело выгнул бровь.

— Было бы отлично.

— Думаю, мне это особого труда не составит. Поставки продовольствия теперь не так уж скудны, и мне поверят, если я скажу, что теперь угрозы как для населения, так и для безопасности уже нет.

Анджело кивнул.

— Но, разумеется, вы хотите что-то взамен?

— Да, есть два момента.

— Какие же?

— Во-первых, я хочу, чтоб вы поспособствовали, чтоб каждый ресторан нанял хотя бы одну девушку. А такие крупные, как ваш, могут себе позволить взять хоть дюжину. Девушки могли бы работать официантками, поварихами, метрдотелями, кем угодно.

С минуту Анджело обдумывал предложение, потом произнес:

— Идея отличная. Девушки получают работу, и когда начнутся *rastrellamenti*, смогут доказать, что у них есть средства к существованию. — Он поймал взгляд Джеймса. — В Неаполе новости быстро доходят, — сказал он смущенно. — Значит ли это, что девушки, которые помолвлены с солдатами, смогут выйти замуж?

— Не вижу причин для отказа. Сами посудите, репутацию работающей в «Зи Терезе» девушки никто не сочтет сомнительной.

— А документы? Те рапорты, в которых они уже признаны гулящими?

— Я думаю, вы помните, — сказал Джеймс, — что пару недель назад был немецкий авианалет. Он нанес громадный ущерб моему помещению. Увы, многие документы полностью уничтожены.

— Ага, — сказал Анджело. Он поднял стакан. — А вы, я вижу, *furbo*, ^[53] друг мой, — с восхищением произнес он. — Вы сделали настоящим неаполитанцем.

— Оказывайте предпочтение тем девушкам, у которых уже есть жених. У нас имеется задолженность по бракам, которую необходимо ликвидировать. В одном надо проявлять решимость — едва девушка выходит замуж, она должна оставить свою работу в пользу очередной соискательницы. Сам я найму Джину Тесалли, она ждет ребенка. Будет помогать Ливии по кухне.

При упоминании имени Ливии, Анджело улыбнулся:

— Словом, у себя вы оставляете все как есть? Я всегда могу вернуть Маллони на прежнее место, если угодно.

— Не угодно, — сухо сказал Джеймс. — Миссис Пертини останется у меня.

Анджело согласно кивнул.

— И что же второе?

— Мне надо знать, где Дзагарелла держит свой краденый пенициллин.

Анджело чуть не поперхнулся.

— Друг мой, это чрезвычайно опасное дело. Почему бы вам не оставить Дзагареллу в покое?

— Он меня прижучил. Теперь моя очередь.

— Не знаю, смогу ли я вам помочь, — качая головой, сказал Анджело.

— Почему нет? В вашем ресторане, Анджело, вы потчуете не только офицеров союзных армий. *Samorristi* к вам также навевываются.

— Все гораздо сложнее, гораздо запутанней, чем вам кажется, — отозвался Анджело.

— В каком смысле?

Несмотря на то, что в ресторане они были одни, Анджело осмотрелся по сторонам, прежде чем ответить:

— В смысле товаров, украденных у союзников. Ваш предшественник Джексон считал, что американцы просто не умеют работать, потому и не положат этому конец. — Джеймс кивнул. — Но если я хоть что-то за последний год понял, так это то, что ваших друзей американцев можно обвинять в чем угодно, только не в неумении работать.

— Что вы имеете в виду?

— Предположим, вы американец и вам нужно, чтобы мафия оказала вам некую услугу — крупную, политического свойства. Каким образом вы ее к этому склоните? — Сжав пальцы в кулак, Анджело повертел им: это был старый неаполитанский жест, обличавший коррупцию. — Возможно, откроете им свои запасы и скажете: «Пользуйтесь!»?

— Но что может быть нужно американцам от мафии?

— Не знаю. Знаю только, что есть некий план.

Джеймс вспомнил про документ, найденный у американцев. Там тоже намекалось на существование некоего плана. Какого?

— Вы считаете, что дело, возможно, имеет политическую подоплеку, — кивнул он. — В таком случае, нас в данный момент это волновать не должно. Они же не станут раскрывать себя ради спасения Дзагареллы, тем более, если против него появятся веские доказательства.

Анджело что-то прикидывал про себя. Потом сказал:

— Потребуется деньги. Большие деньги.

— Это мы организуем.

— И никаких квитанций, — предупредил Анджело. — Народ, которому я должен буду платить, не захочет оставлять никаких следов своего участия.

— Отлично. Только мне нужен лично Дзагарелла. Не какая-нибудь шестерка.

— Понимаю. Я подумаю, что можно сделать.

На другой день Джеймсу пришлось вести допрос людей, обвиняемых в убийстве бывшего партизана в горах над Касертой — небольшого городка севернее Неаполя.

Полицейский участок он отыскал без особого труда; местный комиссар полиции рассказал, что именно произошло. Этот партизан был хуже бандита, грабил немцев точно так же, как до того грабил итальянское правительство, и преуспел еще больше, когда союзники предложили в помощь партизанам сбрасывать с самолетов оружие и взрывчатку. Этот бандит после своих налетов мог надежно скрываться в горах, в отличие от жителей городка, которые теперь стали для немцев объектом все возрастающих репрессий.

Однажды немцы объявили, что если хоть один немецкий солдат будет убит во время партизанского налета, они в отместку расстреляют десять мирных жителей. Угроза вовсе не остановила этого бандита, несмотря на личные призывы местного мэра и священника. Так как теперь он располагал огромным арсеналом оружия и обширной компанией кровожадных дружков, которым, как и ему, не терпелось пустить оружие в ход, очень скоро бандит напал на немецкий продовольственный конвой, пристрелив в результате четырех немцев. И верные данному слову немцы собрали сорок городских жителей — мужчин, женщин и детей, в основном именно детей, так как большинство мужчин они уже забрали на работу в трудовые лагеря, — выстроили их у стены церкви и расстреляли. Во время похорон матери целовали кровавые раны на трупах своих детей, слизывая кровь: это было открытым призывом к кровной мести и означало, что каждый мужчина рода, хотя бы через несколько поколений, должен быть готов осуществить возмездие.

Расплата не заставила себя долго ждать. Бандит зарвался и в один прекрасный момент обнаружил, что с высадкой союзников оружия у него поубавилось. Между тем с севера из лагерей для военнопленных стали возвращаться братья, дядья и отцы расстрелянных жертв. Этим мужчинам, многие из которых устали воевать, теперь выпало прикончить бандита, что они и сделали, и потому были арестованы.

Джеймс допросил их, они полностью подтвердили рассказ полицейского. Казалось, они смирились с судьбой, которая готовила им пожизненное заключение в тюрьме «Подджо Реале», где было едва ли уютней, чем в военном лагере, из которого они только что вышли. Джеймс опросил также и священника, который показал ему изрешеченную пулями стену, возле которой была совершена расправа.

— Могу я спросить вас, святой отец, — сказал Джеймс, — как бы вы поступили, если б эти люди признались вам на исповеди в своем преступлении?

Священник подумал, прежде чем ответить:

— Я бы, наверное, сказал им, что они совершили страшный грех, но если они искренне покаются, Господь может им этот грех простить.

— А какое бы вы присудили им наказание?

— Я бы направил их помогать отстраивать заново дома и фермы, разрушенные войной.

И Джеймс подумал, что, наверно, такое наказание принесло бы больше пользы, чем любое, вынесенное судом.

— И они подчинились бы?

— Ну конечно! Здесь жить во грехе считается позором.

Джеймс, погруженный в размышления, возвращался в полицейское управление.

— Ну что? — спросил его комиссар. — Сейчас их заберете или вышлете грузовик?

— Ни то и ни другое, — сказал Джеймс. — Незачем попусту тратить время. Я возвращаюсь в Неаполь и там уничтожу все бумаги.

Комиссар удивленно взглянул на него.

— Ведь это крайне рискованно!

— Возможно, но пока разберутся, что к чему, война уже закончится, и меня уже здесь не будет.

Глаза комиссара понимающе сверкнули.

— Боюсь, сэр, городок наш не так богат. Мы не сможем выразить вам свою признательность в той мере, в какой вы, вероятно, ожидаете.

— Я ничего не ожидаю, — начал было Джеймс, но поправился: — А сколько вы можете себе позволить?

— Гм... э-э-э..., — тянул комиссар, не спуская глаз с лица Джеймса. Наконец выпалил: — Восемьсот лир!

— Идет!

Этот ответ, пожалуй, изумил комиссара еще больше, чем решение не предавать преступников суду.

— Вы серьезно? Вас устроят восемьсот лир?

— Да, если вы выдадите их мне немедленно.

— Я попрошу священника. Он сможет выделить из церковных денег.

Комиссар опрометью вскочил и чуть не кувырнулся через голову в стремлении поскорей завершить сделку. Чуть погодя он возвратился со священником, который молча вручил Джеймсу восемьсот лир.

— Они пойдут на благое дело, — сказал Джеймс, сворачивая банкноты и пряча их в карман.

— Конечно, конечно! — сказал комиссар, явно не веря его словам.

Но священник кивнул:

— Я рад это слышать. И даже если не пойдут, в Касерте уже совершено одно благое дело. Спасибо вам!

Вернувшись к себе в управление, Джеймс стал рыться в буфете, пока не отыскал старую жестянку из-под печенья, унаследованную от своего предшественника. Карло и Энрико ошалело выпучились на него. Вытянув из коробки карандаши, Джеймс молча положил туда восемьсот лир, затем аккуратно поставил в буфет на прежнее место.

Вечером, снова взявшись за коробку для проверки, Джеймс обнаружил, что сумма пополнилась до девятисот пятидесяти лир. Карло и Энрико восприняли его жест как сигнал к действию.

Хотя ущерб, нанесенный авианалетом, теперь был устранен, двор все еще почему-то оставался местом общей трапезы. У американцев хватило мозгов не отказываться от услуг Ливии, и Джеймс постепенно начал осознавать пользу от оказанной им любезности. Ко всему он мог подслушивать кое-какие разговоры американцев. Хотя ничего нового насчет сделок с мафией он не узнал, но ухватил из сплетен несколько

полезных тем. Однако так продлилось всего два дня. Вечером, когда он уплетал тарелку с приготовленными Ливией спагетти, к нему за стол подсел Эрик.

— Или я ошибаюсь, Джеймс, или ты все-таки стал меня избегать, — сказал он. — Что за дела?

Джеймс изобразил нечто неопределенное, помахав рукой в воздухе. К счастью, рот у него был занят спагетти, да и в любом случае в такой ситуации удобней обойтись жестом.

— Смотри-ка, ты уж и руками машешь, как итальянец, — благодушно произнес Эрик. — У вас, у англичан, так руками не машут.

Джеймс прожевал свои спагетти.

— Ну, махнул, что из этого?

— На здоровье. Кстати, я слышал, ты снова собираешься прижать Дзагареллу.

— Кто тебе сказал?

— Значит, это правда?

— Раз твои источники утверждают, — сказал Джеймс, мастерски наматывая на вилку ком спагетти, — значит, так оно и есть.

— Ну-у, Джеймс... — с деланным разочарованием протянул Эрик. — Зачем же темнить? Что, снова будем его арестовывать? Только на сей раз, по-моему, чтоб не выглядеть полными идиотами, нам нужны железные доказательства.

— Вообще-то, — небрежно бросил Джеймс, — я рассчитывал сам заняться этим делом. Ни к чему привлекать столько народу, как в прошлый раз.

— Но в прошлый раз, — заметил Эрик, — мы действовали вместе, хотя пока его не прижучили. — Внезапно его как будто осенило: — Не хочешь же ты сказать, что наша контрразведка имеет отношение к тому, что его выпустили?

— Что ты, как такое может в голову прийти!

— Но ты так думаешь!

Не зная, что ответить, Джеймс смолчал.

— Если б мы не были союзниками, я бы оскорбился, — продолжал Эрик. — Похоже, ты уцепился за нелепую утку, будто мы каким-то образом связаны с мафией?

— Я мало интересуюсь сплетнями.

— Джеймс, мы оба офицеры контрразведки. Сплетни наш хлеб. Но эта, уверяю тебя, имеет под собой еще меньше оснований, чем вся прочая чушь, которая здесь в ходу.

Вышла Ливия с очередным блюдом пасты. Джеймс невольно проследил за ней взглядом. Заметив это, Эрик сказал:

— Кстати о сплетнях. Тут поговаривают всякое насчет миссис Пертини.

— Что именно?

— Будто вас с ней видят вдвоем. — Эрик весело хохотнул. — Честно сказать, меня это несколько удивило. Ты же сам уверял, что у тебя дома в Англии есть девушка.

Джеймс не нашелся что ответить.

— Я сразу даже не поверил, — не унимался Эрик. — Я тоже не большой любитель сплетен, но Ливия сама вмиг подтвердила. Тогда, выходит, ты врешь либо ей, либо мне.

— Прости.

— Тут-то я и понял, что при всем твоим британском благочестии, на самом деле ты куда двуличнее, чем кажешься. По-моему, Джеймс, мы тебя недооценили.

— Кто это «мы»?

— Надеюсь, тебя обрадует, если я скажу, что так о тебе думаю только я, — продолжал Эрик, игнорируя вопрос. — Для всей прочей нашей контрразведки ты по-прежнему обычный британец, составляющий рапорты по брачным делам.

— Счастлив слышать. Соответствует действительности.

— Сильно советую тебе, Джеймс, — тихо сказал Эрик, — делиться тем, что имеешь, с друзьями и союзниками.

— Мерзавец! — взорвался Джеймс. — Глаза у него налились кровью, он вскочил, сжимая кулаки. — Ливия не шлюха!

Эрик тоже вскинул кулаки.

— Ничего подобного я не говорил!

— Ты сказал, чтоб делиться...

— Я имел в виду сведения, ты, жалкий британский обормот!

— Кто это обормот?

— А что? — презрительно фыркнул Эрик. — Разве есть другие претенденты?

Джеймс понятия не имел, что означает «обормот», но дело было не в этом.

— Извинись! — рявкнул он.

Они грозно ходили друг за дружкой по кругу, сжав кулаки. Некоторые из присутствовавших офицеров заулюлюкали, подзуживая и предвкушая любопытное зрелище. Первым ударил Джеймс, потом Эрик, и вот они уже кулаками дубасили друг дружку.

— Прекратите! — выкрикнула Ливия, выбегая из кухни. — Прекратите, вы оба! Прямо как дети малые!

Они остановились пристыженные. Физиономии обоих были в крови, но, кто пострадал сильнее, сказать было трудно.

— Говорят, в любви и на войне все средства хороши, — сказал Эрик, трогая рассеченную губу. — На поверку получается все наоборот. Учти это, Джеймс!

Глава 32

Иногда Ливия замечала, что сравнивает Джеймса с Энцо, и каждый раз удивлялась себе, как можно любить двоих и притом совершенно по-разному.

Ее любовь к Энцо была, как *com' un chiodo fisso in testa*, «как гвоздь в голову». Но, если оглянуться назад, это была девчоночья безоглядная страсть; и хоть Ливия горевала по погибшему мужу, но, как оказалось, уже без особой боли мирилась с тем, что его уже нет. Иногда она спрашивала себя с некоторым чувством вины, какие бы чувства она испытывала к мужу, если бы не война, если бы они жили мирно, и она рожала бы детей, не всегда ладя с его родными. Любила ли она его так же, как в первую брачную ночь, или, подобно большинству других женщин, вздыхая над бесконечной стиркой, все повторяла бы присказку:

*Tempo, marito e figli,
vengono come li pigli.*

Погоду, сыновей, мужей
Терпи и сетовать не смей.

Чувства Ливии к Джеймсу были совсем иными. Скажем, ей нравилось, что он добрый, даже если при этом он мог быть слишком правильным, даже немножко высокомерным. Она тайно радовалась, если ей удавалось вывести его из себя, так забавно было видеть, как краснеет от злости его лицо. Ну, а что касается его дурацкой зависимости от всяких правил и предписаний, что ж, очень скоро он смог убедиться, что с ней этот номер не пройдет. Честность, порядочность, доброта, сострадание... Ливия и не подозревала, что эти качества могут ее привлечь в мужчине. Но после четырех лет войны, она вдруг обнаружила, что на самом деле эти качества очень редки.

И еще было одно различие между ее чувствами к Джеймсу и к Энцо. Ливия, когда впервые увидела Энцо, была неопытной девчонкой, еще и понятия не имевшей о сладости плотской любви.

Четыре года она намеренно не вспоминала об их любовных утехах. Теперь поцелуи Джеймса всколыхнули воспоминания и желания, которые она давно в себе похоронила. Женщина не должна допускать подобных чувств, как не должна ожидать, что вновь испытает прежнее блаженство до тех пор, пока не будет помолвлена или не выйдет замуж. Но Ливия понимала, что война изменила все это, как изменила и многое другое. И именно Ливии предстояло решить, как далеко должны зайти их отношения с Джеймсом. Подобный выбор прежде выпадал немногим женщинам ее круга, и у нее захватывало дух при мысли, какая головокружительная свобода открывается перед ней.

И все же это решение не хотелось принимать не обдумав. Кроме всего прочего, ей уже пришлось оплакивать гибель мужа. Чем сильнее она позволит себе привязаться к Джеймсу, тем больней будет потом, когда придется встать перед иным выбором.

Но, как Ливия с горечью признавалась себе, иногда вопрос вовсе не в том, позволять или не позволять себе то или иное чувство. Порой сердце само принимает решение, и остается лишь решать, будешь ты или нет ему следовать.

Джеймс обнаружил на рынке клубнику, которой не видал с самого начала войны. Обрадованный, он выложил за нее кучу денег. Когда принес клубнику в Палаццо Сартиано, Ливия схватилась за голову.

— Да ей еще совсем не пора! — распекала она Джеймса. — Клубника не вполне созрела.

— А, по-моему, очень даже.

Ливия попробовала одну ягоду.

— Так я думала, — пробормотала она ворчливо. — Никакого аромата.

— А как узнать — пора или не пора?

— Но это же видно! — Но, заметив огорченное выражение Джеймса, Ливия добавила: — Вообще-то можно ее ароматическим уксусом приправить.

— Клубнику — уксусом? — изумился Джеймс. — Звучит не очень-то привлекательно.

— Так будет слаще, поверь!

Нарезая ягоды в салатницу, Ливия задумчиво сказала:

— Ты, типичный мужчина, Джеймс! Хочешь, чтоб все сразу и спелое. Но ведь столько удовольствия в ожидании, пока созреет.

Он резко на нее взглянул. Все ли еще о клубнике она говорит? Но Ливия уже рылась в буфете в поисках уксуса — небольшой бутылочки с застарелым содержимым темного цвета, которую она выменяла на несколько банок рациона, и лица ее он увидеть не смог.

Откупорив бутылочку и сбрызнув слегка темной жидкостью клубнику, она негромко сказала:

— Хотя ждать тебе осталось не так уж и долго.

— Когда клубника созреет?

— Ну, например...

Он узнал, что некоторые вещи всегда прекрасно сочетаются. Скажем, ароматический уксус с цитрусовыми. Еще — петрушка с луком, еще — цикорий со свининой, или radicchio с pancetta.^[54] Морским продуктам естественным образом сопутствуют кабачки, моццарелла сочетается с лимоном, а томаты, хоть и подходят практически ко всему, особо хороши с анчоусами, базиликом и орегано.

— Дело только в том, чтоб свести противоположности?

— Не совсем, — Ливия задумалась, как бы лучше объяснить. — Анчоусы и томаты не такие уж не сочетаемые, одно дополняет другое. Острое с нежным. Свежее с консервированным. Несоленое с сильно соленым... Вопрос в том, как подыскать то, чего одному продукту не хватает, чтоб при соединении не новый вкус получился, а натуральные свойства каждого продукта проявились ярче.

Ливия взглянула на Джеймса и поняла, что они подумали об одном и том же. Всего лишь улыбка, движение брови... мимолетный поцелуй при прощании, прикосновение губ к шее... ее рука, скользя, расстающаяся с его рукой. Петрушка и лук.

— А с чем идет тунец?

— Со многим, — улыбнулась она. — Но в основном с лимоном.

— Значит, если я тунец, ты — лимон?

— Э-э-э... задумчиво протянула Ливия. — Пожалуй, на лимон я согласна. Лимон уж ни с чем не спутаешь. К тому же, острота приятней, чем сладость.

Его не переставало удивлять, что чаще всего Ливия готовила без мяса. Ее соусы к пасте часто состояли всего лишь из двух компонентов, например из чеснока и оливкового масла или лимонной цедры со сливками. Многие блюда приготавливались из овощей с добавлением перца чили, анчоусов или сыра, придававшими блюду особую остроту. Нередко он лишь тогда и вспоминал, что мяса нет, когда все уже было съедено. Самым любимым ее блюдом были *melanzane parmigiana*, но только когда Джеймс окончательно приноровился к этой пище, он открыл для себя, что и в этом блюде не содержалось ничего более питательного, кроме простых кусочков баклажана. А ведь прежде без мяса Джеймс никак не обходился.

Когда он сказал об том Ливии, та рассмеялась:

— У нас в Кампанье никогда не бывало мяса вдоволь. Даже перед войной оно было дорогое. Вот и приходилось как-то изворачиваться.

С каждым днем денег в жестянке становилось все больше. Большая часть была вложена Карло и Энрико — Джеймс решил, что лучше не допытываться впрямую насчет этих денег. Предполагал, что они потихоньку распродают сведения, раздавая неофициально лицензии на уличную торговлю, помогая усмирять старые обиды в криминальном мире и в целом держа под контролем все прочие мелкие аферы, посредством которых имеющие власть становятся полезными тем, над кем власть имеют.

Между тем, было так естественно, чтобы шкаф для документов, некогда вмещавший так много отказов на брак, в своем новом качестве обязан выступить главным орудием их исчезновения. Джеймс забил до отказа верхний ящик бумагами, придавил их сверху лучинами для растопки и поднес спичку. В этот день на обед он с удовольствием вкушал великолепную, жаренную на углях рыбу, поданную на блюде с солью и травами.

Все девушки были опрошены снова, и отписаны новые отчеты более благоприятного свойства. Однако Джеймс все-таки старался не переборщить. Его положительное мнение, чтобы не вызвать никаких подозрений, было выдержано в сухих, официальных тонах. По поводу беременности Джини Тесали не было сказано ни слова, осталось лишь расплывчатое упоминание насчет ее «очевидного стремления стать хорошей женой и матерью». По утверждению Джеймса, Виолетта

Картенца «явится большим приобретением для полка, где служит ее муж, поскольку имеет многих друзей среди военнослужащих, находящихся в Неаполе». Розетта Марли, «судя по многочисленным отзывам, исключительно деятельна и аккуратна при исполнении обязанностей». Даже Альджиза Фьоре была названа «скромной, серьезной девушкой» — похоже, это Джеймс успел заметить, когда она, притянув к себе, одаривала его поцелуями, едва он принялся разъяснять ей причину своего появления.

Джеймс решил не пополнять свою военную казну жертвованиями от девушек. Однако все же они всучили ему набитый лирами конверт: он отнес его в Палаццо Сатриано, присовокупив к наличности в жестяной коробке.

Однажды Ливия приготовила ему на завтрак нечто новое, весенний омлет со свежим горошком и мятой. Потом объявила, что, пока он работает, она ходит на рынок. В тот день на обед были фасоль борлотти^[55] и панчетта, а также рыба, определить вид которой Джеймс не смог, но Ливия сказала, что это *orata*^[56] и что ее очень трудно достать.

— Мой предшественник говорил, что морская пища вызывает некоторое неудобство в смысле полового влечения, — произнес не спеша Джеймс, промокая тарелку кусочком хлеба.

— Все зависит от того, что считать неудобством, — загадочно сказала Ливия. — Есть такое высказывание у неаполитанцев: рыба в обед, сиеста без сна. Но я думаю, это потому, что рыба слишком легкая пища.

Оказалось, это действительно так: после обеда Джеймс не ощутил привычного желания вздремнуть. Хотя это могло быть и потому, что Ливия не подала вина. Джеймс слонялся по кухне, пытаясь вовлечь Ливию в разговор, но она, казалось, не была склонна беседовать. В конце концов он сдался, пошел к себе и прилег на кровать.

Но ни о чем, кроме Ливии, он думать не мог. Стоило прикрыть глаза, как перед ним мысленно начинали мелькать ее образы: Ливия смеется, Ливия стряпает, худенькие руки старательно чистят рыбу или скоблят картошку; блеск ее глаз, когда она плясала тарантеллу. Джеймс стонал, пытался настроить свои мысли на что-нибудь еще, но тщетно. Воображал себе, как она стоит перед ним, сверху расстегивая пуговицы платья...

Внезапный скрип двери заставил его открыть глаза. В комнату скользнула Ливия. Он соображал, что бы такое сказать, но произнес только:

— А, привет!

Она улыбнулась:

— Привет!

Джеймс чувствовал себя идиотом. Любой итальянец встретил бы ее потоком комплиментов и бурными признаниями в любви. А у него будто язык присох к горлу:

— Ливия...

Она сбросила туфли. Она уже взобралась к нему на кровать.

— Какая огромная, — сказала она, оглядываясь. — Сроду в такой огромной не спала.

И взглянула на Джеймса: дошло или нет.

Он потянулся к ней. Но она на мгновение удержала его руку своей.

— Послушай, — сказала она серьезно, — тут у нас должна быть полная ясность. В деревне, откуда я родом, строго запрещено вступать в любовную связь до свадьбы. Это очень верное правило. К некоторым вещам надо иметь особое отношение.

— Особое? — повторил он.

Джеймс был совершенно сбит с толку. Выходит, она пришла вовсе не затем, чтобы с ним спать.

— Потому в день свадьбы венчаются девственники. Но при этом каждый уже достаточно опытен в любовных делах.

Джеймс был уже совершенно поставлен в тупик:

— Я не понял...

Ливия широко улыбнулась:

— Успокойся, скоро все поймешь. Отнесись к этому, как к пище без мяса.

И скользнула в распахнутые руки Джеймса, обвилась вокруг него, и ее смех — сладкий, грудной, полный обещаний, — внезапно зазвучал у самого его уха.

Формально, думал Джеймс, я по-прежнему девственник. Все осталось, как было.

Он лежал на спине, Ливия прильнула к нему сбоку. Ее сонное дыхание щекотало ему под мышкой. Опустив глаза, он увидел розовый сосок, прижавшийся к его груди.

Девственник, и в то же время нет. Как это удивительно по-итальянски. Правило, которое и не правило, но которое, оказывается, преследует вполне благую цель. Ведь, очевидно, он мог бы оказаться полнейшим идиотом, если попытался бы изобразить из себя Казанову в первый же день их близости. Вместо этого она сумела показать ему, что приятно ей, и показать ему, что ему приятно, и он испытал неземные восторги, покрывая ее нежное прекрасное тело поцелуями, лаская ее губами и пальцами, слушая, как сладко она задыхается от испуга, когда он делал то, что ей особенно было сладко.

Он почувствовал, как она шевельнулась. И тотчас в нем мгновенно встрепенулась память о том, что только что между ними было; член, покоившийся меж ног, напрягся.

— М-м-м... — проурчала она, положив на его член руку.

Мгновение, и она стала его поглаживать, нежно лаская тонкими пальцами.

— Надеюсь, — сказал он, — я очень долго пробуду в девственном состоянии.

— Думаю, это зависит от нас.

Движения ее пальцев стали слегка активнее.

— Но, — сказал он через минуту, — если я правильно понимаю твои действия, возможно, они несколько преждевременны.

— «L'appetito viene mangiando». Аппетит приходит во время еды.

Очень скоро он убедился в абсолютной правоте ее слов.

Едва они снова приступили к взаимному исследованию своих обнаженных тел, в раскрытое окно проник колокольный звон. Церковные колокола, подумал Джеймс, но звонят не так, как обычно к утренней службе. Колокола звонили неистово, и он внутренне напрягся, предчувствуя какую-то новую тревогу.

— Успокойся, — сказала Ливия, не прерывая своих действий. — Разве ты не знаешь, что это?

— Понятия не имею, — признался он.

Она рассмеялась:

— Свадебные колокола! Кто-то венчается.

Глава 33

Он попытался работать, но все без толку, — внимание было совершенно рассеяно, в памяти то и дело ярко вспыхивали картины того, что было днем. Поднявшись из-за письменного стола, Джеймс пошел на кухню.

Ливия стряпала.

— Привет! — сказал он, расплываясь в улыбке, до нелепости довольный собой.

— Привет!

— Что-то не работается.

— Мне тоже.

— И еще я ужасно проголодался. Что у нас на ужин?

— Погоди, сам увидишь. Раз уж пришел, взбей-ка вот это, пожалуйста!

Взяв из рук Ливии миску с яичными белками, Джеймс принялся за дело. Она посматривала и, как ему показалось, довольно скептически.

— Ага, — сказала она через минуту. — Теперь ясно, в чем дело.

— Что, не так?

— Слишком сильно бьешь. Больше кистью надо водить. Вот так. — Она положила свою руку поверх его руки, показала. — Легонько, как бы отбивай от себя, не колоти. И кружи рукой. Не надо все время в одну точку.

— Неужели это так важно?

— Яичные белки — прихотливая штука, — сказала Ливия загадочно. — Иногда схватываются, а иногда и нет. Ты просто как-то уж... слишком стараешься.

— Слишком?

Только сейчас до него дошло, что, собственно, речь шла вовсе не об яичных белках. Он стал водить рукой медленней, пытаясь делать, как она только что показала.

— Теперь так?

Она посмотрела, кивнула:

— Так. Ты явно делаешь успехи.

На другое утро Ливия возвратилась с рынка с огромным куском говядины.

— Не знаю, поджарить или потушить. Как ты думаешь?

Это Джеймсу польстило, прежде меня с ним никогда не обсуждалось.

— По-моему, кусок жареного мяса — это всегда хорошо, — рискнул он.

— Да, — сказала она задумчиво. — Да, большинство мужчин именно так и считает. Но все зависит от того, насколько печка горяча. Если она по-настоящему жаркая, можно не думая кидать туда мясо — изжарится быстро и не подсохнет. Но если же не достаточно жаркая, тогда уж лучше мясо тушить на медленном огне. Понял?

К тому времени он уже свыкся с ее аллегориями.

— Я тоже так думаю. А скажи, как у нас печка сегодня, жаркая?

— Сегодня она опять пылает вовсю, — кивнула Ливия. — Но так будет не всегда. На всякий случай стоит попрактиковаться и на медленном огне.

— Как, черт побери, странно, — сказал майор Хеткот, — похоже, диверсионному управлению с трудом удастся отыскивать женщин с плохой репутацией для осуществления плана по заражению противника.

— Неужели, сэр?

— Ну да. Удивительно, и это при том, что каждую неделю через госпиталь проходит более пятисот зараженных военнослужащих. Напрашивается вопрос: с кем же они спят?

— Вот именно, сэр.

— Я слышал, диверсионное управление эти свои растреллименты вверило теперь итальянской полиции. Но, признаться, я буду удивлен, если подобный ход даст лучший результат. Итальяшки такой ушлый народ.

— Верно, сэр, попадаютса весьма недобросовестные сотрудники.

— Гм! — Тут майор впился в него взглядом. — Как там у вас, Гулд?

— А что, сэр?

— Есть проблемы, которые хотите мне сообщить?

— Да нет, сэр, все в порядке.

— Ну и ладно, — майор Хеткот сделал паузу. — Между нами, я не слишком огорчен, что эта история с сифилисом пока топчется на месте. Я не сказал, что вы приложили к этому руку, но... будьте осмотрительней. Не хотелось бы, чтоб вы обитальянились.

Однажды на обед Ливия подала британским офицерам дымящееся блюдо с улитками, источавшее приятный запах чеснока и помидоров. Джеймс огляделся в поисках ножа или вилки, однако Ливия приборов на стол не выложила.

— Это настоящий деликатес, — заявила она. — У нас улиток зовут *maguzzelle*. Их собирают с растений на берегу моря, оттого у них немного соленый привкус. И мы готовим их прямо в раковинках.

Взяв пальцами улитку, Хоррис с сомнением уставился на нее:

— Вообще-то у нас в Англии улиток не едят, — заметил он. — Они какие-то скользкие...

— Вы в своей Англии много чего не делаете, — отозвалась Ливия. — Такое мое мнение.

— Что вы этим хотите сказать? — с подозрением спросил Хоррис.

Заинтригованный богатым, глубоким, отдававшим листвою запахом, Джеймс тоже взял одну ракушку.

— Как их едят?

— А так и едят!

Поднеся моллюска ко рту, Джеймс попытался всосать внутренность. Но ничего не высосалось.

— Наверно, ее надо отлепить, — подсказала Ливия.

Джеймс, протолкнув язык в раковинку, снова всосал. На сей раз внутренность чуть подалась. Он активней заработал языком, одновременно подсасывая, и почувствовал, как скользкая мякоть выстрелила в рот, увлекая за собой маслянистую жидкость. От внезапного сладостного восторга перехватило дыхание.

Один за другим, кто с отвращением, кто сноровисто, прочие офицеры последовали примеру Джеймса. Однако Ливию явно больше всего интересовало, как обстоят дела у Джеймса.

— В раковине еще много сока, — наставляла она, не сводя с него глаз.

Он снова пустил в ход язык, кончиком вылизывая все закоулки, пока не слизал все до капли.

— Потрясающе! — выдохнул он, кладя на стол пустую раковину. — Ливия, ты — гений!

— Отлично! — явно довольная, сказала она. — Теперь другую.

Когда улитки были съедены, Ливия внесла миску свежего горошка прямо в стручках.

— Вот вам горошек, — сказала она, — его надо есть точно так же, как и улиток. Открываем стручок большим пальцем, — она показала, — вот так. А потом языком, вот так, выбираем изнутри все горошины.

Джеймс попытался сделать, как она, но все горошины покатались на пол.

— Странное дело, — сказал Слон, — у нас на отборочных курсах тоже учили, как правильно есть горох. Но там говорили, чтоб с помощью ножа.

Джеймс сделал вторую попытку. На этот раз ему удалось слизнуть все горошины, кроме самой последней, самой крошечной, в самом уголке стручка.

— Никак не могу последнюю достать, — с огорчением признался он.

— А последняя, уж точно, самая важная, — заметила Ливия.

Британские офицеры пытались языком подхватить неподатливые зерна, а горошины разбегались по столу, как крошечные зеленые камешки.

— С ножом, вообще-то, гораздо удобней, — вздыхая, сказал Слон.

— Не переживайте, со временем научитесь, — обнадежила Ливия.

Подождав, пока она уберет со стола, Джеймс пошел за ней на кухню.

— Ливия, — спросил он, — к чему ты это все затеяла с улитками и горошком?

— Э-э-э... Да в общем, ради забавы. Ну, скажем так: иногда сначала приятно начать с горошка. Хотя обычно хочется начать с улиток, а потом перейти к горошку, а потом, перед тем как закончится горошек, снова взять несколько улиток. Но это только тогда, когда ты точно знаешь, что достанешь самую последнюю горошину.

— Г-м, галиматья какая-то...

Однако после обеда, когда кругом все стихло, Ливия снова явилась к Джеймсу в комнату, и вмиг все стало ясно. Он понял, что

легкие вскрики восторга, прежде достававшиеся ему, ни в какое сравнение не шли с этой дрожью, со спазмами удушья, которых он добился, переходя от улиток к горошинам, потом снова к улиткам, а в финале поддев языком самую последнюю горошину в стручке.

Джеймсу никогда прежде не приходило в голову, что постель может быть отличным местом для разговоров. Порой в долгие часы сиесты трудно было сказать, когда кончался разговор и начиналась любовь, и эти дневные часы были самыми сладкими.

Начать с того, что у всех влюбленных есть свои тайны: когда ты в первый раз решила... а что ты чувствуешь, если... Но еще были разговоры о родителях и о семьях, еще они сравнивали между собой свои страны, такие разные, но до странного похожие. Говорили о друзьях, которых каждый потерял на этой войне, перемалывали косточки новым неапольским знакомым. У Ливии прорвался дар лицедейства — она замечательно изображала майора Хеткота. Имея из реквизита лишь фуражку Джеймса, Ливия, совершенно голая, вышагивала взад-вперед, выговаривая:

— Капитан Гуу, ви абзально позорник. Восьми ти себе вруки! Ви должны битстроги и праведли ви с итальяшки!

И возвращалась, хохоча, в постель, где они обычно находили иные способы продолжать потешаться насчет строгостей с итальяшками.

Джеймс узнал, что у тела есть свой язык, нечто между словом и молчанием. Иногда он перекликался с изысканной ритмичной мелодикой итальянского, иногда отдавался упорным твердым англосаксонским гортанным отзвуком. И, как с любым другим языком, этим мало-помалу бегло овладеваешь, оттачивая нюансы, выправляя акцент. Как много новых интонаций предстоит постичь: легкий шелест поцелуя, нежное стаккато ласкающего кожу языка, резкая модуляция прерывистых вдохов или стонов; каждая интонация — многокрасочный взрыв значений, каждая может быть прочтена десятками разных способов.

Нет для этого языка ни самоучителей, ни словарей. Ты овладеваешь им, учась его слушать, путем проб и ошибок, повторяя в ответ то, что адресовано тебе. И никогда невозможно сказать, что ты окончательно его постиг, просто постепенно осознаешь, что больше перевод тебе не нужен — и то, что произнесено, гораздо важнее, чем,

как это произнесено, и то, что совершают двое, — не просто секс, а начало долгого разговора.

Глава 34

Когда жестяная коробка наполнилась, Джеймс отнес ее Анджело. Они выработали простой способ передачи наличных, не вызывая особых подозрений: Джеймс заказывает скромную пищу, а Анджело приносит астрономический счет. Затем Джеймс кладет на тарелку толстую стопку банкнот, укрепляя свою репутацию простофили, который совершенно не по делу настаивает, что будет платить сам.

Теперь в «Зи Терезе» народу стало больше, чем прежде. Пусть ресторан перестал быть местом, где можно снять себе девицу, но эта услуга полностью покрывалась исключительной красотой женского персонала. Все девушки, от барменши до разносчицы сигарет, были очень хороши собой, и даже если кому из них приходилось вскоре покидать свое место, это никого особо не огорчало, ведь прежнюю девушку тотчас сменяла другая, не менее красивая.

Как-то вечером, когда Джеймс собирался уходить, Анджело шепнул, что ему нужно перекинуться с ним парой слов где-нибудь в укромном месте. Джеймс прошел к дверям в кухню, там Анджело отвел его в сторонку.

— Завтра придет один человек, хочет с вами встретиться, — зашептал он. — У него есть для вас кое-какие сведения.

Человек, появившийся на другой день, был непомерно грузен, целая гора жирной плоти, едва втиснулся в одно из кресел в кабинете у Джеймса. Он не представился и не тратил времени на всякие вежливые приветствия.

— У Дзагареллы есть любовница, — сказал он. — Она живет в Супино, там он и хранит свои запасы пенициллина. Она согласилась продержать его у себя всю ночь, значит, вы можете арестовать его утром.

— Зачем ей это?

Толстяк пожал плечами.

— Ей показали фотографию, где он с другой женщиной. А она по натуре ревнивая. — Он достал из кармана листок бумаги, протянул Джеймсу. — Дом стоит на отшибе. Я набросал вам карту.

Что-то в этом типе было отталкивающе. Джеймсу на ум пришла старинная поговорка насчет дьявола и длинных ложек. Но раздумывать уже было поздно. Джеймс взял карту, взглянул. С виду все было четко и ясно.

— Спасибо.

Мужчина поднялся.

— Будьте крайне осторожны, — сказал он. — Дзагарелла определенно вооружен.

В этот момент отворилась дверь и вошла Ливия. Мгновение она и толстяк пристально смотрели друг на друга. Потом толстяк ухмыльнулся:

— Выходит, вот ты где, Ливия, прячешься!

— Его зовут Альберто, — сказала Ливия. — Он уже несколько лет меня преследует.

— Ну, здесь-то ему тебя не достать, — заметил Джеймс. — Теперь ты у меня под защитой.

— Ты не понимаешь, — устало отозвалась Ливия. — Для такого, как он, сведения означают власть. А ты снабдил его самыми опасными сведениями, сообщил, что собираешься нарушить закон.

— Он в этом деле замешан не меньше, чем я.

— Но тебе же больше терять! — Ливия тряхнула головой. — Альберто — свинья, но свинья с мозгами. Вот увидишь, он найдет способ все это выкрутить себе на пользу.

Она показалась ему такой беззащитной, у Джеймса сжалось сердце. Он притянул Ливию к себе:

— Клянусь, с тобой ничего не случится!

— Идиот! — вспыхнула она, отпихнув его кулаком. — Я же не о себе пекусь. О тебе!

— Выходит, я тебе совсем не безразличен? — с улыбкой спросил он.

— *Poco dio!*^[57] Ну, конечно же, нет!

— Я и не знал.

— А ты спрашивал?

— Не спрашивал, — согласился он.

— Ну вот, теперь знаешь. Поэтому пообещай сейчас же, что ты не будешь арестовывать завтра этого самого Дзагареллу!

— Ливия, — сказал Джеймс. — Я должен.

— Чушь!

— Это моя обязанность.

— Откуда такая обязанность? — вскричала она. — Твое начальство, если б узнало, категорически бы запретило!

— Ну, как ты не понимаешь... если я его не арестую, то меня, как кое-кого из контрразведки, будут считать взяточником.

— Взятчиком?

— Я так долго ждал этого случая.

— Неужели? — сказала она. — Я-то думала, что я тот самый случай, которого ты долго ждал.

— Ну да, конечно! И все же это мне сделать необходимо.

Ливия воздела руки к небу.

— Tiene ,a cara sulo per spartere ,e grecchie!^[58] Какая же я была дура, решила, что англичанин все-таки на наших не похож! Все вы, мужчины, одинаковы, неважно, откуда кто родом.

— Ливия...

— Убирайся! — выкрикнула она. — Иди, иди, пусть тебя убьют! На черта ты мне нужен.

Они выступили перед рассветом. Итальянцы, как обычно, по случаю налета — в костюмах, гетрах, канотье, но, должно быть, что-то в настроении Джеймса им передалось, и выставлялись они меньше обычного, покачиваясь в нанятом джипе, катившем по темным улицам, потом по дороге вдоль побережья, ведущей на север. К тому времени, как отыскиали нужное место, уже вставало солнце. Сельский дом действительно, как и сказал Альберто, стоял уединенно. Было очень тихо.

Слишком тихо, подумал Джеймс. Почему не лают собаки? Он кивнул Карло и Энрико, чтоб держали оружие наготове.

Крадучись, Джеймс направился к парадной двери. Та была открыта. Войдя, он различил звуки: ребенок. Приглушенное хныканье новорожденного, не соображающего, то ли хочет есть, то ли спать. Джеймс слегка успокоился. По крайней мере, в доме есть кто-то живой. Ощущение быстро исчезло, уступив место иной мысли: плач ребенка должен разбудить мать. Что-то во всем этом было странное.

Толкнув дверь в комнату, откуда слышались звуки, Джеймс быстро направился в спальню.

Сомнений не было. Человек, тяжело осевший у стены, был, несомненно, Дзагарелла. Он поднимался с постели, когда кто-то взрезал ему, точно спелый арбуз, кадык. Женщину, лежащую в постели, зарезали спящей: матрац был весь в крови, труп плавал в темной луже. И, — что может быть кошмарней, — рядом ребенок пытался сосать безжизненную грудь матери. Заслышав людей, он слепо потянулся к ним, будто хотел найти другую мать, не такую холодную, как эта.

Что-то шевельнулось рядом: это Энрико перекрестился. И тут они услышали урчание подкатывающего грузовика. Карло бросился к окну.

— Люди, — бросил он. — Вооруженные.

— Солдаты?

— Кто их разберет, — вглядываясь во мглу, сказал Карло.

— Выходить по одному, руки за голову! — выкрикнул голос с американским акцентом.

— Sì, солдаты, — кивнул Карло.

Это была полнейшая катастрофа. Сначала Джеймс решил, может, это Ливия, тревожась за него, послала следом американцев. Но она клялась, что нет, да и сами американцы сказали, что просто получили анонимную записку. Как бы то ни было, требовалось хорошенько раскинуть мозгами, чтобы объяснить свое присутствие на этой ферме, чтобы это удовлетворило любопытство начальства. Обыск дома не дал никаких результатов. Пенициллина также не нашли, хотя обнаружили следы: кто-то спешно вывозил ящики.

Слон считал, что Джеймсу тревожиться нечего.

— Он убит. Твоя взяла.

— Да, но кто его убил? И откуда стало известно о нашем рейде?

— Вероятно, разборка между ворами. Ну, а то, что ты в это время там оказался, может быть, просто совпадение. Вряд ли это дело рук американцев, если ты утверждаешь, что не посвящал их в свои планы.

Джеймс сознавал, что в пору бы чувствовать себя победителем. Разве не приятно убедиться, что похвальба аптекаря насчет высокой протекции, оказалась пустой болтовней. И все же Джеймсу было как-то не по себе. Слишком гладко все выходило.

Он предпринял попытку что-нибудь разузнать и пригласил доктора Скоттеру в «Зи Терезу», чтоб его угостить. Но теперь бывший фашист уже был не так голоден, как прежде, и даже то, что Джеймс посулил ему яйцо в марсале, не развязало ему язык.

— Что-то здесь не так, Анджело, — мрачно сказал Джеймс, когда доктор Скоттера ушел. — Никто ничего не знает.

— А задайте иначе вопрос, — сказал Анджело серьезно, — не «Кому понадобилось убивать Дзагареллу?», а «Кому станет лучше оттого, что он мертв?»!

— Кому же?

Анджело изобразил неопределенный жест.

— Возможно те, кто его предал, ведут двойную игру. Таким вот способом избавившись от Дзагареллы, они прибрали пенициллин к своим рукам.

По мере нарастания жары, ситуация в Неаполе снова поменялась. Споры, которые в более прохладное время ограничивались взаимной россыпью оскорблений, теперь завершались быстро и с помощью ножа. Казалось, страсти накаляются с ростом ртутного столба. И Джеймсу только и оставалось, что играть роль крышки, удерживающей массовую истерию, которая в одночасье, как паника, охватывала город и снова стихала.

Слухи, точно мухи, кружили повсюду. В Поццуоли гипсовый Христос сошел со своего распятия и увел паству в безопасное место в горы. Фашисты собираются разделаться с каждым, кто не носит черных ботинок в знак солидарности с ними. Король обнародовал указ, чтобы все его верноподданные носили пояса, вывернув наизнанку. Все это была чушь, но даже чушь может стать опасной, если ей позволить выйти из-под контроля, и каждое абсурдное заявление следовало тщательно проверить, прежде чем от него отмахнуться.

И все же Джеймс должен был признать, что вокруг все-таки происходит что-то странное. Например, случай с колодцем в селении Черкола. Он получил донесение британского уполномоченного, что питьевая вода там отравлена, и подозреваемая в этом преступлении женщина арестована. Джеймс отправился на «Мэтчлессе» расследовать это дело, с радостью предвкушая возможность проветриться в дороге, покинув жаркую духоту своего кабинета.

Питьевая вода в Черколе и в самом деле отвратительно воняла тухлыми яйцами. Пригубив, Джеймс тотчас ее выплюнул: вода была омерзительна на вкус.

— Сперва мы решили, что кто-то закинул в цистернудохлого козла, — сказал уполномоченный. — Но когда посмотрели, там ничего не оказалось. Вот и стали думать, что вода отравлена.

Джеймс допросил арестованную женщину, но было очевидно, что уполномоченному указали на нее только потому, что она была *strega*, колдунья, и во всякой напасти, которой никак нельзя было объяснить, неизменно винили ее. Он велел женщину отпустить и приказал уполномоченному доставить свежую воду из ближайшей деревни.

В поле у селения Фико обнаружили загубленной, предположительно бандитами, целую отару овец. Собственно, в этом не было ничего удивительного, однако из доклада местного начальника полиции выходило, что на овцах не было ни единой царапины, что ни одна туша не была унесена. Как будто они все задохнулись в тумане.

Жители района Санта-Лючия в Неаполе вбили себе в голову, будто немцы устраивают взрывы в катакомбах. Джеймс нашел священника, который допустил его к древним гробницам, протянувшимся под городом на многие мили. И быстро пришел к выводу, что никаких немцев там нет и в помине, — в катакомбах не было ни света, ни воздуха, и каждый, кто попытался бы спрятаться в темных, хоть глаз выколи, подземных коридорах, немедленно бы там заблудился и пропал. Правда, Джеймс собственными ушами слышал глубокие подземные удары, словно отзвуки очень далекой канонады.

Ему подумалось, что эти явления, должно быть, как-то связаны с земными колебаниями, случавшимися теперь в Неаполе чуть ли ни каждый день — гораздо чаще, чем, по свидетельствам старожилков Неаполя, они могли припомнить на своем веку, и это объяснялось тем, что святые чем-то недовольны. Уже давно Джеймс уяснил, что неаполитанцы в своих религиозных пристрастиях склонны к язычеству, что их святые часто ведут себя, как мелкие божки. Однако мысль, что союзники, возможно, утрачивают поддержку местного населения, внушала тревогу.

Но у Джеймса была Ливия, а это было самое главное. После не слишком сытного обеда — скажем, если подавалось *spiedini*, когда на веточки розмарина, заостренные в виде вертела, нанизаны кусочки

обжаренного на углях осьминога или рыбы, или суп из свежих бобов, — они удалялись в его комнату, где их ожидал куда более сладостный пир. Джеймс познал вкус разных частей ее тела — солоноватую нежную кожу шеи; впитавшие ароматы ее кулинарных трудов кончики пальцев; сладкий нектар ее губ; нежный аромат ее плеч и бедер; мягкую и упругую, как свежая моццарелла, ее грудь. Даже вкус соития с ней дурманил, как мякоть экзотического плода, взрывающегося сочным, сладким соком.

Теперь Джеймс раскаивался за свою стычку с Эриком. По правде говоря, горячая перепалка между ними произошла попросту из-за женщины. Мало-помалу они снова стали приятелями, хотя по-прежнему, когда разговор касался Ливии, в отношениях между приятелями возникало некоторое напряжение.

Первый отряд невест уже был обвенчан, но скопилось еще немало претенденток, и свадебные колокола в Неаполе не уставали звонить. Теперь, когда вновь открылись бары и рестораны, когда уже было не так много реальных ограничений у военнослужащих в общении с местным населением, постоянно росло число новых желающих пройти опрос у брачного офицера. Джеймс старался противостоять напору, и если девушка и в самом деле не была готова к жизни, которая ей предстояла после войны, то он мягко советовал ей прийти к нему через пару месяцев, хотя обычно, если это была любовь, старался не препятствовать. Мог ли он препятствовать, когда сам был так счастлив?

— Джеймс?

— У-ум?

— Я все хотела тебе сказать...

— Выкладывай.

Они чистили картошку, и прежде чем продолжить, Ливия смыла с пальцев приставшую кожуру.

— Иногда ты бываешь слишком обходительный.

— Ты считаешь?

Пауза.

— Понимаешь, — сказал Джеймс после некоторого раздумья, — таким меня воспитали. Прежде всего, в отношении к слабому полу и вообще.

— Вот, например, когда ты открываешь дверь и пропускаешь меня вперед, — продолжала Ливия, как бы не слыша, — это очень приятно....

— Ну как же! Вот тебе и пример. Джентльмен всегда должен пропускать даму вперед.

— ...но бывают и другие случаи, — сказала она с нажимом, — когда это не годится.

— Не годится?

— Угу, — она перенесла горсть помидоров в раковину. — Да, иногда мне приятно, что ты стараешься, чтоб я... была впереди. Но иногда тебе незачем так уж стараться.

— Гм! — Он подошел, чтоб обмыть руки.

— Вот я готовлю еду, и мне неприятно, когда люди, убрав со стола локти, едят и из вежливости что-то говорят. Мне надо, чтоб они ели жадно, чтоб выпачкали губы и щеки, чтоб болтали с набитым ртом, чтоб друг у дружки старались вырвать кусок повкуснее, может, даже, чтоб немного по-свински себя вели. Потому что, пойми, я трачу уйму времени, чтоб приготовить вкусно, потому мне в удовольствие думать, что те, кто едят, получают от этого удовольствие.

— Словом, ты хочешь, — с расстановкой произнес он, — чтоб я в постели вел себя с тобой, как свинья?

— Ну, хотя бы иногда.

— Никаких разговоров?

— Вежливых разговоров. Похвала стряпухе всегда кстати.

Джеймс в постели с Ливией. Но не лежит, он сидит, скрестив ноги, играя в игру, которая в его детские годы называлась «шлёпки», в то время как Ливия, как выяснилось, знает аналогичную игру, но под названием «schiaffini», или «хлопушки». Правила просты. Оба прикладывают выставленные вперед руки ладошка к ладошке, так, чтобы безымянные пальцы едва касались. Потом стараются по очереди шлепнуть друг дружку по тыльной стороне руки. Если партнер избегает удара, все начинается сначала. Если руку отдернуть до того, как по ней ударили, или если тот, кто бьет, попадет по руке, тогда он же бьет снова.

Джеймс обнаруживает, что Ливия чрезвычайно ловко играет в «шлёпки». На одно его попадание приходится целая дюжина с ее

стороны, и даже когда ему удается точно попасть, он так сильно при этом суетится, что удар получается слабый. Ливия же умудряется шлепнуть, прежде чем ему удастся увернуться, да еще и припечатать так звонко, что тыльная сторона его руки уже горит, как будто ее атаковала дюжина пчел.

— Ой! — вздрагивает он, когда она снова бьет ему по руке, и опять: — Ой! Ой! Ой! — потому что она ударяет три раза подряд.

Ладно, думает он, на этот раз увернусь!

— Ты дернулся! — бросает Ливия, поглощенная игрой.

— Нет же, я... ой!

Пока он отвечает, она успевает еще раз звонко шлепнуть ему по руке.

— И где ты только так насобачилась? — вздыхая, говорит он.

Она снова шлепает его правой рукой.

— У итальянских девушек богатая практика набивать мужчинам пощечины. А у меня реакция быстрая.

— Эй! Моя очередь! — Он отвешивает ей удар от души.

— Очень больно! — возмущается она.

— А ты как меня лупила?

На этот раз он замахивается легонько, и она легко ускользает, и тут же хлопает его, прежде чем он успевает свести вместе руки.

— Жулишь — я не подготовился!

— Вот еще! Когда хочу, тогда и бью!

— В Англии тебе бесчинствовать не дадут.

— А мы в Италии, потому и играем по итальянским правилам.

Она снова бьет его по руке, и он валится назад, потянув ее за собой.

— Э-эй! — протестует она. — Пока еще моя очередь!

— А я прекращаю игру! — говорит он, скручивая ей руки так, что она падает к нему на колени. — И играть будем вот во что!

Она выгибается, он для начала шлепает ее по заду, видит, как она прикрыла глаза от удовольствия. Как все-таки много в сексе, думает он, от детской игры. Но вспоминает, что чересчур галантным быть не следует, и на этот раз пренебрегает ее визгом и протестами, пока те не перерастают в удовлетворенное бормотание.

После он натягивает рубашку, и когда застегивает пуговицы, она замечает у него в нагрудном кармане листок бумаги.

— Что это? — спрашивает она, вытягивая листок.

— А, это... — Он смущен. — Письмо.

— Важное? — спрашивает она опять, и сама себе отвечает: — Ну, конечно же, важное, иначе, зачем носить его у себя на сердце. — Принимается было разворачивать, вдруг смотрит на него, внезапно посерьезнев. — Это от Джейн?

— Да. Она пишет, что бросает меня.

— Давно это было?

— Давно. Еще когда я служил в Африке.

— А ты притворялся, когда со мной познакомился, что у тебя есть девушка, — поддевает она его.

— Да. Очень глупо было с моей стороны, правда?

— Очень, потому что я поняла, что ты врешь, и тогда стала искать другое объяснение этому. И все-таки, какая она?

Джеймс пожимает плечами.

— Ну же! Расскажи, какая она?

— Да я и сам толком не знаю, — медленно произносит он.

Это правда: все, что было связано с Джейн, рассеялось, как английская мгла, под неистовым итальянским солнцем, напитавшим Ливию.

— Хотя я думаю, что она очень смелая. Ведь, чтобы написать такое письмо, признаться, что, в конце концов, я ей не подхожу, наверно, требуется немало храбрости.

— Она влюбилась.

— Влюбившись, легче принимать решения, — соглашается он. — Да ладно, порви его!

— Ни за что! — вскидывается она.

— Тогда я порву.

Он берет у нее письмо и разрывает его на множество кусочков, подкидывает в воздух, как конфетти. Ему весело. Он лежит в постели с Ливией, и никакие события из прошлого теперь не имеют значения.

— Как-нибудь ты вот так же и мое письмо порвешь, — вдруг говорит она с грустью.

— Никогда! И потом, мы ведь не собираемся расставаться, значит, тебе и писать мне будет незачем.

Один из его брачных опросов оказался непохожим на остальные. Недели через две после того, как снова завертелась брачная компания, Слон Джеффрис просунул голову в дверь его кабинета. В последнее время он уже не выглядел таким изможденным; как он сам признавался, частично по причине лучшего питания, частично потому, что теперь, когда война вошла в свою наиболее агрессивную стадию, ему приходилось чаще отлучаться из Неаполя, взрывать мосты и перерезать немцам глотки.

— Поразительно, как какая-нибудь пара дней отдыха восстанавливает человека, — говорил он. — Возвращаюсь ну прямо как новенький.

Оказалось, Джеффрис зашел поговорить насчет Элены.

— Тут кругом все девчонки замуж выскакивают, — начал он, поглаживая усы, — вот я и думаю, почему бы и нам в эти самые узы не вступить. И вообще, может, даже ты будешь у нас шафером?

Джеймс заверил Слона, что будет счастлив, и пообещал другу организовать для Элены интервью и без задержки оформить соответствующие бумаги. Чистая формальность.

Однако когда дело дошло до интервью, Джеймс увидел, что Елена чем-то озабочена. Хотя стеклянный ее глаз, как всегда, смотрел, не мигая, на него, другой почему-то косил в стол.

— Что-то не так? — мягко спросил Джеймс.

Элена повела плечами. И вдруг внезапно выпалила:

— Не хочу за него замуж!

— Гм!

— Я люблю Слона, — продолжала она. — Так люблю, как никого не любила. Но я же шлюха, а не домохозяйка! Что со мной будет, когда кончится война? Он хочет, чтоб я с ним уехала в Англию. Там холодно, и, мне говорили, кошмарная еда. И там мы будем совершенно нищими. Слон не такой умник, как ты: ему бы только воевать, он для мирной жизни не создан, не думаю, чтоб он когда-нибудь разбогател. Мне моя работа здесь нравится, и мне нравится, что она дает мне свободу. Почему я должна с этим распрощаться?

Ситуация вышла запутанная. Джеймс спросил Элену, как она поступит, если найдется способ избежать брака.

— Мне бы хотелось пробыть со Слоном до окончания войны, — сказала она. — После мне останется еще лет пять протрубить,

накоплю денег, открою собственный бордель, самый шикарный в Неаполе. А дальше, — она развела руками, — красота уж будет не та, так что, может, и присмотрю кого-нибудь, да и выскочу замуж.

— Ты ведь можешь прямо Слону сказать, что отказываешься от его предложения.

— Но ведь это ударит его по самолюбию! Если я прямо так ему скажу, он не захочет больше со мной встречаться, и, по-моему, раньше времени прерывать отношения просто неприлично. Можешь ты чем-нибудь мне помочь?

Дело было непростое, но Джеймс обещал попытаться что-то придумать.

Через несколько дней они снова встретились.

— Придумал, — сказал Джеймс. — Просто надо соврать, что ты уже была прежде замужем, это случилось давно, и что теперь с твоим мужем ты понятия не имеешь. Скажем, он сбежал от тебя в первую же брачную ночь или что-то в этом роде. Так или иначе, в вашей католической стране развод довольно долгая история — возможно, тебе требуется разрешение из Ватикана, и ты, естественно, не можешь его получить, так как в Риме сейчас немцы.

— Ты гений! — радостно воскликнула Елена. — Сегодня же вечером все так и скажу Слому. Как мне тебя отблагодарить?

Джеймс заверил ее, что за услуги добрым друзьям денег не берет.

— Знаю, — сказала она. — Но мне все-таки хочется что-нибудь для тебя сделать. Думаю, переспать со мной ты не согласишься?

Джеймс объяснил, что это осложнит их отношения со Слоном, к тому же Ливия вряд ли одобрит эту идею.

— Тогда я отплачу тебе тем, что побеседую кое о чем с Ливией, — произнесла Елена загадочно.

Джеймс попытался было выяснить, что она имеет в виду, но Елена отказалась отвечать на вопросы.

На следующий день Елена с Ливией уединились в кухне, занявшись бесконечным стряпаньем *ragu*, при этом плотно прикрыв за собой дверь. По взрывам хохота, доносившимся оттуда, Джеймс понял, что беседа протекает увлекательно, но когда он потом спросил Ливию, о чем они шептались, та опять-таки отреагировала весьма загадочно:

— Так просто, сплетничали, — бросила она как бы между прочим. — Бабы дела. Тебе это не интересно.

Когда же в следующий раз Ливия пришла к нему в комнату, оказалось, что она овладела новыми весьма интригующими приемами.

— Кажется, я догадываюсь, кто тебя всему этому обучил, — сказал Джеймс после одного особенно виртуозного эпизода. — Хотя не могу себе представить, каким же образом.

— Показывала мне на кабачках, — призналась Ливия. — Но и она у меня поучилась. Я показала ей, как делается мой коронный *sugo*.

— Остается только надеяться, что не все мои тайны стали достоянием общественности. Или уже весь Неаполь в курсе того, что между нами происходит?

— О нет, Елена нетипичная неаполитанка, она умеет молчать. Ее профессия не любит огласки. Хотя, я все-таки выяснила, почему твоего приятеля зовут Слоном!

— Ах, вот как!

— Просто Елена подхватила кабачок крупней, чем оказался у меня, — насмешливо сказала Ливия.

Но Джеймсу было не до обид, потому что почти немедленно виртуозные приемы последовали снова.

Он уже был достаточно опытен, чтобы не пытаться уточнять, чем женщины там занимались вместе, и не выстраивать свои каждодневные упражнения в соответствии с многочисленными позициями, изложенными Бертоном. Когда Ливия взбиралась на него, впиваясь пальцами ему в бедра, и терлась животом вверх-вниз вдоль его пениса, или когда обминала его всего, как тесто, обеими руками, или когда опускалась на колени, вот как сейчас, вбирая член целиком в рот, — это был не просто очередной пункт списка, памятка для любопытных, и даже не рецепт, предлагаемый для воспроизведения. Это была просто *sfiziosa*, причуда момента, и как всякий момент, этот был впитан каждый раз, уже успев завершиться, неуправляемый, неуловимый.

Джеймс по-прежнему считал, что формально остается девственником, хотя различие стало до такой степени формальным, что определить его истинный статус потребовались бы витиеватые рассуждения чуть ли не сродни теологическим мудростям. Похоже, существует бесконечное множество еще не до конца познанных вариантов сексуального опыта, сонм, сопоставимый с неисчислимостью ангелов, пляшущих на острие булавки.

Иногда, когда их тела пресыщались любовью, они оттачивали английский Ливии.

— Я би хотель э... понта пиви биити пожалста.

— Пи-ва «бит-тер».

— Э... понта... б-р-р... пиви биити. Пожалста.

— К вашим услугам, мадам. Сию минуту налью вам пинту пива.

— Джэмс, — спросила она задумчиво уже по-итальянски, — а мне понравится пиво?

Он поскреб подбородок.

— Некоторым девушкам нравится.

— А почему оно у вас называется «бит-тер»? Это ведь значит «горькое»?

— Вроде того. — Он снова перешел на английский: — Шесть пенсов, прошу вас!

Ливия вздохнула:

— У вас ести дача с дести шили?

— У меня уйма сдачи с ваших десяти шиллингов.

— У вас деньги — razzo,^[59] — недовольно сказала она. — «Шилли», «шестипенни», «полупенни» всякие. И что это такое: «полкороны»?

— Полкороны — это два шиллинга и шесть пенсов.

— Тогда «корона» — сколько?..

— Нет, такого не бывает, — поспешно сказал он. — То есть, да, сама «корона» — это то, что у короля на голове и стоит целое состояние. Успокойся, постепенно ты выучишься. Просто надо знать, что у нас считают не десятками а дюжинами.

— Уф! — выдохнула она, подбочениваясь. — Все, на сегодня с английским покончено.

Он все равно продолжал спрашивать:

— А как ты попросишь, чтобы тебе отпустили маргарин?

— Что это: «маргарин»?

— Ну... хм!.. это такой жир. Наподобие гусиного. Чтобы на нем готовить.

— Гусиный жир «отпускают»? Почему бы не взять для готовки самого гуся и не вынуть из него жир?

Вероятно, английская кулинария — не самая подходящая тема для изучения английского языка. Джеймс попытался припомнить что-нибудь более привлекательное о своей родине.

— Хочешь, я представлю тебя королю?

— Ну, давай... — проговорила она, пытливо поглаживая большим пальцем чувствительную впадинку между его бедром и промежностью.

— Добрый вечер, Ваше Величество!

— Добри вичи, ваши феличе!

— Не окажите ли мне честь познакомиться с моей супругой?

— Очи ради знакоми с ваши феличе. Сейчас я поцелую твой член!

Хихикнув, Ливия скользнула в постели вниз, чтобы подкрепить свои слова действиями.

Джеймс умолк, отчасти потому, что то, что делала Ливия, было исключительно приятно, отчасти потому, что он только что назвал ее супругой.

Конечно же, они оба понимали ту главную причину, ради которой Ливия учит его язык: ради непроизносимой вслух возможности для нее в один прекрасный день уехать с ним в Ангию, чтоб там в пивной заказывать пиво пинтами. И все же пока это оставалось всего лишь предположением, впрямую еще не обсужденным и, разумеется, формально не выраженным.

Ливия издала легкое «Ах!», удовлетворенная результатом своих поцелуев. Она провела кончиком языка от основания до самой верхушки. Ее глаза, бесстыдно, и в то же время серьезно, смотрели ему прямо в глаза, пока она ласкала губами, и покусывала, и потягивала его член, и, наконец, с готовностью, переведя дыхание, забрала его глубоко в рот целиком.

В этот миг у него не было никаких сомнений, что он хочет, чтоб так было всегда. Ее щедрость, ее страсть, ее чувственность... он ее обожал.

— Ливия... — начал он.

— М-м-м-м?..

Он заколебался. Может, в конце концов, это не самый лучший момент? Делать предложение, когда твоя любовница так идеально, так мягко удовлетворяет тебя ртом, — не слишком ли это легкомысленно, использовать эту ситуацию для выражения серьезных брачных

намерений? Нужны цветы, лунный свет, свечи — еще должно быть, черт подери, кольцо. И соискатель в начищенных до блеска ботинках, с сияющей пряжкой на поясе, должен опуститься на одно колено, а не лежать, развалиясь, полуголый, постанывая в экстазе, поперек кровати о четырех столбах, с любовницей, которая припала к нему сверху.

Он прикрыл глаза, бедра непроизвольно подрагивали, когда она их покусывала.

Предложение надо заранее обдумать и спланировать. Уж что-что, а это он умеет: он вполне сумеет обставить все наилучшим образом.

Когда Джеймс, не в силах больше ждать, притянул ее к себе, чтобы поцеловать, внезапно его пронзила другая мысль. Предложение придется делать тайком. Если по армейским законам брачному офицеру запрещается вступать в брак, вряд ли руководство будет счастливо оттого, что у него здесь появилась невеста.

Глава 35

Несмотря на толстые каменные стены и деревянные ставни на окнах, духота в помещении стояла нестерпимая. Джеймс сидел за письменным столом, пытаясь составить рапорт. То и дело ему приходилось утирать платком лицо. Даже писать было трудно: ручка выскользывала из пальцев.

Услышав шорох, он поднял глаза. Ливия стояла босяком, прислонившись к раскрытой двери.

— Привет, — сказал он. — Давно тут стоишь?

— Не очень.

— Что-нибудь нужно?

Она скорчила гримаску.

— Жарко!

— Не то слово! — кивнул он. Кивнул на свой рапорт. — Мне, к сожалению, надо это закончить.

— Хочешь, чтоб я ушла?

Расстегнула пуговку на платье, стояла, обмахивалась рукой.

— Нет, конечно же, нет, но — к сожалению, долг обязывает.

— Ну да, конечно.

Он написал очередную фразу и поднял глаза. Она все еще стояла в дверях, и, как ему показалось, расстегнула еще одну пуговку.

— Я не могу нормально работать, когда ты тут стоишь и смотришь, — воззвал он.

— Вижу.

— И, клянусь, мне нужно закончить этот рапорт.

Через пять минут она вернулась.

— Я принесла тебе холодного лимонада. — Она поставила перед ним на стол стакан.

— Очень чутко с твоей стороны.

— Жарко, трудно работать, да? — Она подхватила одну из его папок и принялась теперь обмахиваться ею, как веером.

Листок вырвался и осел на пол.

— Увы, над погодой я не властен, — сказал он, поднимая выпавший листок и забирая папку у нее из рук.

— А мне делать нечего. Все уже в духовке стоит.

— Угу, — отозвался он.

Джеймс составлял записку, где перечислял действия для предотвращения разворовывания художественной галереи, потом перекинулся на кражу армейского кинопроектора.

— Почему б тебе не устроить сиесту?

— Отличная мысль! — воскликнула она, просияв. — А тебе?

— Я, к сожалению, не могу.

Джеймс просматривал докладную на солдата, за пять тысяч лир согласившегося не реквизировать у богатых итальянцев их автомобиль. «Считаю нужным подвергнуть аресту», подписал он внизу.

— Какой ты деловой, все воюешь и воюешь.

— Воюю.

— С какими, должно быть, важными военными тайнами ты все время связан. Расскажи, что у тебя сегодня? Новый план наступления? Или читаешь какое-то важное воззвание Гитлера?

— Ничего интересного, — буркнул Джеймс. — Но надо это все закончить.

Она еще немного постояла, глядя на него.

— Пойду, может, ванну приму.

— Отличная идея.

— Постучи, если захочешь войти.

Ванна находилась в кухне, так что уединенность была минимальная.

— Не волнуйся. Похоже, я с этим еще сколько-то здесь проторчу.

Через несколько мгновений раздалось шлепанье босых ног к двери, затем послышался звук бегущей воды.

Минут пять длилось затишье, потом из ванны донеслось ее пение. Джеймс пытался не слушать, но это было невозможно. Он вздохнул, поднялся и пошел взглянуть, что там. Дверь в кухню была не заперта. Ливия сидела в ванне, почти полностью покрытая водой, только груди и колени выглядывали, и разливалась соловьем. Он постоял с минуту, посмотрел, прикрыл дверь, вернулся в свой кабинет и дверь также прикрыл.

На этот раз было тихо почти десять минут. Затем без всякого предупреждения его дверь внезапно распахнулась. В проеме показалась рука. Он лишь успел разглядеть, что рука принадлежит Ливии и что в этой руке что-то маленькое, круглое и красное, прежде чем рука метнула этот красный предмет в его письменный стол. Очень спелый помидор взорвался прямо на разложенных бумагах.

— Какого дья... — начал было он, тут вторая рука запустила очередным помидором ему прямо в грудь, и тот размазался прямо по его кителю.

— Ах ты, чертова телка! — в ярости взревел Джеймс.

Из-за двери послышалось хихиканье:

— Воюешь, так вот тебе!

Она умчалась, дверь кухни с грохотом захлопнулась.

Вздыхнув, он оглядел испорченные документы и форму, потом принялся вытирать носовым платком измазанные листы. Тут дверь отворилась снова. Он в негодовании повернулся в ту сторону, и очередной помидор засветил ему прямо в лоб.

— Ну, погоди! — распалился он, припуская за ней в кухню.

В подхваченном подоле платья у Ливии оказалось полдюжины помидоров.

— Это возмутительно! — рявкнул он.

Она швырнула в него помидором, но он на полпути поймал его рукой. Запустила еще один, он поймал и очередной. Прodelав все довольно ловко, отметил, что это ее несколько изумило.

— Надеюсь, ты усвоила, — сказал он жестко, — что лучший в Аппингеме защитник крикетных ворот, номер одиннадцатый, способен пресечь твои дурацкие фокусы.

— Ага, руки-то у тебя теперь заняты! — И она метнула очередной помидор.

Этот угодил ему прямо в грудь.

Джеймс запустил в нее помидором из правой руки. Тот взорвался у нее на плече.

— А-а-а! — завопила она.

— Так тебе и надо.

Он швырнул помидором из левой. Этот тоже плюхнулся прямо в цель.

Очередной ее помидор в него не попал и благополучно шмякнулся об стенку, глаза Ливии мстительно вспыхнули. С возмущенным криком она кинулась на него, помидоры в ее подоле, расплющившись между ними, облепили обоих красной жижей. Джеймс, ухватив Ливию за запястья, заломил ей руки за спину, как вдруг она поцеловала его, и весь пыл потасовки перешел уже в нечто совсем иное. Она впивалась ему в губы острыми зубками, ее руки блуждали у него под рубашкой, царапая и гладя его тело, и вот уже его руки тянули вверх ее платье. Она оторвалась от его губ, успев произнести только:

— Да, Джеймс, сейчас! — И платье скользнуло через голову на пол.

Под платьем на ней ничего не оказалось, кожа все еще была влажная после ванны. Ее пальцы потянулись к пуговицам его брюк. И тут она направила его прямо внутрь себя — он погрузился так тепло, так непринужденно, как пальцами в оливковое масло. И приостановился, смакуя этот миг, а она, улыбнувшись, подняла руки, скользнув ими ему за шею. Лениво подняла одну ногу, обхватила ею его сзади, возбудив новую россыпь сладких ощущений.

— Ну вот... — радостно проурчала она, подставляя губы для очередного поцелуя.

Из соседней комнаты раздался нетерпеливый оклик:

— Гулд!

— Твою м...! — буркнул Джеймс. — Это мое начальство, чтоб его... — Высвободившись от нее, схватился за брюки. — Ах ты!..

Ливия прыснула.

— Ничего смешного! — прошипел он.

— погоди, я счищу... Или нет... хватай полотенце. Пусть думает, что ты принимаешь ванну.

Она озидала полотенце, пока он в него оборачивался:

— Хотя, пожалуй, спереди слишком выпирает...

Майор Хеткот желал обсудить весьма сложную, а, по мнению Джеймса, ужасно нудную, ситуацию, связанную с размещением офицеров управления. Джеймс, старался изо всех сил ускорить беседу, все это время пытаясь как-то скрыть следы помидора на своем письменном столе, но к тому моменту, когда он вернулся в кухню, к ужину уже начал собираться народ. Хоррис тянул бесконечный сюжет

про девятилетнего итальянского мальчишку, который был пойман с поличным, умыкнув забитый сигаретами грузовичок. Поймав страдальческий взгляд Джеймса, Ливия беспомощно развела руками:

— Не поможете мне смолоть перец, капитан Гулд?

Джеймс вынул пестик со ступкой. Стуча тяжелы каменным пестиком по ступке, он испытывал искупительное удовлетворение, видя, как перчинки расплющиваются под его ударом. Бах... бах... бах!

— Полегче, — шепнула Ливия, проходя мимо на пути к плите. — Так и убить можно.

Не отвечая, он принялся молотить пестиком еще сильней.

— Нет, — сказала она, кладя поверх его руки свою руку. — Надо не бить перец, а толочь. Вот так. Медленней и легче. — Она убрала руку и некоторое время следила за его движениями. — Ага, теперь, пожалуй, отчасти ухватил.

Он прочел в ее глазах скрытую лукавую усмешку.

И уже позже, когда он сидел за ужином, его осенило, что теперь он уже фактически не девственник. Хотя особой значительности момента он не ощутил.

Глава 36

Джеймс брился, когда к нему явился этот сейсмолог. Вернее, пытался бриться: водоснабжение, вечно нерегулярное, похоже, снова отказывало, а редкое капанье ржавых капель из крана совершенно не покрывало его потребностей. Он принялся с раздражением вытирать намыленные щеки. Правда, для того, чтобы иметь основание бриться, поросли у него было явно недостаточно, и это по-прежнему раздражало, — но, к его изумлению, Ливии определенно нравились его гладкие лицо и торс, она с явным восторгом гладила его грудь и спину.

При мысли о Ливии ему сделалось еще более не по себе. Она уехала навестить родных на несколько дней. Он бы и сам с радостью отправился вместе с нею, но в Неаполе сложилась слишком напряженная обстановка, и отлучиться сейчас он никак не мог. По крайней мере, там, вдали от бомбежек, ей будет безопасней, чем здесь. Прошлой ночью был особенно неприятный налет, и Джеймс страдал от бессонницы, не говоря уж об отсутствии Ливии и ее кухни.

В дверь туалетной постучали, дверь приоткрылась, просунулась голова Карло.

— Тут один профессор хочет с вами поговорить. Его имя Боми. Кажется, он все знает про землетрясения. Отослать?

— Нет, я приму его, — бросил Джеймс, вытирая руки полотенцем. — Проводите в кабинет, пожалуйста.

Пожалуй, не вредно иметь представление, когда, наконец, перестанет трясти. Судя по всему, неаполитанцев это не очень трогает, но все это весьма тревожно для военных, потому что никогда точно не знаешь, то ли это землетрясение, то ли первые признаки немецкого авианалета.

Профессор Боми, невысокий, солидного вида человек, пребывал в несколько взвинченном состоянии. Первоначально, пояснил Боми, он попытался встретиться с командиром авиаполка в Терциньо, но вместо этого был направлен к заведующему продовольственным складом в Черкола, который в свою очередь переадресовал его в управление союзной военной администрации оккупированных территорий, откуда его посылали еще в десяток разных ведомств, ни одно из которых не

проявило ни малейшего интереса к тому, что он стремился им сообщить.

Вздыхнув про себя, Джеймс уселся в свое рабочее кресло и спросил:

— Насколько я понимаю, это насчет землетрясений?

Боми развел руками.

— Да, возможно. Причиной могут быть землетрясения, хотя это не точно. Плиний утверждает, что перед извержением 79 года их случилось необычное количество.

— Не понял. Какое отношение к этому имеет Плиний?

— Вы ведь прочли мой доклад?

Джеймс признался, что не только не читал доклада профессора, но до этой минуты даже не подозревал о его существовании.

— В моем докладе... — Тут профессор осекся. — Неважно. Я уже здесь, вы меня слушаете, и это главное. Итак, суть моего доклада в том, что Везувий становится активным.

— Вы уверены? — Джеймс выглянул в окно.

Гора выглядела так же, как и обычно, правда, Джеймс заметил, что струйка дыма, всегда взвивавшаяся над вершиной, теперь отсутствовала.

— На мой взгляд, ничего необычного.

Профессор Боми нетерпеливо взмахнул руками.

— Это потому что вы от него в восьми милях, и вам не видно, что конусовидная стенка частично провалилась внутрь кратера. Он полностью перекрыт. Потому оттуда не идет дым.

— Это опасно?

— Вы, вероятно, слышали о судьбе Помпеи? — трагическим голосом осведомился профессор.

— Постойте-постойте! — Джеймс во все глаза смотрел на профессора. — Вы хотите сказать, что ожидается такое же извержение, какое однажды погребло Помпеи?

Professore явно умерил свой пыл.

— Ну, разумеется, это доподлинно утверждать нельзя. В последний раз, когда Везувий оживился в 1936 году, мы просто стали свидетелями новых потоков лавы, — кстати, это было весьма красиво, — но особого урона не нанесло. Хотя до этого, в 1929 году,

поток лавы почти докатился до моря, уничтожив два городка. Это непредсказуемо.

— Что же вы предлагаете? Надо думать, ваш доклад содержит кое-какие рекомендации?

Мысль о том, что кто-то и в самом деле готов внимать рекомендациям из его доклада, повергла профессора в полное изумление. Он развел руками.

— Прежде всего, необходимо эвакуировать население в радиусе двадцати миль от вулкана.

— Но это значило бы эвакуировать весь Неаполь. Что потребует десятки, а, может, и сотни, военных мероприятий. Десятки тысяч людей — куда их всех девать?

— Это не моя забота. Я просто говорю, что может случиться, если они останутся на месте.

— Но каковы реальные шансы того, что извержение, о котором вы говорите, действительно произойдет?

Профессор снова развел руками.

— Кто это может сказать!

Джеймс почувствовал, что уперся в тупик.

— Позвольте, я спрошу несколько иначе — что заставляет вас считать, что вторые Помпеи более вероятны теперь, чем, скажем, полгода тому назад?

— О, отличный вопрос! — Профессор снял очки, протер. — Итак, в последнее время мы наблюдаем ряд весьма любопытных предостерегающих знаков. Не только землетрясения. Имеются несколько странные серные выбросы. Пересыхают или загрязняются колодцы. Это может быть свидетельством тектонических процессов.

Сера. Этим объясняется кислый привкус воды, которую Джеймс пробовал в Черкола. Мелькнула новая догадка:

— Скажите, эти выбросы способны погубить овец?

— Это возможно. Плиний описывает некий вид ядовитых миазмов, возникающих над поверхностью земли. Прежде всего пасущиеся животные могут оказаться в зоне риска.

Выходит, овцы, которые, как он считал, отравлены бандитами, попросту отравились ядовитым газом.

— Надо полагать, вы имеете в виду Плиния Младшего?

— Именно! — Сияющей улыбкой профессор оценил классическую образованность Джеймса. — Он наблюдал за трагедией с корабля своего дяди. С тех пор этот вид активности вулкана — фонтанирующая лава и громадное перистое облако дыма, которое он сравнил по конфигурации с кроной сосны, — именуют «плинианским извержением».

— И если начнется извержение вулкана, в какую сторону потечет лава?

Профессор всплеснул руками.

— Кто знает? Все зависит от подземного давления, от крутизны склона, даже от ветров. У вас есть карта?

Джеймс развернул карту местности, и профессор указал, куда в прошлый раз направился поток лавы.

— Наиболее часто страдают городки Сан-Себастьяно и Масса, — пояснил он. Тут Джеймс вспомнил застывшие черные, блестящие потоки лавы в Сан-Себастьяно. — Потом Терциньо, Черкола, Эрколана и Треказе.

В Терциньо был аэродром, в Черкола — военная база.

— Надо бы их предупредить, — решил Джеймс. — Ну, а как Фишино? Там будет опасно?

— Особенно нет, но кто знает. Единственное предсказуемое в отношении вулкана — это его непредсказуемость.

Джеймс отметил про себя, что для ученого профессор Боми, пожалуй, явно удовлетворен отсутствием у себя точных знаний.

— И когда возможно разрешение ситуации — в ту или иную сторону?

— Кто может...

— Просто выскажите наиболее реальное предположение! — быстро прервал его Джеймс.

— Есть некоторые данные, что извержения чаще всего происходят где-то в период полнолуния, — неохотно произнес профессор. — Когда течение прилива максимально быстрое. Лучший выход — в непосредственной близости наблюдать за кратером, но, к сожалению, мою обсерваторию заняли военные.

— Вы хотите, чтоб я попробовал вам ее вернуть?

Профессор принялся так бурно благодарить Джеймса, что тот даже заподозрил, что главной целью визита профессора было не

столько предупреждение об опасности, сколько его желание наблюдать за активностью вулкана с ближнего расстояния.

— Я постараюсь что-нибудь сделать, — сказал он. — Но не ждите никакого чуда. Идет война, и я сомневаюсь, чтобы подъем сейсмической активности мог побудить людей прекратить исполнять свои военные обязанности.

Когда профессор удалился, Джеймс подошел к окну. Он уже настолько привык воспринимать Везувий как просто часть живописного пейзажа, потому мысль, что на самом деле, это бомба замедленного действия — более мощная и потенциально более разрушительная, чем любая бомба, созданная человеком, повергала его в шок. Теперь, в мыслях о Везувии, ему представлялось каким-то чудовищным злодейством то, что этот вулкан обосновался над городом давящей исполинской цитаделью, подчинив себе жизнь каждого жителя. Внезапно Джеймс ощутил щемящий страх за жизнь Ливии. Если в самом деле произойдет извержение, что будет с ней? Надо хоть как-то с ней связаться, но, насколько он знал, телефона деревне не было.

Хотя можно было позвонить на аэродром в Терциньо. Ему удалось связаться с офицером из американского командования, который сообщил, что туда только что прибыла целая эскадрилья бомбардировщиков В-25 — всего восемьдесят восемь, и теперь там образовалось самое крупное на юге Италии скопление военно-воздушных сил. Джеймс, передав офицеру предупреждение профессора, спросил, могут ли они куда-либо передислоцироваться.

— Вы что шутите, менять нашу диспозицию только потому, что какому-то итальянцу что-то стукнуло в голову? — изумленно вскинулся офицер.

Джеймс проямлил что-то насчет вариантов на случай непредвиденных обстоятельств, просто на всякий случай.

— Только на прошлой неделе некто предложил нам перебраться отсюда, потому что какое-то изваяние в местной церкви разразилось слезами, — ответил американец. — Эти итальянцы — что-то непостижимое. Казалось бы, немецкие налеты им нипочем, но если заметят крику двух сорок или сидящего на ступенях церкви рыжего кота, то начнут на полном серьезе предрекать конец света.

Не большего успеха добился Джеймс, связавшись с частью, занявшей помещение обсерватории. Там ему сказали, что вулкан совершенно очевидно стал менее активен, чем был в предыдущие месяцы.

— Кроме довольно неприятного запаха, у нас все спокойно, — сказал ему тамошний офицер. — Здесь даже не случаются землетрясения, о которых говорят в Неаполе.

— Вы говорите — запах, он такой кисловатый, будто что-то протухло?

— Именно так. — Офицер даже удивился. — Откуда вы знаете?

— Так пахнет сера.

Джеймсу удалось убедить офицера выделить профессору Боми хотя бы одну комнату в его прежней обсерватории, но тревога в отношении происходящего в нем все нарастала.

Он набросал краткую записку, где изложил предсказания профессора Боми, а также предложения разработать некий чрезвычайный план ограниченной эвакуации военного контингента и гражданского населения и передал записку майору Хеткоту. Реакция майора, как и следовало ожидать, грянула как извержение, и, буде оно зафиксировано Плинием Младшим, то имело бы обозначение по шкале, с успехом способной получить название Хеткотианской, включавшей неоднократно выстреливавшие выражения, типа «некомпетентность», «безрассудство» и «делать вам больше нечего». У Джеймса не осталось ни малейших сомнений, что наблюдения профессора майор не счел предметом первостепенной важности для военного времени. Ради личного спокойствия Джеймс пообщался с Анджело, который улыбнулся, услышав имя Боми.

— Не тревожьтесь, друг мой! Этот professore вечно твердит, что нам грозит большая беда — насколько я помню, уже не один год. Но ведь такая у него работа, верно? Точно так же священник утверждает: не будешь ходить церковь, небеса падут на твою голову.

— Статистически однажды профессор все-таки попадет в точку, — заметил Джеймс.

— Верно, ну и пусть себе пока беспокоится, нам-то зачем?

Что-то в этой логике Джеймса не устраивало, но он уже оставил попытки постичь фатализм неаполитанской души.

Ночью, сидя один в своей комнате, он неотвязно думал, как там Ливия, примостившаяся на склоне горы, будто на плече у спящего гиганта. Что будет с ней, если тот проснется? Что станет со всеми жителями Везувия? Было какое-то непостижимое безумие в том, с каким упорством они после каждого извержения снова селились в тех же местах. Но такие уж они, эти итальянцы. Живут сегодняшним днем, бодро соображая, как приспособиться к всевозможным катастрофам, сваливающимся на них по вине отсутствия в них организованности и предусмотрительности.

Он так не умеет. Резким движением Джеймс подвинул к себе блокнот. Боми говорил, что возможны две фазы извержения, первая — когда гора исторгает лаву и пепел, и другая, потенциально куда более смертоносная, — когда воздух заполняется дымом и газами. Это значит, что будет краткое окно, когда появится возможность овладеть ситуацией. Первым делом надо будет произвести разведку и установить, каким городкам и селениям грозит прямая опасность. Потребуются грузовики для эвакуации населения — нет, не грузовики, это потом: сначала должны работать пожарные машины, тушить горящие дома. Уже после должны прийти грузовики — скажем, сотня. Нужно, чтобы передвижением управляла военная полиция — возможно, даже наладить временно одностороннее движение, по одной дороге грузовики пойдут в гору, по другой будут возвращаться... Он делал в блокноте пометки, составляя четкий перечень необходимых мер. Временный штаб... центры распределения продовольствия... питьевой воды... фураж для перемещаемых животных... Перечень все разрастался. Люди не захотят бросать свое имущество; военные должны помогать им грузить на машины все, что они не могут оставить. И потом необходимо их удерживать от слишком скорого возвращения по домам, если потребуется — силой. Следовательно, необходимы вооруженные и соответственно экипированные военные отряды, в случае, если возникнет реальная угроза паники. Устраивать временные приюты можно в помещении кинотеатров... Джеймс отдавал себе отчет, что он составляет план сражения, такого, где врагом становятся силы природы, а не немецкая дивизия, однако принципы оставались те же. Определить цели, разработать стратегию, организовать последовательность приказов. Джеймса охватило непривычное возбуждение.

Он трудился несколько часов. Его план, разработанный до мельчайших деталей, составил более двадцати страниц. Но все это, Джеймс понимал, пустая трата времени. Кто он такой? Жалкий штабист, чинуша; кабинетный генерал, погрязший в бумажной возне. Самое большее, что можно было сказать о его плане, — он заполнил его часы без Ливии между работой и сном.

Джеймс скомкал листы, швырнул на пол и выкинул все это из головы.

Если честно, Ливии пришлось признаться себе, что одной из причин, потянувших ее ненадолго обратно в Фишино, было то, что ей необходимо было разобраться в своих чувствах к Джеймсу. То, что началось с легкой интрижки, замешанной на дружеских заигрываниях, — и, уж если быть откровенной до конца, с прицелом удовлетворить давно забытые физические потребности, — очень скоро переросло в нечто гораздо большее. И не только из-за отсутствия у Джеймса должного опыта настаивала Ливия на традиционном ухаживании. Она воображала, что, ограничивая их физическую близость, она также будет сдерживать и свои эмоции. Но все вышло совсем по-иному.

Нараставшая страсть временами пугала ее, — не потому, что ей не хотелось всецело отдаться этой любви, такой восхитительной и необыкновенной, но потому что она ясней, чем Джеймс, представляла себе последствия. Скоро ей, наверное, придется принимать неизбежное решение. Стать ли одной из тысяч итальянок, военных невест, толпой потянувшихся по морю к далекой новой жизни в холодную туманную страну? Или ей, как Элене, чья независимость ее восхищала, суждено остаться после войны совсем одной? И как воспримет ее семья, если она уедет с Джеймсом к нему в Англию, — что это будет для отца, для Маризы, для их рестораника, ведь он, скорее всего, без нее зачахнет?

Отсев с Маризой в сторонку на террасе, она делилась мыслями с сестрой. Мариза считала, что Ливия не должна упускать своего счастья.

— Ты ведь сможешь открыть новый ресторан и в Англии! — уверяла ее сестра.

— Не думаю, — говорила Ливия. — Джеймс говорит, у них уже давно туго с удовольствием, сами уже не помнят, когда нормально питались. Представляешь, они овощи варят целых двадцать минут, а помидоры едят всего раз или два в году и только сырые, в салате. Разве такие поймут, что значит настоящая еда?

— Главное, что ты его любишь, — отрезала сестра, — остальное не имеет значения.

— Сразу видно, ты замужем не была, — поморщилась Ливия.

— Откуда в тебе такая расчетливость? — всплеснула руками Мариза.

Ливия хотела было ответить, как вдруг из леса выползло и проплыло над домом облако темных колышущихся теней.

— Летучие мыши... — озадаченно проговорила она. — С чего это они вдруг вылетели на свет? Посмотри, как их много!

Мариза подняла голову вслед за Ливией.

— Вот уж с неделю так. Ночью их не видать, а днем вылетают тучами и кружат над деревьями. Впервые у нас такое.

— Видно, что-то вспугнуло их в пещерах, где они спят. Может, бомбежки.

— Может...

Помолчав, Мариза сказала:

— Знаешь, Ливия, у меня были видения.

— Что за видения?

— Пожары. Кругом огонь. Люди. Лиц не вижу, но их ужас чувствую.

— Везувий? — выдохнула Ливия.

— Не знаю. Ты заметила, что дым над вершиной перестал виться? А тут еще и молоко Пришиллы.

— А что с молоком?

Мариза повела Ливию в кухню, где стояло ведро с водой, в котором плавала вчерашняя моццарелла и стоял подоюник с последним надоем. Сперва Ливия вынула моццареллу. Та разломилась у нее в руках, как и положено, на два мягких белых куска, легких, как хлеб. Ливия положила кусочек в рот и сразу почувствовала кислый привкус.

— Сера! — тотчас определила она.

Потом глотнула молока. Оно также было кисловатым.

— Это вечернее, — сказала Мариза. — Нынче утром Пришилла вовсе не дала молока.

— Видно, сера из земли пропитывает траву, — предположила Ливия.

— Как это?

— Не знаю. Наверно, что-то происходит под землей, что-то вспугивает летучих мышей из пещер, и от этого сера каким-то образом выходит на поверхность земли. По-моему, надо кому-нибудь сообщить.

— Кому?

— Попробую как-то связаться с Джеймсом. Он наверняка сообразит, что надо делать. Давай поднимемся к обсерватории. У них есть радиопередатчик.

После обеда лесом, держась в тени деревьев, сестры отправились в гору. Помимо странного поведения летучих мышей обнаружилось и еще кое-что необычное. Пересох сбегавший вниз по склону ручей с ключевой водой. А выше луг, который обычно был сухим, теперь сделался болотистым и влажным, над ним в лучах солнца вздымался парок. Птицы урира, удода, вечно наполнявшие лес своим булькающим пересвистом, странно смолкли.

Выйдя из леса, Ливия с Маризой пошли по козьей тропе, взвивавшейся по южному склону горы к самой вершине. Пришлось пересекать оставшиеся от предыдущих извержений застывшие потоки блестящей черной лавы. Ливия все хотела представить себе, как изливались эти огненные реки, сжигая все на своем пути, но не получалось. Слишком безмятежным казался весь этот горный пейзаж.

Лишь к вечеру сестры наконец добрались до обсерватории. Своей помпезностью здание никак не вязалось со своим предназначением. Сооруженное в причудливом, характерном для общественных зданий эпохи Бурбонов стиле, оно выглядело совершенно несуразно здесь, на вершине горы. Внизу до самого горизонта простирался залив, а сам Неаполь казался отсюда таким крошечным.

Обсерватория была забита обычным армейским хламом — радиоприемники, бинокли, походные кровати, складные столики, складные стулья. При виде двух молодых посетительниц британский офицер встал и вежливо козырнул.

Ливия объяснила причину их прихода. Офицер внимательно слушал, время от времени задавая вопросы.

— Насколько я понял, — сказал он, когда Ливия смолкла, — вы считаете, что поведение птиц может быть связано с некоторой вероятностью извержения вулкана?

— Именно так, — кивнула Ливия.

Ободренная интересом британца, Мариза вставила:

— Еще у меня были видения, предвестия!

Ливия испугалась, что слова Маризы могут отпугнуть офицера, но тот лишь выгнул бровь.

— Видения? И какие же именно?

Мариза описала, что ей привиделось. Офицер кивнул.

— Ясно. И чем, вы считаете, мы могли бы помочь?

Ливия спросила, нельзя ли послать сообщение Джеймсу в службу армейской контрразведки. Офицер заверил ее, что эту просьбу он включит в свой вечерний рапорт.

— А пока, — добавил он, — может, посидим? Могу предложить что-нибудь выпить. Тут где-то есть бутылка вина. К тому же закаты здесь удивительной красоты.

Ливия извинилась, сказав, что им нужно засветло вернуться домой. Горячо поблагодарив офицера, сестры отправились в обратный путь.

Девушки вышли, и офицер в бинокль следил, как они удалялись вниз по тропинке. Какая жалость, с тоской думал он. Торчишь тут бесконечные часы, высматривая на горизонте немецкие самолеты и боевые корабли, хорошо, что хоть эти красотки итальянки заглянули. Но они уходят, и снова он обречен на тупое времяпрепровождение. Докладывать в штаб об их в тревогах офицер и не собирался, — он знал, как среагируют в контрразведке, если он включит все эти бредни в свой рапорт. Сначала он закончит со своими бумагами. Потом появится итальянец-профессор, который время от времени посматривает за вулканом, вот он ему и скажет про летучих мышей. Для темпераментного профессора такое известие будет в самый раз.

Удаляясь особой, свойственной всем итальянкам волнующейся походкой, девушки скрылись из виду. Дошли до места, где тропинка сворачивает, и исчезли. Офицер вздохнул и перенаправил свой бинокль

на пустую гладь моря. Закат и в самом деле был удивительно хорош. Такая же предстоит живописная ночь: как и случается в полнолуние.

Жители Неаполя были встревожены сильнее обычного, и причиной была не только луна. Полнолуния звались здесь «бомбардировочными». Когда после безоблачного дня наступали ясные серебристые ночи, немецким бомбардировщикам не требовалось никакой подсветки для определения целей. Многие горожане, опасаясь худшего, отправлялись на ночь в бомбоубежища.

Из окна своей спальни Джеймс глядел на вырисовывавшийся силуэт Везувия. От Ливии не было никаких вестей, как не было вестей и от профессора, так что, возможно, тревоги были напрасны. Но все-таки Джеймс не мог избавиться от холодящего страха. Коснувшись нагрудного кармана, нащупал мощи, которые дал ему священник в соборе. Надо было бы отдать их Ливии, подумалось Джеймсу, но он мысленно себя одернул: становлюсь суеверным, как итальянец. Прикрыл ставни и залез в постель.

Джеймс проснулся перед самым рассветом от ударов падающих бомб. Нет, это не бомбы, пронеслось в голове: не воют воздушные сирены. Должно быть, летняя гроза. Через Неаполь прокатывались глухие громовые раскаты, каждый отдавался своим эхом, и вот уже все слилось в единый непрерывный грохот, взрываемый все теми же одиночными ударами. Не самое характерное время для грозы. Джеймс подошел к окну, раздвинул ставни.

Вчера вершина Везувия казалась округлой, точно яйцо в подставке. Сегодня утром верхушку как будто срезало, и над горой, посверкивая в ранних лучах рассвета, нависло громадное, в бульбочках, как цветная капуста, облако пепельно-серого цвета. Отсюда оно казалось неподвижным, но волнами раскатывающийся грохот указывал на нестихавшую мощь глубинных взрывов. Под пепельным облаком вершина горы накалилась докрасна, точно фитиль внутри свечи. Из кратера протянулись два извилистых огненных хвоста. Джеймс как замороженный не мог отвести глаз от открывшегося ему грандиозного зрелища.

Затрещал телефон. Джеймс кинулся в кабинет, схватил трубку. С того конца услышал:

— Спешу доложить, наблюдается активность в районе горы Везувий!

— Это извержение, идиот! — гаркнул Джеймс. — Освободи связь!

Не успел он положить трубку, как телефон зазвонил вновь.

— Полагаю, вы еще не выкинули свой план экстренных мер? — прозвучал в трубке голос майора Хеткота.

— Именно, сэр, выкинул!

— А то сейчас самое бы время в него заглянуть...

Джеймс вернулся в спальню, оделся, мысли бешено неслись в голове. Вбежал Эрик и тотчас кинулся к окну.

— Ах, черт, дым... — проговорил он заворуженно. — Значит, вот оно!

— Первым делом надо мчаться к вулкану и определить, куда направляется лава. Потом необходимо оттуда всех эвакуировать. Это все есть в моем плане.

Пока Джеймс разыскивал в мусоре план и находил стенографистку, чтобы сделать копии, Эрик оккупировал телефон.

— У них там лава фонтанирует в пяти местах, — сообщил он Джеймсу. — Особенно возле Сан-Себастьяно и Массы.

— Можно достать грузовики?

— В Креоле есть сорок К-60.

— Давай-ка скажи, чтоб двигались к Сан-Себастьяно.

— Уже даю! — отозвался Эрик, крутя телефонный диск.

— А я мчусь туда посмотреть, что там делается.

— И я с тобой! Возьмем джип.

— В джипе не пробиться по забитым дорогам, — сказал Джеймс. — Лучше на «Мэтчлессе», так быстрее.

— Я сяду сзади!

— Маневрировать будет трудно. К тому же, если тебя возьму, куда я посажу Ливию, чтобы вывезти ее оттуда? — Внезапно Джеймса пронзило: — Ах ты, черт! В Терциньо ведь целая эскадрилья «В-25»-х!

— Сказать, чтоб взлетали?

— Извержение может продлиться несколько дней, — покачал головой Джеймс. — Нельзя трогать их с места без крайней необходимости, иначе окажется, им негде будет сесть. Я буду там, разведую, как и что.

Он ринулся бегом по лестнице и выкатил свой мотоцикл.

Глава 37

Такого кошмара Джеймсу в жизни видеть еще не приходилось. Дух захватывало от масштаба разразившегося бедствия — исполинские силы природы без труда низвели до ничтожной малости военный конфликт человечества со всеми его бомбами и снарядами. Страху Джеймс не испытывал. Он был весь в магической власти происходящего. В нем взметнулся какой-то странный позыв ринуться в самую гущу, увидеть, что же это на самом деле такое.

У самого подножия горы за Торре Аннунциата Джеймс погрузился в нечто похожее на плотный туман, какой случается зимними вечерами в Англии. На мгновение показалось, будто повалил снег; не сразу Джеймс понял, что легкие серые хлопья, крутившиеся вокруг, не снег, а пепел. Резко затормозил, едва не наскочив на женщину, выскочившую на дорогу в одной сорочке спасать развешанное на веревке выстиранное белье. «Мэтчлесс» занесло, мотоцикл рванулся и выскользнул из-под Джеймса. Надо быть осмотрительней, сказал себе Джеймс, поднимаясь с земли и вновь седлая мотоцикл; он не предполагал, что пепел может быть таким скользким.

Из серой мглы выплывали фигуры беженцев, кидающих на повозки свои пожитки. Из всеобщего хаоса вычленились отдельные сцены: ковыляющий на костылях ребенок; дряхлый старик, которого дочери запихивали в тачку; свинья вместе с граммофоном в старой детской коляске; семейство, пытавшееся запрячь перепуганного мула в повозку. В тот момент, когда Джеймс проезжал мимо, мул грохнул на землю и уволок за собой тачку со всем ее грузом. Все вокруг было усыпано черепками битого фарфора.

Чем ближе подъезжал Джеймс к месту извержения, тем невообразимей становилось столпотворение. Поток беженцев тек рекой; с перекошенными от ужаса лицами люди стремились вырваться из ревущего облака дыма и пепла, которое, розовея снизу от жара кратера, подобно гигантскому пульсирующему кораллу, нависло теперь прямо над их головами. Под облаком была сплошная темень. Уже покрытые толстым слоем пепла фары «Мэтчлесса» едва ее пробивали.

У Эрколано Джеймс нагнал медленно ползущую колонну грузовиков. Это были те самые, которых Эрик вызвал из Черколы. Они безнадежно сбились с пути. Джеймс взялся указать им дорогу, и грузовики потянулись по извилистой тропе вслед за ним.

Сверху посыпалось что-то вроде песка. Сперва Джеймс решил, что это с грузовиков. Но, присмотревшись, увидел, что помимо серого пепла теперь с неба падают крохотные черные кусочки песчаника — легкие, невесомые частички, каждая не крупней спичечной головки. Однако поток черного песчаника становился все напористей. Джеймс чувствовал, как песчинки барабанят по кителю, проникая за ворот, в ботинки. Самые крупные были полые внутри, как конфеты с ликером, и, падая, отсвечивали красным.

Тропа сделала очередной изгиб, и тут Джеймс впервые по-настоящему увидел лаву. Она стекала по крайней мере двумя отдельными потоками — извивающиеся языки пламени пробивались вниз на север и на запад, на своем пути через сосновые рощи отставляя дымящееся пепелище. И еще Джеймс услышал какой-то гул. Сначала ему показалось, будто от мотора, но вскоре он понял, что гул исходит от самой горы, — она звучала невообразимо глубокой нотой, ниже всех возможностей органа, настолько глубокой, что даже отдавалась болью в животе.

В своем стремлении вниз один из рукавов лавы тек прямо перед ними через дорогу, полностью ее перекрыв. Джеймс остановился примерно в ста ярдах от лавы. Даже с этого расстояния жарило невыносимо. Джеймс ожидал встретить потоки расплавленных камней, но это скорее напоминало стекающий с высоты около двадцати футов оползень раскаленных углей, беззвучно вибрирующий спереди, подталкиваемый сзади вниз еще более мощной массой раскаленных углей. Лаву сверху покрывало что-то наподобие корки, похожее на припечку поверх рисового пудинга. Вероятно, от соприкосновения с воздухом лава уже слегка остыла. Впрочем, корка не производила впечатления вовсе застывшей, — по мере того, как лава медленно стекала по склону, на поверхности корки поминутно вскрывались красные жилы, а временами и ярко посверкивали золотистые трещины, выставляя напоказ огнедышащий жар внутри.

Джеймс развернулся и указал ползущим за ним грузовикам свернуть на другую дорогу. От страха за Ливию у него непрерывно

ныло сердце, но он старался сейчас о ней не думать. Он тотчас, как только сможет, отправится за ней, но сначала надо убедиться, что ближайшие городки и военные базы эвакуируются в надлежащем порядке.

В Сан-Себастьяно его ожидало феноменальное зрелище. Лава стеной в двадцать футов медленно наползала на город, прокатываясь сквозь дома дымным и белым, как бинт, катком. По переднему краю лавы можно было разглядеть крутящийся слом — ствол дерева, воспламененный, как головешка; каменный остов окна, даже что-то похожее на горящую коровью тушу. Чуть позади купол церкви, снесенный с основного здания, плыл поверх лавы, как крышка на вырвавшейся из кастрюли каше.

Перед глазами Джеймса очередной дом принял на себя удар стремительной лавы. На мгновение показалось, что дом сможет устоять: но вот раздался громкий треск, стены рухнули и рассыпались, камни влились в поток углей, горящие балки и брус скрючились, как обгорелые спички.

Жители Сан-Себастьяно в каких-то пятидесяти ярдах от наступавшей лавы сгрудились, коленопреклоненные, вокруг священника в белом одеянии, воздевшего к небу гипсового святого Себастьяна из церкви. Священник тянул молитву на латинском, его слова практически тонули в треске огня и грохоте извержения. Головы многих прихожан покрывал подвязанный у подбородка цветочный горшок или кастрюля. Джеймсу не составило труда сообразить, зачем. Песок сыпался теперь не так густо, но отдельные камешки становились все крупней. Камень величиной с кулак ударился в землю прямо у ног Джеймса и лежал, отчаянно дымясь. Если подобная штука угодит по В-25, эффект будет не меньший, чем от снаряда зенитки. Джеймс прикинул: на аэродром пока еще не обрушилась каменная буря: она нагрянет постепенно из самого центра облака, как дождь, как гроза. Если он сумеет предупредить, возможно, им удастся перегнать бомбардировщики в безопасное место.

Колонна грузовиков за его спиной выкатила на площадь.

— Эвакуируйте всех, кого сможете, — сказал Джеймс водителю первой машины. — Первым делом женщин и детей. Мне надо в обсерваторию.

— Вот, возьмите, — водитель протянул ему котелок.

Джеймс нахлобучил его себе на голову, заправив ручку за ворот, чтоб лучше держался. Благодарно махнул водителю и развернул свой мотоцикл.

Теперь камни падали повсюду. Несколько угодило ему по шаткому шлему, и когда наконец из мглы выплыли очертания обсерватории, Джеймс испытал некоторое облегчение. Камни грохотали и били по крыше. Внутри обсерватории группа солдат сгрудилась вокруг радиопередатчика.

— Слава Богу! — вырвалось у Джеймса, едва он, шатаясь, вошел внутрь.

Солдаты изумленно уставились на него. Джеймс сообразил, что выглядит, должно быть, несколько странно с котелком на голове. Он окинул взглядом свою форму: та была густо покрыта серым пеплом.

— Я офицер, — сказал он. — Капитан Гулд. Мне необходимо послать сообщение на аэродром в Терциньо.

— У нас радио молчит, — сказал один из солдат. — Как все началось, так связь сразу пропала.

— Черт!

Делать было нечего; надо было самому ехать к аэродрому. Джеймс повернулся, чтобы уйти.

— Сэр! — остановил его солдат.

— Да?

Тот беспомощно развел руками.

— Нам-то что делать?

— Пытаться связаться с Терциньо. Если прорветесь, скажите, чтоб поднимали в воздух самолеты.

Джеймс покатил обратно через Сан-Себастьяно, где эвакуация проходила в относительно четком порядке. Кто-то где-то уже явно реализовывал его план: пожарные машины тушили наиболее яростные пожары, военная полиция регулировала продвижение колонн грузовиков, солдаты, встав живой цепью на пути лавы, вызволяли имущество из домов. Джеймс, не останавливаясь, свернул на дорогу, огибавшую гору. Облачный столб вился теперь прямо над ним, едва видимый сквозь сыплющийся сверху пепел. Джеймс вспомнил, что сейсмолог говорил, будто Плиний находил в этом облаке сходство с кроной сосны, но здесь, оказавшись прямо над головой, оно скорее

напоминало громадную, во все небо, голову Горгоны Медузы, лицом обращенную в сторону Неаполя.

Прямо перед Джеймсом с высоты медленно сползал вниз другой поток лавы. Отсюда казалось, будто он еле движется, но вскоре стало очевидным, что на самом деле он распростерся уже довольно широко. К несчастью, Джеймс поехал извилистой дорогой, тогда как лава плавно ползла по скату, следуя рельефу ландшафта. Если на пути случался внезапный спад, лава лениво, как патока с ложки, стекала с него, возобновляя свой путь вниз.

Джеймс завернул за угол и потерял ее из вида. Очередной поворот.... Он ударил по тормозам.

Всего в десяти футах впереди дорога тонула в пламенеющей реке огня и дыма. «Мэтчлесс» вырвался из-под него. Джеймс кувырнулся вбок, самодельный шлем частично принял на себя удар, но опрокинувшийся мотоцикл по инерции продолжало нести в сторону лавы. Джеймс услышал треск лопающихся шин на раскаленных углях. Языки пламени уже охватили раму. Джеймс отчаянно пытался отползти подальше от жара. Внезапно за его спиной с легким хрустом взорвался бензобак.

Джеймс медленно поднялся на ноги. Слава Богу, хоть сам уцелел. Вокруг воцарилась зловещая тишина, если не считать легкого перестука падавших камешков и ни на секунду не прекращавшегося гула.

Чтобы попасть в Терциньо, необходимо опередить лаву. Джеймс трусцой припустил вперед.

Когда жители Фишино поняли, что началось извержение вулкана, это вызвало такую же панику, как и повсюду. Люди носились взад-вперед, лихорадочно собирая свои пожитки. Едва с вершины горы повалил дым с пеплом, некоторые ринулись бегом по дороге в Боскотреказе. Но большинство осталось в тревожном ожидании: что же будет дальше.

В темноте над ними кромка вулкана от внутреннего жара сияла, раскалившись добела. Постепенно белое сияние стало тяжело переливаться через край, и первые потоки лавы потянулись вниз через леса. Один язык, похоже, метил в сторону Фишино, хотя точно сказать было трудно. Жители деревни не переставали молиться.

Шли часы, лава вилась из стороны в сторону, но каждый раз, едва казалось, что она минует Фишино, лава тут же меняла курс и текла именно туда. Через восемнадцать часов от начала извержения перепуганные жители обнаружили, что лава, вившаяся с верхушки горы, как пламенеющая золотом тропа, уже всего в какой-нибудь четверти мили от деревни. Теперь уже можно было с полной вероятностью утверждать, что она идет прямо на деревню.

Сквозь рев извержения пробился шум мотора. Колонна грузовиков союзных войск тянулась вверх по дороге от Боскотреказе, притемненные фары едва светились во мгле. Первый грузовик остановился, не заглушая двигателя, из кабины выглянул солдат.

— Мы за вами, эвакуировать, — выкрикнул он. — Запрыгивайте по-быстрому! — Он махнул в сторону кузова. — Rapido, molto rapido!
[\[60\]](#)

Несколько деревенских кинулись к грузовику, протянутые руки втянули их в кузов.

— Постойте! — крикнула Ливия. — Если мы сейчас уедем, деревня будет сметена!

— Ничего не поделаешь, — кротко сказал Дон Бернардо. — Нам остается только молиться, а это мы можем и в более безопасном месте.

— Надо рыть траншею! — сказала Ливия, оглядывая окрестности. — Ров, чтобы отвести лаву. Разве не стоит попытаться? Иначе сгорят наши дома.

— Ливия дело говорит, — поддержал Нино. — Можно попытаться.

— А как же молиться? — спросил кто-то.

— Будем рыть и молиться.

— Нам тут недосуг с вами торчать, — заметил водитель грузовика. — Нам надо в Черкола. Хотите эвакуироваться, давайте — либо сейчас, либо никогда.

— Мы все же рискнем остаться, — сказал Нино.

Водитель грузовика не заставил себя упрашивать.

Оставшиеся жители, вооружившись кирками и лопатами, полезли в гору, к виноградникам.

— Здесь! — сказала Ливия, указывая на небольшую лощину. Она тянулась прямо по склону, но слегка под углом.

— Если удастся прорыть достаточно глубокий и широкий ров, он, может быть, отведет лаву в сторону от домов.

Разметили колышками траншею шириной в двадцать футов.

— За дело! — сказал Нино, поплевав на руки и берясь за кирку.

Ливия взмахнула мотыгой, выбив комочек каменистой земли из грунта. Сколько же потребуется сил? Она копнула снова и снова, кирка сверкала в отблесках пожара, — одна из дюжины других, вздымаемых жителями Фишино, вступившими в схватку с горой.

Копали все — мужчины, женщины, дети, хотя их осталось от прежнего числа всего горстка. Дело продвигалось медленно. Земля была каменистая, работать было тяжело.

Они копали, а небо поливало их потоками мелких камней. Выпрямившись, чтобы утереть заливавший глаза пот, Ливия с ужасом убедилась, что лава теперь уже всего в нескольких сотнях ярдов, так близко, что чувствовался запах горевших сосен.

— Траншея недостаточно глубокая... — растерянно проговорила она.

— Несите матрасы! Что-нибудь, чтоб преградить путь! — выкрикнул ее отец.

Ливия кинулась к сараю, впрягла Пришиллу в тачку, нагрузила тачку доверху матрасами и стульями. Толкать перепуганное животное, чтобы тянуть груз к лаве, оказалось делом нелегким, и потом немало страха натерпелась Ливия за несколько минут, пока укладывала груз по краям рва. Другие подтаскивали камни и ветки, отчаянно пытались поднять кромку повыше.

А над ними лава уже подошла к полям на окраине Фишино. Наползла на каменный коровник и раздавила его, как картонную коробку. Фруктовые деревья воспламенялись одно за другим, пламя ревело меж ветвей, оголяя их, оставляя ненасытной лаве лишь почерневшие стволы. Ливии жаром палило прямо в лицо, в горле першило от дыма. В считанные минуты жар сделался невыносимым. Один за другим люди сгонялись со своих мест под напором стены раскаленного угля, сметавшей все на своем пути.

Искры плясали в воздухе. Их были тысячи, подобно крохотным горящим стрелам, каскадом летящих на деревню. Сеновал, в котором Ливия и Энцо впервые слившись, катались в сене, со страшным

треском подняло на воздух, и ярко-желтое пламя вспыхнувшего сена контрастом взвилось на фоне темно-красной лавы. Над горящей крышей взметнулся новый фонтан искр, они грянули на землю, огнем занялась сухая трава. Крестьяне пытались сбить огонь на земле лопатами, старыми мешками, даже своей одеждой, но язычки пламени, как шустрые котята, проскальзывали между ног. Люди бежали с ведрами к колодцу, вставляли живой цепью, чтобы тушить огонь, но через мгновение раздался крик — кто-то плеснул себе на руку водой из ведра. Вода жгла кожу. Еще пара минут, и сам колодец опустел, из его глубин оглушительно зашипело: гора, всосав в себя всю воду, исторгла из себя лишь дым и пар.

Теперь нам уже ничто не поможет, сказала себе Ливия.

Но тут лава словно замедлила свой ход. Стена огня, дойдя до траншеи, замерла, помедлила мгновение, и полилась в узкий ров, заполняя его. Радость прорвалась в нестройных криках измученных людей. Но вот огненно-красный язык взметнулся у ближайшего края траншеи и перетек через край внутрь. В основном ров устоял, рухнул лишь крохотный отрезок, всего футов в шесть длиной, но через него, как по носику кастрюльки, лава ручьем потекла прямо на людей.

— Тачку! — выкрикнул Нино. — Катите тачку!

Пришила все еще была впряжена в нее. Ливия помогла отцу снять упряжь с перепуганной буйволицы. Упершись спинами в тачку, отец с дочерью попытались подпихнуть ее к прорехе в траншее. К ним присоединились другие. Подкатившись к траншее, тачка занялась огнем. Все отскочили назад. Кроме Нино, толкнувшего тачку прямо на огонь и лишь на миг опоздавшего от нее оторваться.

Внезапно, на глазах у Ливии, ее отца как будто подкинуло в огонь. Пламя крыльями взметнулось у него за спиной, черный дым взвился над головой. Ливия услышала душераздирающий вопль, и поняла, что кричит она сама. Обе они с Маризой кинулись вытаскивать отца из огня, пробиваясь сквозь вставший плотной стеной невыносимый жар. Своими телами дочери пытались заслонить отца от пламени.

Тачка с минуту ярко полыхала, потом красный огненный каток неумолимо перевалил через нее и, набирая скорость, устремился прямо к центру деревни.

Лишь через час измученный, тяжело дыша, добрался Джеймс до аэродрома в Терциньо. Сначала охрана приняла его за беженца, которому требовалась медицинская помощь: и лишь слегка счистив пепел и грязь с формы, Джеймс смог убедить их, что он офицер и что ему необходимо срочно видеть начальника авиабазы.

К моменту, когда его провели к командующему, Джеймс внешне уже вполне владел собой, хотя тревога в нем нарастала с каждой утраченной драгоценной минутой. Нелегко было убедить этого человека, что начавшийся с неба легкий камнепад на самом деле способен вывести из строя все имеющиеся военно-воздушные силы, и когда Джеймсу наконец это удалось, оказалось, что еще трудней организовать подъем в воздух восьмидесяти восьми бомбардировщиков, многие из которых не имели даже радиосвязи. К моменту, когда первые бомбардировщики стали выруливать на взлетную полосу, с неба проливным дождем грянул поток легких камешков, бомбардируя жестяные крыши временных аэродромных построек, отскакивая от крыльев В-25-х, выстроившихся в очередь на взлет.

— Вроде не так уж и сильно валит, — сказал командир, косясь на Джеймса. — Но, пожалуй, лучше перестраховаться, чем потом жалеть...

— Это только начало, — сказал Джеймс. — Через четверть часа посыплются камни раз в десять крупней.

— Ну, тогда бы мы... — начал командир, но внезапно его слова были заглушены громкой какофонией теперь уже лавиной грянувших камней.

Джеймсу показалось, что вот-вот их погребет заживо, — будто металлический барак, в котором они находятся, всего лишь крохотная коробочка в огромной норе, и чья-то гигантская рука засыпает ее сверху громадными пригоршнями камней. Разговаривать было практически невозможно. Снаружи на взлетном поле еще один самолет попытался подняться в воздух, его крылья на глазах сотрясались под градом камней величиной с грецкий орех. Сначала камни усыпали взлетную полосу: потом первый слой плотно лег черным ковром, впитывая последующие потоки камней, быстро увеличившие его толщину. Выстроившиеся на взлет самолеты резко

затормозили, один, бешено забуксовав, справляясь со скоростью, уткнулся носом в землю.

Командир распахнул дверь. Тотчас с полдюжины камней влетело внутрь. Мигом захлопнув дверь, он наклонился, поднял один.

— Легкий, как пинг-понговый шарик! — буркнул он.

И вмиг разжал пальцы.

— Горячий, сволочь!

По всему полю экипажи В-25 разбегались по построикам, руками прикрывая головы от вездесущих камней.

— Можете одолжить мне какой-либо транспорт? — проорал Джеймс. — Мне необходимо снова вернуться на гору.

Командир авиабазы взглянул на него, как на сумасшедшего:

— Куда? — изумленно выкрикнул он.

— Там люди, хочу проверить, что с ними.

Командир махнул рукой в сторону черного шлакового ливня.

— Не валяйте дурака! И десяти ярдов не пройдете. Сквозь такое ничто не прорвется.

— Все же я должен попытаться.

— Никуда вы не денетесь, пока это не прекратится. Это приказ.

Жителям деревни ничего не оставалось, как просто ждать приближения лавы. Соорудили носилки, чтобы перенести Нино, к счастью потерявшему сознание, в безопасное место, где Мариза, как сумела очистила ему обгоревшее, покрытое коростой тело. Даже дышать ему было больно: казалось, огонь глубоко поразил легкие. Потом люди организовали живую цепь, чтобы спасти самое ценное из домов, находившихся под угрозой. Ливия вынесла из остерии пару матрасов, одежду, кое-что из снадобий Маризы, и блюдо, принадлежавшее еще матери Агаты, на котором та всегда подавала воскресное рагу.

Последние две сотни ярдов лава прошла за двадцать минут. Сперва занялись виноградные лозы, оплетающие террасу; листья, ссыхаясь от непомерного жара, буквально испарялись на глазах. Потом пламя охватило двери и оконные рамы соседского дома. Лизнув угол остерии, лава, как наплывающая на берег волна, потянулась вдоль стены. На миг показалось, что дом может устоять под ее напором: но вот вибрирующие и скачущие раскаленные угли величиной с булыжник все же проббили его стены. Дом качнулся, зашатался; крыша

с хрустом упала; лава вывернула с фундамента кухонную стену. Та рухнула вниз каскадом рухнувших камней и мебели, и все это кануло в огне лавы, неукротимо ползущей вниз по склону.

Через считанные минуты камнепад с неба внезапно усилился, покрывая все вокруг — лаву, горящие дома, лес, притихшие деревни, — плотным слоем шлака. Жители вынуждены были прятаться в домах, но одна лишь милость была дарована небом: подобно песку, сыплющемуся на огонь, пламя горящих домов тотчас засыпалось слоем мелкого гравия.

Сестры стояли в дверях соседского дома, глядя на происходящее. Мариза положила руку на плечо Ливии.

— Мы сделали все, что могли, — тихо сказала она. — Теперь наше дело — выхаживать отца.

Глава 38

На самом деле извержение Везувия 1944 года вызвало меньше бедствий, чем можно было ожидать. Эвакуация более двух тысяч человек из районов Массы и Сан-Себастьяно проходила организованно, благодаря эффективности плана чрезвычайных мер и героическим усилиям сотен добровольцев союзных армий, помогавшим в их осуществлении. В Сан-Себастьяно, который был почти полностью разрушен, лава, как оказалось, остановилась всего в нескольких ярдах от церкви, и это явилось явным — по крайней мере для местных жителей, — свидетельством того, что святой снова вмешался в события, дабы защитить свою паству. Многим деревням и фермам, однако, повезло гораздо меньше.

Падение лапилли — так именуются вулканические выбросы, — продолжалось, подобно библейскому морю, восемь дней и восемь ночей, блокировав дороги и перекрыв движение по всей округе. Но вот, издав последний оглушительный рык, громадное облако газа и пепла взорвалось в воздухе в тысячах футов от земли. Через десять дней извержение полностью стихло, необозримое пепельное облако медленно потянулось на юго-восток в сторону Албании, породив там невиданные по великолепию закаты. Вершина Везувия, медленно курившаяся более двух столетий, теперь, усеченная футов на шестьдесят, замерла в неподвижности.

Ливия с Маризой прикладывали примочки на истерзанные огнем руки и ноги отца, и, хотя Мариза отважно бросилась под камнепад, чтобы добыть дюжину пчел и их ядом обработать раны, народные средства были уже бессильны помочь Нино. Вскоре начался ожоговый шок, отец метался в сильном жару, раскидывая влажные от пота простыни. Ливия омывала отца водой с целебными травами, но воды было слишком мало, чтобы как следует промыть раны. Нино все чаще и чаще бредил.

— Не знаю, чем еще ему помочь, — призналась Мариза, глядя, как отца трясет лихорадка. — По-моему, у него начинается заражение крови.

— Насколько он плох?

Мариза медлила с ответом. Потом сказала:

— Похоже, он умирает.

Ливия закрыла лицо руками.

— Ему нужен настоящий врач, Ливия! Но я не знаю, откуда сейчас его взять.

Ливия пригладила влажную простыню, прикрывавшую плечи Нино. Она знала, кто может дать ей пенициллин, но даже подумать об этом ей было невыносимо.

Весь следующий день она просидела над отцом. Ему становилось все хуже. На глазах у Ливии он слабел, мелкая дрожь перешла в жуткую, нескончаемую тряску. Обожженная кожа на ногах постепенно становилась все белей и белей. Он часто и мелко дышал, то приходя в себя, то теряя сознание.

Они по-прежнему были полностью отрезаны на своем вулкане, отторгнуты неоглядным морем серого шлака от окружающего мира, словно затеряны на острове посреди необъятного океана.

— Мне кажется, ему хуже, — сказала Мариза. — Прости, Ливия. Я ничего больше поделать не могу, разве что менять простыни.

Ливия решила. Встала.

— Побудь пока с ним.

— Куда ты?

— Добывать пенициллин для отца.

Камнепад прекратился, но все вокруг было покрыто черным вулканическим песком — растения, тропинки, деревья, даже ложбины пересохших ручьев. Кругом все походило на лунный ландшафт, где отсутствует все живое. Или, подумалось Ливии, это похоже на картину из какого-то сна: мир, в котором самое невыносимое вдруг обретает какой-то свой непостижимый смысл.

У меня нет выбора, твердила она себе, пробиваясь сквозь громадные серые наносы. У меня нет выбора. Ради жизни отца, что-то должно во мне умереть.

До фермы, где обитал Альберто Спенца, было около мили. Ферма была старая, уединенная: отличное место, где саморра могла бы хранить контрабанду. Ливия знала, что Альберто ни за что не согласится эвакуироваться, это означало бы кинуть тут все свои

контрабандные трофеи. Ну да, в сарае стоял его «Бугатти», хотя даже сарай не спас его от извержения. Камнями, пробившими крышу, содрало краску, капот был засыпан пеплом.

Альберто тряпкой оттирал свою машину. Увидев приближавшуюся Ливию, он выпрямился, но ни слова не сказал.

Она остановилась перед ним.

— Мне нужен пенициллин. Срочно.

— Зачем?

— Не твое дело.

— Нет, все-таки мое. Пенициллин-то мой.

— Нужно для отца.

Жирные губы округлились.

— Ты знаешь, что это недешево?

— Знаю.

— И, если он очень плох, тебе нужно столько, чтоб хватило на пару недель. И как же ты будешь со мной рассчитываться?

— У нас остались кое-какие деньги. Можешь забрать.

— Сколько б ни осталось, все равно мало будет. — Он издевательски тянул время. — Хотя, может, мы сумеем договориться.

— О чем?

— Все зависит от того, насколько тебе нужен пенициллин.

— Альберто... — Ливия терпеть не могла просить, но выбора у нее не было. — Дай мне пенициллин, я как-нибудь с тобой расплачусь.

— Твои деньги, Ливия, мне не нужны.

— Что тогда?

Он просто стоял, смотрел на нее, выжидая.

Она ведь прекрасно знает, о какой плате идет речь, и пришла, понимая, чем именно придется расплачиваться.

— Ладно, — бросила Ливия. — Пусть будет, как ты хочешь.

— Входи! — Он протянул руку.

Она подала свою не сразу. Они вместе вошли в дом.

В кухне он подвел ее к своей кладовке, распахнул дверь. Какой только немислимой роскоши тут не было: foie gras,^[61] суп из омаров, банки с cassoulet^[62] и бутылки арманьяка.

— Одна из выгод, что воюем бок о бок с французами, — пояснил Альберто. — Те по-прежнему считают, что офицеров надо кормить

соответственно. Ну и, конечно, эти русские. — Он ткнул пальцем в небольшой штабель банок. На этикетках под странно заверченными назад буквами была картинка с изображением рыбы: «Икра».

— Понятия не имею, что со всем этим делать, — беспомощно развела руками Ливия. — Никогда прежде из такого не готовила. — Тут она вспомнила про Нино, и ее охватила паника: температура у него с каждой минутой растет! Надо побыстрее сделать то, что Альберто от нее ждет, взять пенициллин и — назад, но она понимала, если Альберто заметит, что она спешит, он нарочно будет тянуть время.

— Икра пойдет под соус к *maccheroni*, а *foie gras* можно обжарить, как бифштекс.

Ливия отыскивала кастрюльку, чтобы вскипятить воду для пасты, и стала вскрывать консервы. Гусиная печенка, едва она лизнула ее, оказалась такой сочной, что, Ливия чуть не поперхнулась от неожиданности; икра была свежая, маслянистая и очень соленая. Ливия добавила сливочного масла и мускатного ореха, но совсем немного.

Все время, пока готовила, она чувствовала, как Альберто не спускает с нее глаз. Избегая возможности встретиться с ним взглядом, Ливия пыталась отвлечься приятными кухонными обязанностями: помешивала макароны, подсыпала пряности и специи, послеживала за огнем. Лучше не думать о том, что ей предстоит после всего этого.

— Готово, — сказала она наконец.

— Накрой на двоих. Сегодня ужинаешь со мной.

Ливия накрыла стол на двоих. На тарелку Альберто наложила гору пасты, себе — только одну ложку.

— Что так мало? — спросил он.

— Я не голодна.

— Может, кое-что из следующих блюд тебе больше понравится, — криво усмехнулся Альберто.

Откупорил бутылку французского вина, налил в два стакана и один пододвинул к Ливии. Затем, подоткнув за ворот салфетку, принялся накручивать на вилку и направлять в рот пасту, причмокивая от удовольствия.

— За повариху! — сказал он, поднимая стакан.

И опрокинул стакан, даже не удосужившись прожевать пищу.

Альберто продолжал поглощать гору пасты, то и дело обильно прихлебывая вино из стакана.

— Давай гусиную печенку, — рыкнул он. — Я все разом хочу.

Ливия пошла и принесла с плиты обжаренную foie gras. Альберто подцепил паштет вилкой и отправил в рот, сопроводив комом пасты и хлебком из стакана. Намотанной на вилку пастой ткнул в сторону Ливии.

— Теперь — ты.

— Я? Прямо сейчас?

— А что? Сегодня желаю все три блюда одним разом. — Он кивнул в сторону стола. — Сама, небось, знаешь, что делать.

Как во сне, Ливия поднялась со стула, стянула через голову платье. Оставшись нагишом, взобралась на стол. И заставила себя ни о чем больше не думать.

Когда все закончилось, она пошла на кухню и прополоскала рот заветным вином Альберто. Тот поднялся и пошел в кладовку. Вытащил маленькую упаковку, кинул Ливии.

— Твой пенициллин!

Она взглянула возмущенно:

— Но тут всего одна ампула! Ты сам сказал, нужно, чтоб на целых две недели хватило!

Его глаза блеснули затаенным победным огнем — триумфом человека, сознающего, что сделка удалась.

— Значит, завтра еще придешь!

— И завтра отдашь мне все остальное?

— Нет, — сказал Альберто. — Завтра дам тебе еще одну ампулу. А послезавтра — еще одну.

— Скотина! — в сердцах бросила Ливия.

Он потянулся, запустил свои жирные пальцы ей в волосы.

— Разве тебе не лестно? Ты ведь такое лакомство, которое можно есть и есть, и все будет мало?

Ливия почти дошла до дому, как вдруг приступ тошноты подкатил к горлу. Согнувшись пополам рядом с тропинкой, она исторгла жирную пищу Альберто прямо на вулканический шлак и пепел.

В полубреду Нино дернулся от укола в плечо, Ливия склонилась над отцом, и мягкие пряди ее волос коснулись его щеки:

— Ш-ш-ш... — успокоила она. — Просто пчелка куснула. Пчелиное жало. Сейчас легче станет.

Во время извержения аэродром оказался отрезанным от окружающего мира, даже радио выдавало лишь однообразное завывание и искаженные, утопленные в шипении голоса. Но вот, как только шлаковая буря улеглась, связь стала понемногу восстанавливаться. Едва слышные голоса из Неаполя утверждали, что бульдозеры уже начали работать по очистке дорог, но, судя по всяким сообщениям, становилось также очевидным, что нормальная жизнь восстановится еще не так скоро. Пространство площадью в двадцать квадратных миль густо покрывал обожженный шлак. Под его тяжестью рухнули крыши. Виноградники были сметены, посевы побиты, скот загублен. Ходили слухи, что иные деревни завалены, крыши торчат из черноты камней, будто дома провалились в землю. Но был еще и урон, нанесенный самой лавой: она расплавляла трассы канатных дорог, сжигала городки и деревни на своем пути.

Джеймс оказался в непривычной для себя роли чуть ли не героя. Не только благодаря тому, что выступил с заранее подготовленным планом эвакуации. Рассказ о его беспримерном переходе из Сан-Себастьяно в Терциньо уже сделался чем-то вроде местной легенды.

— Сами знаете итальяшек, — вещал майор Хеткот по радиосвязи. — На каждом шагу — сплошные предрассудки и чудеса. Теперь они уверяют, что вам, чтобы попасть в Терциньо, наверняка пришлось переплывать через лаву. Сама невероятность происшедшего дает им повод добавить новые краски. Правда, уж мы-то с вами понимаем, что вы просто делали свое дело. Немцы раздули целую историю из того, что союзникам пришлось разбомбить какой-то монастырь в Кассино, и, значит, то, что мы уберегли от извержения немало гражданского населения, лишь улучшит наши отношения с итальянцами. Мы собираемся организовать небольшое торжество, позовем фотографа из газеты, чтоб снял, как генерал пожимает вам руку. Возможно, вы даже удостоитесь почетной ленты.

— Честное слово, сэр, не надо бы...

— Понимаю, Гулд. Кому нужна вся эта суета! Но Управление настаивает.

Хоть это и льстило самолюбию, но мысли Джеймса были только об одном: жива ли Ливия, и если жива, где она сейчас. Сначала он считал, что, как и население других деревень, жители Фишино были эвакуированы. Потом до него дошли слухи, будто некоторые от эвакуации отказались.

Неизвестность доводила его до исступления. До всех этих событий любовь к Ливии была солнечной и оптимистичной. Теперь же страх, что она, возможно, покалечена или убита, впервые в жизни наполнил Джеймса всеми присущими любви тревожностями. Он понимал, что было безумием позволить ей отлучиться хотя бы на минуту. Но он и сам оказался в западне между извергавшимся вулканом и воинскими обязанностями. Снедаемый нетерпением, Джеймс ждал, когда вновь очистят дороги, чтобы можно было поехать и все разузнать.

Если с Ливией все в порядке, пообещал он себе, я сделаю ей предложение. Пусть нам придется держать это в тайне от всех, но пусть она знает, как я к ней отношусь.

Нино не становилось ни лучше, ни хуже. День за днем, подобно двум противоборствующим армиям, вели в недрах его крови отчаянную борьбу антибиотики с инфекцией. Строго говоря, силы были практически равны. Однако Нино все-таки хуже не становилось, и это уже служило признаком того, что инфекция понемногу отступает, и у Маризы затеплилась надежда.

Всю неделю Ливия каждый день появлялась у Альберто Спенса. Каждый день выполняла то, что предусмотрено сделкой, и каждый день он вручал ей по одной ампуле пенициллина.

К пятым суткам ее уже перестало тошнить после визита. Она просто делала свое дело.

Вернувшись в Фишино, Ливия вошла в комнату, где Мариза сидела у постели отца.

— Он спит, — прошептала сестра.

Ливия аккуратно подготовила драгоценный шприц с пенициллином, ввела иглу в отцовское плечо.

В первый раз, когда он открыл глаза, взгляд его уже не был отсутствующим, как в горячке. Отец узнал Ливию. И улыбнулся ей.

— Здравствуй, — проговорил он. — Что это ты делаешь?

И повернул голову, чтобы взглянуть.

— Ш-ш-ш... — успокаивающе прошептала Ливия. — Сейчас снова пчела тебя ужалит.

Введя жидкость, она тотчас извлекла шприц из отцовского плеча, так что тот и не заметил. Через мгновение он уже снова спал.

— Он неплохо выглядит, — тихо, чтобы не разбудить отца, сказала Ливия.

— Он выздоравливает, — кивнула Мариза.

— Можно уже перестать колоть пенициллин?

— Если слишком рано перестанем, — покачала головой Мариза, — вернется инфекция, тогда ему точно не выжить.

— И как долго еще колоть?

— Поглядим, насколько он окрепнет. Еще несколько дней. Может, неделю. — Мариза с тревогой взглянула на сестру. — А, может, от того, насколько тебе крепости хватит.

— Хватит, — зло бросила Ливия. — Я готова на что угодно, лишь бы его спасти.

— Он бы не позволил тебе вину брать на себя.

— Возможно. Но от правды не уйдешь, я виновата. Это я пожелала остаться и рыть траншею, вместо того, чтобы уехать вместе с военными. — Ливия почувствовала, как на глаза навернулись слезы, и ей стало странно, что они еще остались. — Если для его спасения потребуется еще неделю колоть пенициллин, значит, у него будет пенициллин на целую неделю.

Было страшно подумать, как все будет, когда отец поправится, чем обернется ее сделка с Альберто. Ливия чувствовала, что она перевернет всю ее дальнейшую жизнь. Но этого мало. Она понимала, что только она во всем и виновата. Она сама навсегда лишила себя права на счастье.

Наконец бульдозер из Неаполя подполз к аэродрому, расчищая дорогу на Везувий. Джеймс тотчас подал прошение об отпуске. Его просьба была удовлетворена, и благодарная Пятая Армия от щедрот даже выделила ему джип с приводом на четыре колеса.

Многие дороги, ведущие на гору, были все еще заблокированы, и лишь когда Джеймс подвозил нескольких беженцев в Сан-Себастьяно, те указали ему тайные тропы, ведущие через лес, по которым он смог добраться до Фишино. Подъезжая к деревне, Джеймс обнаружил, что один из рукавов лавы подполз к ней совсем вплотную. Несколько домов было разрушено, и у него защемило сердце, едва он узнал в одном из них ту самую остерию. Внезапно он увидел Ливию, пробирающуюся сквозь руины, и, выскочив из джипа, бегом пустился к ней, выкликая ее по имени.

— Знаешь, — сказал Джеймс, — если бы не ты, я бы ни за что не выступил с идеей этого плана, и если бы не этот план, сотни — а может, кто знает, и тысячи, — людей стали жертвами извержения.

— Отлично поработал, — бросила Ливия. — Можешь гордиться.

Она вела себя до странности замкнуто, даже для человека, потерявшего родной кров.

— Скажи, ты в самом деле не пострадала? — участливо спросил Джеймс.

— Я же сказала, только отец получил сильные ожоги. Он был в горячке, мы даже думали, что не спасем его, но теперь, слава Богу, он поправляется. Мариза ходит за ним.

— Это такое везение, что вы уцелели!

— Да, наверное.

Ливия почти не поднимала глаз, даже не поцеловала его. Джеймс гадал: может, она сердится, что он за ней не приехал?

— Я пытался прорваться сюда раньше, — сказал он. — Но тут начался камнепад, двигаться было невозможно.

— У нас тоже камни падали.

— С тобой ведь ничего страшного не случилось, нет?

Она повела плечами.

— Справились.

— Ливия, — спросил он мягко, — неужели ты совсем мне не рада?

— Ну, рада, рада. Только сейчас пора готовить отцу обед. Он лежит в доме у соседей, вон там.

Провожая ее к чужому дому, Джеймс сказал:

— У меня отпуск на несколько дней.

— Хорошо.

— Я бы побыл здесь. То есть, если ты не возражаешь. Помог бы расчистить завалы.

— Люди станут судачить.

— А тебе не все равно?

— Я — не ты, — отрезала она.

— По-моему, ты за что-то на меня сердишься. В чем дело?

Она с раздражением развела руками.

— Если хочешь, можешь остаться.

— Правда? — спросил он обескураженно. — Ты в самом деле хочешь, чтоб я остался?

— Да, хочу.

Он воспрянул духом. Она просто подавлена тем, что случилось. На него она не сердится.

Когда Ливия покормила отца обедом, Джеймс предложил ей пройтись. Обняв ее, он почувствовал, как она напряглась. Возможно, подумал он, то, что я сейчас ей скажу, немного ее воодушевит.

— Знаешь, — начал он, — может, все случившееся обернется для нас и приятной стороной.

— Как это?

— Я совершенно уверен, что после этого несчастья ваша семья получит компенсацию, и вы сможете переехать в другое место.

— Что значит, в другое место? — вскинулась Ливия неожиданно зло.

— Ну, теперь, когда ваша остерия сгорела, можно подумать над тем, чтоб подыскать себе где-нибудь место получше....

— Нечего нам больше искать, — отрезала она. — Наше место здесь.

— Да, но если вы возьметесь восстанавливать разрушенное, — терпеливо втолковывал Джеймс, — рано или поздно может произойти очередное извержение, и в другой раз вашему семейству, возможно, уже не так повезет.

Ливия смотрела вдаль, сквозь сосновую рощу, туда, где было море.

— Это верно, нам повезло, — медленно произнесла она, — но не потому, что уцелели. Нам повезло прежде всего потому, что мы здесь

живем.

— Понимаю, — кивнул Джеймс, ничего не поняв. — Но теперь самое время подумать о будущем. Оставаться здесь едва ли благоразумно...

— На что мне твое благоразумие! — взорвалась Ливия. — Говорила же, одна жизнь здесь стоит десятка других жизней. И если ты этого не понимаешь, ты просто круглый идиот.

Джеймс совершенно опешил и даже немного рассердился, хотя и попытался не подавать вида. Для всех он, выходит, герой, а для Ливии просто жалкое ничтожество.

— Вечно вы, итальянцы, с вашими страстями! — сухо бросил он. — Одни эмоции, никакого здравого смысла. — Он подыскивал, что бы такое поязвительней сказать. — Учти, в следующий раз некому будет разгрести ваши завалы, союзных войск уже рядом не окажется!

— Премного благодарны, прежде прекрасно обходились и без вас! — криво усмехнулась Ливия.

Разгоралась явная ссора, Джеймс не мог взять в толк, в чем причина.

— Ливия, — сказал он спокойнее, — давай не будем ругаться. Я ужасно огорчен тем, что стряслось с твоим отцом, и тем, что погиб ваш ресторан, но ведь ты не можешь не видеть, какие новые перспективы теперь раскрываются перед...

— Решил, что я захочу в Англию что ли? — резко бросила она.

Именно это вертелось у него на языке, хотя Джеймс заранее решил подойти к этому вопросу не сразу.

— Значит, вот в чем вся штука? — сухо спросил он. — Боишься, что я могу воспользоваться этой катастрофой, чтобы иметь повод сделать тебе предложение и вырвать тебя из этой глуши? Что ж, на этот счет можешь не опасаться.

— Отлично. Это было бы хуже смерти.

Ливия зашла слишком далеко, она понимала это. Но ей было так плохо оттого, что не смеет рассказать ему, отчего ей так плохо, и потому она не сделала ничего, чтобы остановить Джеймса, когда он в бешенстве кинулся к джипу, вскарабкался на водительское сиденье и газанул вниз по склону горы, взметнув шинами россыпи вулканических камней.

Ливия провожала его взглядом. Слезы уже готовы были брызнуть из глаз, но она яростно заморгала, прогоняя их. Потом поднялась и побрела по засыпанной шлаком тропе, тянувшейся в глубь леса.

Альберто сидел за кухонным столом, поджидал ее. Аромат свежесваренного кофе заполнял дом, полная *napoletana*^[63] стояла рядом с бутылкой коньяка. Но Альберто был небрит, как будто сидел так уже давно.

Зная уже, что от нее требуется, Ливия направилась было в кладовку взглянуть, что он отобрал ей для готовки. Но Альберто рукой ее остановил.

— Я не голоден.

Сбросив туфли, Ливия принялась расстегивать платье.

— Можешь не раздеваться.

Убрав руки от застежки, он приподняла платье, чтобы он смог расстегнуть на ней панталоны.

— Это тоже можешь оставить.

Он резко встал, направился к кладовке и протянул Ливии пригоршню пенициллиновых ампул.

— Вот. Бери, раз они так тебе нужны.

— Все?

— Это подарок.

— Спасибо. — Ливия нагнулась, чтобы снова надеть туфли. — Значит, мне можно идти?

— Если хочешь. Я прошу... Я только прошу, чтоб ты когда-нибудь вернулась сюда сама, по своей воле.

— Альберто, — сказала Ливия, — ты же знаешь, этого никогда не будет.

Глаза его вспыхнули.

— Так хотя бы притворись! Притворись, что сама пришла, не потому, что нужда заставила. — Он кивнул на ампулы в ее руке. — Можешь все забирать. Но помни, что я для тебя сделал.

Мгновение Ливия стояла в нерешительности. Потом потянулась, поцеловала его в щеку.

— Спасибо!

К тому моменту, когда Джеймс достиг подножия горы, гнев его уступил место отчаянию. Он повел себя совершенно несуразно. Да, в

день извержения у него не было иного выбора, он должен был отправиться в Терциньо. Но ведь нужно было Ливии все как следует объяснить. Правильней было бы дать ей высказать все свои обиды, а не препираться, как он. Правда, сильнее всего его уязвило то, с каким презрением она отозвалась о возможности поехать с ним в Англию.

Уже давно он понял, что их отношения с Ливией переросли в нечто гораздо большее, чем обычная интрижка военного времени. Это верно, по-английски она изъясняется весьма путано, но множество опрашиваемых им девушек говорят по-английски еще хуже, да и, в конце концов, язык можно выучить. И верно также, что в Англии Ливия, несомненно, испытает культурный шок. Англия, так хорошо известная ему своим пайковым яичным порошком, вултонскими пирогами, «Британским Сухим Молоком» и маргарином, — явно не для Ливии. Но после войны, все, конечно же, станет по-другому, и разве не должна жена идти не некоторые жертвы ради будущего благосостояния?

Хотя, судя по всему, Ливия думает совсем иначе. На миг Джеймса пронзило чудовищное подозрение, что он для нее не более чем временный попутчик, ведь всякий офицер союзной армии с деньгами в кармане, предложивший хорошую работу, может стать в эти трудные годы к тому же удобной и уютной пристанью. Он-то считал, что она любит его, — нет, он уверен, она любит его. Но надо признаться, что в Неаполе в эту военную пору, в атмосфере быстротечных сношений и случайных связей, любовь возникла у них как-то легко, гораздо легче, чем бы это случилось на родине. Скорее всего, на этой земле все происходит слишком легко. Закончится война, снова установятся привычные моральные нормы, и обнаружится ли тогда у них то объединяющее, что необходимо для совместной жизни? Или же отношения, до сих пор основывавшиеся на постельных и кухонных интересах, станут неприемлемыми для британской гостиницы, для трезвого, практичного уклада семейной жизни? Словом, не оказала ли ему Ливия услугу, не позволив сделать предложение, которое уже готово было сорваться с его губ?

Ее сегодняшнее поведение оттолкнуло его. Вольнолюбие Ливии, обычно составлявшее часть ее особой для него притягательности, внезапно показалось ему чужим и диким, как и все прелести итальянской кухни. Он, опросивший множество военных невест,

теперь, когда настал черед решать самому, внезапно оказался во власти сомнений.

Ливия задумчиво сидела у окна, глядя на заходящее над Неаполитанским заливом солнце. Она сидела так вот уже более часа.

Несмотря на всю испытываемую горечь, она сказала Джеймсу правду: будущее военной невесты не для нее. Она никак не может оставить все и уехать, когда так много предстоит дел. Их связь с Джеймсом продлилась бы в лучшем случае до конца войны, потом он вернулся бы в Англию один, без нее. Что будет дальше, она не знала, но ясно было одно: ее главная обязанность сейчас — как-то помочь отцу восстановить ферму и ресторан и заботиться о нем, когда придет его старость.

Но совершенно независимо от этого, с Джеймсом было все кончено. Теперь она это понимала. Упрятанная за семью печатями в сознании сделка с Альберто уже не могла таиться взаперти. То, что она совершила, неотступно преследовало бы ее, подсыпая свой яд в их отношения. Ей оставалось либо рассказать все Джеймсу, либо сказать себе, что всему конец.

Но и рассказать ему все — было бы просто иной разновидностью конца. Она подумала об Энцо, как он ненавидел, если кто-то из посторонних мужчин на нее заглядывался. Джеймс явно не такой собственник, но он все-таки мужчина, и, более того, мужчина более строгих взглядов на интимные отношения. Как бы ни симпатизировал он неаполитанкам, которых опрашивал и которые продавали себя, Ливия понимала: сам бы он ни за что не влюбился ни в одну из них.

Нет. Все и так идет к концу. И она, возможно, обретет счастье, даже если в конце концов решит опереться на такого, как Альберто.

Единственное, что ей предстояло решить, — это, *как именно* все завершить. Рассказать ли Джеймсу про Альберто, чтоб все закончилось руганью и обвинениями, или же просто сказать, что все кончено, и уберечь себя от лишней боли признания?

Она смотрела, как солнце проваливается за море, воспламеняя над собой небо. Слезы наполняли глаза, текли, наполняли снова.

Внезапно Ливия приняла решение. Вскочив, она отправилась на поиски бумаги и ручки.

Глава 39

Строго говоря, обязательства Союзной военной администрации Неаполя и его окрестностей не могли соперничать с Божьим промыслом, но четыре года войны вселили в ряды союзников веру в свою способность справляться с любой критической ситуацией. Американцы были по-прежнему полны уверенности в себе и непоколебимо оптимистичны, британцы же, скорее всего, помнили свое колониальное прошлое и ту ответственность, которую оно за собой некогда повлекло. Простые солдаты всех национальностей от новозеландцев до бойцов «Свободной Франции» вдруг припомнили малейшие проявления щедрости со стороны простых итальянцев: бутылку вина, вынесенную им домохозяйкой во время долгого, знойного перехода к Кассино; улыбку или взмах руки хорошенькой девушки; краткие общения, во время которых война приостанавливалась, на несколько минут уступая место нормальным человеческим отношениям. И вот, недолго думая, солдаты решили отплатить добром за добро.

Все началось с плана эвакуации, но эвакуация была только началом. В Черколе «Красный Крест» организовал кухню, сотни беженцев кормили горячим супом. Союзные военно-торговые пункты, киношки и столовые на многие мили вокруг были переоборудованы в приюты для бездомных. Каждому поселению одалживалось все необходимое — от бульдозера для расчистки дорог до грузовиков для перевозки скота. Ланкаширские стрелки организовали сбор средств и собрали достаточно для восстановления целой деревни. Не оставшись в стороне, королевские инженерные части просто грузили свои машины лесом и всяким оборудованием и один за другим отстраивали разрушенные дома. Саперы взрывали дома, ставшие небезопасными после взбудораженности недр, с энтузиазмом — порой даже с избыточным, как было прискорбно отмечено позже, поскольку инженерам-строителям доставалось больше работы, чем следовало. Королевские воздушные силы сбрасывали тюки с продовольствием. Ветеринарные войска занялись лечением раненых лошадей и мулов, одновременно тыловая служба снабжения пожертвовала весь груз картофеля, изначально прибывшего на судне из Канады в качестве

военного продовольствия, а теперь ставшего ценным посевным материалом.

Но самым поразительным, однако, была реакция действующей армии. Солдаты, месяцами сражавшиеся в тяжелейших условиях на фронте, вызывались потратить свой драгоценный отпуск на то, чтоб помочь расчистить дороги, восстановить дома, вручную лопатами освободить поля от шлака. Энтузиазм их был настолько неукротим, как будто они всю жизнь только и мечтали что строить, а не по кабакам и борделям таскаться. И от командиров можно было услышать, что неплохо бы вулкану извергаться почаще, настолько плодотворно извержение сказалось в смысле общего морального подъема.

Вернувшись в Палаццо Сатриано, Джеймс застал его в состоянии кипучей активности. Перед фасадом высились два флагштока с гордо реющими бок о бок звездно-полосатым и британским флагами. На пороге стояли на часах двое военных полицейских. Итальянец в комбинезоне с громадным ведром белой краски трудился, замазывая фривольные фрески в вестибюле.

Джеймс заметил Хорриса:

— Что происходит?

— Генерал приезжает. Благодаря вам армейские хроникеры собираются снять о здешних событиях ролик. Мы теперь — выдающийся пример сотрудничества между союзниками.

Проходя мимо кабинета Карло и Энрико, Джеймс заглянул в полуоткрытую дверь и остолбенел. Внутри все преобразилось. Бумаги аккуратно разложены по папкам, со всех столов стерта пыль, а оба его сотрудника — в галстуках-бабочках и гетрах, которые обычно приберегали для вылазок с автоматами. Мало того, у обоих появились щегольские лоснящиеся усики, и волосы были набриолинены, как у самых крутых американцев.

— Привет, старина! — приветствовал его Карло на американский манер. — Как оно?

— Отлично, — тускло бросил Джеймс.

Карло щелкнул пальцами.

— Тогда, родной, пока, до скорого!

Ошарашенный, Джеймс последовал в свой кабинет. Он сделался теперь вместилищем сносимого всеми ненужного хлама. Повсюду

штабеля коробок с бумагами, на столе громадная люстра. Подвески пострадали от немецких воздушных налетов, и люстра оголилась, как дерево в осеннюю пору: стекла почти не осталось, сплошной металл. Джеймс попытался спустить ее на пол, но та оказалась неожиданно неподъемной.

В кабинет вошел майор Хеткот.

— Пожалуй, Гулд, здесь стоит прибраться.

— Слушаюсь, сэр.

— Генерал прибудет к нам в полдень, в четверг.

Майор оглядел форму Джеймса, вид которой и до извержения вряд ли был безупречен, а ныне пребывавшую в совершенно плачевном состоянии.

— Форму не забудьте сменить!

— Разумеется, сэр.

— Кстати, Гулд, — с некоторой заминкой произнес майор, — насчет этой операции по спасению... Похоже, она теперь у всех на устах, — полагаю, потому что это первая положительная новость за последнее время. В общем, Бюро считает, что правильной всего было бы представить это как объединенные усилия. Словом, для общего сведения вы вместе с Винченцо выступили с инициативой плана. Я же, как старший по званию, принял на себя всю ответственность по организации.

Джеймс почувствовал, что ему решительно все равно, кому достанутся лавры за операцию по спасению населения.

— Ну да, сэр, именно так.

— Хвалю за стойкость, Гулд! Мы-то, разумеется, знаем, что в основном это все ваша заслуга, но для наших соотечественников так оно будет выглядеть лучше.

Едва майор ушел, Джеймс принялся приводить в порядок свой кабинет. Работы было по горло, и лишь через пару часов кабинет принял вполне приличный вид.

Внезапно до Джеймса донесся знакомый аромат. Насыщенный, восхитительный, он струился из кухни прямо к нему в кабинет. Джеймс узнал бы его всегда и везде, — то был запах *fettuccine al limone* в исполнении Ливии. Охваченный радостью, он кинулся в кухню.

Стоявшая у плиты девушка обернулась с вежливой улыбкой.

— А... — разочарованно выдохнул Джеймс. — Я думал, это Ливия...

Рядом с девушкой Хоррис шинковал объемную кучу кабачков.

— Я взял на себя смелость нанять Марию, — пояснил он. — На время, пока не возвратится миссис Пертини.

— Ну да, конечно... Кликните тогда меня к обеду, — сказал Джеймс.

Закрывая дверь, он слышал, как те двое перешли на шепот. Чуть погодя до него донесся приглушенный смех.

Назавтра оба новых флага со своих флагштоков исчезли, а торговцы на Виа Форчелла предложили покупателям нижнее белье новейшего образца — в полоску. После этого флагштоки переместили внутрь здания, и новые флаги, теперь уже в поникшем виде, но в безопасности, красовались посреди укрытого от ветра двора.

Сам же двор был преобразен до неузнаваемости. Джипы американцев, отмытые и начищенные до блеска, стояли в ряд, точно в автосалоне. Столы, фонари «молния» и прочие свидетельства трапезы под открытым небом были убраны, а стулья специально для высокопоставленных итальянских гостей были расставлены на некотором возвышении. Бюро психологической методики войны готовило некое представление, в котором все должно было демонстрировать благодарность населения своим освободителям.

Нино проспал пятеро суток, изредка приоткрывая глаза, чтобы поглядеть, кто обмывает ему раны или меняет повязки. Иногда это была Ливия, но чаще он обнаруживал около себя Мариу.

— Dove'è Livia? — прошептал он. — Где Ливия?

— Позже придет. Спи пока.

Каждый день Ливия использовала по одной из ампул, которые дал ей Альберто. Но вот, наконец, Нино настолько окреп, что мог приподняться в постели. Дочери кормили его бульоном из последней оставшейся курицы, поили парным молоком, надоенным у Пришиллы. Использовали мякоть драгоценных помидоров, чтобы приготовить *passata*, сочное блюдо, легко усваиваемое и полное витаминов. Все-таки Нино был еще слаб, и Ливия не осмеливалась пока прекратить колоть ему пенициллин, хотя отец явно выздоравливал.

И снова она отправилась к Альберто за последней, как она надеялась, порцией.

«Бугатти» стоял перед домом, вмятины вправлены, корпус сиял.

Ливия вошла в дом. Альберто поджидал ее на кухне, но сегодня он был в черном костюме. На вешалке, накинутой на кухонную дверь, висело платье.

— Это тебе, — сказал Альберто, снимая платье и протягивая Ливии. — Надень.

— А что, разве готовить не надо?

На столе была разложена разная снедь — живой омар в кастрюле, бутылка вина, кучка баклажан.

— После.

Он молча следил, как она все снимает с себя и надевает платье. Оно было короткое, очень узкое, шелковое, покрытое крошечными стеклярусными бусинками.

— Мне нужно зеркало, — сказала Ливия, оглядываясь.

— Я буду твоим зеркалом. — Он расправил на ней глубокий вырез. — Так. Шикарно смотришься, Ливия. — Он вытянул вперед два кулака. — Выбирай!

Она сдвинула брови. Что это, ударить хочет? Шлепнула по левому кулаку. Альберто разомкнул пальцы, на ладони лежало серебряное кольцо.

— Повернись.

Он застегивал кольцо, и Ливия чувствовала на шее его дыхание, спокойное, ровное.

Потом Альберто подал ей шляпку.

— Теперь давай прокатимся.

Дорога на Массу все еще была усыпана шлаком, с треском крошившимся под колесами. Альберто ехал медленно, чтобы не поцарапалось покрытие автомобиля.

Городок опустел, многие дома были разрушены. Но на главной улице им попался припаркованный грузовик с работавшим двигателем. Двое выносили оставшееся в домах имущество — подсвечники, зеркала, все, что было ценного, и кидали все это в кузов.

— Это же мародеры! — в ужасе воскликнула Ливия.

— Не стану с тобой спорить, — Альберто остановил машину. — Джузеппе, Сальваторе, — выкрикнул он, — как идут дела?

Один из парней развел руками.

— Особо разжиться нечем. Тут жили одни бедняки.

— Может, просто искать не умеете. — Альберто указал большим пальцем на Ливию: — Я вот что нашел!

Парни усталились на Ливию. Альберто с хохотом запустил двигатель и газанул прочь.

Ливия прикрыла глаза. Ей уж было показалось, что вот-вот случится что-то непоправимо ужасное. Но потом она догадалась, расчет был иной. Альберто давал ей понять, что пока выдает ей пенициллин, она — его собственность.

— Куда мы едем? — спросила она.

— В Неаполь.

Ведя машину по улицам Неаполя, Альберто как будто что-то про себя все время прикидывал. Пару раз пытался вовлечь Ливию в разговор, но она, отвернувшись, смотрела в окно.

Но вот Альберто свернул на безлюдную дорогу позади полицейского участка и остановил машину. Дежуривший у дверей carabinieri кивнул ему.

— Приятель твой? — нарушила молчание Ливия.

— Угу. У меня куча дел с народом в этом заведении.

— А я-то причем?

— Сегодня ты и есть то дело, ради которого я сюда приехал.

Она не задавала вопросов. Что бы Альберто в отношении ее ни замышлял, ничего хорошего это ей не сулило. Просто надо постараться ни на что не реагировать, пока все не закончится.

— Вот что, Ливия, — начал Альберто, — хочу кое о чем тебя спросить.

Джеймс сидел за своим письменным столом, неотразимый в новой с иголки форме. Начищенные ботинки блестели, как зеркало, медная пряжка на поясе сияла, фуражка замерла в готовности на крючке при двери. Он делал вид, будто работает, но работать было совершенно невозможно, не только из-за беспрестанного вмешательства прочих сотрудников подразделения, то и дело

просовывавших голову в дверь с пожеланиями всяческих удач или чтобы бросить ему: «Молодчина!» В соседнем кабинете Карло с Энрико даже не пытались изображать трудовую деятельность, а без конца гляделись в только что вымытые окна, как в зеркала, прилаживая свои канотье и галстуки-бабочки. Откуда-то Карло раздобыл зеркальные солнечные очки «Рэй-Бэн», вроде тех, что носят американские летчики, и ужасно радовался, что его глаза теперь никто не видит.

Во дворе внезапно взвыл прорезавшийся микрофон. «Проверка!» — робко произнес чей-то раздутый усилителями голос. Джеймс подошел к окну выглянул наружу. Даже в самые последние минуты микрофон, перед которым генерал должен был произнести речь, все продолжали оплетать сине-красно-белыми флажками. Сотрудник армейского радио суетился вокруг с магнитофоном, а оператор армейской кинохроники прилаживался с разных углов, так чтобы в видеоискатель не попали следы разрушений от авианалетов.

Взяв наугад письмо из своей корзины, Джеймс пробежал его глазами. На конверте значилось: «Городская община Черколы»:

Уважаемый сэр,
Управление нашей общины, выражая благодарность и признательность граждан Черколы за работу, проделанную на благо людей во время последнего извержения Везувия, считает необходимым подчеркнуть в особенности оперативную деятельность командования союзных сил по спасению более 500 семей местных жителей, которые были эвакуированы со всем своим имуществом с помощью транспорта союзных сил, а также щедрое распределение продовольствия...

Джеймс отложил письмо в стопку аналогичных писем. Благодарность искренняя, в этом сомнений не было. Хотя едва облагодетельствованные союзной помощью смекнули, что от них в целях пропаганды ждут пения с плясками, каждый своей восторженной благодарностью стремился переплюнуть остальных. В немислимых шляпах с перьями, мантиях, с цепями на шее,

указывавшими принадлежность их носителей к местной провинциальной знати, многие из авторов этих писем в данный момент собрались во дворе, чтобы занять здесь почетные места.

Эрик просунул голову в дверь. Он тоже в ожидании генеральского визита был в новой форме, хотя, явно чувствовал себя не в своей тарелке оттого, что идея всей операции приписывалась и ему.

— Встретимся внизу, дружище, — буркнул Эрик. — Машина генерала на подходе.

Джеймс кивнул:

— Сейчас спускаюсь!

Он распечатал очередное письмо:

Дорогой капитан Гулд!

Просто хочу сообщить Вам, что у нас с капралом Тейлором родился малыш. Мальчик красивый, весит девять фунтов, голубоглазый и темноволосый, постоянно голодный. С Вашего позволения мы назовем его Джеймсом в память обо всем том, что вы для нас сделали.

С приветом,

*Джина Тейлор (в девичестве
Тезалли).*

Джеймс улыбнулся, вскрыл еще одно письмо:

Дорогой Джеймс!

Мне очень жаль, что мы так нехорошо расстались в тот день, когда ты навестил меня в Фишино после извержения. Хотя теперь это уже не имеет значения. То, о чем хочу тебе написать, не имеет никакого отношения к нашей ссоре.

Я решила больше не возвращаться в Неаполь и не работать больше у тебя поварихой. Теперь моя жизнь повернулась иначе, и как это для меня ни тяжело, ничего изменить я не могу. Может, так и лучше в конце-то концов. Мне было очень хорошо с тобой, но я бы никогда не смогла быть счастлива с

тобой в Англии. Признаться, я могу жить только здесь, ухаживая за отцом, и я решила, что уж лучше посвящу свою жизнь ему и незачем мне больше выходить замуж. Мне трудно тебе объяснить, почему я так решила, только не пытайся больше меня уговаривать, это бесполезно. Самое лучшее — совсем про меня забудь.

Мне больно писать это письмо, потому только об одном прошу: не делай мне еще больней, не пытайся уговаривать меня изменить решение.

От души желаю тебе счастья в жизни,

Ливия.

Джеймс застыл над письмом. Этого не может быть. Он снова прочел его, еще раз. Сначала он решил, что все совсем не так, что написала она письмо в сердцах, рассердившись на него. Но последние строки, судя по всему, исключали всякую возможность извинений. И сам тон письма был решительный, холодный, без тени раздражения. Он вглядывался в строки. Не след ли слезы, чуть размывшей прощальные слова?

Внезапно ужасная правда пронзила его сознание. Ливия его бросила. Он никогда больше не поцелует ее, не увидит ни этой дерзкой улыбки, ни страстного блеска ее глаз, никогда не услышит, как слетают с ее губ слова, когда она тараторит без умолку. Никогда больше он не вкусит сладости ее плоти, никогда не будет стоять с ней бок о бок, стругая кабачки. Она изгнала его из своей жизни. Тут что-то не так, в отчаянии думал он. Тут что-то совсем-совсем не так.

Ливия отчетливо чувствовала, что Альберто смотрит на нее как-то странно, но по-прежнему сама упорно глядела перед собой на капот «Бугатти». Дернула плечом.

— Если спросить хочешь, спрашивай!

— Выйдешь за меня?

Она резко повернулась:

— Что-о-о? После того, как ты со мной обошелся? Ты, видно, совсем спятил.

— Все не так просто. Я разозлился. Ты такая красивая, Ливия, но такая, черт подери, гордячка. Нет, постой! — Он остановил Ливию, готовую что-то возразить. — Иногда мне хотелось тебя немного укоротить. Но что бы я ни делал, я это делал потому, что тебя люблю.

— Это смешно!

— Я люблю тебя. Потому и делал все, что в моей власти, лишь бы тебя заполучить. — Он помолчал. — Даже, если при этом тебя унижал. Но теперь я понял: овладеть твоим телом — не значит владеть тобой. Сама видишь, Ливия, меня тут кругом уважают. После войны я сделаюсь богачом. Мне нужна женщина рядом. Мне ты нужна. Я дам тебе все, что только пожелаешь. И обещаю, что больше никогда, ни в чем не обижу тебя. Буду обходиться с тобой, как и положено с королевой.

— Ну, а... — У Ливии перехватило дыхание. — ...как же наш ресторан?

— Мы, конечно, его отстроим заново. Больше того, я вложу в него средства, мы превратим его в настоящий бизнес. Вот увидишь, с моей легкой руки он снова расцветет. Мы отлично подзаработаем. Будет всякая работа, отличная работа и для Маризы, и для твоего отца, а если отец захочет уйти на покой, у нас хватит сбережений, чтоб обеспечить ему спокойную старость.

Ливия невидящим взглядом смотрела вперед в ветровое стекло. Она понимала: то, что предлагал Альберто, превосходит все то, что ей когда-либо кто-либо предлагал. Получалось, что иного выбора нет.

— Гулд! — в дверях стоял майор Хеткот. — Эй, черт возьми, что вы там застряли!

— Слушаюсь, сэр!

Превозмогая потрясение от прочитанного, Джеймс как заведенный, в ногу с начальством спустился с лестницы во двор.

Кое-кто из местной итальянской знати при выходе двух чеканящих шаг британских офицеров разразился аплодисментами. Пару раз даже выкрикнули: «Браво!»

— Погодите, погодите! — пробормотал майор, на ходу делая глаза аплодировавшим. — Дождемся приезда генерала.

Майор с Джеймсом остановились, приняв положение «вольно». Итальянцы снова захлопали, на этот раз больше из вежливости.

— Черт подери, как на параде! — недовольно пробурчал майор себе под нос.

Внешне Джеймс держался невозмутимо, но внутри у него все кипело. Она кинула его. Почему? Какой-то бред. Что могло заставить ее вдруг так к нему перемениться?

Со стороны Ривьера ди Кьяйя вывернул генеральский бронированный автомобиль, и два бравых военных полицейских по обе стороны от входа вскинули винтовки на плечо. Через мгновение все собравшиеся во дворе представители союзных войск как один замерли в ожидании. Итальянцы, вежливо аплодировавшие двум офицерам, теперь пришли в неистовство. Минуты две гремела стоячая овация, взрываемая многочисленными выкриками: «Vivono gli alleati».

[64]

Генеральский автомобиль остановился, из него вышел высокопоставленный гость. Майор Хеткот, шагнув вперед, отдал честь.

— Вольно, ребята, — бросил генерал сквозь приветственный шквал итальянцев. — Кинокамера крутится?

Начальник подразделения военной кинохроники подтвердил, что крутится.

— Отлично. Это — те самые? — генерал подошел и встал между Эриком и Джеймсом.

Засверкали вспышки. Потом генерал поднял руку, призывая к тишине. Толпа замерла в ожидании.

— Прости, Альберто, — сказала Ливия. — Но я не могу. Предложение щедрое, но мой ответ — «нет».

Он вздохнул:

— Это я и предвидел.

— Никак не могу, — повторила она.

— Что, из-за того англичанина?

Как бы ни было ей страшно за себя, еще страшней Ливии сделалось за Джеймса: она знала, что Альберто, если это взбредет ему в голову, способен прикончить Джеймса без малейшего колебания.

Ливия покачала головой:

— Я не встречаюсь с ним больше.

И почувствовала на себе пристальный взгляд Альберто. Потом он хмыкнул и указал в сторону полицейского участка.

— Вон там, — сказал он, — сидят те, кому поручено отправлять зараженных сифилисом женщин на север, к немцам, за линию фронта.

Холодом ужаса сковало Ливию изнутри:

— Я-то здесь при чем?

— Я им сказал, что есть у меня кандидатура на примете.

— Так ведь они же разберутся, что это...

Альберто вытянул из внутреннего кармана листок. Развернул, и она увидела, что это какая-то справка.

— «Врач союзных войск, осмотрев Ливию Пертини, определил, что она является носителем инфекции». Уже с подписью. Мне остается только проставить дату. — Он сделал паузу: — Если только ты не...

— Вот, значит, какой ты мне предлагаешь выбор? — сказала Ливия. — Либо свадьба, либо — это?

— Было бы лучше, если б ты согласилась по доброй воле. Но мое слово железно. Ты должна мне принадлежать.

— Да уж ты, Альберто, мастак делать романтические предложения.

— Ну, что ты решаешь? — не отставал он. — У тебя есть из чего выбирать.

— Мы прибыли сюда не завоевывать эту древнюю страну, а освобождать, — произнес генерал в микрофон, и голос его раскатисто разнесся по двору. — И эти молодцы офицеры, стоящие рядом со мной, блистательный пример нашего уважения к вам. Своей бдительностью, находчивостью и демократическими устремлениями они показали, что мы готовы сражаться с тиранией в любых ее проявлениях.

Далее генерал продолжил в том же духе. И уже почти убедил Джеймса, что извержение вулкана, если и не было подстроено лично Гитлером, то, по крайней мере, являлось частью международного заговора, против чего генерал призывал сражаться, с какой бы стороны он ни грозил.

— Столкновение с Гитлером, — вещал генерал, — это лишь начало широкомасштабной войны против тирании.

При том он намекнул на деятельность «темных сил» среди гражданского населения, которые «готовы причинить страшные

бедствия, посеять раздор и подорвать основы демократии».

Генерал говорил о фашизме, но Джеймс ясно понимал, что его слова могли бы в равной степени относиться и к коммунистам.

— В завершение, — сказал генерал, — вот что скажу я сторонникам тирании: при таких, как эти, солдатах нашей доблестной армии, вам ни за что не подорвать основ нашей демократии. А этим храбрым офицерам я скажу — ребята, свободные народы мира приветствуют вас!

Слушатели, большинство из которых ни слова ни поняли, но по тону сообразили, что дело идет к завершению, разразились аплодисментами.

— А что вы, ребята, конкретно, такого сделали? — тихонько спросил генерал у Джеймса, прикалывая ему к груди почетную ленту.

— Организовали эвакуацию гражданского населения с Везувия, сэр!

— А, ну да. Отличная работа. — Генерал отдал им честь, они козырнули в ответ. — Кто из вас говорит по-итальянски?

— Я, сэр, — с упавшим сердцем ответил Джеймс.

Генерал обвел рукой толпу.

— Скажите им пару слов, а?

— Что именно, сэр?

— Ну, слова благодарности. Хотя было бы отлично упомянуть и насчет борьбы против тирании.

— Понял, сэр.

Генерал поднял руку, призывая к тишине. В ту же секунду все стихло. Джеймс наклонился к микрофону.

— Я хотел бы поблагодарить генерала за его добрые слова. И... э-э-э... еще раз сказать, что война с тиранией... э-э-э... весьма важная для нас задача.

Звук собственного голоса, громким эхом прокатившийся по двору, сбил его, заставив умолкнуть. Джеймс видел перед собой застывшие в ожидании лица. И вдруг понял, что не может больше долдонить эту чушь.

— Послушайте, — сказал он, — я вовсе не герой. По правде говоря, только из-за одной девушки я и составил этот план эвакуации.

Все итальянцы мигом оживились. Политические речи — это замечательно, но романтическая история куда привлекательней.

— Понимаете, она живет на Везувии. В общем... я хотел ее уберечь. Но когда дело до этого дошло, я, вместо того, чтобы проверить, все ли с ней благополучно, как полный идиот отправился в Терциньо, убедиться, все ли в порядке с самолетами.

Все как один слушатели с замиранием сердца жадно ловили странноватый рассказ Джеймса. Сидевшие в задних рядах подались вперед, чтобы лучше видеть.

— Что он говорит? — зашептал генерал в ухо Эрику.

— Это... э-э-э... немного быстро для меня, не разберу, сэр!

— Решение было неверное, — медленно сказал Джеймс. — Теперь я это понимаю. Ее дом... ресторанчик ее семьи... был разрушен. До сих пор я не знаю, что же именно произошло в эти десять дней и что она перенесла, но понимаю, что этого ей оказалось достаточно, чтобы перемениться ко мне. И хотя в данный момент я не буду срывать с себя эту ленточку, поскольку человек рядом со мной может за это приказать меня расстрелять, но я завтра же готов кинуть ее в море, лишь бы только мне удалось вернуть эту девушку.

— Впечатляющая речь, Джеймс, — прошептал Эрик краешком рта по-итальянски. — Но на твоём месте я бы уже закруглялся.

Джеймс окинул взглядом лица итальянских слушателей, с сочувствием устремленные на него. Чувства, которые он давно в себе подавлял, внезапно, непроизвольно вырвались наружу, в глазах его сверкнули слезы.

— Я люблю ее, — просто сказал он. — Люблю больше всего на свете. А она теперь просит, чтоб я ее забыл. Но этого я никогда и ни за что сделать не смогу.

Слушатели исторгли общий вздох. Мэр в переднем ряду утирал глаза подолом торжественной мантии.

— А теперь, — продолжал Джеймс, — если позволите, я пойду и напьюсь!

Итальянцы разразились овацией. Многие плакали навзрыд. Пара человек даже вскочили со своих мест, чтобы подбежать к Джеймсу, прижаться мокрыми от слез щеками к его щекам.

— Непостижимо! — высказался генерал, глядя вокруг себя изумленными глазами. — Совершенно непостижимо!

В «Зи Терезе» не было ни души, кроме полирующего стаканы бармена. Джеймс подошел к стойке, заказал скотч.

— У нас закрыто... — начал было бармен.

Но тут, завидев, кто явился, вышел Анджело и махнул бармену, чтоб оставил их вдвоем.

— Не возражаешь против компании, Джеймс? — спросил он, ставя перед ним стакан.

— Не возражаю против бутылки.

Анджело поднял брови. Джеймс вынул из кармана письмо Ливии и пододвинул к Анджело.

— Вот. Можешь прочесть.

Анджело молча прочел письмо. Потом извлек из-под стойки бутылку без этикетки со светло-коричневым содержимым.

— В такие времена скотч тебе не поможет. Да и то, что в этой бутылке, в Шотландии даже не ночевало. — Он вылил содержимое стакана Джеймса в раковину, откупорил свою бутылку и разлил по маленьким пузатым стопкам бледную жидкость. Джеймс взялся за одну, поднес к носу:

— Что это?

— Граппа. Трижды очищенная, настоящая в бочонке, ей больше ста лет. Если, прости Господи, мы жили бы во Франции, она бы звалась коньяком. Немцы у меня умыкнули бы все бутылки.

Пожав плечами, Джеймс залпом опрокинул в себя рюмку. Даже в своем теперешнем состоянии он не смог, однако, не отметить маслянистого благородства паров, ласково обволакивающих пазухи носа и удержавшегося на нёбе мягкого, крепкого, чуть копченого привкуса, — повеяло затянутыми паутиной складскими стенами, сырым погребом, пропахшей ладаном церковью и пыльными дубовыми балками. И на мгновение Джеймс увидел свои беды как бы сквозь призму этого древнего напитка, и они показались ему ничтожно малыми, незначительными, преходящими.

Будто читая его мысли, Анджело сказал:

— Когда такой вот спирт залили, накрепко запечатав, в первую из множества дубовых бочек, Италия еще и не была единой нацией, а ваша королева Виктория под стол пешком ходила. Иногда помогает взглянуть поглубже в прошлое. — Он налил Джеймсу еще, коснулся своей рюмкой его граппы.

— За историю!

На сей раз Джеймс пил чуть медленней.

— Значит, — задумчиво произнес Анджело, — Ливия решила за тебя замуж не выходить. Выбрала долг против любви.

Джеймс протянул свою рюмку, чтобы метрдотель налил еще.

— Сдается мне, вы, видно, больше между собой схожи, чем я предполагал. — Анджело налил Джеймсу, поднял свою рюмку. — И теперь, как я посмотрю, тебе довольно кисло.

— Я предал ее, — сказал Джеймс. — Я не был с ней, когда был ей нужен.

— Понятно.

Некоторое время они пили молча. Потом Анджело задумчиво сказал:

— Ты уж слишком себя не кори. Просто ты выполнял свой долг. Думаю, это Ливия тебе простит.

— Простит? Она не желает больше меня видеть! — И Джеймс, обхватив руками голову, простонал: — Какой же я дурак, Анджело!

— Это верно, — кивнул Анджело. — Но не в этом суть.

— А в чем?

Анджело слегка повернул свою рюмку, заглядывая в глубину.

— Бывает, если взглянешь в такую вот древнюю, как эта, граппу, и кажется, будто само будущее видишь. — Он чуть отхлебнул, покатал слегка языком во рту. — А когда выпьешь, почти уверен, что сможешь, как хочешь, это будущее изменить.

— О чем ты, Анджело?

— Все просто. Ты хоть раз говорил Ливии, что любишь ее? Что всю жизнь хочешь быть только с ней одной? Что никакие самые непреодолимые препятствия не смогут вас разлучить?

— Нет... — вздохнув, признался Джеймс. — Сам знаешь, ситуация была непростая. Как брачный офицер, я...

— Ах, Джеймс, Джеймс! Скажи-ка мне, почему британцы ввязались в эту войну?

— Наверное, потому, что решили, что в ней есть за что сражаться, — пожав плечами, ответил Джеймс.

— Например?

— Ну... скажем, за честную игру. Защищать тех, кто не может постоять за себя. Не позволить, чтоб нами помыкал какой-то жалкий

военный диктатор.

— А когда дело доходит до тебя самого, ты готов позволить другим указывать, что тебе надо делать, подчинять свою жизнь военному уставу, при этом забывая о добре, порядочности, справедливости, — если угодно, и о любви, — качнул головой Анджело. — Вы решили, что наша страна стоит того, чтобы за нее сражаться, и мы вам за это благодарны. А как насчет самого нашего народа? Как насчет Ливии? Разве за нее сражаться не стоит? — Анджело указал пальцем на письмо и подтолкнул его обратно через стойку к Джеймсу. — Ты можешь постоянно носить у сердца это письмо. Можешь носить его долго, пока оно не выцветет, не прорвется на сгибах, как старое кружево по швам. Но ты можешь себе сказать, что листок бумаги — еще не решение, что любовь, отвергнутая в таких вот обстоятельствах, не отвергнута окончательно, а только испытывается. Что этот разрыв не станет окончательным до той поры, пока вы оба это не признаете. Короче, дружок, если ты и в самом деле считаешь, что ради этого стоит сражаться, вот и давай, сражайся.

— Но она пишет, что решения своего не изменит!

— Она женщина, Джеймс! Если ты поменяешь ей ее решение, она тебе только спасибо скажет. А если нет, — Анджело повел плечами, — тогда какое это все имеет значение, ведь правда?

— Господи, Анджело! — воскликнул Джеймс, глядя на него горящими глазами. — До чего же ты прав!

Глава 40

Выйдя из ресторана, он вскочил в свой джип, вспугнув шайку scugnizzi, старательно орудовавших над выворачиванием фар. Едва джип тронулся, металлом звякнуло о дорожные камни.

Хоть дороги и были открыты для движения, но окружающий пейзаж по-прежнему был пугающе мертв. Джеймс петлял по горной дороге, и пепел взвивался из-под колес. То тут, то там черные пятна скошенных деревьев указывали, где лава свирепствовала лютей всего.

Когда Джеймс добрался до Фишино, его встретила тишина. Он притормозил у развалин остерии и выключил двигатель. Казалось, вокруг ни души.

— Эй! — выкрикнул он.

И тут увидел в окне одного из ближайших домов знакомое лицо.

— Мариза! Это я, Джеймс!

Она вышла на крыльцо.

— Где Ливия?

— Нет ее.

— Где она?

Мариза молчала.

— Мне надо с ней поговорить! — сказал Джеймс.

— Она пошла к Альберто Сиенца.

— К этому бандиту? Что общего у нее с ним?

Мариза снова промолчала, и он нетерпеливо бросил:

— Ладно, неважно! Как туда добраться?

Мариза не сразу указала ему на просвет среди деревьев.

— Ступай по этой тропе примерно с милю. — И вдруг ее будто прорвало: — Ливия ушла еще вчера и до сих пор не вернулась. Я волнуюсь за нее. Она мне привиделась... в какой-то тьме.

— Не беспокойся, я найду ее! — сказал Джеймс и припустил бегом по тропинке.

Мариза за его спиной взволнованно сжимала руки в сомнении — верно ли она поступила.

Джеймс бежал по тропинке, пока она не привела его к ферме. Под навесом стоял сверкающий красный «Бугатти», дверь в дом был

открыта.

— Ливия? — позвал Джеймс.

Ответа не последовало, и он вошел в дом. Из кухни тянуло запахом застоявшейся пищи. На столе остатки трапезы — и какой: весь стол был уставлен удивительными деликатесами. Недоеденный, лишенный конечностей омар, небрежно раскиданные по столу вскрытые жестянки с икрой. Почти опустошенная бутылка «Мутон Ротшильд» валялась на боку. Два наполненных до половины стакана стояли у двух пустых тарелок.

— Ливия? — снова повторил Джеймс.

Он различил какие-то звуки на втором этаже. Скрипнула кровать. Вскрикнула женщина, то ли в экстазе, то ли от боли. Джеймс взбежал по лестнице вверх, ногой распахнул дверь.

В постели были двое, тучный мужчина и женщина. Перед глазами возникли копна темных волос, обнаженная спина, платье, перекинутое через спинку стула. Но женщина, верхом сидевшая на Альберто Спенца, была не Ливия.

— Подымайся! — велел Альберто женщине.

Та покорно сползла вбок. Завернувшись в простыню, Альберто поднялся.

— Где Ливия?

Альберто прошел к окну, выглянул наружу.

— Ага, явился один, — отметил он, — это опрометчиво.

Джеймс взорвался, продолжая говорить по-итальянски:

— Говори, где она, скотина, или я...

— Или ты — что? Я с большими людьми на короткой ноге. Ты думаешь, что какая-то девчонка для них важнее их борьбы против тирании? — Альберто криво усмехнулся. — Хотя, если потеря для тебя так уж велика, всегда можешь справиться в полицейском участке. Может, кто-то ее туда забросил.

— Что ты мелешь?

— Сюда она уже не вернется. Но если ты все же когда-нибудь ее разыщешь, можешь передать ей вот это.

Альберто взял платье и кинул Джеймсу. Это было платье Ливии, он его узнал.

— Трахалка она отменная, — небрежным тоном бросил Альберто. — Надеюсь, немцы ее оценят. Ну, а ты, дружок, надеюсь, радостно обретешь больше рогов, чем в дюжине корзин уместится улиток.

Вне себя Джеймс кинулся на Альберто, но увидел наставленное на себя дуло револьвера. Они долго стояли так, буравя друг на друга взглядом. Потом Джеймс молча повернулся и вышел.

Итальянец крикнул ему в след:

— Поосторожней с притолокой! Рогами зацепишься!

Весь в ярости, униженный, Джеймс пустился по тропинке обратно в Фишино. Он смутно догадывался, на что мог быть способен Альберто, хотя по-прежнему никак не мог взять в толк, как и почему Ливия с ним связалась. И при чем тут немцы и куча рогов?

Мариза поджидала его.

— Ну? — нетерпеливо спросила она. — Ты ее видел?

— Нет, — сухо сказал он и кинул на землю платье. — Только вот это. Думаю, Мариза, будет лучше, если ты мне все расскажешь.

Мариза закончила свой рассказ. Джеймс слушал, прикрыв глаза.

— Но почему она мне ничего не сказала!

— А как бы ты это воспринял?

Вопрос был в точку. Джеймс был тронут глубиной самопожертвования Ливии, но и внутренне потрясен: как она могла на такое пойти.

— Значит, сомнений нет, — сказал он, — она спала с этим мерзавцем?

Мариза ответила ему не сразу:

— Я могла бы солгать, сказать, что, может, и не спала. Но мы ведь оба знаем, что это неправда. Ливия поступила так, потому что не было выхода.

Джеймсу не хватало воздуха. При мысли, что Альберто и Ливия занимались не только тем, чем Джеймс занимался с Ливией, а, может, даже и еще чем-то, тошнота подступила к горлу. Поднявшаяся из глубин животная ревность воспламенила кровь.

— Джеймс, — сказала Мариза, — она тебя любит. Что бы она ни делала, любит она только тебя. Ты не должен терять веры в это.

Рев грузовиков приплыл снизу с дороги. Три мощных армейских грузовика тянулись в гору еле-еле, будто сбились с пути. Едва они подъехали к сгрудившимся в кучу домикам Фишино, первый грузовик развернулся. Но вместо того, чтобы направиться назад по склону вниз, как Джеймс и ожидал, грузовик стал пятиться задом к остерии.

Джеймс озадаченно наблюдал за происходящим. Грузовик притормозил, из кабины выпрыгнул солдат. Но, выкрикивая, куда править, он просто-напросто помогал шоферу подогнать грузовик ближе к пострадавшему дому.

— Что это вы делаете? — выкрикнул Джеймс.

— Хорош! — гаркнул солдат водителю, хлопнув рукой по боковине грузовика.

И повернулся к Джеймсу:

— Вы — капитан Гулд?

— Верно, — изумленно ответил Джеймс. — А в чем дело?

— Значит, мы прибыли куда надо, — солдат козырнул. — Рядовой Гриффитс, королевские инженерные войска. Слышал вас по радио, сэр.

— По радио?

Гриффитс кивнул:

— Ну да, как вы выступали, когда генерал приезжал.

— Но... я ведь по-итальянски...

— Верно... я теперь уже прилично говорю. Вообще-то, мы с женой вместе слушали, она мне помогала. Помните жену мою, сэр? Альджизу Гриффитс? Правда, девичья ее фамилия Фьоре.

Джеймс изумленно уставился на солдата:

— Рядовой Гриффитс... Ну, как же... вы уколошили троих немцев голыми руками с помощью столовой ложки?

Гриффитс несколько смутился:

— Ах, это... По правде говоря, все из-за плохого перевода. Ложка там, правда, была, но еще был и пулемет, просто в то время я не знал, как он будет по-итальянски.

— Но какого черта вы тут делаете? И кто те, другие люди?

Из грузовиков выпрыгивало все больше и больше солдат.

— Ну, этот — капрал Тейлор, — сказал Гриффитс, когда очередной военный подошел пожать Джеймсу руку.

— Джина, понятно, не с нами, — сказал Тейлор. — Она осталась с маленьким Джеймсом, но послала вам горячий привет. Очень

приятно, сэр, наконец-то с вами познакомиться.

— Вот это Берг, муж Виолетты. А тот Джим — он тут вместе с Сильваной... вот Магнус с Аддолоратой... Тед с Витторией...

— Но что вы все тут делаете?

— Услыхали, что у вас с вашей девушкой вышло что-то вроде размолвки. Тогда и кинули клич... в общем, решили, что приедем, посмотрим, не нужна ли наша помощь. И строительный лес привезли.

Второй грузовик уже подъезжал задом к остерии, военные сгружали из кузова доски. Рядовой Гриффитс наметанным глазом оценил состояние кухни:

— Не так уж скверно, как может показаться. Я прежде был строителем до инженерных войск.

— Спасибо вам за заботу, только девушки моей здесь нет.

— Ну, тогда отправляйтесь к ней и решайте свои проблемы, ладно? А мы уж тут поработаем.

После некоторого колебания Джеймс решился:

— Могу я задать вам один очень личный вопрос? Как женатому мужчине?

— Конечно.

— Думаю, для вас не секрет, что Альджиза... в общем, до того, как она вас встретила, она... — Джеймс смешался, не зная как выразиться.

— Что она гуляла с солдатами, сэр? — невозмутимо подхватил капрал Гриффитс. — Да, это так. И хорошо, что было так.

— Хорошо? Почему?

— Потому, что если бы не гуляла, умерла бы с голоду, — просто сказал капрал. — И я никогда бы ее не встретил.

— Ну и... как вам это далось?

— Очень тяжело. Но без нее мне было бы еще тяжелей. Ведь в конечном-то счете это и есть главное, верно? Как мы друг к другу относимся.

— Да, — сказал Джеймс. — Конечно. — И протянул руку. — Спасибо вам, капитан Гриффитс. Вы мне очень помогли.

Он повернулся и поспешил обратно к своему джипу.

В Квестуре, главном полицейском управлении, его допустили к шефу полиции. Джеймс объяснил цель своего прихода. Шеф запросил

по этому вопросу досье и тщательно просмотрел. Наконец извлек из одной папки листок, показал Джеймсу.

— Здесь все написано. Как говорится, никаких сомнений. Ливия Пертини. Задержана в момент приставания к мужчинам, в тот же день осмотрена врачом. Отправлена вместе с другими заразными в лагерь в Афраголу.

У Джеймса все похолодело внутри:

— И где она теперь?

Полицейский взглянул на часы:

— Полагаю, они уже отплыли на катере в северном направлении.

— Надо задержать катер! Это чудовищная ошибка.

Шеф полиции сложил руки на животе:

— Это что, ваша девушка?

— Да, именно так.

— Вот оно что, — шеф полиции понимающе кивнул. — Вы представления не имели, что она содержит себя подобным образом. Такое случается.

— Она вовсе не проститутка. И заразной никак быть не может.

— Вы так думаете? Но теперь я ничем не могу помочь, остальное — дело военных.

— Это какой-то преступный сговор. Я требую тщательного расследования.

Шеф полиции бросил на него тяжелый взгляд.

— Осторожней с обвинениями в наш адрес, — сказал он, не повышая голоса, — если у вас нет железных доказательств. — И, помолчав, добавил: — А их у вас, как видно, нет.

И стал собирать разложенные документы. Разговор был явно завершен.

— Что намерены предпринять? — бросил шеф полиции дежурным тоном.

— Если вам угодно, — сказал Джеймс, — я намерен отправиться следом и вернуть ее.

— Мне кажется, вы не совсем поняли, — улыбнулся шеф полиции. — Ее отправляют за линию фронта.

— Прекрасно я все понял, — Джеймс поднялся. — И сколько бы мне ни пришлось ее искать, клянусь, я ее найду!

Ее, не перестававшую кричать и отбиваться, потащили и кинули в камеру. Дверь наглухо захлопнулась. Ливия стучала в дверь кулаками, обзывала солдат бессовестными тварями и паразитами, но в ответ слышала только смех за дверью и затем удаляющиеся шаги.

— Бесполезно, — сказал голос у нее за спиной.

Ливия обернулась. На скамье под единственным в камере окном сидели три молодые женщины. Примерно одних с ней лет, темноволосые, хорошенькие. Та, которая произнесла первую фразу, продолжала:

— Никто не придет уже. Рената пыталась их подкупить, даже это не сработало.

Самая молоденькая кивнула:

— Я им предложила со мной за бесплатно и еще дала по тысяче лир каждому. Деньги-то они взяли, но только испугались идти со мной, потому что заразная. Тебя-то где взяли?

— Нигде, — сказала Ливия. — Я отказалась выйти замуж за одного самогиста, а ему это не понравилось. Мне надо поговорить с кем-нибудь из начальства, чтоб меня врач осмотрел. Они тут же увидят, что это все ложь.

— Теперь они не позволят тебе к доктору, — сказала третья девушка. Она говорила тихо-тихо, как будто была ужасно застенчива. — Они думают, что бы мы ни делали и ни говорили, это только, чтоб спастись от отправки на север. У тебя же справка, где написано, что ты заразная, больше их ничего не интересует.

Через пару часов дверь открылась, и carabinieri, не реагируя на вопросы, препроводил их к грузовику. Их повезли из Неаполя. Грузовик подкатил к огороженной военной зоне у самого моря. Солдаты провожали взглядами четырех женщин, когда те проезжали через лагерь, без насмешки, без любопытства, просто оценивая. Ливии показалось, что тут уже знают, зачем их сюда привезли, и что они не первые, которых эти люди видят сегодня в проезжающем грузовике.

И, конечно, препроводили арестованных в тюремный барак-временку, где уже сидело в четырех изолированных камерах человек двенадцать женщин. Четырех новеньких поместили в камеру, куда к ним наведалься британский офицер, четко указавший, в чем их задача.

— По идее, когда доберетесь до Рима, вас отправят в немецкий бордель, где вы будете спать с немецкими солдатами, и чем чаще, тем

лучше. В вашем положении у вас выбора почти нет, потому что мы снабдим вас только удостоверениями личности, не деньгами. Придется самим зарабатывать себе на жизнь. Но, полагаю, вам не привыкать.

— А что если немцы разберут, что мы заразные? — спросила одна из девушек.

— Как вы понимаете, это их не слишком обрадует.

— Возмутительно! — вскинулась Ливия. — Мы ведь женщины, живые люди. Хотя бы дайте нам возможность пройти лечение!

— По существу, вы преступницы, — парировал офицер. — Проституция является и гражданским, и военным преступлением. — Он кинул на пол какие-то сумки. — Мы позволили себе кое-чем обеспечить вас в дорогу. Нельзя же в неподобающем виде являться в Вечный Город, правда? Через пару часов катер с вами отчалит.

— Это какая-то чудовищная ошибка, — не унималась Ливия. — Я подруга британского офицера Джеймса Гулда. Вы должны с ним связаться, ему сообщить.

— У каждой из вас в Неаполе есть свой британский офицер, — заметил пришедший. — Если считаешь, что мне больше делать нечего, как с кем-то связываться, то ошибаешься. Без тебя твоему офицеру будет намного лучше.

И он вышел, заперев за собой дверь.

Одна из девушек раскрыла сумку. Там были платья, шляпки, туфли, больше ничего.

— Бред какой-то! — взорвалась Ливия, пнув сумку ногой.

— Что это он говорил про немецкий военный бордель? — тихо спросила застенчивая.

— У немцев не так, как у союзников, — сказала девушка, которую звали Рената. — У них нельзя останавливать мужчин на улице. У них есть такое специальное армейское заведение. В Неаполе было такое, когда здесь стояли немцы.

Впервые Ливия по-настоящему поняла, насколько чудовищно ее положение. Мало того, что ее отправят за линию фронта к немцам, ее еще и запихнут в бордель. Что будет, если она откажется делать то, что ей велят?

— Пожалуй, — предположила она, — стоит сказать немцам, что мы заразные. Тогда нас не сдадут в бордель.

— В бордель не сдадут, зашлют в концлагерь, — сказала Рената. — Заразных женщин они не лечат, только солдат.

Чтобы скоротать ночь, девушки рассказывали друг другу о себе. Ни одна до войны не была проституткой. Застенчивая девятнадцатилетняя Абелина влюбилась в немецкого офицера.

— Никто мне этого не запрещал тогда, — тихим шепотом рассказывала она, — ведь тогда мы воевали заодно, к тому же Юрген не был «эсэсовцем» и Гитлеру не поклонялся. Мы бы, наверное, поженились, если бы немцы не начали отступать. А когда они ушли, все в деревне стали считать меня шлюхой, вот и пришлось вот этим на жизнь зарабатывать.

Бьянку изнасиловали солдаты союзников — группа марокканцев из полка «Свободная Франция», освобождавшие их деревню.

— Они изнасиловали всех наших женщин, — рассказывала она, — но только я одна была помолвлена. Когда узнал мой жених, он сказал, что не желает иметь со мной дела. И никто мне больше не помог, что мне тогда оставалось делать?

Рената была самая младшая, но происходила из неаполитанских трущоб, и как только началась война, она стала проституткой, потому что никакой иной работы найти не могла. Услышав про *rastrellamenti*, она узнала, что этого можно избежать, если найдет приличную работу, но в своей огромной семье она единственная была добытчицей, и на заработок официантки прокормить всех было невозможно. Когда ее поймали, она решила, что сможет откупиться и избежать беды, — но в тот момент *carabinieri* спешили поскорей завершить операцию.

Ливия слушала все эти истории, рассказываемые буднично, без жалости к себе, без ложных сантиментов, — и новое, незнакомое до сих пор чувство гнева возникло в ней. Этот гнев не был вспышкой ярости, охватившей ее, когда убивали Пупетту, он не был похож на безнадежность отчаяния, которую она чувствовала при виде умирающего отца. Нет, в ней возникла глубокая, страстная убежденность, что ни только ей, ни одной из них тут не место. Что эта война, — как считал Джеймс и не только он, война справедливая, в ней стоит участвовать, — все-таки ведется несправедливым путем, генералы думают только о том, чтобы победить, забывая о сострадании и справедливости. Люди часто бывают добры и совершают добрые поступки, как, например, та помощь, которая была оказана после

извержения Везувия. Но если те же самые люди обретают высокое положение и власть, они злоупотребляют ею или в своих действиях не задумываются о том, как это скажется на других. И больше всего приходится страдать именно женщинам, потому что, прежде всего, они не обладают ни авторитетом, ни властью.

И получается, что выход из этого для женщин — каким-то образом обрести власть. Но как это сделать, во всяком случае, в Италии, Ливия понятия не имела.

Теперь она поняла, что эта война, которая, как она прежде думала, идет между фашизмом и демократическими силами, на самом деле состоит из целой цепи разных конфликтов. Конфликта между теми, кто хочет приковать женщину к дому, и теми, кто считает, что женщина способна и должна работать. Конфликта между теми, кто ждет от молодых больше уважения, и теми, кто желал бы больше терпимости от пожилых. Конфликта между теми, кто принимает Америку с ее фильмами, ее жаргоном, ее гангстерами и ее джайвом, и теми, кто хочет, чтобы Европа оставалась Европой. Конфликта между теми, кто считает, что простые люди должны знать свое место, и теми, кто считает, что простым людям надо дать свободу. Конфликта между теми, кто считает, что правительство должно служить интересам народа, и теми, кто считает, что власти у правительства должно быть больше. Но прежде всего существует конфликт между теми, кто хочет, чтобы все вернулось вспять, и теми, кто хочет все изменить, и в этом конфликте, где битвы еще предстоят, где армии лишь формируют свои войска, Ливия уже знала, на чьей она будет стороне.

ЧАСТЬ IV

Глава 41

Катер отчалил из гавани Гаэта, припустив по морю без огней. На нем было более десятка женщин под охраной двух военных из диверсионного подразделения: одного англичанина и одного итальянца. Из их разговора между собой Ливия поняла, что они уже проделывали подобное путешествие. На катере не было никакого укрытия, и женщины в своих легких платьицах быстро промокли. Сбившись в кучку, чтобы согреться, они едва переговаривались, поскольку катер качало и бросало на волнах.

Глядя, как очертания Везувия постепенно стираются вдаль, Ливия гадала: доведется ли ей еще увидеть Неаполь. Огней не было по случаю затемнения, но она почти явственно представляла себе небольшое скопление домиков в Фишино, отца, сестру... И Джеймса. Что-то он сейчас делает, и знает ли он об ее исчезновении.

Внезапно раздался пронзительный крик. Одна из девушек — Бьянка, та самая, которую изнасиловали солдаты-мароканцы, — подбежав к краю, кинулась через борт. Англичанин выругался, остановил двигатель, развернул катер. Пока охрана высматривала в воде, женщины, крестясь, молились украдкой. Но в такой тьме вряд ли можно было Бьянку обнаружить. Через несколько минут офицер снова завел двигатель, и они понеслись дальше.

После этого случая второй офицер вынул пистолет, заявив, что стрельнет в каждую, кто попытается выброситься за борт. Глупо, подумалось Ливии, Бьянка не бежать хотела, а покончить собой, ведь до берега несколько миль, и пуля в этом случае — вряд ли средство устрашения. Правда, больше примеру Бьянки никто не последовал.

Ливия перестала думать о том, что ее ждет. Страх притупил сознание, мыслить она была не способна. То, что предстояло, — немцы, неминуемое разоблачение, неизбежно последующее наказание, — об этом даже думать было страшно. Проще простого ждать, по приказу спать, вставать, есть, двигаться.

Но тоненький голосок где-то в мозгу твердил, что апатия не навечно, что рано или поздно представится случай бежать. И если возможность выпадет, Ливия ее не упустит.

Ночь была безлунная, но море отсвечивало слабым фосфоресцирующим блеском, И, когда они снова начали приближаться к берегу, Ливия различила береговую линию, черневшую на фоне лилового неба. Катер замедлил ход, и англичанин прошел на корму, посмотреть, нет ли мин на воде. Прошло несколько минут; но вот он, видно, удовлетворившись, обернулся и поднял руку.

Катер набрал скорость. Что-то звякнуло, будто он наткнулся на какой-то предмет в воде, из-под лодки возникла вспышка, — как подводная молния, подумала Ливия: вспыхнуло и погасло. И, словно из глубины моря, вознесся громадный столб воды, взметнув катер вверх. Ливия слышала крики, треск дерева, и только потом, как ей показалось, звук взрыва. Ее кинуло с головой в холодную воду, и Ливия поплыла, но поплыла, внезапно осознав, не в том направлении: в темноте и в сумятице решила, что вверх, а оказалось — вниз, и уже стало распирать легкие. Запаниковала какие-то доли секунды, решив, что ей не выбраться, что вот-вот раскроет рот и наглотается соленой воды, и вдруг почувствовала, что ее, как пробку, выталкивает кверху. Ливия стукнулась затылком о расколотую доску, машинное масло облепило волосы, но здесь был воздух, и истерзанные легкие с благодарностью его вдохнули.

Вокруг всплывали на поверхность и остальные, цепляясь за обломки катера. Ливия огляделась. Берег меньше чем в ста ярдах. Она устало перевернулась на спину и стала пробиваться к берегу.

До берега их доплыло восемь вместе с офицером, который стоял на корме, когда взорвалась мина. Из груди у него хлестала кровь: удивительно, подумала Ливия, откуда у него вообще взялись силы плыть.

Они старались ему помочь, как смогли: сняли мокрую одежду, соорудили навес из ветвей. Помогать отказалась лишь Рената, девушка из неапольских трущоб.

— Он хотел в нас стрелять, — бросила она. — По-моему, он получил по заслугам.

— Он исполнял приказ, — сказала Ливия.

Она подложила еще пару ветвей. Но раненому это не помогло: офицер умер на рассвете. Лопат, чтобы его закопать, у них не было, но над его телом прочли молитву.

— Что теперь? — спросила Абелина. — Искать немцев и сдаваться?

— Ну, и на что ты при этом рассчитываешь? — с упреком сказала Рената. — Для них мы не просто шпионки, для них мы диверсантки. Пристрелят на месте, это в лучшем случае.

— Да, но мы же не по своей воле!

— Думаешь, это имеет значение? Многие немцы пришли сюда тоже не по своей воле. Нет уж, я знаю, что делать.

— Что же?

— Набреду на какой-нибудь город и попытаюсь заработать денег. Там, где есть мужчины, женщина с голоду не умрет.

— Ну, а ты, Ливия? — спросила Абелина. — Ты что для себя решила?

Ливия помедлила с ответом, потом сказала:

— Двое парней из моей деревни пришли домой пешком из военного лагеря на севере. Пробрались, благополучно миновав немецкие посты. Если они сумели, значит, сможем и мы.

— Но даже неизвестно, где находимся, — возразила Рената.

— Мы знаем, что нужно двигаться на юг. Потом — мы женщины, уж в нас не будут с ходу стрелять.

— Ты посмотри, как мы одеты! — возразил кто-то.

И верно: одежда на них была такой, какую их тюремщики считали пригодной для борделя, не для пешего перехода.

— Все же я хочу рискнуть, — сказала Ливия. — Будь что будет, только не то, на что союзники нас посылали. Кто со мной?

— Я пойду, — сказала Абелина.

К изумлению Ливии Рената тоже сказала:

— Ну ладно! Пожалуй, можно попытаться. Всегда смогу отколоться по пути, если передумаю.

— Слишком это далеко, — отозвалась девушка, имени которой Ливия не знала. — Я останусь тут.

Остальные трое тоже решили, что пытаться вернуться в Неаполь слишком далеко и слишком опасно, хотя ни одна не имела четкого представления, что делать. Видно, они уже давно привыкли действовать по указке мужчин, — тех, с которыми спали, своих сутенеров, или офицеров диверсионной службы, — так что утратили волю и независимость. Ливия понимала, что эти из страха и по своей

инертности, возможно, придут к тому, чего от них ожидали союзники. Ливия, как могла, убеждала, но силком тащить их с собой не имело смысла. В походе с такими было бы достаточно тяжело.

Ливия, Абелина и Рената направились в глубь материка, пока не дошли до первой деревни и не разобрались, где именно находятся. Выяснилось, что оказались они западнее Рима. Это Ливию слегка приободрило. Похоже, они всего в семидесяти милях от линии фронта, откуда еще семьдесят миль до Неаполя.

Вскоре обнаружилось, однако, значительное несходство между горожанкой Ренатой и деревенскими Ливией и Абелиной. Рената в жизни не прошагала больше мили, и уже к середине дня стала жаловаться на мозоли и усталость.

Устала и Ливия.

— Можем передохнуть, — сказала она, — но надолго нам останавливаться нельзя, иначе мы никогда не дойдем.

Девушки присели на траву, сняли туфли.

Внезапно послышался шум приближающихся машин. Ливия подумала, где бы укрыться, но девушки не успели двинуться с места, грузовики показали гораздо быстрее: колонна немецких грузовых машин, в каждой полно солдат. Сидевшие в кузове весело замахали девушкам, водители засигналили, и Рената подняла кверху палец.

— Ты это зачем? — со страхом спросила Абелина. — Разве не опасно?

— Ничего, я поеду с ними!

Рената побежала к последнему грузовику. Немного поколебавшись, Ливия с Абелиной последовали за ней.

Солдаты, сидевшие в кузове, втащили девушек туда, перекрикиваясь друг с дружкой по-немецки, и их физиономии расплывались в ухмылке. По хохоту, Ливия поняла, что произносилось что-то скабрзное. Присесть было негде, — солдаты показывали рукой, чтоб девушки сели к ним на колени. Ливия отрицательно замотала головой, в это время грузовик тронулся, и она повалилась на дно кузова.

Чьи-то руки подхватили ее, громадный детина бережно, но уверенно усадил ее себе на колени. Напротив Рената с Абелиной уже

сидели на коленях у других солдат. Усадивший к себе Ливию улыбнулся ей, сказал:

— Ich Heinrich!^[65]

И вопросительно ткнул в Ливию пальцем.

— Ливия, — нервно бросила она.

— Bella^[66] Ливия.

Видно только это слово он и знал по-итальянски. «Bella». Он принялся легонько подбрасывать ее на коленке, как ребенка. Увидав, что она едва не задохнулась, с виноватым видом прекратил.

Так на коленях у солдат они проехали миль двадцать, вытерпев редкие робкие поцелуйчики, нестройное пение, раскаты громового хохота. Когда наконец грузовики остановились, и солдаты спустили девушек на землю, тем даже было жаль, что немцы уезжают.

Они целый день ничего не ели, и к тому времени, как прошли очередные миль десять, уже стало смеркаться. Терять им было нечего, девушки постучались в первый попавшийся дом в ближайшей деревне. Хозяева были бедны, хозяйство разорено войной, но странниц встретили радушно, дали им немного хлеба, а потом указали на сарай, где те могли переночевать. Рядом стояло абрикосовое дерево, Ливия наелась абрикосов и, засыпая, вспоминала абрикосы Фишино.

На другое утро, едва забрезжил рассвет, они снова были в пути. Шли целый день. Жара стояла невыносимая. Солдаты, которые могли бы их подвезти, сегодня не попадались, и, если ни считать схватки в воздухе двух самолетов, иных свидетельств военных действий они не встретили. Правда, отсутствие скота на пастбищах и еще заброшенность и запущенность виноградников говорили о том, что было все-таки в мирном пейзаже что-то непривычное. Да и деревни, которые встречались в пути, были до странности тихие. Редко даже когда собака тявкнет.

В глубине долины от горизонта поднимался в небо столб дыма. Когда подошли поближе, Ливия стала гадать, что бы это могло быть. Не след ли это сражения; может, горящий грузовик? Вокруг ничего особой опасности не предвещало, и девушки продолжали идти вперед.

Лишь подойдя совсем близко, поняли, откуда дым. Он шел из деревни. Подходя к околице, девушки не встретили ни единой живой души, но Ливия была убеждена: здесь кто-то что-то жарит. Они уже

так давно ничего не ели, что обострившееся обоняние было нацелено прежде всего на запах пищи, и она могла поклясться, что ветерок доносит запах жарящегося мяса, как будто буйволицу жарят на вертеле. У Ливии потекли слюнки.

— Здесь есть еда, — сказала она своим товаркам. — Может, удастся немного выпросить.

Они завернули за угол, и увидели, что дым валит из горячей церкви. И только тут Ливия поняла: что-то не то в этом запахе. Да, он отдавал жареным, но было в нем что-то приторное, отчего неприятно щекотало в глубине гортани, и тянулся он из той церкви, что горела.

— О Боже! — в ужасе прошептала она, прижав пальцы к губам.

Почерневшая дверь в церковь слетела с петель. Крыша прогорела насквозь, и падавший в прорехи солнечный свет позволял рассмотреть, что внутри. Иные скрючившиеся, почерневшие тела сгорели дотла. Другие сильно обгорели. Одни застыли черной кучей вокруг алтаря, который и сам превратился в обуглившуюся колоду. Остальные распластались у двери, будто пытались спастись. В основном это были женщины и дети.

Отведя взгляд, Ливия заметила сидевшую на дороге старуху. Та раскачивалась взад-вперед, будто баюкала младенца, только в руках у нее было пусто. Ливия подошла к старухе, присела рядом на корточки.

— Что тут было? — тихо спросила она.

— Партизаны, — тупо сказала старуха.

— Это сделали партизаны?

— Нет. Немцы. Сказали, что мы позволяем партизанам забирать у нас провизию. — Старуха стукнулась лбом о землю. — А что нам делать! Мы говорили партизанам, чтоб уходили, а те все приходят и приходят. Тогда явились немцы и загнали всех в церковь. Набросали туда гранат. Потом подожгли.

— Как ты-то уцелела?

— Меня оставили в живых, чтоб я про это партизанам рассказала. Одна я и осталась. — Старуха часто заморгала. — Все сгорели — моя семья, соседи, внучка. Они даже собак пожгли.

Ничем помочь старухе они не могли. Молча покинули опустевшую деревню, направились вниз по холму. По всей долине у горизонта еще над несколькими холмами клубился дым. Когда

стемнело, девушки сгрудились в кучку под деревом, но в ту ночь никто из них почти не сомкнул глаз.

На следующее утро они снова были в пути. Чувство голода у Ливии пропало. Стоило вспомнить тот запах, ее тотчас начинало мутить. Постепенно девушки стали все чаще наткаться на следы военных действий. То на лежащий у обочины перекореженный армейский грузовик с громадной воронкой в том месте, где ему в бок попал снаряд; то вдруг на раскиданные рамы пулеметов и пустые ящики из-под патронов; то на изрешеченный пулями труп привязанного к дереву обнаженного человека, оставленного на добычу птицам и лисам. Лишь когда у Абелины начали от голода подкашиваться ноги, они решились постучаться в одну из дверей. Удивительно, но им дали поесть, — женщина провела их в кухню и дала немного вареного риса. Ливия от души благодарила ее: видно было, что женщина и сама пробивается впроголодь, к тому же и прохожих кормить было рискованно из-за учиняемых немцами расправ.

Женщина отмахнулась от благодарственных слов.

— У меня сын воюет в России, — сказала она. — Если я не пущу вас на порог, может, и его там не пустят. А накормлю вас, тогда, может, Господь позаботится, чтоб и его там кто накормил.

Ночью Ливия сидела и, думая, что это летняя гроза, смотрела, как южнее над горизонтом небо озаряется вспышками. Но, решив, что по виду вспышки на молнию не похожи, поняла: это перестрелка с обеих сторон у линии фронта.

На другой день впереди на дороге показалась колонна бронированных немецких машин, и девушки решили не рисковать и пойти в обход. Безднадежно сбившись с пути, они целый день проплутали в глубокой лощине, не сумев даже вернуться на тропу, с которой свернули в сторону всего на несколько метров.

Теперь дорога шла в гору. Руки и ноги у Ливии стали будто свинцовые, голова отяжелела и кружилась. По Абелине было видно, что ей и того хуже. Кожа блестела от пота, она брела шатаясь с блуждающим взглядом. Ливия шагнула к ней, чтобы подхватить за руку, и в этот момент Абелина споткнулась и упала. Ливия пощупала ей лоб: та вся горела. Вероятно, начался очередной приступ болезни.

Подошла Рената, поддержала Абелину с другой стороны, но передвигаться теперь пришлось еле-еле, Абелина тяжело повисла у них на руках.

— Что вы тут делаете? — раздался мужской голос.

Ливия оглянулась. Никого не увидев, она было решила, что ей почудилось.

— Если они и ищейки, — сказал второй мужской голос, — то уж очень симпатичные.

Из зарослей вышли двое. В изношенной выцветшей военной форме, на ногах простые сандалии с тесемками, обмотанными вокруг ляжек, какие носят крестьяне-горцы; на шее у обоих повязан ярко-красный платок. Каждый с винтовкой, винтовки наставлены на женщин.

— Куда идете? — спросил один.

От усталости Ливия не испытывала ни малейшего страха:

— Хотим пробраться в Неаполь.

Человек, подумав, сказал:

— Здесь вам не пройти. Мили через две наткнетесь по дороге на наблюдательный пункт *tedesco*.

— Обойти как-нибудь можно?

— Только если через горы.

— Нам надо хоть где-то передохнуть, — сказала Ливия. — Вон у нас девушка захворала, да и мы обе выбились из сил. Можно тут где-нибудь переночевать?

— Что скажешь? — тихо спросил человек своего товарища.

Видно, второй ему кивнул, потому что первый повернулся к женщинам и сказал:

— Можете с нами пойти. Но если замечу, что кто-то сигнал подает, мигом пристрелю.

Он сделал шаг вперед по дороге и махнул девушкам, чтоб шли за ним, шутливо бросив:

— Прощу, дамочки! Впереди долгий подъем.

Они шли в гору целый час, по очереди поддерживая Абелину. Наконец оказались в каштановой роще, посреди которой их проводник остановился.

— Ну вот, — сказал он, озираясь. — Милости просим в наш *casa*.

Ливия растерянно оглядывалась. Почему они тут остановились? Но, присмотревшись внимательней, разглядела разбросанные между деревьями шатровые палатки, замаскированные листвой и ветками. Оттуда появлялись люди взглянуть, кто пришел. Одни в военной форме, другие в крестьянской одежде, у некоторых самодельные куртки из овчины. И у каждого на шее, как и у тех, провожатых, красный платок.

От одной из групп откололся молодой человек, подошел.

— Добро пожаловать, товарищи! Меня зовут Дино. Вы поступаете под мое командование.

Совсем юный, ему не было и двадцати двух, Дино уже обладал притягательной твердостью настоящего командира. Сначала к внезапному появлению трех женщин в своем лагере он отнесся с подозрением.

— Если работаете на фашистов, — жестко припечатал он, — к рассвету будете расстреляны.

Ливия снова объяснила, что они пытаются добраться до Неаполя.

— Не лучшее выбрали время для пересечения линии фронта, — сказал Дино. — Если не немцы прикончат, то попадете под артобстрел союзников. Подождите хотя бы пару недель. Пока немцы не повалят отступать мимо наших позиций. Тогда, — широким жестом он обвел рукой горизонт, — ничто не помешает вам добраться до Неаполя.

— А можем мы переждать здесь в лагере?

— У нас не постоянный двор. На постой заработать надо.

— Это понятно.

— Что умеете делать? По внешнему виду, уж простите за откровенность, вы шлюхи.

— Отчасти так и есть, — кивнула Ливия.

— Тогда вы жертвы капитализма, здесь вас никто эксплуатировать не будет. Стряпать кто может?

— Я могу, — произнесла с дрожью в голосе Ливия, — только, пожалуйста, не сейчас!

— Стрелять умеете?

— Я умею. Я деревенская, с детства зайцев отстреливала.

Сняв с плеча винтовку, Дино протянул Ливии.

— Стреляй вон в то дерево! — велел он, указав на каштан в пятидесяти ярдах.

Дрожащей рукой Ливия поднесла винтовку к плечу. Она была тяжелей отцовского ружья, и от голода Ливия еле держалась на ногах. Но все же встала так, как учил ее отец, и с легким выдохом нажала курок. Больно ударило в плечо, и через долю секунды послышался трескучий удар пули по стволу.

— В немца так сможешь? — коротко бросил Дино.

Ливии представились черные, обуглившиеся тела в церкви. Да, она смогла бы убить тех, кто это сделал. Но тотчас вспомнились подвозившие их добродушные, горланившие песни, застенчивые солдатики. Их смогла бы она убить? А ведь это один и тот же народ — и те, кто пел, и те, кто сжигал людей.

— Смогу, — сказала Ливия.

— Отлично, — кивнул Дино.

Он проводил ее в одну из палаток и указал на кучу попахивающей одежды, чтоб она выбрала себе подходящую. Ей удалось отыскать военную форму — штаны цвета хаки и рубашу из грубой плотной ткани.

Дино вручил Ливии красный платок.

— Что бы ни надела, всегда носи его. Мы — гарибальдийцы, это наше революционное знамя. Bagdolini, монархисты, носят синие платки. Если они тебе больше по душе, то, пожалуй, тебе здесь делать нечего, переправим тебя в другой лагерь.

— Так вы — коммунисты?

— Да. А ты знаешь, что такое коммунизм?

— Понятия не имею, — призналась Ливия.

— Мы тебя просветим. То есть, если захочешь остаться с нами.

— Я остаюсь, — сказала Ливия.

Партизаны готовили похлебку из мяса мула и каштанов. Ливия умирала с голоду, но едва ей подали миску с похлебкой, она поняла, что есть не сможет. И не потому, что похлебка была плохо приготовлена, — учитывая, что готовить было почти не из чего, местные поварахи проделали непостижимую работу: сумев распарить жесткое мясо мула на слабом огне, приправили его лесными травами и листьями мирта, да еще и каштанами, и грибами. Просто запах мяса,

прежде доставлявший Ливии удовольствие, теперь вызывал тошноту. Она вытянула кусочек гриба, пару каштанов и отставила миску.

В лагере оказались люди многих национальностей. Были тут местные батраки, кому пришлось выбирать — либо примкнуть к сопротивлению, либо попасть в застенки к немцам. Были и сбежавшие из концлагерей для военнопленных русские, поляки и англичане из тех, кому не хватило сил добраться на юг, к союзникам. Были здесь и женщины, отчетливо делившиеся на две группы. Иждивенки, подружки и поварихи в длинных юбках с грязными от лесной земли подолами. И небольшая группка — бойцы. Эти носили ту же одежду, что и мужчины, считались с ними наравне. Некоторые курили трубки, постепенно умножая свою норму табака, и, подобно мужчинам, имели свои особые *poms de guerre*,^[68] вышитые у них на красных шейных платках. К этой группе и примкнула Ливия.

На следующий день она уже получила боевое крещение в качестве бойца сопротивления. Партизаны отправились к дороге, которой, по сведениям, пользовались немцы, и устроили засаду — захваченную у немцев полевую мину прикопали у обочины, и в нужный момент, потянув за шнур, один из партизан должен был привести ее в действие. Остальные, примерно сорок человек, засели во рвах и за деревьями, и ждали. С притушенными до предела фарами, чтобы не видно было с самолетов, колонна грузовиков показалась среди деревьев. Прежде чем отдать приказ саперу, Дино дал ей подъехать поближе. От взрыва один из грузовиков кинуло с дороги прямо в ров. В тот же миг партизаны выскочили из темноты, стреляя по вынужденным остановиться грузовикам, откуда в свою очередь сыпались вооруженные люди, открывавшие ответный огонь.

В считанные минуты небо было исполосовано летящими с обеих сторон пулями. Спрятавшись за деревом с винтовкой, Ливия слышала удары немецких пуль по стволу. Противника было много больше, и оружие у него было лучше. Солдаты попытались установить за одним из грузовиков пулемет, но партизанская граната угодила точно по цели. Внезапно Дино отдал приказ отходить, и партизаны растворились в чаще леса. Они потеряли двоих, но прикидывали, что немцев уложили с полдюжины. Точно определить можно было, только когда немцы осуществят свое возмездие. Так как немцы всегда за каждого убитого

солдата истребляли десять мирных жителей, узнавая, сколько жителей уничтожено, можно было вести точный счет немецких потерь.

Постоянно в дневные часы, когда немцы особенно активно патрулировали дороги, партизаны оставались в лагере, собираясь небольшими группками на семинары по теории коммунизма. Для Ливии это было открытием. До сих пор она считала, что политика — мужское дело, что женщинам надо держаться от нее как можно дальше, да и политика для нее сводилась к роптаниям насчет той или иной несправедливости, или насчет того, что ничего в этом мире не делается честным путем. Сейчас, впервые в ее жизни, кто-то действительно заботился о том, чтобы объяснить ей основы современного общества — различие между владельцем фабрики и рабочим, почему владелец все время стремится понизить зарплату рабочему, к тому же и в ус не дует, если рабочий принужден голодать или лишится работы. С внезапностью, удивительной даже для нее самой, Ливия обратилась в новую веру. Наконец-то есть что противопоставить нищете и эксплуатации, окружавшим ее всю жизнь. Италия — страна несметных природных богатств: только нужно распределять богатства справедливо, и не допускать, чтобы они перекачивались в один карман. Требуется вам доказательство эффективности коммунистического строя — взгляните на Россию. Именно русская армия перевернула ход войны в пользу союзников, подчеркивал Дино, а все потому, что русские солдаты верят в строй, за который сражаются. Если итальянские коммунисты докажут, что способны организовать подобным же образом, они неизбежно сформируют первое послевоенное правительство и страна сможет начать свое преобразование, исходя из принципов все возрастающего равенства.

Мало того, коммунисты активно призывают женщин бороться за равные с мужчинами права. Подобно тому, как никто не должен овладеть чужим трудом путем договора о найме, так никому нельзя позволять овладевать телом женщины посредством брачного контракта. Брак и проституция, толковал Дино, это две стороны капиталистической медали — причем, проституция менее аморальна, ведь мужчина, нанимающий женщину, после этой сделки

предоставляет ей свободу, как и тот, что берет работника на почасовую работу; между тем брак — это кабала.

Ливия не вполне была с этим согласна; ей казалось, что есть и такие мужчины, для которых брак равно партнерство, а не приобретение женщины в собственность. Хотя должна была признать, что такие мужчины редки, и что закон и церковь, что бы они ни провозглашали, по существу, едины в своем отношении к женщине, как к рабе своего мужа. Партизаны были первым в ее жизни сообществом, отстаивающим равенство обоих полов.

— Винтовке неважно, кто жмет курок, — говорил Дино. — И убитому немцу тоже все равно, кто его застрелил, мужчина или женщина.

Оглядываясь на события последних лет, Ливия стала думать, что, пожалуй, то новое, к чему она сейчас пришла, было неизбежным. Именно политика загнала Италию в ловушку между союзниками и немцами; политика разлучила ее с мужем, но политика также внушила ей, что выходить замуж надо непременно рано. Политика повлияла на приход союзных войск в Италию; и именно продажность местных политиков позволила такому мерзавцу, как Альберто, нажиться, проявив свою власть над ней, Ливией. Политика побудила командование диверсионного управления выстрелить захваченными женщинами, как обоймой патронов, в неприятеля. Теперь, утверждал Дино, с окончанием войны и казнью Муссолини образуется политический вакуум, при котором впервые в истории простые итальянцы получают шанс прижать крупных капиталистов, мафию, государство и церковь и создать новое общество по своему усмотрению.

Со всем пылом души устремившись к этой новой отдушине, Ливия впитывала каждое слово и вскоре стала задавать вопросы. Вопросы всегда поощрялись, ведь лишь путем дискуссий и споров возникает истина, подобно тому, как и история — процесс, состоящий из революций и контрреволюций, неизменно ведущий к прогрессу. Вскоре Ливия стала задавать такие вопросы, на которые Дино ответить не мог, и ей приходилось самой находить для себя ответы. Но это считалось нормальным, потому что коммунистическое учение обеспечивает человека необходимыми интеллектуальными средствами,

помогающими ему самому в конце концов ответить на многие вопросы.

Признаться, особенно угнетало Ливию одно обстоятельство, о чем она не преминула побеседовать с Дино один на один.

— Ну, а акты возмездия? — недоумевала она. — По дороге мы видели чудовищную картину. Немцы истребляют невинных людей из-за ваших действий.

— Верно, — сказал Дино. — Они немало учинили зверств в этих местах.

— Но и пусть бы... — Ливия запнулась. Меньше всего ей хотелось лишиться этого единственного на данный момент приюта, но не задать вопроса она не могла:

— ...пусть союзники и воюют с немцами, тогда итальянцев истребляли бы меньше?

— И ждать, пока американцы сделают за нас всю грязную работу? — нахмурившись, спросил Дино. — Вопрос обсуждался на самом высшем уровне, причем командованием союзных войск. Приказы мы получаем от них, и они считают, что наши действия необходимы. Да и есть ли у нас выбор? Можем ли мы поддаться на угрозы немцев и сидеть сложа руки, в то время как другие сражаются за нашу родину? Италия прежде всего опозорила себя тем, что помогала фашистам. Теперь именно мы должны их выместить.

Несмотря на политические разногласия с союзниками, партизаны считали себя частью союзных вооруженных сил и, как всякое военное подразделение, подчинялись дисциплине и приказам главного командования. Иногда приказы поступали из Лондона в зашифрованных передачах международного радиовещания. После новостей, диктор зачитывал несколько сообщений «нашим друзьям из зарубежных стран». Например: «Марио, у твоего брата приболела корова» — означало нападение на склад горючего; «Ваша бабушка простудилась» — был приказ произвести подсчет передвижений противника; «Алеет закат» — означало усилить активность действий.

Постоянной же темой для обсуждений был один единственный вопрос: где Пятая Армия? Поговаривали, что в Риме мастера настенной росписи малевали насмешливые надписи: «Американцы, держитесь! Скоро придем вас освобождать!»

Немцы, со своей стороны, придерживались твердого убеждения, что сопротивление никогда не вырастет до угрожающих размеров. Всем известно, как один из их командующих, майор Долльманн, язвительно докладывал своему начальству: «Пока партизаны воюют, нам опасаться нечего. Итальянцы лежебоки, им и воевать лень».

От вшей избавиться было трудно, и Ливия попросила одну из женщин отстричь ей волосы покороче. Большинство женщин-бойцов были коротко стрижены. Так, мало-помалу Ливия стала все больше и больше на них походить.

О Джеймсе она старалась больше не вспоминать. Этот эпизод ее жизни, — приятное, но краткое затишье в череде ее жизненных трагедий, — несомненно, закончен. И если и пыталась вспомнить то время, когда они были вместе, все это казалось уже нереальным, как сон.

Глава 42

Джеймс, скрючившись, сидел в стрелковой ячейке. На согнутую шею, проникая под ворот, шквалом сыпалась земля. Ярдах в двадцати от того места, где он засел, только что взорвался снаряд. В ушах все еще стоял звон от разрыва. Другой снаряд просвистел над головой. Ну, этот пусть себе летит, он с союзной стороны. Каждую ночь, будто перекидываясь взрывными теннисными мячами, обе стороны бомбардировали позиции друг друга, снаряд туда — снаряд оттуда. И только в последнюю неделю немцы стали изобретательней, по ночам закидывали бомбы-бабочки, которые бесшумно опускались в окоп, или же высоко запускали фосфоресцирующие ракеты в сторону гавани, в далекий тыл.

— Хоть бы заткнулись, — проворчал рядом Робертс. Он возился с радиоприемником. — Ведь Салли скоро начнется.

— Охота тебе слушать эту дребедень!

— А кроме нее ничего и нет.

Робертс повернул тумблер, радио взвыло. И тут, нате, пожалуйста, сквозь треск проникновенно замурлыкал нежный голосок Нацистки Салли.

— Привет, ребятки! — начала она. — Ну, как мы себя сегодня чувствуем? Дождина — просто жуть, правда? Мне-то что, я в своей теплой уютной палатке, — а вот вас мне очень жаль. Говорят, скоро ожидается гроза. Вы — там, пятьдесят тысяч парней под открытым небом, и некуда даже укрыться от дождливой непогоды. Пятьдесят тысяч. Бог мой, побережье Анцио превратилось в громаднейший на земле лагерь для военнопленных. И что интересно — на полном самообеспечении. — Она хохотнула, довольная своей шуткой, после чего ее хриплый голос зазвучал тише, с долей сочувствия. — Слышали про беднягу рядового Эйблмена? Пару часов назад мы подобрали его на нейтральной полосе. Похоже, наступил на мину-подножку. Ох, и мерзкая штука. Все кишки ему вырвало. Врачи, понятно, стараются, как могут, но, по-моему, особой надежды не питают. Предлагаем друзьям бедняги песенку для поднятия духа.

Зазвучал фокстрот.

— Ну и блядь! — с чувством проговорил Робертс.

— Ей написали, она и читает, — сказал Джеймс. — У немцев пропаганда поставлена не хуже, чем у нас.

— «Громаднейший на земле лагерь для военнопленных». Надо признать, попала в точку.

Джеймс хмыкнул. Ясно, попала. Кто ж будет сомневаться, что Анцио — крошечный ад. Из пятидесяти тысяч, упомянутых Нацисткой Салли, несколько тысяч уже полегло. Вызываясь добровольцем на фронт, он представлял себе, что с боями, город за городом, будет пробиваться к Риму, чтобы отыскать Ливию. Но он здесь вот уже три недели, а они, едва продвинувшись на три сотни ярдов вперед, вынуждены были снова отступить. В Неаполе только и говорили о том, что в войне наступает перелом не в пользу нацистов. Здесь, на поле сражения, все оказалось совершенно иначе.

Музыка кончилась, и снова сладким голосом запела немецкая пропагандистка:

— Взглянем, ребята, правде в глаза. Чтобы этой ночью не мерзнуть и не мокнуть в окопе, единственное, что вам остается, это угодить под пулю нашего солдата. Кстати, как там ваши окопные болячки?

Снова зазвучала песня.

— Чтоб ты знала, очень даже хреново! — отозвался Робертс, пытаясь вытащить ногу из лужи на дне окопа.

Не имея возможности высушить ноги, многие страдали оттого, что кожа начинала гнить.

В соответствии с предсказаниями Нацистки Салли, снова зарядил дождь, проливной летний дождь, сбивавший новую грязь и мусор в окоп. Вода воняла. Собственно, грязная вода была второй причиной гниющих стоп. Поскольку мертвых хоронить было негде и гробов не было, трупы просто складывали за выложенные стеной ящики из-под продовольствия, слегка присыпая землей. Только накануне Джеймс, продвигаясь по траншее, наткнулся на загородившую ему путь полусгнившую человеческую руку, торчащую из земляной стенки: рука выпростала пальцы, будто прося подаяния. Джеймс согнул ее в локте и пошел дальше.

Наступила его очередь выдвигаться вперед к наблюдательному пункту. Он пристегнул наминавшееся рюкзака снаряжение с бобиной, откуда, пока, извиваясь, ползешь вперед, за тобой из катушки тянется

телефонный провод. Джеймс осторожно взобрался на стрелковую ступень и перевалился, как черепаха, через край окопа в грязь.

Общепризнанно, что лучше всего ползти вперед на локтях, волоча по земле ноги: это позволяло лучше вжиматься в землю, а также была меньше вероятность, что голову срежет пулей. Джеймс полз так по направлению к немецким позициям примерно ярдов сто, то и дело замирая, когда взрывы снарядов озаряли ночное небо и двигаться было много опаснее. Ему, как и всегда в подобных случаях, подумалось: как красиво ночное итальянское небо во время сражения. Все, что взрывалось, имело свой неповторимый отсвет. Трассирующие пули вспыхивали во тьме, их разноцветные следы будто выписывали бриллиантовый рисунок на холсте. Одиночные огни шипели и искрились рубиновым фейерверком. Потом взмывали «истощные мерзавки», ракеты многократного запуска, которым немцы отдавали предпочтение перед минометами. Эти неслись мимо хитрым путем по четыре, по восемь сразу, исторгая из хвостов снопы искр, янтарных, как от костра. «Люстра» — это была медленно спускавшаяся на парашюте осветительная бомба, озарявшая местность для наблюдателей таким ярким белым светом, что, казалось, превращала все под собой в черный негатив. «Попрыгушки Бетси» взрывались над землей густым облаком черного кордита, разбрасывая пехотные мины. «Анцио Энни» — громадная немецкая пушка — бьет с такого дальнего расстояния, что даже звука выстрела не слышно, только будто шумит товарный поезд — это снаряд летит над головой, да рассыпается яркими брызгами над гаванью колоссальная вспышка, похожая на летнюю молнию, и только потом, через несколько секунд, раздается раскатистый гром самого выстрела.

Ползя вперед, Джеймс все еще слышал вылетавший из его окопа голос Нацистки Салли:

— Скажите, ребята, приходит вам в голову, что там поделывает в этот самый момент ваша девчонка? Скорее всего, она развлекается с кем-нибудь, откосившим от военной службы, про это я сама читала. Не вините девчонку, не стоит. Она всего лишь женщина, неужели вы считаете, что она будет сидеть дома и ждать вас? Ну ладно, теперь песенка для каждого, чья девчонка нашла себе утешение с другим парнем.

Стиснув зубы, Джеймс пополз дальше. Все так, он действительно думал о том, что делает сейчас Ливия, хотя в ее случае, пожалуй, дело обстояло много хуже, чем развлечение с какой-нибудь тыловой крысой. Джеймс попытался прогнать эту мысль. В данный момент самое главное — вернуться назад в свой окоп целым и невредимым.

Слева раздался звук, напоминавший лай собачонки. Кто-то пустил очередь из «шмайссера» в темноту. Слабый вскрик, пальба прекратилась.

Джеймс застыл на месте, чтобы проверить, не оборвало ли телефонный провод. Теперь он был так близко от немецких позиций, что враг мог слышать малейший шум, даже скольжение телефонного провода по камню или по обломку доски. Немцы, понятно, тоже имеют своих разведчиков на ничейной полосе. Каждый немец и каждый союзник, ползущий едва дыша вперед, знал: можно, ползя вот так, и лбами столкнуться. И тогда лишь рукопашная решит, кто останется в живых.

Джеймс осторожно, стараясь не приподнимать головы, перевернулся на бок, поднес бинокль к глазам. Через мгновение взрыв слева высветил не только небо, но и немецкие позиции. Джеймс заметил, что немцы укрепляют зону, известную под названием Дюссельдорфский Ров. А в Мюнхенский Холм, судя по всему, союзники уже попали прямой наводкой.

Справа донесся шепот. Немецкий патруль, догадался Джеймс; примерно с аналогичным заданием. Он притаился, затаив дыхание. Странные это были ночи: все стихает до шепота, до еле слышного бормотания, чтоб не вызвать на себя неприятельский огонь, а возникающий огонь настолько громоподобен, что буквально лопались барабанные перепонки.

Кажется, шепот уплыл в сторону. Джеймс, подняв телефонную трубку, произнес едва слышно:

— Двадцать фрицев у Дюссельдорфа.

Дальний голос ответил:

— Здесь Роджер. Голову пригни, не высовывайся.

Через минуту четыре минометных снаряда грянули один за другим в окоп, где Джеймс только что заметил укрепительные работы.

С одной и той же точки он каждые десять минут определял место для наводки. Пулемет, нацеленный на Кельнский Коровник — уже и не

«коровник» вовсе, просто нагромождение изрешеченных камней, — изрешетил объект еще основательней, после того, как Джеймс протелефонировал позицию. Радиовещательный фургон у Берлинской Излучины судорожно заметался было, чтобы убраться восвояси, но британские зенитки разнесли его в щепки. Джеймс подхватил трубку, чтобы назвать очередную цель, как вдруг на другом конце услышал:

— Пора возвращаться, дружище!

— Как, уже?

— Планы поменялись. Снимаемся.

Джеймс различил скрытую радость в голосе из трубки. Может, и в самом деле правда то, о чем все говорят, что со дня на день надо ожидать крупного прорыва. Джеймс снова перевернулся на спину и, извиваясь, развернулся так, что головой оказался по направлению к своим позициям, и начал долгий путь ползком обратно по грязи к относительно безопасному укрытию союзнических траншей, к своему блиндажу.

Этот блиндаж вот уже три недели служил ему домом. Сооруженный предыдущей воинской частью, он был размером примерно в пять квадратных футов с накатом, настеленным железнодорожными шпалами и укрепленным мешками с песком. Шпалы были оклеены старыми американскими газетами, и еще один слой мешков с песком был уложен по периметру внизу, чтобы можно было на них становиться, когда внутрь, что случалось нередко, заливалась вода. Доска на куче мешков с песком служила единственно возможной постелью. Долгие дневные часы Джеймс делил это небольшое пространство, — как, к слову сказать, и постель, — с двумя другими, Робертсом и Херви. О них он не знал почти ничего, но вместе с тем узнал их ближе, чем кого бы то ни было. Многие часы, проведенные вместе в этом узком пространстве под почти не прекращающимся обстрелом обнажили их черты и свойства так, будто они знали друг друга вечность. Жилось в блиндаже весьма нелегко, и в то же время многое упростилось. У Джеймса не было ничего, его не заботили деньги, так как их не на что было тратить, он общался с совершенно чужими людьми, как с близкими друзьями, он не мылся и не менял одежды с тех пор, как их недели две назад в последний раз отправляли в душ.

Когда Джеймс подал первое прошение об отправке на передовую, сначала майор Хеткот просто не поверил своим глазам. Итальянская кампания ведь вступает сейчас в наиболее кровавую стадию, и хотя сообщениям об этом запрещено появляться в газетах, союзные солдаты дезертируют сотнями. Иные простреливают себе ступню или бедро, лишь бы не отправляться в бой, а еще больше народу стало жертвами психических недугов — военных неврозов, неврастений, чего не наблюдалось уже давно, со времен окопных сражений на Сомме. Для человека, уютно пристроившегося в службе полевой разведки, лезть по собственной инициативе в пекло, где другие теряют рассудок, выглядело абсолютным нонсенсом.

Вскоре Джеймс сообразил, что простейший способ добиться своего, это рассказать майору о мотивах, побудивших его отправиться на север. Неверие тотчас переросло в шок. Мало того, что брачный офицер не препятствует бракам военнослужащих с итальянками, оказывается, он сам собирается отправиться на поиски некоей итальянской девицы, на которой намерен жениться. Это утвердило майора в его давних подозрениях, что Джеймс по натуре морально неустойчив и, значит, избавиться от него надо как можно скорее. Джеймсу была предоставлена всего пара часов, чтобы собраться и очистить письменный стол. Времени для того, чтобы посетить «Зи Терезу» и выпить с Анджело по прощальному стаканчику граппы, не оставалось. Не было времени и послать весточку в Фишино, и на то, чтобы взглянуть на закат, превращающий Неаполитанский залив в залитое кровью блюдо. Не было времени на стакан марсалы с яйцом в обществе доктора Скоттеры или на то, чтобы пройтись в последний раз по Виа Форчелла. Времени едва хватило, чтобы черкнуть записку Слому, где Джеймс кратко описал, что произошло, и просил друга, пользуясь своими контактами в контрразведке, навести справки о местонахождении Ливии.

По пути в гавань, откуда ему предстояло отчалить в сторону Анцио, на ум Джеймсу пришел куплет сентиментальной лирической песни, одной из тех, какие пели продавцы нот в городском саду под его окном:

E tu dice: 'I' parto, addio!'
Talluntante da stu core...

Da la terra da l'amore...
Tiene 'o core 'e nun turna?'

Что бы ни случилось теперь, сможет ли он найти ее, нет ли, но Джеймс почувствовал, будто что-то окончилось, что нынешний этап его жизни вот-вот завершится.

В гавани он отыскал судно-госпиталь, на котором должен был отправиться в Анцио. Судно запоздало из-за ненастной погоды и лишь сейчас с него высаживались пассажиры — грузчики-итальянцы тащили на берег бесконечную вереницу носилок, на которых лежали забинтованные солдаты. Джеймс был поражен, до какой степени многие были измазаны в грязи и в копоты. Они скорее походили на измочаленных школьников, выносимых с игровой площадки, чем на солдат: глиной, точно гипсом, были облеплены их локти и колени. Грязь была на губах, в волосах, даже во рту и в глазах. То тут, то там носилки атели кровью, если санитарам не удалось остановить у раненых кровотечение. Почему так случилось, спрашивал себя Джеймс, что он, столько пробыв в Неаполе, до сих пор не видал, как с таких вот кораблей сгружают искалеченных людей?

Хо́да до Анцио было всего полтора часа, но для Джеймса это явилось вхождением в совершенно иной мир. Судно встало на якорь в нескольких милях от побережья, ожидая темноты, и Джеймс успел полюбоваться закатом, подобным тем, какие видал в Неаполе. Но вот, негромко содрогнувшись, машины набрали скорость, направив судно в крохотный просвет на дальнем берегу, обрамленный судами всех размеров — миноносцами, моторными катерами, даже парой фрегатов, а также качавшимися заградительными аэростатами, которые вечно напоминали Джеймсу летающих слонов. Он стоял на палубе, глядя на приближавшийся берег. Нигде ни огня, и тишина кругом. Невозможно было представить, что это и есть поле сражения.

Высоко в небе над берегом показался одинокий «мессершмитт», лениво кружа, точно шмель.

— Шли бы вы с палубы! — выкрикнул кто-то из матросов. — Это «Будильник Чарли». Может и нас атаковать, если не подыщет цели получше.

Джеймс следил за бомбардировщиком.

— Почему его так называют?

— Каждый вечер тут как тут. По нему часы можно проверять.

«Мессершмитт», не долго думая, развернулся и ринулся на один из миноносцев. Джеймс стоял слишком далеко, не видел, как стрельнула пушка, лишь клубы дыма обозначили ответный огонь зенитных орудий. Через мгновение самолет, развернувшись, полетел назад в глубь материка, попутно обстреливая берег на бреющем полете.

Внезапно громадный столб воды поднялся из моря в ста ярдах от судна, потом еще один, и еще, — будто выдохи какого-то исполинского кита.

— Началось, — сказал матрос. — Всегда одно и то же. На этот раз несколько 122-миллиметровых.

Словно в ответ на какой-то невидимый сигнал, сумерки расцвели огнями — ракеты летели из глубины материка в сторону берега. Заплясали искры, как от ночного костра. Не сразу Джеймс сообразил, что это от вспышек стрелкового оружия.

— Перестрелка пошла, — определил тот же матрос. — Добро пожаловать в Анцио!

Джеймс прошел на капитанский мостик. Казалось, ни капитан, ни команда особого беспокойства в связи с артобстрелом не проявляли, однако все же двигались в гавань зигзагами. Джеймс разглядел вдоль прибрежной линии длинную вереницу солдат, ожидавших, когда причалит судно, невозмутимо спокойных, невзирая на бомбардировку. Многие лежали на носилках. Внезапно слева снаряд угодил прямо в моторный катер, осветив небо и разбрызгивая по поверхности моря горящее масло. Казалось, на береговом плацдарме уже не осталось места, не обстреливаемого немецкими орудиями. Все чаще над головой проносились снаряды, и столбы вздымаемой воды вызвали в воображении Джеймса ощущение, будто гиганта колют иголками наугад, надеясь проткнуть насквозь.

— Когда подойдем к берегу, — прозвучал сквозь грохот голос капитана, — времени не теряйте. Нам надо всех их загрузить и как можно скорее.

Джеймс кивнул. Едва судно носом врезалось в берег, он выпрыгнул на сухое место. Рев, словно от накатившего состава, возвестил о подлете самого крупного снаряда, взметнувшего

громадный гейзер морской воды, которая чуть погода окатила Джеймса с высоты градом мельчайших брызг. Отряхнувшись, он огляделся, ища, кому доложиться. Возле груды артиллеристских снарядов заметил младшего офицера. И не поверил своим глазам: тот стоял и спокойно сворачивал сигарету. Пригнувшись под потоком шрапнели, Джеймс подбежал к нему, выкрикнув:

— Я только что прибыл!

Офицер смерил его насмешливым взглядом:

— Да неужели?

Лицо у него было черно от копоти и грязи.

— Куда мне?

Младший офицер указал сигаретой в яму под ногами.

— Вон сюда.

Опустившись в яму, Джеймс обнаружил, что та выводила посредством многочисленных ступенек и лестниц в подземное помещение. Штабные офицеры орали в телефонные трубки, стол с картой стоял посреди, освещенный парой фонарей «молния». Пока Джеймс все это разглядывал, над головой затряслось, и струйка сажистой земли просыпалась сквозь деревянные балки прямо на карту.

Наконец Джеймс нашел человека, который объяснил, куда ему идти, и он отправился на поиски минометного расчета, куда был направлен. Скользя от грязи тропинка вела к передовой. Мало того, что он плохо соображал куда идти, еще примерно десяток дизельных генераторов изрыгали по ветру маслянистую, едкую завесу, не говоря уже о том, что в темноте написанные от руки указатели были едва различимы. Многие, вероятно, отдавали юморком, которого он, как новичок, не понимал: «Отель 'Береговой Плацдарм' — двести ярдов отсюда — особые расценки для вновь прибывших»; «Упокоение Уогоннера — место беспокойное»; «Явился к нам — долго не удержишься». Постепенно надписи стали носить все более зловещий характер: «Стой — обстрел — мокрого места не оставит!» и «Отсюда категорически ЗАПРЕЩЕНО ездить со светом». Обстрел временно прекратился, и теперь кругом разливалось громкое пение соловьев.

Внезапно сигнальная ракета осветила небо над головой. Стрекот пулемета в непосредственной близости вывел Джеймса из оцепенения, он инстинктивно бросился на землю. Прикинул: похоже, он сейчас всего ярдах в ста от линии фронта, достаточно близко, чтобы

схлопотать шальную пулю в затылок. Он по-прежнему понятия не имел, куда ему идти. Внезапно привиделось, будто он, по ошибке забредя на нейтральную полосу, уже застрелен, не успев прибыть на место назначения. Как вдруг Джеймс увидел лесенку, ведущую в окоп, и указатель от руки, гласивший «Лондонская Подземка — это сюда!» Он протискивался еще футов пятнадцать по узким лабиринтам окопов, забитых людьми с впавшими глазами, с лицами сплошь в саже. Джеймс продвигался мимо них, — как опоздавший в театре, вспугнувший целый ряд зрителей, — пока не очутился в маленьком блиндаже, освещенном чадающей лампой, сооруженной из жестянки из-под сигарет. Сержант козырнул ему, капитан протянул руку. Робертс с Херви торчали тут уже четыре недели, не считая краткой передышки в сосновом бору на побережье — куда все равно долетали снаряды; и оба дружно соглашались в одном: Анцио — сущий ад на земле.

— Здорово, что хоть место для меня нашлось, — сказал Джеймс, обнаружив угол посуше и кладя туда свое снаряжение. И тотчас понял свою оплошность.

— Простите. Не подумал...

Понятно, он занял чье-то место. Херви кивнул.

— Это Стивенса, — сказал он спокойно. — Погиб от разрыва противопехотной мины позапрошлой ночью. Мы похоронили его за ручьем.

Херви провел Джеймса обратно по окопу, показывая, какие позиции занимает их батарея. Откуда-то прямо напротив них кто-то что-то прокричал по-немецки. Херви гаркнул:

— Rhue da, wir können nicht schlaffen!

— Что ты сказал? — спросил Джеймс.

— Чтоб заткнулись, спать не мешали, — ответил Херви.

Судя по всему, продолжительность жизни корректировщиков огня у артиллеристов была невысока. Каждую ночь они по очереди выползали на нейтральную полосу, перебираясь с одного наблюдательного пункта на другой, сдерживая от действий тех, кто был под их началом, и вызывая минометный обстрел в местах активности немцев. День проходил в попытках уснуть, в ловле лобковых вшей — рекорд по блиндажу составлял восемьдесят пять штук за день, — в написании писем, в забавах с гонками жуков и в ожидании ночи, когда в продовольственных грузовиках прибывала

единственная за день пища. Во вторую ночь своего пребывания Джеймс уже полз по грязи нейтральной полосы, как вдруг увидел немецкую каску, осторожно ползущую на фоне горизонта. Через мгновение голова слегка приподнялась. Вытащив пистолет, Джеймс прицелился. Голова немца маячила прямо перед ним. Оставалось лишь нажать курок. Мгновение, и он нажал бы его. Но все же одумался. На данный момент приказ был не убивать, наблюдать. Стоит выстрелить, и он лишит семью сына, или, возможно, жену ее мужа, при этом Джеймс вовсе не был уверен, что это как-то скажется на ходе войны. На самом деле, выстрел попросту выявил бы его местонахождение, за что он получил бы заслуженное возмездие от немецких минометчиков.

Через мгновение Джеймс отпустил предохранитель и вложил пистолет обратно в кобуру. Он должен делать свою работу, и если для этого потребуется убить человека, он это сделает. Но убивать без разбора он не станет.

Шли недели, а обещанное наступление все откладывалось, и мир Джеймса сузился до той поры, пока блиндаж и узкое поле битвы не заполнило все его думы и помыслы. Где-то в глубине сознания смутно сквозила мысль, что хорошо бы рвануть за тот мост, за ту реку, и сражаться там, за теми прекрасными бело-голубыми холмами, видневшимися вдаль, прорываясь к Риму. Его жизнь с Ливией была иная жизнь, и если он и думал о ней, то это был какой-то мираж, неясная, отчаянная тоска по жизнерадостному смеху, нежности и аромату дымящегося *fettuccine al limone* — собственно, по всему тому, где нет этой непролазной грязи, вшей и крови.

Джеймс подполз на локтях назад к блиндажу, и обнаружил, что Робертс укладывает снаряжение.

— Слыхал? Снимаемся, — бросил он.

— Куда?

— По-видимому, в Чистерну.

У Джеймса забило сердце. Чистерна была на пути к Риму.

— Так значит — прорыв?

— Похоже. Черт побери, пора уж, верно?

Собрались вместе всей батареей и направились к месту сбора.

Двигаться от линии фронта было странно и непривычно. Прежде всего потому, что сначала шли пригнувшись, как в окопе. Потом, чем

дальше отходишь из зоны влияния немецкого снайпера, уже слегка выпрямляешься, кажешься выше, и к тому моменту, как достигаешь тыла, впервые за долгое время шагаешь нормально, и тебя переполняет чувство радостного ликования, едва ты осознаешь, что теперь, в этот самый момент, уже никто не пытается тебя убить.

В тылу был оборудован пункт снабжения, куда свозились из гавани все боеприпасы. При виде его Джеймс даже присвистнул. В последний раз, когда он был здесь, груда боеприпасов была величиной с сарайчик. Теперь она стала высотой с церковь, и явно была еще громадней, пока не начали выбирать свое имущество артиллеристы.

— Отличный запас, ничего не скажешь, — пробормотал Робертс.

Сначала их накормили. Потом все стояли и чего-то ждали. Кругом царила обычная перед атакой неразбериха, — то натыкались друг на дружку, то не там стояли, где надо, то кому-то срочно требовалось за чем-то, что вовсе не требовало крайней срочности. Когда проходили мимо грузовика с продовольствием, Робертс толкнул в бок Джеймса:

— Гляди! Фляги с водой! Можно позаимствовать парочку. Насчет наступления мне известно одно: пить хочется.

На них никто не смотрел. Они подхватили еще по одной фляге, припрятав их за спиной среди амуниции.

Херви, не тратя времени даром, писал своей девушке письмо. Написав, передал Джеймсу, чтоб прочел и пометил своими инициалами. Каждое письмо подвергалось цензуре, и если хотелось отправить его поскорей, надо было отдать на проверку кому-нибудь, с кем рядом воюешь. К тому моменту про Кэролайн, работавшую в конторе в Уайтхолле, Джеймс знал практически все. Он пробежал письмо глазами: «Дорогая Кэс, когда ты получишь это письмо, уже будет известно, что грандиозного у нас произошло. Тут все только этого и ждут. Я все же надеюсь, что не подведу своих товарищей. Очень рад, что Гулд и Робертс со мной вместе, ты же знаешь, я могу полностью на них положиться. Надеюсь, что недоразумение с твоим боссом рассосется. Напишу, как только смогу, но не волнуйся, если это будет не очень скоро, убежден, что и почта протянет время еще на несколько дней». Проставив свои инициалы, Джеймс передал письмо Херви. Самому ему писать не хотелось. Писал он только родителям, а что он мог написать им о своей теперешней жизни? Они с Робертом коротали время, замазывая лица грязью.

Должно быть, атаковать придется скоро; надо будет освободить плацдарм для Пятой бронетанковой дивизии, которая медленно продвигается вперед вместе с войсками особого назначения.

— Значит, будем ждать, когда рассветет, — сказал Робертс.

Джеймс кивнул: общеизвестно, что танкам при наступлении благоприятней передний обзор, даже если при этом они рискуют напороться во тьме на внезапную атаку.

Наконец их подразделение получило приказ выступать. Они стояли по двое друг за дружкой в переполненном окопе, ожидая дальнейших действий. За спиной у Джеймса какой-то солдат болтал, что, мол, итальянки предпочитают, чтоб сзади, а англичанкам нравится больше стоя. В окопе шла непрерывная болтовня. Но вот, прямо перед рассветом, начался заградительный огонь, и уже было не до разговоров. Три четверти часа все тяжелые орудия берегового плацдарма полоскали огнем немецкие позиции.

Но они все еще выжидали, теперь нетерпеливо топчась в своем окопе, и при таком скоплении народа было ясно, что все разом в бой не пойдут. Как это в английском духе, подумал Джеймс: даже если рисковать жизнью, и то иди в свой черед. Но нынешняя очередь была не той, смирной, что выстраивалась за пайком с беконом. Люди, чтобы снять нервное напряжение, мочились, иные даже справляли большую нужду. Между тем уже первые раненые возвращались с передовой, кто с затуманенным взором, кто с видом облегчения, смотря по тому, насколько серьезно ранен.

— С виду не так все плохо, — пробормотал Херви.

— Эти хоть рассказать могут, — заметил Робертс. — Остальные бедняги там остались лежать.

Глава 43

Наконец настал их черед двигаться к передовой, и тогда, выбравшись из окопа, они бегом ринулись вперед. Было непривычно подниматься в полный рост, после того, как им так долго приходилось передвигаться ползком, извиваясь и увязая в грязи. Но кругом тысячи других поступали именно так. Под ногами лежали поверженные — союзники: и убитые, и раненные. Санитаров с носилками почему-то не было видно; может, просто испугались такого количества потерь. Джеймс бежал за человеком, бежавшим впереди. Когда тот останавливался, останавливался и Джеймс: когда тот ложился на землю, ложился и Джеймс. Впереди, должно быть над самой гущей битвы, кружили бомбардировщики.

Перепуганный немецкий солдат, подняв руки кверху, показывая, что сдается, неся прямо на них. Кто-то махнул рукой назад, чтоб бежал туда. Вдруг рядом стали ложиться снаряды — небольшие, немецкие 88-миллиметровые. Джеймс скакнул в яму и там с группой пехотинцев переждал, пока их нагонит кто-нибудь из своих с минометом. Получилось так, что они с Херви оторвались от своей части. Но вот подтянулась команда минометчиков.

— Позиция? — задыхаясь от бега, спросил минометчик, устанавливая свою мортиру.

Херви осторожно высунулся взглянуть. И в этот самый момент снарядом у него срезало полголовы. Без звука он упал навзничь, в глазах застыло выражение удивления. Из рта хлынула кровь. Джеймс попытался его поддержать, но голова Херви треснула у него в руках, как разбитое яйцо. Кровь вместо желтка окрасила пальцы Джеймса.

— Скорее! — бросил он какому-то пехотинцу. — Сульфамидный порошок!

У всех пехотинцев к поясу была прикреплена аптечка с бинтами и жестянками с сульфаниламидным порошком.

— Пустой номер, — покачал головой пехотинец. — Малый — покойник, а мне это еще может пригодиться.

— Давай порошок! — грозно рявкнул Джеймс.

Пожав плечами, парень протянул ему порошок. Джеймс присыпал порошком рану, но пехотинец оказался прав: это уже не имело смысла.

Херви умер, прежде чем Джеймс успел перевязать ему голову. Джеймс обтер окровавленные руки о штаны.

Минометчик снял четыре миномета, сказав, что больше оставаться не может. С тяжелым сердцем Джеймс оставил тело Херви в яме и снова выбрался на поле. Они поползли к немецким позициям, еще нескольких сразило наповал, но вот какой-то штурмовик «Спитфайр», кружа над ними, обнаружил, что они влипли, и, изловчившись, подлетел поближе к огневой точке и долбанул в то место, откуда велся огонь. Кто-то прокричал команду, и они снова поднялись и побежали. Джеймс чуть не рухнул в какой-то окоп, как оказалось, в немецкий. Перебравшись на другую сторону, снова двинулся вперед. Снова окоп. Заметавшийся в нем немецкий солдат обернулся и запустил чем-то в Джеймса. Ему угодило прямо в подбородок.

— Черт! — крикнул Джеймс, отпрянув и ощупывая лицо.

Солдат запустил в него консервной банкой. Жестянка откатилась назад по немецкому окопу. И не успел Джеймс сообразить, что это не жестянка, а граната, как она взорвалась, и взрывной волной его откинуло назад. С трудом поднявшись, Джеймс вскинул винтовку и выстрелил немцу в спину, промахнулся.

Они были уже за линией фронта, у немцев. Миновали группу примерно в полсотни немецких военнопленных, конвоируемых только одним солдатом. Но вдруг последовала неизбежная контратака — десятки «тигров» с крестами вывалили из-за бровки холма и покатали вниз прямо на наступавшую пехоту союзников. Военнопленные с интересом, как зрители на стадионе, следили за танками. Джеймс отступил, засев в немецком окопе, где помог минометчику сбить пару «тигров». После чего, так же внезапно, как появились, немецкие танки повернули назад, непрерывно крутя стрелявшими пушками и этим прикрывая себе отход.

И так продолжалось целый день — наступали крупными, хаотически двигавшимися группами, неся потери, падая в стрелковые ячейки, пока, наконец, только благодаря своей численности, не вынудили немцев отступить. Временами случались и затишья. Особенно досаждали союзникам минные поля. Там их поджидали «змеи», длинные, набитые взрывчаткой трубки, выталкиваемые на минные поля танками, затем по ним стрелявшими, и «змея»

взрывалась, приводя в действие мины. Тогда путь через минное поле стали метить белой лентой.

Отмахали уже миль пять. Джеймс обнаружил, что они бегут группой из примерно тридцати человек, не встречая никакого сопротивления. Сверху «Спитфайер» принял их за немцев. Развернулся, запустив навстречу по дороге россыпь сверкающих трассирующих пуль. Они залегли в придорожной обочине. Когда поднялись, четверых, как оказалось, убило.

— Пристрелю сволочь, идиота, если сунется еще раз, — бормотал капрал.

Но пристрелить штурмовик было нечем: оставалось только молиться, чтоб тот не вернулся.

Но вот Джеймс увидел, как солдаты впереди внезапно как-то странно затряслись и стали приплясывать, размахивая руками, как марионетки, и кружась, будто выписывая ногами джигу. К тому времени он уже довольно повидал на войне, чтоб понять, что это такое: где-то неподалеку работал пулемет «Шпандау», пули, попадая в людей, заставляли их беспомощно метаться; даже умирая, они все еще двигались. Это называлось «Балет Шпандау». Снова Джеймс укрылся в окопе. Почувствовал, что бедро стало влажным. Пуля пробила флягу с водой, которую он прежде снял с грузовика. Он поднес флягу к губам, опрокинув внутрь остатки жидкости.

— Пошли со мной!

Какой-то офицер хлопал его по плечу. Джеймс кивнул, дескать «понял». Офицер поднялся, и они вместе кинулись к пулеметному гнезду. Офицер первым добежал, прицелился, и в тот же миг пуля поразила его в грудь. Шедший за ним Джеймс едва успел поднять винтовку. Он выстрелил, и немецкий пулеметчик повалился ничком поверх своего орудия. Подававший пулеметную ленту поднял руки кверху.

— Kamerad!^[69] Сдаюсь!

Джеймс махнул ему, чтоб отошел от пулемета и двигался вперед. Тот повиновался. Джеймс так и не увидел, кто выстрелил в немца. Теперь уже Джеймса не слишком трогали такие моменты, но всякий раз, когда такое случалось, это служило ему напоминанием, что рано или поздно то же внезапно, почти наверняка, может случиться и с ним.

Он ужасно обрадовался, когда вдруг увидел Робертса, который, хоть ему изрядно покалечило шрапнелью ухо, по-прежнему шел в атаку.

— Я через эти чертовы минные поля назад не пойду, — сказал он Джеймсу. — Дождусь, пока возьмем Чистерну, оттуда на попутках домой. Надеюсь, недолго осталось ждать.

Он кивнул в ту сторону, где за холмом уже виднелся город.

К тому времени, когда взяли Чистерну, пленные немцы уже сотнями шагали в тыл. Невзирая на звуки пальбы в домах, путь в город мимо горящих танков был уже помечен белой пленкой. Несколько женщин с тревогой косились из-за дверей. Дети робко махали. Несколько усталых солдат примостилось на корточках у радиоприемника.

— Чего так поздно? — бросил один из них.

Войдя в город, увидели по дороге группку итальянских женщин, что-то рассказывавших американскому офицеру. Итальянки пытались что-то объяснить, указывая в сторону улицы и размахивая руками.

— Ребята, из вас кто-нибудь говорит на туземном языке? — спросил офицер у Джеймса с товарищами.

— Я говорю.

— Переведите, что они тут лопочут, пожалуйста!

Джеймс повернулся к женщинам:

— Buona sera, signorine. Cosa c'è?^[70]

— Мы пытаемся сказать этому солдату, что у Козимы в погребке прячутся пятнадцать немцев! — сказала одна.

— Где этот погреб?

Женщины показали, куда идти, и Джеймс передал все это офицеру.

— Есть у этих немцев оружие? — спросил офицер.

Джеймс перевел вопрос, и женщины закивали:

— Sì, много оружия!

— Спасибо, signorine! — кивнул Джеймс.

— Отлично говорите, — сказал офицер, когда женщины ушли. —

Как зовут?

— Гулд.

— Хотите теплое местечко, Гулд? Когда окажемся в Риме, моей группе может понадобится переводчик.

— Увы, — покачал головой Джеймс. — В Риме у меня дел по горло.

Они вошли туда через три дня. Авангардные подразделения въехали в город, ожидая суровое сопротивление, но вместо этого были радостно встречены населением, забрасывавших цветами их джипы, совавших им бутылки с вином. Им дарили, кто что мог, — женщины в качестве подарков предлагали себя. Через пару дней там, где прежде немцы вывешивали свои приказы, появились громадные надписи: «Римлянки, не теряйте доброго имени!»

Стремительность наступления повергла в изумление даже их собственное командование, и пятеро суток войска ликовали, как безумные, купались в Тибре, щедро пользовались гостеприимством римлян, глазели на город, посылали домой победные телеграммы или просто наслаждались отдыхом, подремывая на солнышке.

Ни на что из этого у Джеймса времени не было. Главной его целью было узнать, где находится немецкий армейский бордель. Это оказалось нетрудно, — местные жители с большим удовольствием назвали ему адрес — Виа Нардонес, 95. Это было высокое каменное здание, в прошлом, вероятно, гостиница. Взбежав по ступенькам, Джеймс вошел в огромный вестибюль-приемную. За конторкой было пусто, а разбросанные вокруг бумаги свидетельствовали о том, что обитатели дома покидали его в спешке. Джеймс чуть не поскользнулся на стопке тоненьких листков, наклонился, чтобы взглянуть. Это были отпечатанные билетки с пробелами для внесения фамилии и номера солдата, имени медсестры, осмотревшей и признавшей его незаразным, а также имени девицы. Порывшись немного, Джеймс нашел один заполненный билетик. Девицу звали Ева. Цена ее, похоже, составляла двенадцать лир.

— Эй? — крикнул он снизу вверх по лестнице.

Прислушался: ему показалось, что уловил какое-то движение. Он поднялся наверх. Попал в длинный коридор с пронумерованными комнатами. По стенам висели объявления, тщательно выписанные излюбленным немецким готическим шрифтом.

Джеймс открыл первую дверь. Комната была пуста, и даже, кажется, уже обшарена мародерами. Металлическая кровать

перевернута вверх ножками, матрац взрезан. Конский волос просыпался на вытертый ковер.

Джеймс уловил тихое бормотание. Оно исходило из какой-то комнаты на противоположной стороне коридора. Джеймс пересек коридор, заглядывая в каждую комнату. Во второй на кровати сбились в кучку четыре девицы. У всех головы обриты наголо, варварски — на коже остались кровавые порезы от бритвы. Девицы со страхом глядели на Джеймса.

— Не бойтесь, — сказал он по-итальянски. — Я просто ищу кое-кого.

— Немсы все услышали, — шепеляво пролепетала одна. — Есе в понедельник.

— Была у вас девушка по имени Ливия? — спросил Джеймс.

Девушка отрицательно замотала головой.

— Ты уверена?

— Есть регистрационный журнал, — сказала другая. — В конторе. Если хотите, можете там посмотреть.

— Я не читаю по-немецки. Не пойму, где искать.

— Я говорю немного, — сказала девушка.

Она отвела его в следующую комнату к огромному черному лежащему на боку шкафу для хранения документов. Джеймсу удалось водрузить его в прежнее состояние. Внутри папки стояли на удивление в полном порядке. Просмотрев, Джеймс отметил чрезвычайную обстоятельность документации. Через бордель вермахта на Виа Народонес прошли сотни девушек, и данные каждой были аккуратно запротоколированы. Все подробности здоровья, каждая жалоба, все недомогания день за днем были тщательно учтены и записаны.

— Что такое *damenbinden*? — спросил Джеймс, заметив часто встречавшееся слово.

— Прокладки при менструации. Они вели учет, у кого когда месячные, чтоб не притворялись больными.

Тьма девиц.

— Что стало с теми, кто ушел? Куда они пошли?

Девушка повела плечами.

— Немцы их забрали.

В документах не оказалось ни имени «Ливия», ни фамилии «Пертини».

— Вы уверены, что здесь указаны все девушки, которые были в наличии? Могло случиться, что на кого-то досье не заводили?

Девушка покачала головой.

— Они заводили на каждую.

Джеймс вздохнул и повернулся, чтобы уйти.

— Простите...

— Да?

— Нам нечего есть. Нет денег. Если выходим на улицу, женщины плюют нам в лицо. А мужчины... те еще того хуже. Не могли бы вы дать нам что-нибудь?

У Джеймса было всего-навсего несколько сотен лир оккупационными деньгами и пара пакетиков жвачки. Он отдал все.

— Вы эту самую Ливию разыскиваете? — спросила девушка, разворачивая жвачку.

Положила кусок в рот и стала жадно жевать, часто прерываясь, чтобы сглотнуть. Судя по всему, она была очень голодна.

— Да.

— Повезло ей... — грустно проговорила девушка.

— Но прежде мне надо ее найти.

Джеймс шел обратно берегом Тибра, погруженный в свои мысли. Повсюду народ праздновал. Солдаты отплясывали с римскими девушками. На Пьяцца Навона люди жгли немецкие флаги, документы, забытую немцами военную форму, даже кровати, на которых те спали. Немецкие воззвания были сорваны со стен зданий и брошены в костер. К Джеймсу подбежала хорошенькая девушка, чмокнула в щеку и унеслась, хохоча от собственной смелости.

Город праздновал и веселился, но Ливии в нем Джеймс не обнаружил.

Когда он вернулся в барак, где разместились его часть, Роберт сказал, что его кто-то спрашивал.

— Здоровый такой парень. Офицер. Сказал, что из диверсионного подразделения.

— Капитан Джеффрис?

— Это уж я не знаю, только на левой руке у него не меньше дюжины часов от фрицев.

— Ну, конечно, это — Слон, — нежно сказал Джеймс.

Он отыскал гостиницу, в которой временно разместилось диверсионное подразделение.

— А, Джеймс, вот и ты, — сказал Слон таким тоном, будто прорыв в Анцио был не более чем приятной прогулкой. — Знакомься, это мой верный друг Бастер.

Бастер оказался очередным «слоном», только с переломанным носом.

— Бастер занимается партизанами в секторе четыре, — пояснил Слон. — Это вот тут. — Он ткнул в карту на стене. — Скажи ему, что ты слышал, Бастер.

— Я опрашивал всех командиров партизан насчет изменений численности их отрядов, — сказал Бастер. — Один в своем сообщении передал, что его отряд все время пополняется новыми людьми. Попутно добавил, что, дескать, даже группа неаполитанских проституток примкнула; пережидают, когда можно пересечь линию фронта.

— Может, одна из них Ливия?

— Ну, конечно! — уверенно воскликнул Слон. — Сколько, по-твоему, неаполитанских проституток? — И тут же сам себе ответил: — Гм, вообще-то весьма немало. Но только не здесь. Тем более таких, кто пытается перейти через линию фронта.

— Если она у Дино, — заметил Бастер, — значит, с ней все в порядке. Дино отличный парень.

— Можно ли как-то вызволить ее оттуда? — спросил Джеймс.

— Боюсь, что нельзя, — покачал головой Бастер. — Весь этот сектор забит фрицами.

— С другой стороны, — бодро сказал Слон, — мы могли бы туда заслать тебя. Когда-нибудь прыгал с парашютом?

В ту же ночь ежедневная радиопередача Би-би-си для партизан выдала в эфир новый интригующий материал. Сообщив Марио, что сестрину корову пора подоить, а Пьеро, что жена благодарит его за шляпку, диктор монотонно произнес:

— И наконец сообщение для Ливии, которая гостит у Джузеппе. Пожалуйста, никуда не уезжай. Тунец уже в пути.

Высоко в горах радист отряда Дино, записав сообщение, недоуменно вскинул брови. Оно не соответствовало ни одному из известных ему шифров. Но радист все же передал его по назначению. Может, это имеет отношение к ожидаемому ими крупному оружию?

Примерно в пятнадцати милях от того леса, где укрывался Дино и его партизаны, немцы также слушали передачу Би-би-си. Они уже давно расшифровали код. Но слово «тунец» было новым. И немцы также заподозрили, что речь может идти об устрашающем новом оружии, которое должно быть доставлено партизанам. Сообщение было передано немецкому командованию, и получен приказ немедленно начать прочесывание вышеозначенной территории.

Глава 44

«В-17» был перегружен, и корпус его чудовищно гремел. Самолет был забит до отказа громадными ящиками с оружием, боеприпасами и продовольствием, спущенными на холщовых ремнях в бомбовый отсек. Скамеек не было: Джеймс со Слоном примостились на полу между двумя ящиками, держась за ремень, тянувшийся вдоль заднего отсека самолета. Другой рукой Джеймс прижимал к себе ранец и небольшой чемоданчик. Одна из дверок люка была открыта, и иногда в просвет было видно реки и озера проплывавшей под ними в серебристом лунном свете итальянской земли.

— Пойдем вниз с двух ангелов, — прокричал Слон сквозь грохот. — Все будет отлично!

Джеймс кивнул, стараясь держаться как можно уверенней. Он ни разу в жизни не прыгал с парашютом, и из того, что Слон ему втолковывал, уяснил, что лучше всего падать с наибольшей высоты. Два ангела — две тысячи футов — с такой высоты главный парашют вряд ли успеет раскрыться, не говоря уже о том, что вообще может что-то не заладиться. Но едва сам самолет, сделав вираж, повернул на север, к горам, сердце у Джеймса возбужденно забилося, и вовсе не только от страха. Он отчаянно надеялся, что Ливия получила его сообщение, и что еще не успела покинуть отряд.

По официальной версии, собственно, Слона полагалось забросить для связи с партизанами, Джеймс же был придан ему в помощь, чтобы разгрузить ящики. В рапорте, который пилот должен был подать по возвращении, Джеймс, сбрасывая ящик, потерял равновесие и рухнул с самолета вниз. Таков был, как заверил его Слон, совершенно рядовой способ отсылать народ в то или иное место, не заботясь о получении официального разрешения.

Минут через двадцать Джеймс почувствовал, что самолет стал снижаться. Слон поднялся.

— Пора сбрасывать это имущество! — прокричал он.

Перерезав холщовый ремень, они подтолкнули ящики к люкам отсека. Едва люки распахнулись, увидели на земле мерцание крохотного, как огонь светлячка, костра.

— Это нам сигнал! — крикнул Слон. — Сбрасываем!

Столкнули вниз первый ящик, его закрутило в воздушном потоке, но тут выбился шелковой медузой купол защитного цвета, замедляя падение. Джеймсу оставалось лишь надеяться, что его собственное падение пройдет так же гладко. Хотя сейчас думать об этом было некогда. Вместе со Слоном они выпихивали ящики один за другим, пока Слон не дал команду: отставить. Самолет сделал очередной вираж, снова развернулся.

— Кидаем! — проорал Слон, и работа возобновилась.

Наконец все ящики были сброшены.

— Ну, как самочувствие? — выкрикнул Слон.

— Страху полные штаны! — прокричал в ответ Джеймс.

Видно, Слому послышалось нечто противоположное, так как он ободряюще кивнул и поднял кверху большой палец.

Прижимая к груди чемоданчик, Джеймс шагнул к открытому люку. Далеко внизу темнел склон холма. Внезапно подумалось: что за бред, зачем кидаться в эту небесную пропасть? В этот момент Слон дал ему хорошего пинка, и Джеймс кувырнулся головой вперед в пустоту. На миг его охватила паника, но вот над головой раскрылся парашют, и он выпрямился, почувствовав спасительный подхват.

Прямо под ним медленно парили в воздухе ящики. Джеймс поднял глаза. Слон был справа футах в двадцати над ним. Внизу уже можно было различить темные фигуры, оттаскивавшие ящики из зоны приземления. И вдруг Джеймс разглядел знакомую худенькую фигурку, несущуюся к тому месту, где он должен был приземлиться, и сердце взлетело ввысь, выше облаков.

— Я люблю тебя! — заорал он ей сверху. — Я люблю тебя!

Эти слова по-итальянски звучали так чудесно, что он повторил их снова:

— Я люблю тебя, Ливия!

Земля мягко приняла двух небесных ангелов, и партизаны слышали, как один из них заливался смехом, хоть грохнулся и кувырнулся. И вот уже он, обвитый шелком парашюта, ее обнимал, повторяя снова и снова:

— Ливия, прости меня! Я очень виноват. Я отпустил тебя, но теперь уже не отпущу никогда!

Они сидели в сторонке от лагеря на поваленном дереве.

— Я тебе кое-что привез, — сказал он. И раскрыл свой чемоданчик. — Это с черного рынка в Риме. Хлеб из пекарни на Пьяцца Трилусса. И еще — вот, смотри!

Он бережно вынул свой сюрприз.

— Моццарелла, целая! Должно быть, в Рим завез кто-то из деревни. Это же чудо, правда?

— Нам нужно оружие, не еда, — упрямо сказала она.

— Судя по твоему виду, тебе и еда не помешает.

Ливия заметно осунулась с тех пор, как он видел ее в последний раз. Он разломил моццареллу и протянул ей кусок:

— Попробуй!

Ливия слегка откусила.

— Что-то не очень... — пробурчала она привередливо. Но съела немного еще. — Немного с душиком, — добавила она. — И приготовлена скверно. Тонкая, водянистая. Не то, что настоящая, из Кампаньи.

— Это лучшая, какую я смог найти.

— Не стоило деньги тратить, — Ливия съела еще немного. — После войны обязательно подыщу замену Пупетте. Знаешь, настоящих молочных буйволиц днем с огнем не сыскать. А этот сыр прямо как от старого немощного быка.

От сыра остался всего небольшой кусочек, Джеймс разломил его пополам, попробовал сам. Наверное, он не был так свеж и ароматен, как прежде бывали ее сыры, но и этот наполнял рот сладковатым, жирным привкусом влажных пастбищ, поросших густой, сочной зеленой травой и разнотравьем.

— Притом еще и крохотная, — добавила Ливия, приканчивая остатки. — Пройдоха римлянин продал тебе неполноценную моццареллу. Надеюсь, ты отдал за нее не больше пары лир?

Джеймс, отдавший за сыр все содержимое своего кошелька, отрицательно замотал головой.

Они долго сидели вместе, его рука бережно обвила ее плечи.

— Джеймс, — сказала Ливия, вздохнув. — Я должна тебе кое-что рассказать.

— Я знаю все про Альберто. Мариза рассказала.

— И ты все равно прилетел? — изумленно спросила она. — Никто бы тебя не осудил, если б ты решил со мной порвать.

— Но ведь теперь все не так, как было раньше, правда? Эта война все изменила. Нам придется теперь все по-иному осмыслить — решить для себя, что хорошо и что плохо.

Она кивнула:

— Тут у нас говорят, что нужно освободиться от буржуазного лицемерия.

— М-да, — протянул он задумчиво, — пожалуй, у вас несколько перехватили. Лицемерами бывают не только буржуа. И чтоб избавиться от лицемерия, не обязательно избавляться от буржуазии.

— Милый Джеймс, — отозвалась Ливия. — Какой ты всегда правильный...

Наступило долгое молчание. Он старался угадать, о чем она думает.

— В общем, кое-что ты должен принять к сведению, — начала Ливия. — Теперь я на все смотрю иначе. То, что я попала в отряд, то, что воюю, вижу, что происходит вокруг, — все это изменило мои взгляды на жизнь. Здесь я, во-первых, — коммунист, во-вторых — боец, ну а женщина... женщина это даже и не в-третьих: женщина — это где-то в самом конце списка.

— Но не всегда же ты будешь бойцом!

— Мне кажется, коммунисткой теперь я буду всегда. А это значит в какой-то степени быть бойцом. Как ты думаешь, кому все приводить в порядок, когда, наконец, закончится война и вы, ребята, разъедетесь по домам? Кто-то ведь должен запретить таким, как Альберто, чувствовать себя хозяевами в нашей стране.

— Так, — сказал Джеймс. — Если я тебя правильно понял, Англия по-прежнему не для тебя?

— Я не могу уехать из Италии. Особенно после всего этого. Особенно после того, через что пришлось пройти моим соотечественникам. Прости, Джеймс.

— Как интересно, — заметил он. — Ведь и я тоже не собираюсь возвращаться в Англию. Поеду только, чтоб демобилизоваться, потом снова вернусь сюда.

Она взглянула на него недоверчиво.

— Я хочу остаться в Италии, — мягко сказал он. — С тобой, если согласишься. Без тебя, если нет. Человек не может выбрать, где ему родиться. Но может выбрать, где ему жить, и я хочу провести жизнь здесь.

Боеприпасы, которые доставили Слон с Джеймсом, были встречены без особой радости. В ящиках были винтовки и пистолеты для мелкомасштабных действий, в то время как партизанам, собиравшимся ударить по отступающим немецким войскам, требовались пулеметы, гранаты и полуавтоматическое оружие.

— Мы вот уже несколько месяцев просим это оружие, — говорил Дино, почернев от гнева. — Неужели трудно было это уяснить?

— Видно, начальство что-то напутало, — успокаивал партизан Слон. — Возможно, в данный момент где-то возмущаются, что им зачем-то доставили пулеметы-автоматы «Стен». Я свяжусь с центром и закажу для вас необходимое. А пока нам надо здорово помозговать, чтобы спланировать наши действия.

На слет были приглашены руководители других партизанских отрядов этой местности. Слон развернул карту и, пользуясь Джеймсом как переводчиком, пояснил, что входит в задачи каждого сектора. Случались вопросы, однако возражений не было. Военная дисциплина у партизан была безукоризненна. Вдобавок, Джеймс это отметил, Слон управлялся мастерски. Он обладал способностью представить предстоявший бой визуально — и в смысле вооружения, и на местности: перемещал данную группу в данную горную область, откуда можно было осуществить прикрытие другого подразделения, переправлявшегося через данную речку...

Недовольный ропот исходил только от Дино, продолжавшего твердить, что самое главное — это если его группа будет обеспечена тяжелым вооружением, чтоб не дать немцам спокойно уйти.

— Верно, — согласился Слон. — И у нас будет тяжелое вооружение. Его сбросят с самолета раньше, чем немцы здесь покажутся.

Немецкое отступление совпало с наплывом жары. Даже здесь, в горах, жара стояла невыносимая, и многие партизаны ходили, обнажившись до пояса, но с неизменными красными платками на шее.

Некоторые женщины-партизанки надели вместо рубашек мужские безрукавки. Вместе с тем Джеймс отмечал, что у женщин с мужчинами сложились ровные отношения. Все вместе были заняты подготовкой к бою.

Копали окопы, и тут Джеймс мог давать советы, пользуясь военным опытом, приобретенным в Анцио. Кое-кто недовольно ворчал, когда он настаивал, что окопы должны быть глубиной в десять футов и что навес над ними надо дополнительно укреплять бревнами и мешками с песком. Откуда было партизанам знать, какова взрывная сила немецких 88-сантиметровых снарядов. Несмотря на недовольства, в конце концов с рытьем окопов справились. Дино лично проверил работу.

И все-таки Дино не переставал тревожиться насчет отсутствия больших пушек.

— Ладно, вырыли мы места для огневых точек, — говорил он Слону, — но когда же получим орудия, чтоб их там разместить?

— Скоро! — заверил его Слон. — Центр позаботится, чтоб мы получили в достаточном количестве.

Однако втайне и им уже овладело некоторое беспокойство.

— Слышал я какую-то странную штуку по радио, — признался он Джеймсу. — Оказывается, мы только что отозвали из Италии семь дивизий, чтобы открыть новый фронт в Средиземноморье.

— Но это какой-то бред! — сказал Джеймс. — Как можно позволять немцам превосходить нас в численности, когда они почти разбиты?

— Меня это тоже смущает, — кивнул Слон. — Просто я надеюсь... ну... не мог же кто-то там решить устроить итальянцам подлянку!

— Зачем и кому это понадобилось? — недоумевал Джеймс.

Внезапно его осенило:

— Погоди, я понял, в чем дело.

— Понял?

— Послушай, Слон, по-моему, надо собрать вместе всех командиров. Мы должны им объяснить, почему эти пушки, которых они так ждут, никогда к ним не придут.

— Еще в Неаполе, — сказал Джеймс, — я видел один документ. Сверхсекретный. В тот момент я не понял, почему его засекретили — это была просто предположительная оценка политической ситуации, которая может сложиться в Италии после войны.

Он умолк, собираясь с мыслями. Дино, Слон и командиры партизанских отрядов ждали, когда он продолжит рассказ.

— Суть оценки в том, что самой организованной и дисциплинированной силой в Италии являются партизаны. Составитель доклада полагает, что после войны король отречется от престола, и власть возьмут коммунисты. Его это не слишком устраивает — он предвидит, как он выразился, появление коммунистической сверхдержавы от Москвы до Милана.

— Ну и что? — вскинулся Дино. — Это ни для кого не секрет.

— Тот доклад был не просто оценочным, — сказал Джеймс. — Это был план к действию.

Воцарилась долгая тишина, партизаны осмысляли услышанное.

— Ты хочешь сказать, что нас предали? — наконец проговорил Дино.

— Я хочу сказать, что кое-кого устроило бы, чтоб немцы сократили численность и силы гарибальдийцев. Для этих людей война в Италии уже цель свою выполнила — сковала двадцать пять немецких дивизий, которые в противном случае могли бы закончить войну во Франции. Теперь, когда война практически выиграна, они отзывают дивизии союзников из Италии, предоставляя коммунистам расправляться с немцами — или же наоборот. Это то, что мой командир именовал: «одним выстрелом убить двух зайцев».

— Эй, Слон? — тихо спросил Дино. — Неужто это правда?

— Боюсь, похоже на то, — кивнул Слон. — Уже под конец командующим армиями придется выполнять то, что им прикажут политики.

— Вы бы лучше отказались от атаки, — заметил Джеймс. — Если вам что еще и пришлют, то только не тяжелое оружие, на которое вы рассчитываете.

— Мы не можем отказаться, — сказал Дино. — Пусть даже мы и узнали, что наша смерть послужит целям каких-то политиков. К нашему стыду, мы сами приветствовали приход фашистов у себя в стране. Не можем мы поэтому сидеть сложа руки, смотреть, как

немецкая армия проходит мимо нас, и не ударить по ней. — Он обвел взглядом остальных командиров. — Верно я говорю?

Один за другим все согласно кивнули.

Джеймс с Ливией, как и остальные, в свою очередь стояли в дозоре. Однажды ночью впереди них во тьме раздался треск оружейной пальбы. Несколько партизан напоролась на немцев. Джеймс с Ливией кинулись на землю, наводя винтовки, чтобы обеспечить прикрывающий огонь, когда головная группа партизан станет отходить в надежное укрытие. Перестрелка была короткой и отчаянной.

— Ты отличный боец, — пробурчала Ливия, когда они поднялись с земли.

— Ты тоже, — сказал Джеймс. — Впрочем, это меня почему-то не удивляет.

— Должен признаться, партизаны превращаются в настоящих виртуозов малых операций, — с гордостью проговорил Слон, возвращаясь назад по дороге и присоединяясь к ним. — Когда мы начинали, они без посторонней помощи даже винтовки зарядить не могли. Теперь вполне могут и меня кое-чему поучить.

Немецкие войска теперь перемещались по горным дорогам в основном к северу, подальше от фронта. Но пока шли грузовики с продовольствием и материально-техническим обслуживанием. Партизаны ждали момента, когда потянутся боевые дивизии. В лагере ощутимо чувствовалось напряжение, знакомая смесь оцепенения и страха, предшествующее всякому сражению.

Джеймс улучил момент, чтобы прогуляться с Ливией по лесу. Только там они могли оказаться наедине. Набредли на вишневое дерево, и за разговором лакомились плотными, сладкими вишнями. Ливия до сих пор никак не откликнулась на слова Джеймса о его желании вернуться после войны назад в Италию. Но он решил не давить на нее. И теперь обсуждались ее вновь обретенные политические воззрения.

— Во-первых, Италию нужно освободить. Затем надо, чтоб итальянский народ стал свободным, — толковала Ливия. — Фабрики и заводы должны принадлежать пролетариату, а не наоборот.

Джеймс съел еще одну ягоду. Манера Ливии говорить лозунгами с тех пор, как она примкнула к гарибальдийцам, несколько раздражала, хотя была понятна при сложившихся обстоятельствах.

— Ну, а если пролетариат не захочет ими владеть? — возразил он. — Или завладеет и станет расхищать?

— Рабочие воруют, потому что при несправедливой системе у них нет иного выхода, — уверенно сказала Ливия.

Тут она вспомнила, как было мерзко, когда обворовывали ее.

— Конечно, должны появиться руководители, — оговорила она. — Партия должна обеспечить руководство народом.

— И эти партийные лидеры будут избираться народом?

— Демократия уже зарекомендовала себя, как порочный метод распределения власти.

— Ну да, уж Гитлер и это успел испоганить, — пробормотал Джеймс.

— Ну, хорошо, положим, будут выборы, — согласилась Ливия. — Все равно выиграют коммунисты, какая разница.

— Значит, ты за демократический коммунизм?

— Ну? И что в этом плохого?

— Просто я думал, что вы, коммунисты, ничего такого не признаете.

Вместе с тем Джеймс не мог не отметить, что демократический коммунизм — явление в чисто итальянском духе и что как раз в Италии это может сработать.

— Ну, а как насчет религии? Надо полагать, вы позакрываете, как Сталин, все церкви?

— Нет, конечно! — возмущенно возразила Ливия.

— Выходит, у вас будет католико-демократический коммунизм?

— Почему нет?

— Ну, а что если пролетариат не захочет предоставить своим женщинам права и свободы? — спросил Джеймс с невинным видом. — Надо полагать, вы согласитесь с его мнением?

— Если не захочет, — сказала Ливия, — то пусть повесится.

И спохватилась:

— Ты издеваешься надо мной?

— Помилуй Бог, — возразил он. — Как можно смеяться над итальянками, когда они такие серьезные!

Она ткнула его кулаком в плечо.

— Ой-ёй!

Джеймс отметил, что кулак у нее стал железный, и тело гораздо крепче, чем прежде. Ливия снова ткнула его.

— Больно же! — запротестовал он.

— И что ты мне сделаешь?

— Придется тоже тебе наподдать! — он слегка ткнул ее в плечо.

— Разве это удар! — фыркнула она. — Вот это — удар!

И уже гораздо сильнее пнула его кулаком в другое плечо. На этот раз Джеймс уже перехватил ее руку, попытался заломить ей за спину. Между ними завязалась борьба. Ее смеющиеся глаза были так близко, а смеющиеся губы и того ближе, что не поцеловать их было невозможно. Он скользнул руками ей под безрукавку, и вдруг обнажились ее груди, бронзовые от солнца, и вот уже розовые, как мякоть инжира, соски, потянувшись навстречу его губам, мягко перекатывались под его зубами.

— Стоп! — сказала Ливия, чуть отстраняясь. — Хочу еще немного про политику.

— Ах, так! — сказал Джеймс, выпрямляясь. — Ну что ж, давай.

— Джеймс?

— Что?

— Я пошутила!

И снова прильнула к нему, выгнув спину и опять подставив ему груди, ее прохладные пальцы скользнули под пояс его брюк.

Чуть погодя, когда оба лежали обнаженные, и она делала ему что-то очень приятное, такое знакомое по воспоминаниям о полуденном Неаполе, именно он остановил ее руку.

— Вообще-то, есть одна мысль, — пробормотал он.

Она снова потянулась к нему губами.

— Какая?

Он стащил с вишневой ветки рубашку, на которой та в конце концов очутилась, расстегнул грудной карман.

— Не только сыр я с собой из Рима прихватил. Но и еще кое-что.

Ливия уставилась на пакетик презервативов у него в руке.

— Ага! — и бровь ее взлетела вверх. — Выходит, ты еще и спать со мной собирался?

— Не собирался. Надеялся, — сказал он смущенно. И тут заметил лукавое выражение у нее на лице. — Что, опять смеешься?

— Смеюсь, — ответила она, взяв и зубами разорвав пакетик. — Хотя я здорово на тебя зла.

— Это еще почему? — И у Джеймса перехватило дыхание: вынув презерватив, она натягивала его на член.

— Потому, что если б ты сразу, как появился, вот об этом сказал, — она скользнула ногой к его бедру, — не пришлось бы терять столько времени на всякую болтовню о коммунизме.

Потом они лежали, обняв друг друга в тени дерева, и пот потихоньку испарялся на коже. На животе у Ливии Джеймс заметил алое пятно, но, приглядевшись, понял, что это всего лишь след от вишни, раздавленной ее животом в момент страсти. Джеймс склонился, стал слизывать, и в тот же миг Ливия шевельнулась.

— Что ты делаешь?

— Ничего, — ответил он, продолжая свое занятие.

— Ничего, а я чувствую!

— Что ты чувствуешь?

— Чувствую... что приятно...

— Тогда я продолжу.

Он слизал всю без остатка прилипшую к ее коже мякоть вишни. Оглянулся. Вокруг на земле было полно вишен, он собрал две большие пригоршни.

— Ну, — сказал он, — как бы нам это употребить?

Одиночный немецкий истребитель кружил над головой в необъятном синем небе. Джеймс глядел на него, сонно приоткрыв глаза. Тревоги у него это не вызвало: их не было видно за густой листвой. Через пару минут самолет взмахнул крыльями и медленно скрылся.

Через день или два, подумал Джеймс, нас обоих может убить.

Он взглянул на Ливию, уютно свернувшуюся у него под мышкой, одна ее рука бережно обхватила его мошонку. Лопатки, выступали из спины симметрично, точно крылья бабочки. Когда все кончится, подумал он, надо бы ее подкормить. И улыбнулся противоречивости

обеих мыслей. Сколько бы человек ни думал о скорой смерти, что-то в сознании отказывалось воспринимать это, как вероятность.

Он вспомнил себя, когда впервые появился в Неаполе, еще до встречи с ней. С грустью подумал, каким, наверно, невыносимо самодовольным сухарем он был.

— О чем ты думаешь? — сонно спросила Ливия.

— О Неаполе. А ты о чем?

Она легонько сжала в пальцах его мошонку.

— Я подумала, не было бы вот этих яичек, не было бы и войны, но и не было бы никакой половой жизни. Я все гадала, правильно ли поступил Бог, сотворив их? И решила, в конечном счете, он поступил правильно.

— Твоя мысль гораздо глубже двух моих, — отозвался Джеймс пораженный. Откинулся на спину. — Это, как жить на Везувии, верно?

— В каком смысле?

— В том, что нас могут убить в любой момент, но мы не знаем, когда.

Она перевернулась, упершись в землю локтями, заглянула ему прямо в глаза.

— Верно. И как тебе такая жизнь?

— Мне кажется, — сказал он, — что такая жизнь стоит десятка разных других жизней. Если только, конечно, прожить ее вместе с тобой.

После минутного молчания она встрепенулась:

— Джеймс!

— Что?

— Когда кончится война, если ты позовешь меня замуж, я скажу «да».

Слегка подумав, он заметил:

— Не вижу логики. Почему бы не сказать «да» сейчас?

— Во-первых, ты не предложил.

— Ливия Пертини, согласна ли ты выйти за меня?

— Нет.

— Но ты ведь только что сказала...

— Я сказала, «когда кончится война». Сейчас говорить «да» — плохая примета.

— Почему это?

— Ну, во-первых, нужно, чтоб у меня в кармане лежал кусочек железа, потому что железо бережет от сглаза. Потом нужно, чтоб мы оба были с покрытой головой, чтоб злые духи не видели, как мы счастливы. И вообще во вторник нельзя думать о женитьбе.

— Последнее ты выдумала.

— Ничего я не выдумала.

— Но я не вижу никакой логики в том, что...

— Если ты, Джеймс, собираешься на мне жениться, — сказала Ливия сонно, — тебе нужно про логику вообще позабыть. Да и вообще, уславливаясь о женитьбе перед боем с немцами, значит просто-напросто искушать судьбу.

По дороге в лагерь они встретили Слона, старательно чистившего единственный имевшийся у партизан пулемет. Он бросил на Джеймса вопросительный взгляд, и Джеймс показал ему большой палец.

Позже Джеймс подошел к Слону, чтобы помочь.

— Я гляжу, у тебя с Ливией все в порядке? — спросил Слон.

— Более чем. — Джеймс сиял. — Она собирается ждать до окончания войны, а я думаю, мы скоро поженемся.

— Вот это здорово, поздравляю! Надеюсь, вы будете счастливы. — Слон умолк, орудуя над своим пулеметом. Потом бросил: — Думаю, ты в курсе насчет моих осложнений с Эленой. Насчет давно не объявлявшегося муженька то есть.

— Да... что-то такое она мне, кажется, говорила, — сбивчиво пробормотал Джеймс.

— Теперь Рим освободили, думаю, мы сможем навести кое-какие справки.

— Наверное. Хотя... э-э-э..., все сразу не делается. Видимо, время слегка упущено.

— Понимаешь, — продолжал Слон, — если она выйдет за меня, то никак проституткой оставаться не может. Согласись, от шлюхи обычно совсем не того ждут, чтоб она каждый вечер возвращалась домой к любимому мужу и готовила ему ужин. — Он поймал взгляд Джеймса. — У меня с давних пор была блестящая идея. Просто, казалось, она из разряда тех вещей, о которых лучше не говорить.

— Я уверен, ты что-нибудь придумашь.

— Надеюсь. Жаль, что эта чертова война вот-вот окончится, — грустно сказал Слон. — Ты, понятно, на это смотришь совсем иначе. Но для меня это лучшие дни моей жизни. — Он осмотрел пулемет, который теперь был снова целиком собран. — Этой штуковине предстоит уложить не одного фрица.

Мало-помалу просачивание немецких подразделений на север превратилось в бурный поток. Передвигаясь преимущественно по ночам, — союзные истребители по-прежнему беспокоили их в дневное время, — они ринулись через горы, как будто прорвало плотину, оглашая темноту рычанием грузовиков и гулкой солдатской поступью.

— Не время, — сказал Дино. — Ждем пехоту.

И партизаны, затаившись, следили за тянувшейся мимо бесконечной процессией в серой униформе, выжидали.

Через два дня разведчики доложили, что с юга движется колонна пехоты.

Партизаны ждали до сумерек. Внезапное рычание, раскатившееся в замершем воздухе, возвестило о приближении колонны. Чуть погодя ему ответил птичий клекот.

— Войска, — сказал Слон. — Войска и грузовики. Судя по шуму, много.

— Удачи всем! — сказал Дино. — Ждите моего приказа.

Поступь приближавшихся войск стала громче, немцы неспешно шагали по долине. Вскоре их уже можно было разглядеть. В сгущавшихся сумерках немцы, как поток серой лавы, тянулись вверх по склону к тому месту, где их поджидали партизаны.

Головные грузовики уже почти миновали позиции партизан, и тогда Дино сказал:

— Давай!

В тот же миг из замаскированных окопов грянула винтовочная пальба. Немцы рассыпались и укрылись, кто как смог. И тогда другая группа партизан, засевшая на гребне позади немцев, открыла огонь, вынуждая противника двинуться назад. Правда, начальный успех был недолог. Бронемашина повела ответный огонь, а опытные и дисциплинированные немецкие солдаты стали формироваться в небольшие боевые единицы.

Если начало сражения было бурным и шумным, теперь все превратилось в сущий хаос. Атакующие стреляли не переставая, уже дула их винтовок светились в темноте, как раскаленная кочерга. Джеймс встревожено искал глазами Ливию, ее не было видно. И вот они уже врезались в немецкие позиции, и образовалась такая толчея, что уже не было возможности ни искать кого-то, ни думать ни о ком, кроме тех, кто был тут, справа и слева.

Джеймс услышал знакомый вой, как зудение бензопилы, прорезавший шум сражения. Этот жуткий звук он знал по Анцио — заработал тяжелый пулемет «Шпандау». Распахнув боковины кузова грузовика «MG-42» где-то посреди колонны, немцы вели беглый огонь из пулемета, кося и своих, и партизан в лихорадочном стремлении переломить бой в свою сторону. Джеймс нырнул в ров и оказался рядом со Слоном.

— Этот «Шпандау» нам совершенно ни к чему, — бросил Слон. — Думаю, смогу его как-то уговорить. — Он вытащил из кармана немецкую мину. — Сейчас в любой момент им придется перезаряжать ленту.

— Я с тобой! — сказал Джеймс.

И стал поспешно вставлять в свой автомат новую обойму.

— Не стоит, — сказал Слон. — Может быть опасно. К тому же, тебе Ливию надо отыскать.

— Не дури! Тебе нужно прикрытие.

— Элене передай от меня привет, — сказал Слон, переваливаясь через край рва.

Чертыхнувшись, Джеймс впихнул обойму и двинулся следом, низко пригибаясь к земле, пуская вправо и влево короткие очереди. Внезапная резкая боль в левом плече откинула его назад. Но он видел, как Слон, подползая к огневой точке, швырнул гранату прямо в пулемет. Что-то вспыхнуло, и грузовик взлетел на воздух, превратившись в огненный шар, втянувший в себя немало немецких солдат.

Уже через десять минут все было кончено, оставшиеся немецкие грузовики либо покатали обратно в долину спасаться, либо были захвачены партизанами. Но победа досталась слишком дорогой ценой. Партизаны потеряли боле половины своих людей. Джеймс отправился на поиски Ливии. Заглядывал в лица лежавших на земле, чтобы

понять, нет ли ее среди раненых. Наконец он ее увидел: Ливия сидела на склоне горы возле мертвого Слона. Джеймс присел рядом, и они долго сидели молча. Когда наконец Ливия заговорила, ее голос прозвучал хрипло, устало:

— Я хочу домой...

Назавтра, когда они хоронили павших, еще одна колонна появилась в долине. Но на сей раз униформа была не серого, а защитного цвета, на антеннах машин развивались флажки союзных войск.

Джеймс в качестве переводчика отправился вместе с Дино. Рука с забинтованной раной от пули висела на перевязи. Он рассказал прибывшим, что происходило вчера, и командир части выразил партизанам благодарность.

— Кстати, — спросил он у Джеймса, — где вы так хорошо выучили английский? Для итальянца вы говорите просто великолепно.

Джеймс открыл было рот, чтобы объяснить, но почему-то у него вырвалось:

— Видите ли, я родился в Англии. Но вырос в Неаполе.

— Я так и думал. Ладно, мы поспешим за фрицами. Спасибо вам за все.

Когда они шли вверх по холму вдоль линии свежих могильных крестов, Дино заметил:

— Ты не сказал ему, что ты англичанин.

— Не сказал, — кратко подтвердил Джеймс.

Дино задумчиво на него взглянул. Остановился у ряда могил.

— Сколько крестов... Хотя есть и еще одно свободное место.

— Где это? — не понимая, спросил Джеймс.

Дино указал пальцем:

— Там, в конце. Приятно упокоиться тут, ты как считаешь?

— Красивое место.

— Может, и тебя здесь похоронить, рядом с твоим другом Слоном, а? «Здесь лежит Джеймс Гулд, офицер Британской армии, отдавший жизнь, доблестно сражаясь вместе с партизанами»... и так далее, и так далее...

— Дино, — сказал Джеймс. — Ты хочешь сказать, что мне...
стоит пропасть без вести?

Дино вынул что-то из кармана:

— Вот, — сказал он, разворачивая.

Это был партизанский красный шейный платок. В уголке вышито
имя: «Джакомо».

— Он был хороший человек, — тихо сказал Дино. — Один из
многих хороших ребят, похороненных здесь. И думаю, он не стал бы
возражать, если б ты носил его платок. Это ничем не хуже любого
удостоверения личности, как ты думаешь? Этот платок да еще и
письмо, написанное мной с благодарностью за твою помощь, откроет
тебе не одну дверь в Италии после войны.

Дино вложил платок Джеймсу в руку.

— Вези ее домой, Джакомо! Вези Ливию обратно в Неаполь!

Глава 45

Семьдесят миль — семьдесят миль отвоеванной земли, уже очищенной до предела двумя армиями. Есть было нечего, но они шли и творили пищу из воздуха.

— Что ты приготовишь мне сегодня на ужин, Жемс?

— Сегодня... — в раздумье лицо его напряглось, задача была не из легких, — сегодня я приготовлю тебе антипасто с *posi in samicia*, с грецкими орехами в пармезановом масле.

— А грецкие орехи из Сорренто?

— Разумеется. В тонкой скорлупке и прямо с дерева. Ни какие-то там ссохшиеся, что у англичан в ходу.

— А масло ты как приготовишь?

— Ясное дело заранее. Заблаговременно — часа эдак за два до ужина, так чтобы аромат базилика и пармезана полнее слился с ореховым.

— Правильно, — кивает она, — жаль только, что есть мне сейчас хочется. Это потому что идем и идем. Может, сделаешь мне мисочку пасты? Чтоб побыстрее?

— Конечно! Как насчет *fettuccine al limone*?

— Отлично!

— Тогда иду кипятить воду, чтоб заложить *fettuccine*...

— Ты хочешь сказать, что пасту не сам приготовил? — перебивает она.

— Гм... Ну, положим, сам. А теперь тру цедру примерно с полудюжины лимонов.

— Про лимоны расскажи.

— Лимоны из Амальфи, разумеется, очень крупные, и такие бледно-желтые, почти белые. На вид — бр-р-р! Противные, толстокожие, ведь чем толще кожа, тем слаще сок.

— Вот именно.

— А теперь просто смешиваю лимонную цедру с маслом и сливками...

— Сливков сколько? — спрашивает она. — И сколько масла?

— *Quando basta*. Сколько нужно.

Она одобрительно кивает:

— Так. Жемс, когда-нибудь ты заделаешься настоящим поваром.

— Премного благодарен, — говорит он, неожиданно польщенный комплиментом. — А я подаю пасту сразу, как только сготовлю, может, чуть-чуть перца добавлю. Ну что?

— Очень вкусно, — говорит она. — Такой вкуснятины в жизни не ела. Знаешь, просто не представляю, останется ли у меня место для следующего блюда.

— *L'appetito viene mangiando*. Аппетит приходит во время еды.

Они взошли на гребень горы и там сделали короткий привал.

— Смотри, вон лес! — указала она вниз. — Надо туда спуститься. Может, отыщем грибов или даже каких-нибудь плодов.

— Давай, — соглашается он.

Он не напоминает ей, — это вовсе ни к чему, — что эти леса уже давно прочесаны солдатами или такими же беженцами, как они.

— Абрикосы на сладкое — совсем неплохо.

— Вкусные абрикосы рождаются только на Везувии.

— Ах, я и забыл! Значит, проходим мимо. Вместо них пару груш, ну и, может быть, вино.

Они прилегли на теплом солнышке. Ливия снимает ботинки и трет воспаленные пятки.

— Держу пари, брачному офицеру явно не хватает его мотоцикла.

— Понятия не имею, чего не хватает брачному офицеру.

— Что так?

— Брачный офицер... теперь это совсем другой бедолага. Может, в данный момент он как раз разбирает мои бумаги, думая про себя, какой невыразимый бардак. Зола в шкафу для документов... жестянка из-под бисквита, полная денег для подкупа... и еще, Бог знает, что он скажет про мои отчеты, если удосужится в них заглянуть.

Некоторое время оба молчат. Потом Ливия робко прерывает молчание:

— Но если ты теперь не брачный офицер, то...

— Могу остаться в армии и могу жениться, на ком захочу. Да, такая мысль и мне приходила в голову. Одна есть загвоздка — необходимо разрешение командира. Но, думаю, я это устрою.

— Устроишь?

— Эрик не слишком обрадуется, что нам стало известно их отношение к коммунистам. Если я пригрожу, что подниму скандал, он

позаботится, чтоб мы получили все, что захотим. Возможно, даже сумеем упрятать за решетку твоего жулика *camogista*, где ему и место.

— Какой ты находчивый, Жемс!

— А ты думала! — кивает он. — Но, как говорит Анджело, голодный желудок ко всем беспощаден. Твоя очередь готовить.

— Как насчет... скажем... печеных блинов, начиненных моццареллой и зеленой фасолью?

— Звучит заманчиво.

— Так. Сперва нам нужна отличная моццарелла, — говорит она.

Она встает, протягивает ему руку.

— К счастью, моццарелла у меня есть, от моей собственной *bufala*, которая поджидает нас впереди, докуда осталось совсем чуть-чуть.

Он встает, не выпуская ее руки, так они и продолжают идти рука в руке.

— Потом понадобятся отличные яйца для блинов. Но, к счастью, у нас есть одна замечательная курица. И еще нужно молоко, опять-таки возьмем от *bufala*, и чеснок, чтоб его ароматом пропиталась фасоль...

Эпилог

Время проходит.

Проходит время, и так как жаркое полуденное солнце и прохладные горные ночи поочередно поджаривают и охлаждают почерневший ландшафт Везувия, с ним происходят удивительные превращения.

Мало-помалу потоки остывшей лавы покрываются колониями лишайников — *stereocaulon vesuvianum*. Лишайник этот такой крохотный, что почти незаметен невооруженному глазу, но по мере своего роста он превращает лаву из черной в серебристо-серую. Там, где прошел лишайник, могут последовать за ним и другие растения — первым делом, чернوبель, валериана и средиземноморский низкий кустарник, а вслед за ними и падуб, и береза, а также множество разновидностей абрикоса.

Постепенно шлак и зола, покрывавшие все вокруг толстым, похожим на грязный снег слоем, неминуемо разбиваются на поля и виноградники, попутно рассыпаясь и крошась, добавляя плодородия в плотную темную почву и придавая помидорам, кабачкам, баклажанам, фруктам и всяким плодам, что произрастают здесь, неповторимый аромат.

Время проходит.

Проходит время, но память в людях остается. Каждый год в годовщину победы они собираются в дорогих им местах — на аэродроме, у военного мемориала, в кафе на Французском мосту, на побережье, где высаживались и выжили, — а иные, кто был тогда с ними, нет.

Одним из мест сбора стала маленькая остерия, примостившаяся на горе Везувий, в деревушке под названием Фишино. Сюда приезжают избранные, и вы вряд ли увидите сообщение об этом в газетах или по телевидению. Но хоть собираются избранные, их немало. Они приезжают со всей Европы, и еще из Соединенных Штатов — ведь те, кто живут по ту сторону Атлантики, рады возможности время от времени снова возвращаться сюда, навещать родных в Неаполе.

Имена приезжающих мужчин — Берт, и Тед, и Ричард... Женщин... женщин зовут Альджица, Виолетта, Сильвана и Джина. Они — невесты военного времени, итальянки, ставшие женами солдат союзных войск с разрешения военного начальства, данного с неохотой и в виде исключения.

Есть здесь и иные гости. Тут Анджело, в прошлом метрдотель «Зи Терезы», теперь уже давно на пенсии, со своей женой и шестнадцатью внуками. Здесь и Эрик Винченцо, который на вопрос, чем он сейчас занимается, вечно отвечает уклончиво, но который проживает в Лэнгли, штате Вирджиния, где располагается штабквартира ЦРУ. Еще здесь элегантная дама средних лет, неизменно, при любой погоде, разодетая в дорогие меха. Она приезжает в сопровождении своего супруга, миллионера-промышленника, который значительно моложе и который с неизменной вежливостью обращается к ней не иначе, как *carissima*.^[71] У нее один глаз живой, второй стеклянный. И она отзывается на имя «Элена».

Здесь и Мариза, или *Dottore Пертини*, как теперь нам следует ее величать. У нее уже давно процветающая лечебная практика в Боскотреказе, и общеизвестно, что от некоторых недугов, с которыми не справляется традиционная медицина, таких как боль в спине, артрит или супружеская неверность, она способна изготовить целебное средство, которое вы не найдете ни в одной аптеке.

Здесь и ее сестра. Теперь так же известная, как *Dottore Пертини*, хотя в данном случае это означает, что она окончила факультет политологии и получила степень доктора. И все же местный юрисконсульт с горячим нравом всегда найдет время, чтобы встать у плиты, в особенности, когда речь идет о столе, как сегодняшней, о празднике семьи и друзей.

Здесь же и ее супруг, который несколько замедленно проходит вдоль длинного стола на козлах, поставленного под деревьями на тенистой террасе, проверяя, все ли необходимое на месте. Скованность движений — результат старого ранения военных времен, однако это не мешает ему зорко следить, чтобы официанты подавали антипасто надлежащим образом, — ведь именно он заправляет теперь рестораном и фермой после смерти Нино, и именно благодаря его руководству ресторан стал знаменитым и вошел во все ресторанные справочники. Говорят, будто известно, что он сам время от времени

помогает поварам готовить, и что его fettuccine al limone даже лучше, чем у Ливии. В качестве антипасто сегодня будет подана burrata: жирные, завернутые в листья асфоделя шарики моццареллы, приготовленной из молока его собственной, горячо любимой азиатской буйволицы, чье мычание изредка долетает из-за забора их небольшого пастбища рядом с домом.

Но у этой трапезы существует свой ритуал, и он исполняется каждый год со времени окончания войны. Когда гости подносят к столу свои бокалы со сверкающим prosecco,^[72] им прежде всего подают по миске жидкой, пустой похлебки. Она чуть питательней жижи из-под пасты, в ней плавают несколько простых фасолин, приправлена она слегка бараньим жиром, и, честно говоря, на вкус не слишком хороша. Самые юные участники сборища, — которые по возрасту вряд ли знают сами, что такое война, — морщат носы, и отодвигают миски, едва попробовав. Но старшие едят похлебку медленно и молча, и в глазах у них далекое воспоминание, так как вкус похлебки переносит их в другое время, воспоминания набегают толпой, наполняя застолье другими, ушедшими лицами.

Потом, когда похлебка съедена, подается моццарелла. Разливается вино; пальцы ломают хлеб. Начинаются разговоры, переходящие в споры, но постепенно возвращающиеся в прежнее спокойное русло. Цивилизация возобновляет свой естественный ход.

За столом есть и малые дети — десятки детей, так как сразу после войны грянул такой взрыв рождаемости, какого мир до сих пор не знал. Некоторые детишки слегка робеют, еще не привыкнув к тому, что разговоры ведутся сразу на нескольких языках. Застолье продолжается, и поскольку старшие, как видно, кроме своих разговоров ни о чем другом не помышляют, младшее поколение по одному выскальзывает из-за стола, собираются группками, и в зависимости от возраста и от пола, затевают игры, или слоняются со скучающим видом, или флиртуют друг с дружкой.

Время от времени их призывают за стол, к центру сборища, чтоб обменяться мнениями, или сунуть им в рот вкусненькое или просто привлечь к одному из многочисленных тостов, которые то и дело поднимаются за столом. И молодежь поднимает свои стаканы за победу, о которой не знает ничего, кроме того, что проходит в школе или слышит от родителей.

А если на глазах у молодых Ливия Пертини, когда мимо проходит муж, ласково касается его рукой, или он наклоняется к ней и мимоходом целует — привычно, почти безотчетно, прерывая разговор, чтоб коснуться губами ее губ, — молодые, конечно же, насмешливо-брезгливо морщатся или отпускают мелкие шуточки. Ведь они, знающие так мало о войне, о любви знают еще меньше. Так уж заведено: каждому поколению не возбраняется считать, что это открытие они сделают сами для себя.

К тому же им предстоит нечто куда завлекательней. Смотрите, прибывает очередное блюдо: и повара триумфально выносят долгожданное абрикосовое dolce.

Выражение благодарности

Многие события и случаи из этой книги имели место в действительности и взяты мною из свидетельств современников, хотя моей целью был, прежде всего, не точный пересказ, а ощущение подлинности времени. Я главным образом отталкивался от замечательной книги Норманна Льюиса «Неаполь 1944 года», его дневника тех лет, когда он служил в армейской контрразведке. Приведу в качестве наиболее яркого примера отрывок из его записи от 5 апреля: «К данному моменту завершено расследование по двадцати восьми соискательницам разрешения на брак с нашими военнослужащими. Доказано, что двадцать две из них — проститутки... Надо как-то помочь этим просительницам оформить брак с нашими солдатами. Большинство из двадцати двух, получивших отказ, производят впечатление добрых, энергичных и хозяйственных женщин, к тому же внешне они весьма привлекательны».

Кроме того, Льюис был в 1944 году свидетелем извержения Везувия, которое, по свидетельствам многих очевидцев, могло быть намного разрушительней, если бы не операция по спасению населения, предпринятая американскими и британскими военными под командованием полковника Джеймса Кинкейда. По сути, от извержения больше всего пострадали городки Сан-Себастьяно и Масса, и еще оно уничтожило почти полностью эскадрилью бомбардировщиков В-25 на аэродроме в Терциньо. В настоящее время вблизи или вокруг вулкана проживает более миллиона человек: сейсмологи утверждают, что, возможно, ожидается очередное извержение.

Льюис также упоминает об «абсолютно идиотской идее диверсионного управления» отлавливать в Неаполе зараженных сифилисом проституток и отправлять их на относительно чистую от сифилиса немецкую территорию. Эта схема, которая уже до того имела некоторый успех во Франции, после нескольких попыток была отвергнута в Италии по причине резкого протеста причастных к этому женщин.

Я крайне благодарен сотрудникам Имперского военного музея в Лондоне, которые предоставили мне возможность изучить несколько

неопубликованных отчетов о жизни в оккупированном Неаполе и даже снабдили меня картой города, каким он выглядел в результате бомбежек, единожды отпечатанной для отпускных военнослужащих. К счастью, «Зи Тереза» по-прежнему существует — недавно я лакомился там превосходным мини-осьминогом, тушенным в соке кальмаров с томатами.

Человек, утверждавший, что Бетховен — бельгиец, не выдуманное лицо, что следует из воспоминаний Э. М. Форстера, изложенных в его эссе 1958 года «Вид из несуществующей комнаты».

Цитаты в главе 19 взяты из двенадцатого издания книги «Супружеская жизнь» доктора Мэри Стоупс. К сороковым годам книга сделалась очень популярной, этот справочник по сексуальной жизни разошелся тиражом более миллиона экземпляров.

Я также отдаю дань книгам: «Ее словами» Софи Лорен, где описывается детство в военном Неаполе и Поццуоли; «Дорогая Франческа» Мэри Контини, где содержится много рецептов и воспоминаний о бабушке и деде, уроженцах Кампаньи; а также военным мемуарам — «Галерея» Джона Хорна Бернса, «От плаща до кинжала» Чарлза Макинтоша и «Рим, 1944» Рейли Тревелияна. В отношении неаполитанской кухни я пользовался источниками «Рецепты и воспоминания» Софи Лорен и «Полное собрание рецептов итальянской кухни» Антонио и Пришиллы Карлуччо. Огромное спасибо Джэми за рассказ об использовании шкафа для бумаг в качестве печки.

Предположение о том, что Служба Контрразведки (СІС) — впоследствии широко известная, как ЦРУ, — тайно пыталась препятствовать действиям коммунистически настроенных партизан, стало известно под названием «Операция Гладио». Я благодарен Блейзу Дагласу за то, что указал мне на это.

Некоторые мои друзья, в том числе Бобби Себайр и Питер Бегг, прочли рукопись и сделали свои замечания. Особая благодарность Тиму Райли, который не поскупился дать ответ на мое пожелание выслушать самую строгую критику.

Как-то за великолепным итальянским обедом мой агент Кэрэдок Кинг надоумил меня начать писать этот роман, а через полтора года за аналогичным обедом надоумил его закончить. Сомневаюсь, чтобы и первое, и второе было бы совершено без его помощи. Я также весьма

признателен своему издателю из «Тайм Уорнер» Урсуле Макензи, которая убеждала меня писать все что мне хочется, и моему редактору Джо Дикинсон, которой пришлось терпеть меня — порой нетерпимого, — в результате чего книга «Брачный офицер» складывалась медленно.

Эту книгу я посвящаю своему отцу, представителю необыкновенного поколения юношей и девушек, решивших для себя в 1939 году, что демократия, порядочность и доброта стоят того, чтобы за них отдавать свои жизни. Ведь пока человечество продолжает рассказывать истории, история о них будет рассказываться и пересказываться, вдохновляя всех нас.

notes

Примечания

1

Растущая в Средиземноморье пряная трава из семейства лилейных. *(Здесь и далее примечания переводчика.)*

2

Досл. «Когда курица описается, козел!» (*ит.*) — Ср.: «Когда рак свистнет».

3

Яйцам (груб. *ит.*).

4

Детишки (*ит.*).

5

Буйволы (*ит.*).

6

Сладкое, десерт (*ит.*)

7

Да здравствует! (*ит.*)

8

Соус по-генуэзски (*ит.*).

9

Томатный соус (*ит.*, неап.).

10

Праздник (*ит.*).

11

Фасоль (*ит.*).

12

Тост, смысл которого соответствует русскому «Многая лета!»

13

Добрый вечер, синьора! (*ит.*)

14

Простите, синьора. Не скажете ли, где Палаццо Сатриано? (*ит.*)

15

Большое спасибо (*ит.*).

16

Пучок, союз, объединение: основной символ фашизма по Муссолини, создавшего это движение, — связка прутьев, которую не сломать, тогда как каждый прут в отдельности ломается легко.

Дословно: светлячки (*ит.*); зд.: «ночные бабочки».

Карабинер, итальянский полицейский (*ит.*).

Дворец (*ит.*).

20

Простите! (*ит.*)

21

Войдите! (*ит.*)

22

Счет (*ит.*)

Пудинг (*ит.*).

Облавы (*ит.*).

Обман зрения как прием в архитектуре, ложное отображение реального (*фр.*).

26

Да! (*ит.*)

27

Добрый день, синьорина. Очень приятно познакомиться (*ит.*).

Ты говоришь по-итальянски? (*ит.*)

29

Добрый вечер... Что тебе? (*ит.*)

30

Пир (*ит.*).

Карликовая фасоль (*ит.*).

Баңдиты (*ит.*).

Такой милый (*ит.*).

...наверняка... поневоле... поэтому... (ит.)

35

Это слишком (*ит.*)

36

Внимательней, кретин! (*ит.*)

37

Банда, мафия (*ит.*).

Второе блюдо, жаркое (*ит.*).

Немецкий (*ит.*).

40

Ничего (*ит.*).

Желудок сытый — сердце смягчает: голодный желудок не щадит никого (*ит.*).

Баклажаны «по-пармски» (запеченные с помидорами и сыром пармезаном) (*ит.*).

Популярные танцы начала 40-х гг.

Мелко порубить, поджарить, приправить (*ит.*).

Eggplant — на американском английском — «баклажан», дословно: «растение в виде яйца». Звучание воспроизводится близко к американскому. Кстати: «помидор» американцы произносят «томейтоу».

Баклажан (*ит.*).

47

Площадь (*ит.*)

Морские орехи (*um.*).

Малютки (*ит.*), имеются в виду упомянутые рыбки-песчанки.

Гей, «голубой» (*ит.*, сленг).

Гомик, женообразный мужчина (*ит.*, сленг).

Экстра чистое (холодного прессования), чистое высшего сорта, очень чистое и чистое (*ит.*).

Плут (*ut.*).

Зелень цикория с грудинкой (*ит.*).

Вьющаяся (*ит.*).

Золотая рыбка (*ит.*).

Черт побери! (*ит.*)

Голова нужна только для того, чтоб уши развести в стороны (*ит.*).
Ср.: «Голова — два уха».

Чудные (*ит.*).

60

Быстро, очень быстро! (*ит.*)

61

Гусиная печенка (*фр.*).

Мясное ассорти с бобами (*фр.*).

Кофеварка, кофейник (*ит.*).

Да здравствуют союзники! (*ит.*)

65

Я — Генрих (*нем.*).

66

Красавица, красотка (*ит.*)

67

Дом (*ит.*).

Имя, которое брал солдат при вербовке в армию; военное прозвище (*фр.*, ист.).

69

Товарищ (*нем.*).

Добрый вечер, синьорины. В чем дело? (*ит.*)

Зд.: «мое сокровище» (*ит.*).

Искрящееся вино, типа шампанского (*ит.*).

Table of Contents

Энтони Капелла Брачный офицер

ЧАСТЬ I

Глава 1

Глава 2

Глава 3

Глава 4

ЧАСТЬ II

Глава 5

Глава 6

Глава 7

Глава 8

Глава 9

Глава 10

Глава 11

Глава 12

Глава 13

Глава 14

Глава 15

Глава 16

Глава 17

Глава 18

ЧАСТЬ III

Глава 19

Глава 20

Глава 21

Глава 22

Глава 23

Глава 24

Глава 25

Глава 26

Глава 27

Глава 28

Глава 29

[Глава 30](#)

[Глава 31](#)

[Глава 32](#)

[Глава 33](#)

[Глава 34](#)

[Глава 35](#)

[Глава 36](#)

[Глава 37](#)

[Глава 38](#)

[Глава 39](#)

[Глава 40](#)

[ЧАСТЬ IV](#)

[Глава 41](#)

[Глава 42](#)

[Глава 43](#)

[Глава 44](#)

[Глава 45](#)

[Эпилог](#)

[Выражение благодарности](#)

[Примечания](#)

[1](#)

[2](#)

[3](#)

[4](#)

[5](#)

[6](#)

[7](#)

[8](#)

[9](#)

[10](#)

[11](#)

[12](#)

[13](#)

[14](#)

[15](#)

[16](#)

[17](#)

[18](#)
[19](#)
[20](#)
[21](#)
[22](#)
[23](#)
[24](#)
[25](#)
[26](#)
[27](#)
[28](#)
[29](#)
[30](#)
[31](#)
[32](#)
[33](#)
[34](#)
[35](#)
[36](#)
[37](#)
[38](#)
[39](#)
[40](#)
[41](#)
[42](#)
[43](#)
[44](#)
[45](#)
[46](#)
[47](#)
[48](#)
[49](#)
[50](#)
[51](#)
[52](#)
[53](#)
[54](#)

[55](#)
[56](#)
[57](#)
[58](#)
[59](#)
[60](#)
[61](#)
[62](#)
[63](#)
[64](#)
[65](#)
[66](#)
[67](#)
[68](#)
[69](#)
[70](#)
[71](#)
[72](#)

